РОБЕРТ СИЛВЕРБЕРГ

ХРОНИКИ МАДЖИПУРА

«Силверберг на вершине своего творчества,
с ним никто не сравнится».
Джордж Р. Р. Мартин

fanzon

Хроники Маджипура
Роберт Силверберг

Аннотация
Роберт Силверберг. Хроники Маджипура
Пролог
Часть I. Тесме и гэйрог
  Глава 1
  Глава 2
  Глава 3
  Глава 4
  Глава 5
  Глава 6
  Глава 7
  Глава 8
Часть II. Время огня
Часть III. На пятый год плавания
Часть IV. Воспоминания Калинтэйна
Часть V. Пустыня украденных снов
  Глава 1
  Глава 2
  Глава 3
  Глава 4
  Глава 5
  Глава 6

Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Часть VI. Живописец и меняющий форму
Часть VII. Преступление и наказание
Часть VIII. Среди толкователей снов
Часть IX. Воровка из Ни-мойи
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Часть X. Вориакс и Валентин
Часть XI

Аннотация

Уличный мальчишка Хиссун за свою помощь лорду Валентину получил работу государственного чиновника в Лабиринте. Теперь он клерк в Доме Записей. Его задание – организация архивов сборщиков налогов со всех континентов планеты. От этого можно впасть в уныние. Бесполезная работа – никому никогда не понадобятся его находки и результаты труда…

Но в Лабиринте, рядом с Домом Записей, есть более интересное место – Регистр памяти душ.

Здесь хранятся миллионы телепатически загруженных сознаний разных существ, которые жили здесь на протяжении тысячелетий. Их жизни полны рассказов о любви и потере, триумфе и падении… И по мере того как Хиссун погружается в истории тех, кто жил в другие времена, он создает свою собственную хронику – хронику Маджипура.

Роберт Силверберг
Хроники Маджипура

КИРБИ,
который если и не был доведен до самых глубин отчаяния, то безусловно дошел до его пригородов.

Пролог

Пошел четвертый год с тех пор, как корональ лорд Валентин вернул себе похищенный у него трон. И в это время в душе Хиссуна — мальчишки, мелкого служащего в Доме Записей Лабиринта Маджипура — произошел какой-то перелом. Он уже шесть месяцев занимался инвентаризацией архивов сборщиков налогов — составлял бесконечный перечень документов, в которые никто никогда не заглядывал и не заглянет, — и было очень похоже, что этой работы ему должно было хватить еще на год, на два, а то и на три. А занятие это, как понимал Хиссун, было совершенно бессмысленным: кому и зачем могли потребоваться отчеты провинциальных сборщиков налогов, живших во времена лорда Деккерета, или лорда Калинтэйна, или даже правившего в незапамятные времена лорда Стиамота? Документы были свалены беспорядочной кучей, и, несомненно, они того и заслуживали. И вот теперь по воле какого-то злого рока Хиссун вынужден их разбирать. Он отлично понимал, насколько бесполезной и бессмысленной была его работа, из которой

можно было извлечь разве что великолепный урок географии гигантской планеты Маджипур. Сколько на ней провинций! Сколько городов! Три колоссальных материка разделялись и подразделялись на тысячи муниципальных единиц с многомиллионным населением. И пока Хиссун занимался этим делом, его сознание заполняли названия и Пятидесяти Городов Замковой горы, и огромных городов Зимроэля, и таинственных поселений в пустынях Сувраэля, и провинциальных столиц, откуда в течение четырнадцати тысяч лет процветающей жизни Маджипура лился не поддававшийся воображению поток податей: Пидруид, Нарабаль, Ни-мойя, Алаизор, Стойен, Пилиплок, Пендивэйн, Амблеморн, Минимул, Толагай, Кангиз, Нату-Горвину… Сколько же их! Миллионы названий! Но когда человеку всего лишь четырнадцать лет от роду, география способна увлечь его лишь на какое-то более или менее продолжительное время, а потом начинает все сильнее и сильнее надоедать.

Хиссун все сильнее нервничал. А присущая ему склонность к озорству с каждым днем все чаще прорывалась наружу.

Неподалеку от пыльной комнатушки в Доме Записей, где мальчик разбирал и раскладывал го-

ры налоговых отчетов, располагалось куда более интересное место — Регистр памяти душ, доступ к которому был закрыт для всех, кроме самых высокопоставленных особ империи (да и то, по слухам, не для каждого). Хиссун кое-что знал об этом месте — ему вообще было много известно о Лабиринте, даже о запретных его уголках. Вернее, прежде всего о них: ведь он уже с восьми лет почти все время проводил на улицах огромного подземного города и зарабатывал на жизнь, нанимаясь в проводники к приезжим. Бойкость и живой ум всегда помогали ему перехватить крону-другую. «Это Дом Записей, — с важным видом объяснял он путешественникам. — В нем есть комната, где хранятся воспоминания миллионов жителей Маджипура. Нужно взять капсулу, вложить ее в щель специального устройства — и внезапно словно бы становишься тем, кем оставлена запись: оказываешься во временах лорда Конфалюма или лорда Симинэйва или сражаешься вместе с лордом Стиамотом против метаморфов. Вот только попасть в эту комнату почти невозможно». И это было действительно так. Но не удастся ли ему, думал Хиссун, проникнуть туда под предлогом уточнения дат для своих разысканий в налоговых архивах. А потом побы-

вать в миллионах сознаний, в самых различных временах — временах величайших и удивительнейших событий истории Маджипура!

Да, его работа определенно станет более терпимой, если ему удастся найти достаточно веский предлог и внедриться в Регистр памяти душ.

Ему не потребовалось долго тянуть, прежде чем мечта начала воплощаться в реальность. Он без труда смог выведать, где в Доме Записей находятся печати для документов, и потихоньку подготовил для себя все необходимые пропуска. И как-то под вечер с пересохшим от волнения горлом и гулким звоном в ушах, охваченный возбуждением, направился по ярко освещенным извилистым коридорам к своей цели.

С тех пор как Хиссун в последний раз испытывал нечто подобное, прошло уже немало времени. Конечно, жизнь уличного мальчишки давала немало поводов для волнений, но он уже давно расстался с нею: они позволили ему вкусить блага цивилизованной жизни, приручили его, дали работу. Работу! Они! И кто такие они? Не «они», а «он» — кородаль собственной персоной, вот кто! Хиссун до сих пор не переставал изумляться тому, что произошло. Давным-давно (по собственному летосчислению мальчика) лорд

Валентин в чужом облике скитался по городам и материкам, а на его троне восседал узурпатор Барджазид. И когда настоящий корональ пришел в Лабиринт, Хиссун нанялся ему в проводники, каким-то образом угадав его истинную сущность. И с этого и начались перемены в жизни мальчика-бродяжки. Потом он узнал, что лорд Валентин направился к Замковой горе, а потом узурпатор был низвергнут, а потом, во время второй коронации, Хиссун, одно лишь Божество ведает почему, вдруг очутился на церемонии в замке лорда Валентина. Какое же это было время! Никогда еще прежде ему не доводилось покидать Лабиринт, видеть солнечный свет — и вот уже он едет на украшенной знаками верховного правителя парящей повозке по долине Глэйджа, минуя множество городов, которые доселе видел лишь во сне. Вскоре перед ним выросла Гора, тридцатимильная громада, парящая над поверхностью земли, словно другая планета, а потом показался и сам Замок, а еще немного позже грязный мальчишка стоял рядом с короналем и обменивался с ним шуточками. Да, это было поистине восхитительно, но то, что последовало за этим, захватило Хиссуна врасплох. Корональ почему-то решил, что мальчишка чего-то стоит, и велел готовить

его к будущей государственной службе. Энергия, сообразительность и предприимчивость юного бродяжки восхищали короналя. Прекрасно! Хиссун оказался под покровительством самого короналя. Тоже прекрасно! Просто изумительно! А потом он вернулся в Лабиринт — прямиком в Дом Записей! Это было уже далеко не так прекрасно. Хиссун терпеть не мог чиновников, этих идиотов, прячущих лица под масками и плодящих бумаги в глубинах Лабиринта. И вот теперь благодаря особому покровительству короналя он сам превратился в одного из них. А он-то надеялся, что у него просто появится возможность зарабатывать на жизнь каким-то иным способом, чем экскурсии по Лабиринту для приезжих, но и представить себе не мог, что все обернется таким образом! «Отчет сборщика налогов одиннадцатого округа провинции Чорг префектуры Бибируна за одиннадцатый год царствования понт. Кинникена и кор. лорда Оссиера» — о нет, нет! Разве это жизнь?! Месяц, шесть месяцев, год, занимаясь своей «милой» работенкой в своей «милой» комнатушке в Доме Записей, Хиссун продолжал надеяться на то, что лорд Валентин вот-вот вспомнит о нем, прикажет доставить его в Замок, возьмет к себе на службу и назначит — кем? — ну

хотя бы личным адъютантом… И тогда жизнь обретет наконец-то некий смысл. Но кораль, похоже, позабыл о нем, как, впрочем, и следовало ожидать. Он должен был управлять целым миром, населенным двадцатью или тридцатью миллиардами разного рода разумных существ — так разве может рассчитывать на его особое внимание какой-то мальчишка из Лабиринта?! Хиссун всерьез опасался, что лучший момент его жизни уже позади, что он пришелся на те часы, которые он провел в Горном замке, а теперь, по извечной жестокой иронии судьбы, он навсегда превратился в жалкого письмоводителя одной из канцелярий понтифекса и обречен провести всю жизнь, перебирая пыльные бумаги…

Но неподалеку существует Регистр памяти душ, и его обязательно следует изучить.

Даже если он никогда больше не выберется из Лабиринта, он сможет — только бы никто ему не помешал! — побывать в сознании давно умерших людей, исследователей, первопроходцев, воинов, даже короналей и понтифексов. Мысль об этом несколько утешала.

Он вошел в небольшой вестибюль и предъявил пропуск дежурившему там тусклоглазому хьорту.

Хиссун был готов к пространным объяснениям: особое поручение короналя, важнейшее историческое исследование, необходимость сопоставить демографические сведения, уточнить данные в порученных ему документах — о, подобные разговоры были его стихией, и слова готовы были потоком хлынуть с его языка. Но хьорт лишь лениво поинтересовался:

— Умеешь обращаться с аппаратом?

— Плохо помню. Лучше покажите мне еще разок.

Уродливое существо с дряблым туловищем и усыпанным бородавками лицом с бесчисленными подбородками лениво поднялось на ноги и, шаркая ногами, побрело, не оглядываясь, по короткому коридору со сводчатым потолком, неожиданно ловкими движениями пальцев отперло замок на двери, вошло в комнату и указало на экран, под которым располагались два ряда кнопок:

— Пульт управления. Закажешь нужные капсулы записей. Потом распишешься. Вставлять их нужно вот сюда. Не забудь погасить свет, когда будешь уходить.

И все? Вот так тайна! Вот так охрана!

Хиссун остался наедине с записями воспомина-

ний всех когда– либо обитавших на Маджипуре.

Ну, может быть, почти всех. Конечно, миллиарды жителей планеты уходили в небытие, даже и не помыслив о том, чтобы оставить капсулу с записью истории своей жизни. Но каждый, достигший двадцатилетнего возраста, раз в десять лет получал возможность внести свой вклад в это хранилище. Хиссун знал, что стеллажи, наполненные совсем крошечными, чуть больше зерна, капсулами, в которых чудесным образом хранится то, что видели, слышали и знали давно ушедшие к Источнику Всего Сущего люди, занимают чуть ли не целый ярус Лабиринта и тянутся на многие мили. Он положил руки на пульт и увидел, что пальцы дрожат.

С чего начать?

Он хотел познать все. Он хотел пересечь леса Зимроэля с первопроходцами, побывать у метаморфов, переплыть под парусами Великий океан, поохотиться на морских драконов в океане за архипелагом Родамаунт и… и… и… Он дрожал, с трудом сдерживая нетерпение и вглядываясь в кнопки. С чего начать? Можно набрать дату, место, определенную личность. Но как угадать, что следует выбрать: ведь история планеты насчитывает четырнадцать тысяч лет? Нет, ты-

сяч восемь-девять, ведь записи, насколько ему было известно, доходили лишь до времени лорда Стиамота или, может быть, чуть ранее. Как трудно принять решение! Минут десять Хиссун просидел в полной неподвижности, не отваживаясь нажать на кнопки.

А потом набрал наобум. Что-нибудь пораньше, решил он. Континент — Зимроэль, время — правление короналя лорда Бархольда, жившего даже раньше Стиамота, личность… любая. Да, любая!

На панели появилась маленькая блестящая капсула.

Затрепетав от изумления и предчувствия, Хиссун вложил ее в отверстие, которое показал ему хьорт, и надел шлем.

Сначала он услышал неровные потрескивающие звуки. Потом перед глазами под сомкнутыми веками замелькали неясные, смазанные полосы — синие, зеленые, алые. Работает? Да! Да! Он ощутил присутствие чужого разума! Неизвестный ему человек умер девять тысяч лет тому назад, но его сознание… — ее?.. да, ее!.. это была женщина, молодая женщина, — вливалось в Хиссуна до тех пор, пока он не перестал быть уверенным, кто же он на самом деле — Хиссун из Лабиринта или Тесме из Нарабаля.

Негромко всхлипнув от радости, Хиссун освободился от того «я», с которым он прожил все четырнадцать лет своей жизни, и полностью отдался во власть чужой души.

Часть I
Тесме и гэйрог

Глава 1

Вот уже шесть месяцев Тесме одиноко жила в хибарке, которую построила своими руками в густых тропических джунглях примерно в полудюжине миль к востоку от Нарабаля. Сюда не долетал морской бриз, и царящая везде тяжелая влажная сырость словно покрывала эту часть мира меховой пеленой или саваном. Ей никогда прежде не приходилось заботиться о себе, и поначалу ее беспокоило, насколько успешно она с этим справится. Хижину она строила тоже впервые, но выполнила эту задачу вполне прилично: она нарезала несколько охапок тонких стволов молодых сиджаниловых деревьев, содрала с нижних концов золотистую кору, заострила их и вбила в мягкую влажную землю, а затем сплела стволы между собой длинными тонкими лианами и, наконец, закрепила на крыше пять неестественно огромных голубых листьев врамма, которые образовали кровлю. Конечно, не архитектурный шедевр, но дождь внутрь не попадал, да и холода можно было не слишком опасаться. За какой-нибудь месяц сиджаниловые столбы укоренились, выбросили новые побеги и

раскинули молодые кожистые листья прямо под потолком; похожие на виноград лианы тоже продолжали жить, свешивая мягкие красные усики, в конце концов находившие далеко внизу плодородную землю. Так что дом теперь словно ожил и, по мере того как лианы становились прочнее, а деревья все глубже запускали корни в почву, с каждым днем делался уютнее и надежнее. Тесме это нравилось. В Нарабале ничто не могло долго оставаться мертвым: слишком уж теплым был воздух, слишком ярким солнце, слишком обильными дожди, и все, лишившееся было жизни, с буйной, жизнерадостной легкостью тропиков быстро возрождалось в каком-либо новом качестве.

Одиночество тоже, как выяснилось, не слишком тяготило. Очень уж много было в Нарабале такого, от чего хотелось удрать; там жизнь Тесме пошла как-то вкривь и вкось: неисчислимое множество разного рода неурядиц, внутреннее смятение, друзья, превратившиеся в незнакомцев, любовники, ставшие врагами. Ей исполнилось двадцать пять лет от роду, и необходимо было приостановиться, оглянуться на прошлое, сменить темп и ритм жизни, пока ее не разнесло в клочья. Джунгли подходили для этого идеально.

Тесме рано вставала, купалась в маленьком озерце, которое ей приходилось делить с покрытым коростой старым громварком и стайкой крохотных прозрачных чичиборов, ела на завтрак свежесорванные ягоды токки, помногу читала, пела, сочиняла стихи, проверяла ловушки — не попался ли кто, забиралась на вершины деревьев и принимала солнечные ванны, лежа в гамаке из лиан, снова купалась, разговаривала сама с собой и с заходом солнца отправлялась спать. Поначалу она опасалась, что ей нечем будет заняться и она скоро соскучится, но быстро убедилась, что ошибалась: время было заполнено до предела, и каждый день приходилось откладывать что-нибудь на завтра.

Она намеревалась раз в неделю ходить в Нарабаль — купить еды, подобрать новые кубики и книги, заглянуть иной раз на концерт или спектакль, навестить семью или, может быть, кого-нибудь из приятелей. И действительно, некоторое время она посещала город довольно часто. Но погода была жаркой и душной, да и дорога отнимала полдня, и, по мере того как Тесме привыкала к уединению, Нарабаль казался ей все более шумным и суматошным, а походы туда приносили все меньше и меньше удовольствия.

Горожане пялили на нее глаза. Тесме знала, что к ней всегда относились как к эксцентричной, даже чуточку сумасшедшей дикарке, а теперь стали считать, что она вовсе спятила и сбежала в лес, чтобы вдали от посторонних глаз прыгать по ветвям деревьев. Так что промежутки между ее визитами в город становились все продолжительнее и продолжительнее; теперь она ходила туда лишь в случае крайней необходимости. К тому моменту, когда Тесме наткнулась на раненого гэйрога, она не была в Нарабале по меньшей мере пять недель.

Тем утром она забрела в заболоченное редколесье в нескольких милях к северо-востоку от своей хижины. Время от времени она отправлялась туда собирать калимботы — желтые душистые грибы. Мешок был почти полон, и Тесме уже стала подумывать о возвращении домой, как вдруг случайно заметила в нескольких ярдах от себя нечто необычное — под высоким сиджаниловым деревом неуклюже вытянулось на земле неизвестное ей существо с блестящей, отливающей металлом серой кожей и трубчатыми конечностями. Оно походило на хищную рептилию, которая некогда погубила ее отца и брата, рыбачивших в Нарабальском проливе, — гладкую, длинную,

медленно двигающуюся тварь с кривыми когтями и большими ровными зубами. Но, осторожно подкравшись поближе, Тесме разглядела, что своей массивной круглой головой, длинными руками и крепкими ногами существо отдаленно напоминает человека. На первый взгляд оно показалось мертвым, но, стоило ей подойти ближе, как существо шевельнулось и заговорило:

— Я ранен. Поплатился за собственную глупость.

— Можешь пошевелить руками или ногами? — спросила Тесме.

— Руками — да. Сломана одна нога и, возможно, спина. Ты поможешь мне?

Она нагнулась, чтобы рассмотреть существо получше. Да, сверкающая чешуя и гладкое тело делали его похожим на рептилию. Взгляд холодных зеленых глаз был немигающим. Вместо волос голову покрывала масса странных густых черных завитушек, которые медленно шевелились сами по себе. Змеевидный ярко-алый и раздвоенный язык безостановочно мелькал взад и вперед между почти незаметных губ.

— Кто ты? — спросила она.

— Гэйрог. Ты что-нибудь знаешь о нас?

— Конечно, — кивнула Тесме. На самом деле

ей было известно очень мало. За прошедшее столетие на Маджипуре обосновалось несколько нечеловеческих рас — целый зверинец инородцев. Их некогда пригласил сюда корональ лорд Меликанд, так как в то время людей для заселения гигантской планеты было слишком мало. Тесме слышала о четвероруких, о двуглавых, о крошечных существах со щупальцами и о чешуйчатых чужаках со змеиными языками и змеящимися волосами, однако до сих пор никто из инородцев не забирался так далеко, до самого Нарабаля, города, лежавшего на краю света, на громадном расстоянии от прочих цивилизованных мест. Так, значит, это и есть гэйрог? «Странное существо, — подумала она. — Тело почти человеческое, но тем не менее лишенное свойственных людям признаков. Чудовищная, по-настоящему кошмарная тварь и в то же время не такая уж страшная».

Она посочувствовала бедняге гэйрогу: это надо же — потеряться так далеко и от своего родного мира, и от себе подобных обитателей Маджипура! Да он еще и тяжело ранен. Что ей теперь делать? Пожелать всего хорошего и бросить на произвол судьбы? Жестоко. Отправиться в Нарабаль и организовать спасательную экспе-

дицию? На это уйдет по меньшей мере два дня, если кто-нибудь вообще пожелает отправиться на помощь странной твари. Притащить к себе в хижину и выхаживать, пока не выздоровеет? Этот вариант показался ей самым подходящим. Но что будет с ее уединением? И как ухаживать за гэйрогом? Да и вообще, стоит ли брать на себя такую ответственность? Риск немалый — ведь он чужак, и она понятия не имеет, чего от него можно ожидать.

— Я — Висмаан, — сказал гэйрог.

Что это? Имя, титул или же он просто описывает таким образом свое состояние? Она не стала спрашивать, а произнесла в ответ то, что сказала бы любому человеку:

— Меня зовут Тесме. Я живу в джунглях; отсюда около часа ходьбы. Как, по-твоему, сможем мы туда добраться?

— Позволь мне опереться на тебя, и я попробую идти. Но… у тебя хватит сил?

— Пожалуй, хватит.

— Ты женщина, я угадал?

Из одежды Тесме носила только сандалии. Она засмеялась, чуть коснувшись груди и ягодиц, и кивнула:

— Женщина.

— Я так и подумал. Я мужчина и слишком, наверное, тяжел для тебя.

Мужчина? Низ живота и треугольник между ногами у него были гладкими, как у бесполого манекена. Хотя, подумала она, возможно, у гэйрогов половые признаки совсем не такие, как у нас. Ну а если гэйроги относятся к рептилиям, то ее новый знакомый вполне мог не определить ее половую принадлежность, даже увидев обнаженную грудь. Странно, что он вообще задал этот вопрос.

Она опустилась рядом с раненым на колени, не понимая, как он сможет подняться и идти со сломанной ногой. Он обхватил рукой ее плечи. Прикосновение заставило ее вздрогнуть: кожа существа оказалась на ощупь прохладной, жесткой, сухой и гладкой, словно на нем были надеты доспехи. Ощущение не было неприятным — всего лишь необычным. От гэйрога исходил сильный запах, чуть затхлый и горьковатый, с еле уловимым медовым оттенком. Странно, что она не почувствовала его раньше, — очевидно, решила Тесме, виной тому неожиданность происшествия. Но теперь, когда она оказалась совсем рядом с существом, на запах нельзя было не обратить внимания. В первый момент он показался

ей довольно отталкивающим, но уже спустя несколько секунд она перестала замечать его.

— Держись крепче, — предупредил гэйрог, — я обопрусь на тебя.

Тесме опустилась на четвереньки — колени и локти глубоко ушли во влажную землю. К удивлению девушки, гэйрог сделал всем телом странное, тоже какое-то змеиное извивающееся движение и встал, на мгновение тяжело надавив ей на спину между лопаток, от чего у нее перехватило дыхание. Затем он, шатаясь, выпрямился и ухватился за свешивающуюся лиану. Тесме вскочила и напряглась, готовая подхватить его, если он вновь упадет. Но гэйрог устоял.

— Нога сломана, — объяснил он. — Спина повреждена, но не сломана.

— Сильно болит?

— Болит? Нет, мы почти не чувствуем боли. Проблема в трудности передвижения. Я не могу опираться на ногу. Постарайся найти для меня крепкую палку.

Тесме огляделась в поисках чего-нибудь подходящего для роли костыля и почти сразу же заметила мощный воздушный корень лианы, спускавшийся к земле. Глянцевитая черная деревяшка была толщиной почти в руку, но, как уже

хорошо было известно Тесме, довольно хрупкой, так что она принялась гнуть и крутить корень и вскоре отломила от него кусок ярда в два. Висмаан крепко вцепился в костыль, обхватил второй рукой Тесме и осторожно перенес тяжесть на здоровую ногу. С огромным напряжением сделал шаг, другой, третий, старательно держа сломанную ногу на весу. Тесме показалось, что его запах изменился, стал резче, медовый оттенок почти совсем исчез, сменившись резким уксусным духом. Несомненно, это явилось следствием тех усилий, которые ему приходилось прилагать при ходьбе. Да и боль, похоже, была не такой ерундовой, как он хотел ее уверить. Но, так или иначе, он передвигался.

— Как ты сломал ногу? — спросила она.

— Я взобрался на это самое дерево — хотел осмотреть местность, а оно не выдержало моего веса.

Он кивнул в сторону тонкого блестящего ствола высокого сиджанила. Нижняя ветка — футах в сорока над головой — была сломана и держалась только на лоскутке коры. Тесме недоумевала, как он вообще уцелел, свалившись с такой высоты, а секундой спустя изумилась еще больше, вдруг сообразив, что ему удалось забраться туда по со-

вершенно гладкому, без единой зацепки, стволу.

— Я хочу обосноваться в этих местах и заняться земледелием, — между тем сообщил гэйрог. — Ты держишь ферму?

— В джунглях-то? Нет. Я просто тут живу.

— С мужчиной?

— Одна. Я выросла в Нарабале, а сейчас решила некоторое время побыть в одиночестве. — Они добрались до мешка с калимботами, который бросила Тесме, когда заметила лежавшего на земле чужака. Подхватив мешок, она повесила его на плечо. — Можешь оставаться у меня, пока нога не заживет. Только добираться до моей хижины придется весь день. Ты уверен, что сможешь идти?

— Так ведь иду же.

— Если захочешь отдохнуть, скажи.

— Потом. Не сейчас.

И действительно, около получаса они с трудом, но без остановки двигались вперед — раненому, похоже, было при этом очень больно. Наконец он попросил передышки, но при этом остался стоять, привалившись к дереву, и пояснил, что не стоит заново производить весь сложный процесс вставания с земли. И все же Тесме казалось, что он довольно спокоен и не испытывает

сильного дискомфорта, хотя, конечно, прочесть что-либо в его неподвижных чертах лица и немигающих глазах было невозможно. Судя по всему, эмоции проявлялись лишь в непрерывном стремительном мелькании раздвоенного языка, но, естественно, она и понятия не имела о том, как можно истолковать эти молниеносные движения. Спустя несколько минут они снова тронулись в путь. Идти так медленно было очень трудно, и к тому же на плечах у девушки всей тяжестью висел раненый, так что она то и дело ощущала судороги в мышцах. Все тело болело, но они упорно тащились через джунгли. Говорили они мало. Гэйрог, казалось, изо всех сил старался удержаться на ногах, а Тесме сосредоточилась на дороге, отыскивая удобные проходы и стараясь избегать ручьев и густого подлеска, которые ее покалеченный спутник не смог бы одолеть. Когда они миновали полпути до хижины, пошел теплый дождь, и весь остаток пути они брели сквозь горячий липкий туман. Когда наконец Тесме увидела впереди свою хибарку, она чувствовала себя совершенно измученной.

— Это не слишком роскошный дворец, но меня вполне устраивает, — пояснила она. — Я построила его собственными руками. Можешь лечь

сюда. — Она подвела гэйрога к своей постели из собранных на земле опавших листьев занджа. С негромким шипящим звуком, в котором можно было безошибочно угадать облегчение, он опустился на мягкое ложе. — Ты, наверное, есть хочешь? — поинтересовалась Тесме.

— Не сейчас.

— Или пить? Нет? Понимаю, тебе надо немного отдохнуть. Я выйду, а ты лежи спокойно.

— Сейчас у меня не сезон сна, — ответил Висмаан.

— Не понимаю, при чем…

— Мы спим часть года, обычно зимой.

— И бодрствуете все оставшееся время?

— Да, — кивнул он. — В этом году я уже проспал свое. Понимаю, что это не похоже на людей…

— Совершенно, — согласилась Тесме. — В любом случае тебе надо отдохнуть. Ты, должно быть, страшно устал.

— Я бы не хотел выгонять тебя из твоего дома.

— Ничего страшного, — ответила Тесме и, не дожидаясь ответа, шагнула за дверь. Снова начался дождь. Привычный, почти успокаивающий дождь, моросящий каждый день по нескольку часов. Она вытянулась на подушке из мягкого упругого мха и предоставила теплым дождевым

струям смывать усталость с ноющей спины и плеч.

Гость. Да еще к тому же чужак. А почему бы и нет? Гэйрог казался нетребовательным, спокойным, хладнокровным даже в несчастье. Травма была явно куда более серьезной, чем он хотел это показать, поскольку даже такое относительно недолгое путешествие через лес измотало его. В таком состоянии ему не одолеть путь до Нарабаля. Тесме, правда, могла сама сходить в город и договориться с кем-нибудь насчет парящей повозки, чтобы перевезти гэйрога, но такая идея ей не нравилась. Никто не знал, где она живет, и она совсем не хотела показывать кому-либо дорогу. С некоторым смущением она вдруг осознала, что у нее нет желания избавиться от гэйрога, — наоборот, ей хочется оставить его здесь и ухаживать за ним, пока силы его не восстановятся. Она сомневалась, что кто-нибудь еще в Нарабале согласится приютить чужака, и мысль об этом наполняла ее приятным ощущением собственной порочности, позволяла и теперь оставаться непохожей на узколобых обывателей родного города. За последние год-два ей приходилось слышать множество перешептываний и сплетен о существах других рас, поселившихся на Маджи-

пуре. Люди опасались и недолюбливали похожих на рептилий гэйрогов, гигантских неуклюжих волосатых скандаров, маленьких хитроумных многоножек — вруунов, кажется, — и прочих причудливых созданий; и пусть пока в укрывшемся на краю света Нарабале чужаков еще не видели воочию, враждебная почва для них была уже вполне подготовлена. Только эксцентричной дикарке Тесме, подумала она, ничего не стоит подобрать инородца и выхаживать его, кормить с ложечки лекарствами и супом — или что там дают гэйрогам со сломанными ногами? Она даже не представляла, как следует о нем заботиться, но это ее не останавливало. Ей вдруг пришло в голову, что за всю жизнь она вообще никогда ни о ком не заботилась: не было ни удобного случая, ни возможности. На нее, как на самую младшую в семье, никто никогда не возлагал никакой ответственности. Она не была замужем, не рожала детей, даже не держала домашних животных, не говоря уже о том, что, хотя ей пришлось пережить множество бурных романов, мысль о том, чтобы навестить заболевшего возлюбленного, даже не приходила ей в голову. Теперь она понимала, почему решилась оставить гэйрога у себя в хижине, — ведь она сбежала из Нарабаля в

джунгли для того, чтобы начать новую жизнь и искоренить самые отвратительные качества той Тесме, которой была прежде.

Она решила поутру отправиться в город, чтобы разузнать, если удастся, как ухаживать за больными гэйрогами, и купить лекарств и подходящей провизии.

Глава 2

В хижину она вернулась не скоро. Висмаан лежал в том же положении, в каком она его оставила: вытянувшись на спине, руки вдоль туловища, — и казалось, вообще не двигался, если, конечно, не считать непрерывного змеиного шевеления волос на голове. Неужели спит? После всех разговоров о том, что он не нуждается в сне? Она подошла поближе и всмотрелась в странную массивную фигуру на постели. Глаза гэйрога были открыты, и она видела, что они следят за ней.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила она.

— Не слишком хорошо. Прогулка через лес оказалась тяжелее, чем я думал.

Она приложила ладонь к его лбу — твердая чешуйчатая кожа на ощупь показалась холодной — и сама улыбнулась нелепости своего порыва. Откуда ей знать, какая нормальная температура у гэйрогов? Бывает ли у них жар, а если и да, то как она сможет его определить? Рептилии они или нет? Поднимается ли температура у рептилий во время болезни? Внезапно желание ухаживать за существом из иного мира показалось ей полным абсурдом.

— Зачем ты трогаешь мой лоб? — поинтересовался он.

— Мы так делаем, когда человек болен. Учти, если у тебя жар, у меня тут нет никаких медикаментов. Ты понимаешь, что я имею в виду, когда говорю: поднимается жар?

— Ненормальная температура тела? Да. У меня она сейчас очень высокая.

— Больно?

— Немного. Но главная беда в том, что расстроен весь мой организм. Ты не могла бы принести мне воды?

— Конечно. А ты не голоден? Что ты обычно ешь?

— Мясо. Вареное или жареное. Фрукты. Овощи. И побольше воды.

Она принесла воды. Висмаан с трудом сел — сейчас он казался гораздо слабее, чем недавно, когда, опираясь на нее, ковылял по джунглям, — видимо, последствия тяжелых травм давали о себе знать, — и тремя большими глотками осушил чашу. Как зачарованная, она смотрела на яростное мелькание раздвоенного языка.

— Еще, — попросил он, и Тесме наполнила вторую чашу. Кувшин почти опустел, и она вышла, чтобы зачерпнуть воды из ручья. По дороге она

сорвала с лозы несколько ягод токки и, вернувшись в хижину, протянула ему. Он подержал одну из сочных сине-белых ягод в вытянутой руке, словно иначе не мог сфокусировать на ней взгляд, потом, словно изучая, покатал ее между пальцами. Руки у него были почти человеческие. Тесме обратила внимание, что на каждой имелось по два дополнительных пальца, но ногти отсутствовали — по-видимому, их заменяли чешуйчатые выступы, тянувшиеся по первым двум фалангам.

— Как называется этот фрукт? — спросил он.

— Токка. В Нарабале они растут повсюду. Если понравится, я принесу сколько хочешь еще.

Он осторожно попробовал. Затем язык его замелькал быстрее, и он жадно доел остаток ягоды и потянулся за второй. Тесме с опозданием вспомнила, что токка пользуется репутацией афродизиака, но отвернулась, пряча усмешку, и промолчала. Он назвался мужчиной, а стало быть, у гэйрогов существует различие полов — но как же они занимаются сексом? Почему-то ей вдруг представилась странная картина: самец-гэйрог из некоего скрытого отверстия в теле испускает струю семенной жидкости в чан, куда погружаются самки, чтобы оплодотвориться. Дей-

ственно, но не слишком романтично, подумала она, продолжая в то же время гадать, на самом ли деле оплодотворение у них происходит без непосредственного контакта, как у рыб и лягушек.

Она приготовила для больного еду из токки, поджаренных калимботов и маленьких многоногих нежных на вкус хиктиганов, которых ловила сетью в ручье. Вино у нее кончилось, но на днях она приготовила сок из крупных красных ягод, названия которых не знала, и сок, простояв два дня на открытом воздухе, забродил. Она налила немного гэйрогу. Его аппетиту позавидовал бы и здоровый. После того как он подкрепился, Тесме попросила разрешения осмотреть его ногу. Гэйрог ответил согласием.

Перелом оказался примерно посередине самой широкой части бедра. Под чешуйчатой кожей девушка сразу же заметила большую опухоль. Она осторожно ощупала ее кончиками пальцев. Висмаан издал еле слышный свист, но больше никак не показал, что ему больно. Тесме почудилось, что внутри бедра что-то шевелится. Сломанные концы костей? А у гэйрогов есть кости? «Как же мало я знаю, — уныло подумала она, — о гэйрогах, об искусстве исцеления… да и вообще обо всем».

— Будь ты человеком, — пробормотала она, — мы с помощью машины рассмотрели бы перелом, свели бы вместе сломанные кости и оставили их в таком положении, пока они не срастутся полностью. У твоих сородичей ничего подобного не практикуется?

— Кости срастутся сами, — отозвался Висмаан. — Я свел их вместе сокращением мышц и буду держать так, пока они не срастутся. Только мне придется лежать несколько дней, чтобы кости не разошлись. Ты не против, если на это время я останусь у тебя?

— Конечно. Оставайся, сколько понадобится.

— Ты очень добра.

— Завтра я пойду в город за припасами. Тебе что-нибудь нужно?

— У тебя есть развлекательные кубики? Музыка? Книги?

— Есть, но очень мало. Завтра могу принести побольше.

— Пожалуйста. Ночи будут очень долгими, если лежать без сна. Мой народ очень любит развлечения.

— Я принесу все, что смогу найти, — пообещала Тесме.

Она дала ему три имевшихся у нее кубика:

один с записью театрального спектакля, другой с симфонической музыкой и еще один для подбора цветовой композиции — и занялась послеобеденной уборкой.

Как всегда в близких к экватору районах, ночь началась рано. Она услышала легкий шелест дождя снаружи. Обычно по вечерам она читала, пока не становилось совсем темно, а потом ложилась спать. Но нынче ночью все изменилось. В ее постели расположилась загадочная рептилия, и ей пришлось устраивать себе новое ложе на полу. К тому же впервые за много недель ей довелось так много разговаривать. Тесме испытывала непривычное напряжение и держалась настороже. А Висмаан, казалось, с головой погрузился в кубики.

Она вышла наружу, нарвала с пузырчатого кустарника две охапки листьев, потом еще столько же и уложила их на полу возле двери. Затем подошла к гэйрогу, чтобы поинтересоваться, не нужно ли ему еще чего-нибудь. Тот, не отрываясь от кубиков, лишь молча покачал головой. Пожелав ему доброй ночи, Тесме легла на импровизированную постель, вопреки опасениям оказавшуюся вполне удобной. Но уснуть никак не могла и ворочалась с боку на бок, мучаясь

от ощущения стесненности и неудобства в присутствии чужака. На душе было неспокойно. И еще этот резкий запах гэйрога, заполнивший хижину. За день она как-то притерпелась и перестала обращать на него внимание, но теперь, в темноте, все ее чувства обострились, нервы напряглись еще сильнее, и запах тревожил ее подобно беспрерывно повторяющемуся звуку трубы. Время от времени она садилась в постели и всматривалась в темноту, стараясь разглядеть Висмаана, лежавшего неподвижно и молча. Но в конце концов сон все же сморил ее…

Новое утро разбудило Тесме привычной мелодией — писком и криками бесчисленного множества разнообразных существ. В открытую дверь лился свет. Проснувшись, она поначалу никак не могла сориентироваться. Такое часто происходит с человеком, если ему случается крепко спать не в своей постели. Потребовалось несколько минут, прежде чем она сообразила, где находится и почему.

Гость следил за ней взглядом.

— Ты плохо спала. Тебя тревожит мое присутствие?

— Ничего, я постепенно привыкну. Как ты?

— Не слишком хорошо, но, кажется, уже начи-

наю поправляться. Процесс заживления идет — я это чувствую.

Тесме принесла ему воды и тарелку фруктов. Затем вышла во влажный рассветный туман и быстро скользнула в пруд. Когда она вернулась в хижину, запах поразил ее с новой силой: контраст между свежим утренним воздухом и кисловатым резким духом, исходившим от гэйрога, был разительным. Однако ощущение длилось недолго.

— Я вернусь из Нарабаля только к ночи, — одеваясь, сказала она. — Ты как, продержишься один?

— Да, если оставишь еду и воду, так чтобы я мог дотянуться. И что-нибудь почитать.

— У меня почти ничего нет. Но я принесу. А пока, боюсь, придется тебе поскучать.

— Может, кто-нибудь в гости заглянет…

— В гости? — обескураженно воскликнула Тесме. — Какие еще гости? Никто сюда не придет. Или ты хочешь сказать, что с тобой были еще гэйроги и они станут тебя искать?

— Нет-нет, со мной никого не было. Я подумал, может быть, твои друзья…

— У меня нет друзей, — торжественно объявила Тесме. И тут же подумала, что слова прозвучали чересчур глупо и жалобно — совсем как в мело-

драме. Но гэйрог никак не отреагировал на ее слова, так что выкручиваться не пришлось. Пытаясь скрыть смущение, она принялась тщательно затягивать ремнем мешок.

Тесме была уже на пороге хижины, когда гэйрог остановил ее вопросом:

— Нарабаль очень красив?

— Разве ты его не видел?

— Я шел с другой стороны, из Тил-омона. Там мне рассказывали, как красив Нарабаль.

— Ничего особенного, — ответила Тесме. — Лачуги. Грязь на улицах. Повсюду растет виноград, и его лозы успевают за год опутать целый дом. Тебе это сказали в Тил-омоне? Ну, так над тобой подшутили. Жители Тил-омона не выносят Нарабаль. Это города-соперники. Два главных тропических порта. Если кто-то в Тил-омоне расхваливал тебе красоты Нарабаля, значит, он просто лгал, разыгрывал тебя.

— Но зачем?

Тесме пожала плечами.

— Откуда я знаю? Может, чтобы ты убрался подальше от Тил-омона. В любом случае в Нарабале нечего смотреть. Тысячу лет назад он, возможно, что-то собой и представлял, а сейчас это не более чем грязный пограничный городишко.

— И все же я хочу побывать в нем. Ты покажешь мне Нарабаль, когда я смогу нормально ходить?

— Разумеется, — кивнула она. — Почему бы и нет? Но ты будешь разочарован, уверяю тебя. Ну ладно, мне пора. Хочу добраться до города, пока еще не слишком жарко.

Глава 3

Быстро шагая по дороге к Нарабалю, Тесме представляла себе, как однажды войдет в город бок о бок с гэйрогом. Интересно, как на это отреагируют горожане? Начнут забрасывать их камнями или навозом? Будут тыкать пальцами и ржать, а заодно издеваться над ней?.. Вполне возможно. Начнут судачить о том, что чокнутая Тесме привела в город инородца. Да уж не занимаются ли они в джунглях непотребством? Тесме улыбнулась. Пройтись по Нарабалю в обществе Висмаана будет забавно. И она непременно сделает это, как только он сможет одолеть долгий путь через джунгли.

Вообще-то дорога в Нарабаль представляла собой всего-навсего едва заметную грязную тропинку, пробегавшую по немногочисленным коротким, быстро зараставшим просекам и отмеченную зарубками на деревьях в разделявших просеки перелесках. Но за то время, пока Тесме жила в джунглях, она научилась безошибочно определять направление и очень редко надолго теряла тропу. Задолго до полудня она уже добралась до окружавших город плантаций, а вскоре

показался и сам Нарабаль, карабкающийся вверх по одному склону холма и сбегающий вниз, к морю, по противоположному.

Тесме не знала, кому и зачем понадобилось строить здесь город — на неимоверно далеком расстоянии от всех населенных мест, в самой западной точке Зимроэля. Идея принадлежала лорду Меликанду, тому самому короналю, который, желая ускорить развитие западного континента, пригласил на Маджипур множество чужаков. Да, в царствование лорда Меликанда на Зимроэле было всего лишь два города, и они существовали совершенно изолированно от остального мира — небольшие поселения, возникшие на самом первом этапе освоения Маджипура человеком, задолго до того, как стало ясно, что основная жизнь планеты сосредоточится на другом континенте — Алханроэле. На северо-западе Зимроэля располагался Пидруид, город с чудесным климатом и отличной естественной гаванью, а вдали от него, на восточном побережье, находился Пилиплок, где обосновались охотники на морских драконов. Позднее к ним добавились два пограничных поста: Ни-мойя, воздвигнутая на берегу одной из самых больших внутренних рек континента, и Тил-омон, стоявший на краю тропического пояса

западного побережья. К тому же существовало несколько поселений в горах центральной части материка, да ходили слухи, что гэйроги строят свой город в тысяче миль к востоку от Пидруида.

И еще был Нарабаль — на дождливом южном полуострове. Если стоять у края Нарабальского пролива и долго смотреть на воду, то постепенно с ужасом начинаешь ощущать, что за твоей спиной на многие тысячи миль раскинулось дикое царство девственной природы, а впереди — тысячи миль океана, отделяющего тебя от Алханроэля, где находятся другие, настоящие города. В юности Тесме пугала даже мысль о том, что она живет столь далеко от центров цивилизации — все равно что на другой планете, — а иной раз и Алханроэль, и его процветающие города казались ей не более чем мифом, а подлинным центром вселенной — Нарабаль. Она нигде не бывала, да и не надеялась побывать. Слишком велики были расстояния. Единственным городом в пределах досягаемости оставался Тил-омон, но и до него не близко. Впрочем, те, кто его видел, рассказывали, что он сильно похож на Нарабаль, только дождей там меньше и солнце постоянно висит в небе докучливым пытливым зеленоватым глазом.

В Нарабале Тесме повсюду натыкалась на лю-

бопытствующие взгляды. Пялились на нее так, словно она заявилась в город голой. Дикарку Тесме, сбежавшую в джунгли, знали все — ей улыбались, приветственно махали руками, расспрашивали, как идут дела… Но внешнему и, казалось бы, вполне естественному добродушию противоречили взгляды — пристальные, враждебные, с неподдельным интересом пронзавшие ее насквозь и как будто стремившиеся заглянуть в самые глубины души: «Почему ты презираешь нас? Почему ты нас сторонишься? Почему ты терпишь присутствие в своем доме отвратительного чужака?» Она тоже улыбалась, махала рукой: «Рада снова увидеть вас», «Все отлично»… А в ответ на пронзительные взгляды мысленно произносила примерно следующее: «Я никого не презираю, мне просто нужно было уйти от себя самой, а о гэйроге забочусь потому, что пришла пора и мне кому-нибудь помочь, а он как раз подвернулся под руку». Но ее никто не понимал.

В доме матери никого не оказалось. Она прошла в свою бывшую комнату, сложила в мешок книги и кубики и отыскала аптечку с лекарствами, которые, по ее мнению, могли пригодиться для Висмаана. Противовоспалительные средства, ускоряющие заживление ран, жаропонижаю-

щие… — возможно, ни одно из них не поможет чужаку, но попробовать все же стоит. Тесме бродила по дому, и все в нем казалось ей непривычным, несмотря на то что она прожила здесь всю жизнь. Деревянные полы вместо ковра из листьев, настоящие прозрачные стекла, двери на петлях, очиститель — механический очиститель с кнопками и рукоятками! — все эти признаки цивилизации, приспособления, выдуманные человечеством много-много тысяч лет назад в другом мире… И от них тоже она сбежала в свою маленькую хижину, где по стенам вьются живые побеги…

— Тесме?

Она оглянулась, застигнутая врасплох. В дверях стояла Мирифэйн, ее сестра. Они были похожи, как близнецы: та же манера говорить, то же лицо, те же длинные тонкие руки и ноги, те же прямые каштановые волосы. Только сестра была на десять лет старше; в ее распоряжении было лишних десять лет для того, чтобы смириться со своим образом жизни. Замужняя женщина, мать, обремененная множеством забот. Тесме всегда страдала при виде Мирифэйн. Словно смотрелась в зеркало и видела себя через десять лет.

— Мне кое-что нужно, — нехотя объяснила

Тесме.

— А я все надеялась, что ты наконец вернешься домой.

— Зачем?

Мирифэйн начала было произносить привычную проповедь о том, что надо жить среди людей, следовать принятым в обществе правилам, заняться полезным трудом… и так далее, и все в том же духе… Но вдруг замолчала, едва начав. Тесме почувствовала, что настроение сестры изменилось. И действительно, после небольшой паузы та произнесла:

— Мы очень скучаем без тебя, малышка.

— Я делаю то, что необходимо, — ответила Тесме. — Рада была повидать тебя, Мирифэйн.

— Неужели ты даже на ночь не останешься? Мать скоро вернется, она будет рада, если ты пообедаешь с нами.

— Мне еще далеко идти. Я не могу задерживаться в городе.

— Знаешь, ты хорошо выглядишь. Загорела, окрепла… По-моему, отшельничество идет тебе на пользу.

— Да, несомненно.

— Собираешься и дальше жить в одиночестве?

— Мне нравится, — ответила Тесме. Она начала

завязывать мешок. — А как дела у вас?

Мирифэйн пожала плечами.

— По-прежнему. Вот только я, наверное, ненадолго съезжу в Тил-омон.

— Счастливая.

— Да. Удастся хоть ненадолго вырваться из нашего болота и устроить себе маленький праздник. Холтус там работает уже около месяца над каким-то большим проектом строительства новых городов в горах для расселения всех этих инородцев, которые начинают съезжаться сюда. Он просит привезти к нему детей, вот я и поеду.

— Инородцев? — переспросила Тесме.

— Ты разве не знаешь?

— Расскажи.

— Ну, иномиряне, поселившиеся на севере, начинают проникать в наши края. Есть среди них одна раса — вроде ящериц с человеческими руками и ногами, — так они хотят заниматься фермерством в джунглях.

— Гэйроги?

— А, так ты слышала? И еще одна раса — какие-то надутые создания с лягушачьими рожами и темно-серой бородавчатой кожей. Холтус говорит, что они уже заняли все административные должности в Пидруиде — таможенных инспек-

торов, клерков и все в таком роде, — а теперь ищут и находят работу здесь. Вот почему Холтус и кое-кто из архитекторов Тил-омона проектируют поселения для них внутри страны.

— Чтобы и духу их не было в прибрежных городах?

— Что? А… ну, я думаю, кое-кто из них все равно тут осядет. Никто не знает, сколько их будет, но, по-моему, в Нарабале вряд ли согласятся принять слишком много иммигрантов. Да и в Тил-омоне тоже…

— Понятно, — кивнула Тесме. — Ну, передавай всем привет, я пойду обратно. Надеюсь, ты хорошо проведешь время в Тил-омоне.

— Тесме, пожалуйста…

— Что пожалуйста?

— Ты такая резкая, такая далекая и холодная! — печально сказала Мирифэйн. — Мы не виделись уже несколько месяцев, а ты с трудом выносишь мои расспросы и смотришь на меня с раздражением. Почему ты злишься, Тесме? Разве я тебя когда-нибудь обижала? Почему ты такая?

Тесме знала, что бесполезно снова все объяснять. Никто не понимал ее и никогда не поймет, и прежде всего те, кто уверял, что любит ее.

— Мири, можешь назвать это запоздалым пе-

реходным возрастом, — ответила она, стараясь придать голосу как можно больше мягкости. — Вы все очень хорошо относитесь ко мне. Но у меня все шло через пень-колоду, и мне очень нужно было смыться. — Она легонько дотронулась пальцами до руки сестры. — Может, я еще как-нибудь загляну.

— Надеюсь.

— Только скоро не ждите. Передай всем привет от меня. — Тесме вышла из дома.

Она торопливо и настороженно шла по городу, боясь встретиться с матерью или с кем-нибудь из старых знакомых, особенно бывших любовников. Она украдкой оглядывалась, как воровка, и не раз, заметив кого-либо, с кем не хотела встречаться, быстро ныряла в ближайший переулок. Разговора с сестрой оказалось более чем достаточно. Тесме не сознавала, насколько явно прорывается ее раздражение, пока Мирифэйн не сделала ей замечание. И Мири, конечно, была права. Тесме чувствовала, что остатки былой злости все еще кипят в ней. Эти люди, эти унылые маленькие людишки со своим ничтожным честолюбием, со своими маленькими страхами и маленькими предрассудками, бессмысленно проживающие день за днем, приводили ее в

ярость. Они рассеялись по Маджипуру, распространились словно чума, участок за участком уничтожая не нанесенные на карту леса и загаживая необъятный океан, основывая грязные города среди удивительной красоты… Им даже в голову не приходило задаться какой-либо целью. Слепые, тупые, не способные рассуждать натуры — и это хуже всего. Никогда они не посмотрят на звезды и не зададутся вопросом: откуда взялось у обитателей Старой Земли стремление к освоению иных миров, что заставило их превращать тысячи захваченных планет в копии родного мира? Волнует ли хоть что-нибудь население Маджипура? Наверное, опустошенная, разграбленная и всеми забытая Старая Земля для них по-прежнему что-то значит. Хотя теперь она представляет собой не более чем пустую оболочку прежней планеты — разграбленной и всеми забытой. А Маджипур, несмотря на многие века обитания человечества, остается прекрасным. Но когда-то и Старая Земля наверняка была столь же великолепной. А Маджипур через пять тысяч лет превратится в ее отражение с раскинувшимися на сотни миль городами, проносящимися повсюду нескончаемыми потоками повозок и машин, перевозящих людей и товары, с грязью в реках,

истребленными животными и несчастными, обманутыми, меняющими форму, согнанными в какие-то отдаленные резервации, — со всеми старыми ошибками, перенесенными в девственный мир. Тесме это поражало до глубины души, заставляя кипеть от бешенства. Она никогда прежде не думала, что ее разлад с миром дошел до таких космических масштабов. Ей казалось, что все происходящее с нею является следствием неудач в любовных делах, расстроенных нервов, отсутствия каких-либо определенных целей, и вдруг оказалось, что ее яростная неудовлетворенность порождена несогласием со всем миром. Открытие ошеломило ее, но ярость продолжала разгораться. Ей хотелось спихнуть Нарабаль в глубины океана, но, к сожалению, это было не в ее силах — она не могла ничего изменить, не могла ни на мгновение приостановить распространение того, что здесь называли цивилизацией. Оставалось только удрать, вернуться в свои джунгли — к переплетающимся лианам, влажному сырому воздуху, к обитавшим на болотах пугливым животным, к хижине, к увечному гэйрогу, который тоже был частью затопляющего планету прилива. Но она станет заботиться о нем, даже лелеять, потому что остальным ее

сородичам он мало сказать не нравился — они ненавидели его. Доброе отношение к нему еще больше увеличит пропасть между нею и ими. И главное — она ему нужна, а прежде она не была нужна никому.

Голова болела, мышцы лица свело от напряжения; Тесме шла сгорбившись, но ей почему-то казалось, что, расправив плечи, она словно бы признает свое поражение, вернется к той жизни, от которой отреклась. Она удирала прочь из Нарабаля так быстро, как только могла, но лишь спустя часа два, оставив далеко позади последние городские окраины и свернув на лесную тропку, почувствовала, что напряжение понемногу спадает. Она остановилась у знакомого озера и долго плавала в его прохладной глубине, чтобы очиститься от городской скверны, а затем, небрежно перекинув через плечо городскую одежду, зашагала нагишом через джунгли к хижине.

Глава 4

Висмаан лежал, кажется, в той же позе, в какой она его оставила.

— Тебе лучше? — поинтересовалась Тесме. — Как ты тут один?

— День прошел на редкость спокойно. Только нога чуть больше опухла.

— Дай-ка взгляну.

Она осторожно ощупала ногу. Действительно распухла. Когда Тесме дотронулась до опухоли, больной слегка вздрогнул. По-видимому, боль очень сильная — ведь если верить утверждению Висмаана, гэйроги ее практически не чувствуют. Тесме задумалась... может, стоит отправить гэйрога в Нарабаль? Но он не показался ей встревоженным; к тому же Тесме сомневалась, что доктора в городе разбираются в психологии и анатомии чужаков. Кроме того, она хотела, чтобы он остался здесь. Тесме распаковала лекарства, принесенные из дома, и дала ему противовоспалительное и жаропонижающее, затем приготовила на обед фрукты и овощи. До наступления темноты она успела проверить ловушки на краю лесной поляны и обнаружи-

ла в них добычу — молодого сигимойна и пару минтунов. Она привычно свернула им шеи — в самом начале ее отшельничества ей было ужасно тяжело это делать, но без мяса не проживешь, а здесь, конечно, никто не стал бы убивать дичь за нее и для нее — и разделала тушки. Оставив мясо готовиться на костре, Тесме вернулась в хижину.

Висмаан забавлялся одним из кубиков, которые она принесла ему, но отложил в сторону, едва она вошла.

— Ты ничего не рассказала о визите в Нарабаль, — заметил он.

— Я была там недолго. Взяла, что нужно, поболтала немного с сестрой и ушла — там одно расстройство. Только в джунглях себя хорошо и почувствовала.

— Ты, похоже, сильно ненавидишь этот город.

— А он ничего другого и не заслуживает. Унылые надоедливые люди, безобразные, зажатые со всех сторон маленькие домишки… — она покачала головой. — Да, сестра говорила, что на континенте собираются строить новые города для иномирян, потому что многие из них переселяются на юг. В основном гэйроги и еще какие-то, с серой кожей и…

— Хьорты, — подсказал Висмаан.

— Мне все равно, — отмахнулась Тесме. — Мири говорила, что им нравится работать клерками и писцами. По-моему, они устраиваются во внутренних провинциях лишь потому, что никто не хочет допускать их в Тил-омон или в Нарабаль.

— Странно, а я никогда не замечал недоброжелательства людей, — заметил гэйрог.

— В самом деле? Может быть, просто не обращал внимания? Предрассудков на Маджипуре хватает.

— Мне это не бросилось в глаза. Конечно, я еще не бывал в Нарабале, и, возможно, у вас предрассудков действительно больше. Но на севере затруднений нет. Ты была на севере?

— Нет.

— Жители Пидруида встретили нас очень радушно.

— Правда? Я слышала, будто гэйроги строят для себя город где-то к востоку от Пидруида, у Большого ущелья. Если в Пидруиде у вас все было так хорошо, зачем куда-то переселяться?

— Людям не очень-то удобно жить рядом с нами, — спокойно ответил Висмаан. — Ритм нашей жизни сильно отличается от вашего, многие привычки не совпадают — в том, что касается сна, например: нам нелегко жить в городе, ко-

торый засыпает на восемь часов каждую ночь, в то время как мы полны энергии. Таких различий немало. Вот почему мы основали Дюлорн. Я надеюсь, что ты когда-нибудь увидишь его. Он изумительно красив, выстроен целиком из белого камня, сияющего внутренним светом. Мы очень гордимся им.

— Почему же тогда тебе там не понравилось?

— Мясо не сгорит? — осведомился он.

Тесме залилась краской и выскочила наружу, едва успев сорвать обед с вертела. Она нарезала мясо и подала его вместе с токкой и фляжкой вина, которое купила в Нарабале. Неуклюже приподнявшись, Висмаан принялся за еду.

— Я прожил в Дюлорне несколько лет, — заговорил он немного погодя. — Но там очень сухой климат, а на своей планете я жил в теплом и сыром краю, похожем на Нарабаль. Вот я и решил поискать плодородную землю. Мои далекие предки были землевладельцами, и я подумывал о продолжении родовых традиций. Услышав, что в тропиках Маджипура можно снимать урожай шесть раз в год и имеется множество свободной земли, я отправился сюда.

— Один?

— Да, один. У меня нет жены, но я собираюсь

обзавестись ею, как только обустроюсь здесь.

— И будешь продавать выращенный урожай в Нарабале?

— Да. На моей родной планете едва ли найдется невозделанный клочок земли, и все же нам с трудом удается прокормить себя. Большую часть продуктов питания мы ввозим. Поэтому Маджипур показался нам таким привлекательным — гигантская и в то же время малонаселенная планета, по большей части девственная, обладающая возможностями для развития… Здесь я чувствую себя счастливым. И, думаю, ты не права насчет того, что твои земляки так предубеждены против нас: вы, маджипурцы, сердечный и приветливый народ, учтивый, законопослушный и опрятный.

— Пусть так. Н-да… но все равно, стоит кому-нибудь пронюхать, что я живу с гэйрогом, все будут шокированы.

— Шокированы? Почему?

— Потому что ты чужак. Потому что ты рептилия.

Висмаан издал странный фыркающий звук. Смех?

— Мы не рептилии. Мы теплокровные, мы так же, как и вы, растим детей…

— Ну, похожи на рептилий.

— Внешне — да, пожалуй. Но, уверяю тебя, мы очень близки к млекопитающим и мало чем от них отличаемся.

— Близки?

— Разница, пожалуй, лишь в том, что мы откладываем яйца. Но ведь есть и млекопитающие, поступающие так же. Ты ошибаешься, считая…

— На самом деле это ничего не значит. Люди воспринимают вас как рептилий, а человек издревле не терпел змей. Боюсь, из-за этого между нами и вами всегда будут недоразумения. Это идет еще с давних времен на Старой Земле. Кроме того… — она спохватилась, что чуть было не ляпнула о его запахе. — Кроме того, — повторила она, неловко запнувшись, — вы немного страшноватые.

— Неужели страшнее, чем огромные мохнатые скандары? Или су-сухирисы с двумя головами? — Висмаан повернулся к Тесме и уставился на нее глазами без век. — Мне кажется, Тесме, ты хочешь сказать, что сама неловко себя чувствуешь в обществе гэйрога.

— Нет.

— Предубеждений, о которых ты говоришь, я никогда не замечал. И вообще, впервые слышу о

них. Мое присутствие стесняет тебя? Может быть, мне лучше уйти?

— Нет-нет, ты все понял совершенно неправильно. Я хочу, чтобы ты остался здесь. Хочу помочь тебе. Я совершенно не боюсь тебя, не испытываю к тебе неприязни, никаких дурных чувств. Я только пытаюсь объяснить тебе, какой может быть реакция жителей Нарабаля, то есть какой она будет по моему мнению, и… — она сделала большой глоток из фляжки. — Не знаю, зачем мы вообще об этом заговорили. Извини. Лучше поболтаем о чем-нибудь другом.

— Конечно.

Тесме показалось, что она обидела или по меньшей мере расстроила гэйрога. При всей своей холодности и сдержанности он, похоже, был очень проницательным. Возможно, он в данном случае прав: наружу прорвались ее собственные предрассудки, предубеждение и беспокойство.

Она думала о том, что донельзя испортила отношения с людьми и, вполне вероятно, неспособна найти общий язык с кем бы то ни было — будь то человек или мыслящее существо какой-либо иной расы. И потому, сама того не желая, она дала Висмаану тысячи оснований полагать, что ее забота идет не от сердца и вызвана лишь

стремлением скрыть недовольство, вызванное его присутствием здесь. Было ли это так на самом деле? Чем старше становилась Тесме, тем меньше понимала собственные побуждения. Но, какова бы ни была правда, она совершенно не хотела, чтобы он ощущал себя здесь незваным гостем, явившимся некстати. «Впредь, — решила она, — я найду способ доказать ему искренность своего желания помочь».

Этой ночью она спала гораздо лучше, чем накануне, хотя и постель из листьев пузырчатки, и присутствие в хижине постороннего все еще оставались непривычными и она довольно часто просыпалась. Каждый раз, открыв глаза, она бросала взгляд на гэйрога и каждый раз видела, что он занимается кубиком. Он же, похоже, не обращал на нее никакого внимания. Она попыталась представить себе, каково это: отсыпаться три месяца в году, а все остальное время непрерывно бодрствовать… это было в нем самой большой странностью, думала она. И вот так лежать час за часом, не имея возможности встать, не имея возможности укрыться в сон от боли в сломанной ноге, использовать любые доступные способы убить время — воистину хуже не придумаешь. А Висмаан неизменно оставался спокойным и

невозмутимым. Неужели все гэйроги такие? И никогда не напиваются, не выходят из себя, не бранятся на улицах, не сетуют на судьбу, не ссорятся с близкими? Если Висмаан — типичный представитель своей расы, можно считать, что они не имеют никаких человеческих недостатков. Но ведь, напомнила она себе, они и не люди.

Глава 5

Утром Тесме умыла гэйрога. Она терла его губкой до тех пор, пока его чешуя не заблестела, а затем полностью сменила его постель. Потом покормила больного и, как обычно, ушла на целый день, оставив его в одиночестве. Бродя по джунглям, Тесме никак не могла избавиться от чувства вины и то и дело спрашивала себя, не следовало ли остаться сегодня в хижине: развлекать гэйрога занимательными историями или втянуть его в беседу, чтобы избавить от скуки. Но она была уверена в том, что, постоянно находясь рядом, они быстро исчерпали бы темы разговора и, очень вероятно, начали бы действовать друг другу на нервы. К тому же теперь у него под рукой множество развлекательных кубиков, способных разогнать любую тоску. И как знать, возможно, он тоже предпочитает одиночество. Что касается ее, то с появлением в хижине соседа она больше, чем когда-либо, испытывала потребность побыть в одиночестве и потому отправилась в дальний поход, чтобы набрать побольше ягод и съедобных корней на обед. В полдень припустил дождь, и Тесме укрылась под врамовым деревом, широкие

листья которого не пропускали ни капли воды. Прислонившись к стволу, она уставилась в пространство — лес перед ее глазами превратился в расплывчатую пелену зеленоватых тонов — и выбросила из головы все мысли: чувство вины, сомнения, страхи, воспоминания, гэйрога, семью, бывших любовников, свои несчастья, свое одиночество. На нее снизошел мир, и в этом состоянии она оставалась до самого вечера.

Она все больше привыкала к постоянному присутствию рядом Висмаана. А тот оставался все таким же спокойным и нетребовательным, развлекался при помощи кубиков и с великим терпением переносил неподвижность. Он редко задавал ей вопросы или заводил какой-нибудь разговор, но вполне дружелюбно откликался на любое обращение к нему. Он рассказывал Тесме о родной планете — убогом и перенаселенном мире, о том, как он жил там, о своей мечте обосноваться на Маджипуре, о волнении, которое испытал, впервые увидев его красоту. Тесме попыталась определить признаки волнения у гэйрога. Возможно, ими служат резкие движения его змеевидных волос вместо обычного плавного покачивания. А быть может, эмоции проявляются в изменении запаха.

На четвертый день Висмаан впервые покинул кровать. Опираясь на плечо Тесме, он встал на здоровую ногу и осторожно прикоснулся больной ногой к земле. Девушка ощутила, что его запах внезапно усилился и стал резче — человек в такой ситуации непременно бы вздрогнул, — и решила, что ее теория, видимо, верна и гэйроги проявляют эмоции именно таким образом.

— Ну и как? — спросила она. — Больно?

— Вес тела она еще не выдерживает. Но уже срастается. Еще несколько дней, и, думаю, я смогу стоять. Знаешь что, помоги мне немного прогуляться. А то я, похоже, уже заржавел от неподвижности.

Он тяжело оперся на ее плечо, они вышли из хижины и медленно, осторожно добрели до пруда и обратно. Прогулка явно пошла гэйрогу на пользу. К своему удивлению, Тесме вдруг обнаружила, что первое проявление успешного лечения ее опечалило: скоро — через неделю или две — ее подопечный достаточно окрепнет, чтобы уйти, а она этого не хотела. Нежелание расставаться с ним показалось Тесме настолько странным, что она удивилась самой себе. Ей не терпелось вернуться к прежней отшельнической жизни, снова спать в собственной постели и гулять в свое удо-

вольствие по лесу, не заботясь о том, скучает ли ее гость, не переживая по поводу его состояния… Постоянное присутствие гэйрога раздражало ее все больше. И все же… И все же… И все же мысль о том, что он вскоре покинет ее, волновала и удручала. «Как странно все это, — думала она, — и как это похоже на Тесме».

Теперь они выходили на прогулку по нескольку раз в день. Висмаан все еще не мог наступать на сломанную ногу, но с каждым разом передвигался все легче. Опухоль, говорил он, постоянно уменьшается, и кость, похоже, срастается правильно. Он начал говорить о ферме, которую построит в этих местах, о посевах, о расчистке участка в джунглях.

Как-то под вечер в конце первой недели Тесме, возвращаясь из похода за калимботами — она ходила на то самое болото, где недавно нашла раненого гэйрога, — задержалась, чтобы проверить ловушки. Почти все они были пусты, попалось лишь несколько мелких зверьков, но из кустов неподалеку от пруда доносился необычный довольно сильный шум. Подойдя поближе, она обнаружила, что поймала билантуна — самое крупное животное из всех, которые когда-либо попадались в ее ловушку. Билантуны води-

лись по всему западному Зимроэлю — изящные небольшие стремительные животные с острыми копытами, стройными ногами и крошечным вздернутым пушистым хвостиком, — но нарабальская порода была просто гигантской, вдвое крупнее изящной северной разновидности. Животное было высотой в половину человеческого роста и ценилось за нежное и вкусное мясо. Первым порывом Тесме было отпустить симпатичного зверя на свободу: слишком уж он красив, чтобы вот так взять и спокойно его убить, да и слишком велик. Она приучила себя резать мелочь, которую могла легко удержать одной рукой, но совсем другое дело — билантун: крупное благородное животное, наверняка ценящее жизнь, с умным взглядом, со своими надеждами, стремлениями и разочарованиями… вполне возможно, где-нибудь поблизости тоскует о нем подруга. Тесме обозвала себя дурой. И дроли, и минтуны, и сигимойны тоже, наверное, любили жизнь, и уж конечно не меньше, чем этот билантун, а она убивала их без колебания. Романтические чувства по отношению к животным неуместны — она это знала еще по опыту своей цивилизованной жизни, когда с удовольствием ела мясо животных, убитых чужими руками. И тяжелая утрата, кото-

рую понесла подруга билантуна, в те времена не имела для нее ровно никакого значения.

Подойдя поближе, она увидела, что билантун в панике сломал одну из своих хрупких ног, и на какое-то мгновение ей захотелось вылечить и приручить его. Но это было еще большей глупостью. Она не могла брать к себе всех калек, которые попадутся ей в джунглях. Билантун ни в коем случае не позволит ей спокойно осмотреть больную ногу и наложить шину, ну а если ей даже каким-то чудом и удастся это сделать, он, конечно, удерет от нее при первой же возможности. Набрав полную грудь воздуха, Тесме сзади подошла к бьющемуся животному и одним движением перерезала длинную изящную шею.

Разделка туши оказалась куда более трудным и кровавым делом, чем Тесме предполагала. Она мрачно рубила мясо, как ей показалось, несколько часов, пока наконец Висмаан не поинтересовался из хижины, чем она занимается.

— Готовлю обед, — ответила она. — Сюрприз. Фирменное блюдо: жареный билантун!

Она негромко хихикнула. Эта фраза, должно быть, прозвучала так женственно, почти по-семейному, — и не подумаешь, что она сидит здесь на корточках, голая, с ног до головы перепач-

канная кровью, распиливая ножом кости, а на ее кровати в хижине лежит, дожидаясь обеда, похожее на рептилию существо, пришедшее из другого мира.

В конце концов она покончила с этим омерзительным занятием, насадила мясо на вертел, развела, как полагается, дымный костер, вымылась в пруду, перебрала ягоды токки, кинула в котел с водой немного корней гумбы и открыла одну из фляжек нарабальского вина, а потом, немного подумав, еще одну. К наступлению сумерек обед был готов, и Тесме испытывала огромную гордость своими достижениями.

Она ожидала, что Висмаан, по своему обыкновению, будет есть молча, флегматично, но ошиблась: впервые ей показалось, что она заметила признаки оживления на его лице — непривычный блеск в глазах, какие-то еще не знакомые движения языка. Теперь она сможет лучше разбираться в проявлениях его эмоций. Он с удовольствием жевал жареное мясо, хвалил его аромат и вкус и несколько раз просил добавки. Подавая ему очередной кусок, Тесме каждый раз брала порцию и себе, впихивая в себя мясо до тех пор, пока не насытилась до отвала. Но она продолжала есть, уговаривая себя тем,

что все не съеденное сейчас к утру, скорее всего, испортится.

— Мясо очень хорошо с токкой, — заметила она, закинув в рот очередную голубовато-белую сочную ягоду.

— Да. Дай еще, пожалуйста.

Он неутомимо поглощал все, что ставила перед ним Тесме. В конце концов она уже была не в состоянии не только есть сама, но даже видеть, как продолжает делать это гэйрог. Подвинув все, что осталось, так, чтобы он мог дотянуться, она большим глотком прикончила вино и чуть вздрогнула и рассмеялась, когда несколько капель стекли с подбородка ей на грудь. Тесме растянулась на куче листьев пузырчатки. Голова кружилась. Она уткнулась лицом в подстилку, прижалась к ней всем телом и слушала, как Висмаан откусывает и жует и снова откусывает и жует… и еще… и еще… Наконец все стихло…

Тесме лежала в ожидании сна, но он не приходил. Голова кружилась сильнее и сильнее, и девушка всерьез опасалась, что ее вот-вот швырнет через всю хижину, словно это была не лачуга из веток, а центрифуга. Ее кожа блестела от пота, а соски затвердели и налились. Я слишком много выпила, подумала она, и съела слишком много

токки, по меньшей мере дюжину ягод, да еще с семечками, а так они действуют сильнее всего — и теперь их возбуждающий сок клокочет в моем мозгу.

Она не хотела спать одна, обнимая бесстрастный земляной пол.

Старательно удерживая равновесие, Тесме поднялась на колени, задержалась на секунду-другую, чтобы не упасть, и медленно подползла к кровати. Она смотрела на гэйрога, но перед глазами у нее все расплывалось, и она видела перед собой только нечеткий контур его тела.

— Ты спишь? — прошептала она.

— Ты же знаешь, что я не могу спать.

— Ну, конечно, конечно. Я говорю глупости.

— Что-нибудь не так, Тесме?

— Не так? Нет, ничего особенного. Все так. Кроме… ну, только… — Она задумалась, подыскивая слова, которые никак не хотели находиться. — Знаешь, я пьяная! Ты понимаешь, что значит пьяная?

— Да.

— Мне не нравится лежать на полу. Можно, я лягу рядом с тобой?

— Если хочешь.

— Я должна быть очень осторожна, — бормо-

тала она, — чтобы не задеть твою больную ногу. Покажи мне, которая из двух.

— Тесме, она уже почти срослась. Не беспокойся. Ложись.

Она почувствовала, как его пальцы обхватили ее запястья и потянули. Тесме словно всплыла вверх и легко подкатилась ему под бок. От груди до бедра она ощущала прикосновение его странной, твердой, на ощупь напоминающей морскую раковину, кожи, такой прохладной, такой чешуйчатой, такой гладкой… Она робко провела рукой по его телу. Похоже на дорогой чемодан, подумалось ей. Слегка надавив на кожу кончиками пальцев, Тесме ощутила под твердой поверхностью мощные мышцы. Его запах изменился, становясь все более пряным и резким.

— Мне нравится, как ты пахнешь, — промурлыкала она, потираясь лбом о его грудь, а потом крепко прижалась к нему всем телом. Уже много месяцев, почти год, в ее постели никого не было, и как приятно сейчас ощущать рядом чье-то присутствие. Пусть гэйрог, думала она. Ну и что, что гэйрог? Только бы быть рядом, дотрагиваться… Это так хорошо…

Он прикоснулся к ней.

Тесме была застигнута врасплох. До сих пор их

отношения складывались так, что она ухаживала за ним, а он пассивно принимал ее заботу. Внезапно его ладонь — непривычно прохладная, чешуйчатая, гладкая — пробежала по ее телу: слегка пощекотала грудь, скользнула по животу, спустилась ниже, задержалась в основании ног… Что бы это значило? Неужели Висмаан собирается заняться с нею любовью? Она мысленно представила себе его лишенное каких-либо половых особенностей тело. А он продолжал гладить ее. Это уже чересчур, думала она. Даже для Тесме, сказала она себе, это чересчур. Он же не человек. А я…

А я очень одинока…

А я совершенно пьяна…

— Еще, пожалуйста, — чуть слышно шепнула она. — Еще…

Тесме хотела только, чтобы гэйрог и дальше продолжал ее ласкать. Но он, подсунув руку ей под плечи, легко приподнял девушку и положил на себя. Тесме почувствовала, как к ее животу прижалась — нет, она не могла ошибиться! — твердая мужская плоть. Возможно ли такое? Наверное, его член скрыт где-то под кожей и появляется лишь в случае необходимости?.. Неужели он намерен?..

Сомнений у нее не оставалось.

Похоже, он хорошо знал, что следует делать. Будучи порождением чужого мира, гэйрог при первой встрече даже не смог с уверенностью определить пол находившегося перед ним обнаженного человеческого существа, и тем не менее он имел достаточно ясное представление о сексуальных отношениях людей. Тесме на несколько мгновений охватили ужас и отвращение. Потрясенная, она лишь гадала, сильно ли пострадает ее лоно, если он — а что если таковы нравы этих существ? — любит причинять боль. И еще ее не оставляла мысль о чудовищности происходящего, о противоестественности совокупления человека и гэйрога и о том, что в истории вселенной до сих пор ничего подобного, скорее всего, не случалось. Ей вдруг захотелось вырваться из его объятий и убежать, раствориться в темноте. Но слишком сильно кружилась голова, слишком много она выпила и была слишком смущена, чтобы действовать решительно… а главное, Тесме вдруг осознала, что Висмаан не причинил ей ни малейшей боли, что его член со спокойной уверенностью часового механизма мягко скользит внутри ее и что расходящиеся по телу волны удовольствия заставляют ее содрогаться и зады-

хаться от наслаждения и она невольно все крепче прижимается к гладкому кожистому панцирю…

Тесме отдалась во власть чувств и в миг высшего взлета не смогла сдержать крик экстаза, а потом, все еще дрожа и негромко всхлипывая, долго лежала, прильнув к груди Висмаана и постепенно приходя в себя. Хмель как рукой сняло. Она сознавала, что сделала, и это поразило ее, но больше позабавило: «Скушай-ка это, Нарабаль! У меня любовник — гэйрог!» А удовольствие, которое она испытала, было настолько потрясающим, настолько изумительным! Но получил ли он удовольствие? Спросить об этом Висмаана девушка не отваживалась. Как задать гэйрогу подобный вопрос? И вообще, знают ли они, что такое оргазм? Имеет ли для него хоть какой-то смысл само это понятие? Она пыталась угадать, приходилось ли ему прежде заниматься любовью с женщинами человеческой расы. И тоже не смела спросить. Висмаан действовал абсолютно правильно — не так, как искушенный любовник, нет… Он, несомненно, отчетливо представлял себе, что нужно делать, и в области сексуальных отношений обладал, пожалуй, бóльшими знаниями, чем многие знакомые Тесме мужчины, — то ли он уже имел опыт общения с женщинами, то

ли его ясное холодное сознание способно было без труда определить особенности и требования их анатомии. Этого она не знала и сомневалась, что когда-либо узнает.

Висмаан не проронил ни звука. Девушка крепко обняла его и провалилась в глубокий сон, какого не знала уже на протяжении нескольких недель.

Глава 6

Утром Тесме было не по себе, но раскаяния она не испытывала. О произошедшем между ними той ночью не было сказано ни слова. Висмаан развлекался своими кубиками. На рассвете Тесме отправилась к пруду, чтобы поплавать и успокоить пульсирующую в голове кровь, потом навела порядок в хижине после вчерашнего банкета, приготовила завтрак и отправилась куда глаза глядят на север. Наткнувшись на маленький, поросший мхом грот, девушка просидела в нем почти до полудня, вновь и вновь вспоминая испытанные ночью ощущения — прикосновения, вздохи и мощные содрогания экстаза, равных которым она еще не знала. Даже покривив душою, Тесме не могла сказать, что находит Висмаана хоть сколько-нибудь привлекательным: раздвоенный змеиный язык, волосы, напоминающие шевелящихся живых змей, покрытое чешуей тело… Нет-нет, то, что случилось вчера вечером, никак не связано с физическим влечением — в этом она уверена. Тогда почему это произошло? Причиной всему — вино и токка, да еще ее одиночество и в довершение всего — протест против

привычной системы ценностей обывателей Нарабаля. Отдаться гэйрогу! Ничего лучше и не придумаешь, чтобы бросить вызов всему, во что эти людишки верили! Но конечно, такой вызов не будет иметь никакого смысла, если те, кому он предназначен, о нем не узнают. А потому, как только Висмаан будет в состоянии совершить поход в Нарабаль, они непременно отправятся туда вместе.

После той ночи они стали спать в одной постели, и им это казалось совершенно естественным. Но ни на вторую, ни на третью, ни на четвертую ночь они не занимались любовью — просто лежали рядом, не прикасаясь друг к другу, даже не разговаривая. Протяни Висмаан хотя бы руку, Тесме с готовностью отдалась бы ему, но он не проявлял никакой инициативы. А сама она не решалась придвинуться ближе. Молчание начало ее тяготить, но она опасалась нарушить его, боясь услышать что-нибудь такое, чего ей не хотелось бы слышать: что он испытывает отвращение к человеческой манере сексуальных связей или что он расценивает такое поведение как непристойное и неестественное и пошел на это однажды потому только, что она вела себя чрезмерно настойчиво или же что он знал, что

она не испытывала никакого истинного влечения к нему, а просто использовала его для укрепления своих позиций в продолжающейся войне против общества и его нравов. В конце недели, обеспокоенная невысказанными сомнениями и нараставшей напряженностью в их отношениях, Тесме, забираясь в кровать, рискнула как бы случайно прижаться к нему, а он без малейшего колебания легко и охотно обнял ее. В последующие ночи их занятия любовью происходили как бы случайно и непреднамеренно, близость превратилась в нечто тривиальное, обыденное — в ритуал, которому они иногда следовали перед сном и в котором тайны или волшебства оставалось не больше, чем в любом ритуале такого рода. Но каждый раз Тесме испытывала огромное наслаждение и вскоре совершенно перестала замечать нечеловеческую чуждость его тела.

Висмаан уже ходил без помощи и каждый день уделял все больше времени гимнастике. Сначала вместе с Тесме, а затем и самостоятельно он изучал тропинки в джунглях. Первое время он передвигался с превеликой осторожностью, но вскоре уже почти перестал хромать. Плавание, похоже, тоже шло ему на пользу — он часами барахтался в маленьком пруду Тесме и тем неве-

роятно раздражал громварка, жившего в норе, вырытой в глинистом берегу: медлительное старое существо выползало из своего убежища, растягивалось возле кромки воды, словно забытый кем-то полупустой потрепанный щетинистый мешок, хмуро взирало на гэйрога и не возвращалось в воду до тех пор, пока Висмаан не выбирался на берег. Тесме утешала старожила пруда, принося ему нежные зеленые побеги, которые срывала выше по течению питавшего пруд ручейка — за пределами досягаемости коротких лапок громварка.

— Когда же ты отведешь меня в Нарабаль? — однажды дождливым вечером поинтересовался Висмаан.

— Хоть завтра, — ответила она.

Той ночью Тесме очень волновалась и все теснее прижималась к гэйрогу.

Они вышли на рассвете. Шедший поначалу несильный дождь вскоре прекратился и уступил место блеску солнца. Поначалу Тесме старалась идти очень медленно и осторожно, но быстро поняла, что гэйрог совершенно здоров, и продолжила путь уже своим обычным стремительным шагом. Для Висмаана не составляло ни малейшего труда поддерживать его темп. Она

все время болтала — сообщала ему названия всех попадавшихся на пути растений или животных, потчевала его отрывками из истории Нарабаля, рассказывала о своих братьях, сестрах и городских знакомых. Ей отчаянно хотелось, чтобы их заметили — смотрите, смотрите, это мой любовник-гэйрог, я спала с ним! — и, едва они добрались до предместий, она стала оглядываться вокруг, надеясь увидеть хоть кого-нибудь знакомого. Но на пригородных фермах в тот день, похоже, никого не было, а тех, кто попадался на глаза, она никогда прежде не встречала.

— Видишь, как они смотрят на нас? — шепнула она Висмаану, когда они вступили в более населенный район. — Они боятся тебя. Они считают тебя первой ласточкой какого-то вторжения иных рас. И никак не могут понять, а что я-то делаю рядом с тобой, почему мы с тобой идем вместе и разговариваем между собой.

— Я не замечаю ничего подобного. Да, моя внешность их удивляет. Но я не вижу никакого страха, никакой враждебности. Может быть, это потому, что я плохо разбираюсь в выражениях человеческих лиц? Я-то думал, что научился довольно хорошо понимать их.

— Подожди и увидишь, — пообещала Тесме,

хотя в глубине души должна была признать, что, возможно, немного преувеличивала. А может быть, и больше, чем немного. Они дошли уже почти до центра Нарабаля. Кое-кто действительно глядел на гэйрога с удивлением и любопытством, но напряженное выражение лица быстро смягчалось; другие просто кивали и улыбались, словно встреча на улице родного города с существом из иного мира была для них самым обычным делом. Проявлений настоящей враждебности Тесме не заметила вовсе. И это ее возмутило. Эти благопристойные приятные люди, эти добропорядочные любезные люди реагировали совсем не так, как она того ожидала. Даже когда она наконец встретила знакомых — Канидора, лучшего друга старшего из ее братьев, Хеннимонта Сиброя, управляющего небольшой прибрежной гостиницей, и женщину из цветочной лавки, — все они совершенно спокойно восприняли ужасные, как ей казалось, слова Тесме:

— Это Висмаан, он жил со мной последнее время.

Канидор улыбнулся, словно всегда знал, что Тесме относится к тем людям, которые делят кров с существами из иного мира, и заговорил о новых городах для гэйрогов и хьортов, которые

намеревался строить муж Мирифэйн. Управляющий гостиницей весело потряс руку Висмаана и пригласил его к себе выпить вина. А цветочница несколько раз повторила:

— Как интересно, как интересно! Мы надеемся, что вам понравится наш городок!

Тесме ощущала снисходительность, скрывавшуюся за их веселостью. Ей казалось, что они сговорились не позволять ей шокировать себя, словно уже заранее смирились со всеми дикими выходками этой девчонки и теперь были готовы воспринять любой ее поступок без удивления и даже без комментариев. Возможно, они неправильно истолковали характер ее отношений с гэйрогом и думали, что он просто-напросто снимал у нее угол, — ведь никто из них не знал, что в ее круглой хижине вовсе не было углов. А удалось бы ей вызвать у них ту реакцию, которой она ожидала, если бы она прямо объявила, что они были любовниками, что она принимала его плоть в свое лоно, что они, два существа, принадлежащие к разным расам, занимались невероятной, немыслимой, противоестественной любовью?

Кто знает, возможно, и нет. Быть может, даже предайся они с гэйрогом совокуплению прямо посреди площади Понтифекса, их поступок не

вызвал бы никакого волнения в этом дурацком городишке, хмурясь, думала Тесме.

А понравился ли Нарабаль Висмаану? Ей, как всегда, было трудно понять его эмоции. Они переходили из улицы в улицу, шли по беспорядочно разбросанным площадям, мимо безликих лавчонок, маленьких кривобоких домишек с разросшимися неухоженными садами… и он почти все время молчал. Она ощущала в его молчании разочарование и неодобрение и, несмотря на всю свою ненависть к Нарабалю, почувствовала желание защищать родной город. Это было, в конце концов, достаточно молодое поселение, передовая застава, затерявшаяся в глухом углу второразрядного континента, и здесь успели прожить лишь несколько поколений.

— Ну и как? — наконец не выдержала она. — Похоже, Нарабаль не слишком впечатлил тебя?

— Ты же предупреждала меня, чтобы я не ожидал слишком многого.

— Но он оказался еще хуже, чем я тебе рассказывала, не так ли?

— Он кажется мне маленьким и неухоженным, — ответил Висмаан. — После того, как увидишь Пидруид или хотя бы…

— Пидруиду уже тысяча лет.

— …Дюлорн, — продолжал он, как будто не заметив ее реплики. — Дюлорн необычайно красив даже сейчас, когда он еще не достроен до конца. Но, конечно, белый камень, который там использован…

— Да, — согласилась Тесме. — Нарабаль тоже нужно было строить из камня, потому что климат здесь настолько влажный, что деревянные дома быстро начинают гнить и разваливаться, но для этого не было времени. Когда население увеличится, мы сможем устроить каменоломни в горах и сделать здесь нечто изумительное. Через пятьдесят лет, а может быть, через сто, когда у нас будет достаточно рабочей силы. Может быть, если удастся заманить сюда на работу хоть сколько-нибудь этих гигантских четвероруких иноземцев…

— Скандаров, — подсказал Висмаан.

— Да, скандаров. Почему бы короналю не прислать к нам тысяч десять скандаров?

— Их тела покрыты густой шерстью. Здешний климат будет слишком тяжел для них. Но, несомненно, здесь поселятся и скандары, и врууны, и су-сухирисы, и много-много гэйрогов — выходцев, как и я, из стран с влажным климатом. Ваше правительство решилось на очень смелый поступок,

приглашая в таких количествах переселенцев из иных миров. Другие планеты не настолько богаты землей.

— Другие планеты не настолько велики, — возразила Тесме. — Кажется, я где-то слыхала, что, даже если не считать все огромные океаны, которые у нас есть, площадь одной только суши Маджипура в три или в четыре раза больше полной площади любой другой населенной планеты. По крайней мере, что-то в этом роде. Нам очень повезло, что у такого огромного мира достаточно слабая гравитация, чтобы люди и гуманоиды могли свободно жить здесь. Конечно, мы платим за это высокую цену — почти не имеем тяжелых элементов, но все же… О, привет!

Тесме резко сменила тон, и в голосе ее прозвучали растерянность и тревога. Худощавый, очень высокий молодой человек со светлыми волнистыми волосами, выскочивший из дверей банка на углу, чуть не налетел на Тесме и остолбенело замер, уставившись на нее. А она тоже застыла на месте. Это был Рускелорн Юлван — ее любовник на протяжении последних четырех месяцев перед побегом в джунгли, из всех жителей Нарабаля именно тот человек, кого она меньше всего хотела встретить. Но, раз уж столкновение

неизбежно, почему бы не обернуть ситуацию в свою пользу? Ей удалось первой оправиться от замешательства.

— Ты хорошо выглядишь, Рускелорн, — сказала она, забирая инициативу в свои руки.

— И ты тоже. Жизнь в джунглях, судя по всему, идет тебе на пользу.

— Ты прав. Это были самые счастливые семь месяцев за всю мою жизнь. Рускелорн, это мой друг Висмаан. Он жил со мной несколько последних недель. Он искал место для фермы неподалеку от моей хижины, и с ним произошел несчастный случай: упал с дерева и сломал ногу. Вот я и ухаживала за ним.

— Полагаю, что очень умело, — спокойно ответил Рускелорн Юлван. — Похоже, сейчас он в полном порядке. Рад познакомиться, — приветствовал он гэйрога, и тон его не позволял усомниться в искренности этих слов.

— В той части его планеты, где он жил раньше, — продолжала Тесме, — климат был точно такой же, как у нас в Нарабале. Он сказал мне, что через несколько лет здесь, в тропиках, поселятся многие его соплеменники.

— Я тоже слышал об этом, — отозвался Рускелорн Юлван и усмехнулся: — Вы увидите,

насколько здесь плодородная земля. Съешьте ягоду за завтраком и бросьте косточку, и к вечеру на этом месте вырастет лоза высотой в дом. Так все говорят, значит, это правда.

Легкая и небрежная манера его разговора приводила Тесме в неописуемое бешенство. Он что, не понимал, что этот чешуйчатый пришелец из иного мира, этот гэйрог, заменял его в ее постели? Неужели Рускелорн Юлван настолько лишен чувства ревности? Или же он просто не осознает положение вещей? Тесме буквально рассвирепела, напряглась и попыталась мысленно сообщить бывшему любовнику правду, рисуя в воображении жестокие картины, представлявшие ее в объятиях Висмаана, нечеловеческие руки, ласкающие ее грудь и бедра, раздвоенный алый язык, щекочущий ее сомкнутые веки, ее соски, щель между ног. Бесполезно. Рускелорн умел читать мысли ничуть не лучше, чем она, иначе говоря — совсем не умел. «Он мой любовник, — беззвучно шептала она, — он берет меня снова и снова, а я прихожу к нему ради этого. Я не могу дождаться возвращения в джунгли, чтобы завалиться с ним в постель…» И все это время Рускелорн Юлван стоял, улыбаясь, и вежливо болтал с гэйрогом, обсуждая возможности выращивания в этих местах

нийка, глейна и стаджжи — или, возможно, для более болотистых районов лучше подойдет лусавендер? Лишь изрядное время спустя он вновь перевел взгляд на Тесме и спросил, как долго еще она намеревается оставаться в джунглях, — так же спокойно, как если бы поинтересовался, какой нынче день недели.

Она вспыхнула.

— Пока что мне нравится там гораздо больше, чем в городе. А что?

— Я подумал, не соскучилась ли ты по комфорту нашей блистательной столицы, только и всего.

— Пока нет, ни капельки. Я никогда еще не была так счастлива.

— Ну и прекрасно. Я очень рад за тебя, Тесме. — Очередная безмятежная улыбка. — Как хорошо, что удалось повидаться с тобой. Приятно было познакомиться, — кивнул он гэйрогу и удалился.

Тесме едва ли не дымилась от ярости. Его ничто не задело, не потревожило! Она может сколько угодно совокупляться с гэйрогами, скандарами или даже громварком в пруду! Ему наплевать — все это ничего для него не значит! Она хотела, чтобы он был больно уязвлен или, по крайней мере, шокирован, а он был всего-навсего вежлив. Вежлив! Наверняка он, как и все остальные, не

смог понять реальный характер ее отношений с Висмааном — им, конечно, и в голову не придет, что женщина человеческой расы отдастся похожему на рептилию иноземцу, и, значит, они вовсе не думали… они даже не подозревали…

— Ну что, видел Нарабаль? — спросила она у гэйрога.

— Достаточно для того, чтобы уяснить, что тут почти не на что смотреть.

— Как твоя нога? Сумеешь дойти обратно?

— Может быть, у тебя есть в городе какие-нибудь дела?

— Ничего важного, — бросила она, — мне не терпится уйти отсюда.

— Тогда пойдем, — ответил он.

Нога, казалось, все же беспокоила его — видимо, перенапряг мышцы. Такой переход был нелегким даже и для здорового — а ведь Висмаан с начала выздоровления ходил очень понемногу, — но он по обыкновению безропотно последовал за Тесме к окраине города, откуда начиналась дорога в джунгли. Было самое неподходящее для прогулок время дня: солнце стояло почти в зените, а влажность и тяжесть воздуха говорили о приближении послеполуденного ливня. Они шли медленно, часто останавливаясь, хотя он ни разу

не сказал о том, что устал. Тесме сама чувствовала себя утомленной и, притворяясь, будто хочет показать ему то какие-то интересные выходы породы, то какие-то необычные растения, искала предлог, чтобы немного передохнуть. Она ни в какую не желала признаться в том, что устала, — на сегодня унижений достаточно.

Ее вылазка в Нарабаль закончилась крахом. Гордая, непокорная мятежница, презирающая нравы Нарабаля, она приволокла своего любовника-гэйрога в город, чтобы похвастать им перед тихими скучными обывателями, а они ничего не заметили. Неужели они все настолько тупы, что не смогли даже угадать истину? Или, напротив, сразу же раскусили ее намерения и решили не дать ей ни малейшего повода для торжества? Так или иначе, она чувствовала себя оскорбленной, униженной, побежденной — и совершенной дурой. Кстати, что там она раньше воображала себе насчет фанатизма жителей Нарабаля? Разве они не опасались наплыва всех этих странных существ? С Висмааном все были настолько обаятельны, настолько дружелюбны… Возможно, мрачно раздумывала Тесме, предубеждение гнездилось лишь в ее собственном сознании, и она извратила те слова, которые слышала от других…

Но в таком случае отдаваться гэйрогу было просто глупо, бессмысленно — ей не удалось таким образом влепить пощечину общественному мнению Нарабаля, не удалось одержать хотя бы маленькую победу в той личной войне, которую она вела против своих соплеменников. Ее нелепый поступок оказался не более чем проявлением чудачества и своеволия.

Пробираясь по скользкой после дождя тропе в джунглях, Тесме и гэйрог не перемолвились ни словом. Когда они добрались до хижины, он вошел внутрь, а она принялась бестолково суетиться: мыться, проверять ловушки, собирать ягоды с лоз, хвататься за всякие вещи, тут же забывая, для чего они ей понадобились.

Войдя через некоторое время в хижину, она без предисловий сказала Висмаану:

— Думаю, теперь ты вполне в состоянии двинуться дальше.

— Ладно. Мне действительно пора отправляться в путь и устраивать свою жизнь.

— Ты, конечно, можешь остаться на ночь. Но утром…

— А почему бы не уйти прямо сейчас?

— Скоро стемнеет. Да и ты уже прошел сегодня немало миль…

— Не стоит больше стеснять тебя. Думаю, мне лучше пойти сегодня.

И вновь Тесме поймала себя на том, что не в силах понять его чувства. Он удивлен? Огорчен? Рассержен? Гэйрог ничем не выдал своих ощущений. Ни единого прощального жеста… Он просто повернулся и ровным шагом пошел по тропинке, убегающей в джунгли. Тесме с пересохшим горлом и бешено колотившимся сердцем провожала его взглядом, пока он не скрылся за низко свисавшими лианами. Единственное, на что она оказалась способна, это удержаться на месте и не побежать за ним следом. Но вот он исчез, а вскоре на землю опустилась тропическая ночь.

Она на скорую руку соорудила для себя нечто вроде обеда, но почти ничего не съела и замерла в задумчивости. Он сидит где-то там, в темноте, ожидая наступления утра. Они даже не попрощались! Она могла в шутку посоветовать ему больше не лазить на сиджаниловые деревья, а он мог поблагодарить ее за заботу, но ничего этого не случилось; она просто предложила ему убираться, а он покорно, безропотно ушел. Непонятное существо, и действия его непонятные… И все же, когда они вместе лежали в кровати, и он дотронулся до нее, и сжал в объятиях, и легко

положил ее на себя…

Эта ночь показалась Тесме очень долгой, холодной и мрачной. Съежившись на грубо сплетенной из веток кровати, на которой они вместе проводили последние ночи, она прислушивалась к стуку капель ночного дождя по широким синим листьям, служившим крышей хижины, и впервые за все время, проведенное в джунглях, ощущала боль одиночества. Только сейчас она осознала, до какой степени была ей дорога та странная пародия на семейную жизнь, которую они с гэйрогом устроили здесь. И вот теперь все закончилось, и она снова осталась одна, еще более одинокая, чем до встречи с Висмааном, и гораздо сильнее, чем когда-либо, оторванная от своей прежней жизни в Нарабале… А он где-то там — сидит без сна в темноте и не имеет даже укрытия от непогоды.

«Я влюбилась в чуждое существо, — с удивлением сказала она себе, — я влюбилась в чешуйчатую тварь, которая не произносит никаких слов о любви, почти не задает вопросов и уходит, не поблагодарив и не попрощавшись». Она несколько часов лежала с открытыми глазами и время от времени принималась плакать. Все тело болело от усталости после долгого похода и расстройств минувшего дня. Подтянув колени к груди, она

надолго застыла в такой позе, а затем обеими ладонями принялась поглаживать себя между ног, пока наконец не наступил миг разрядки. Захлебнувшись воздухом, Тесме негромко застонала и почти сразу же провалилась в сон.

Глава 7

С утра Тесме искупалась в пруду, проверила ловушки, позавтракала и прошлась по всем знакомым тропинкам возле своей хижины. Никаких следов гэйрога. К полудню настроение ее несколько улучшилось, а во второй половине дня она ощущала себя почти веселой. Но когда начали сгущаться сумерки и подошло время одинокого обеда, она вновь почувствовала, как на нее наваливается тоска. Но она выдержала. Чтобы убить время, она поиграла с кубиками, которые принесла для Висмаана, и в конце концов незаметно уснула… Следующий день прошел лучше, и следующий еще лучше…

Мало-помалу жизнь Тесме возвращалась в нормальное русло. Она по-прежнему не встречала никаких следов гэйрога, и постепенно он начал уходить из ее мыслей. А недели уединения все тянулись и тянулись, и она вновь ощутила радость одиночества — по крайней мере, так ей казалось. Но порой, в самые неожиданные моменты — при виде билантуна, мелькнувшего в чаще, или сиджанилового дерева со сломанной веткой, или громварка, угрюмо сидящего на бе-

регу пруда, — ее мучили острые и болезненные вспышки воспоминаний, и она понимала, что продолжает тосковать без него. Сама не зная толком зачем, Тесме бродила по джунглям, описывая все более и более широкие круги, пока наконец не призналась себе, что ищет его.

Ей потребовалось еще три месяца, чтобы его найти. За двумя-тремя грядами холмов на юго-востоке она вдруг однажды заметила признаки поселения. Забравшись повыше, Тесме смогла разглядеть вырубку, от которой разбегались явно вновь проложенные тропы, и спустя какое-то время отправилась туда. Она переплыла довольно большую реку, о существовании которой прежде не знала, миновала обширную вырубку и оказалась возле свежесозданной плантации. Прячась за окаймлявшими делянку кустами, Тесме заметила гэйрога — в том, что это был Висмаан, она не сомневалась, — рыхлившего жирную черную землю. Внезапно у нее перехватило дыхание от страха, она задрожала всем телом и почувствовала, что колени подкашиваются.

А что, если это какой-нибудь другой гэйрог? Да нет же, нет! Она уверена, что это он, и даже сумела убедить себя, будто видит, как он слегка прихрамывает. Но она продолжала прятаться

за кустами, боясь подойти ближе. Что она ему скажет? Как объяснить, почему она вдруг приперлась в эту даль, чтобы разыскать его, после того как с такой холодностью прогнала его из своей жизни? Тесме отступила подальше в кусты и уже совсем было решила уйти прочь. Однако все же взяла себя в руки и окликнула гэйрога по имени.

Он резко остановился и огляделся по сторонам.

— Висмаан? Я здесь! Это Тесме!

Ее щеки пылали, сердце в груди гулко и часто колотилось. На секунду ей показалось, она даже была уверена, что это какой-то другой, незнакомый, гэйрог, и извинения за непрошеное вторжение уже готовы были сорваться с ее губ. Но когда он сделал первый шаг в ее сторону, девушка уже точно знала, что не ошиблась.

— Я увидела расчищенное место и подумала, что это может быть твоя ферма, — сказала она, выбираясь из густого куста. — Как твои дела, Висмаан?

— Просто превосходно. А твои?

Она пожала плечами.

— Все так же. Ты прямо-таки чудо здесь сотворил. Прошло всего несколько месяцев, и смотри-ка, что получилось!

— Да, — согласился он. — Мы постарались как

следует.

— Мы?

— У меня теперь есть подруга. Пойдем, я познакомлю вас и покажу тебе, как мы здесь устроились.

Сказанные спокойным тоном слова обожгли ее, словно хлыст. Возможно, именно этого Висмаан и хотел добиться: вместо того чтобы каким-либо образом продемонстрировать оскорбленное самолюбие или негодование тем, как она вышвырнула его из своей жизни, он решил отомстить более изощренным, дьявольским способом — таким вот бесстрастным, отстраненным тоном. Но все же более вероятно, что он не испытывал никакого негодования и не жаждал мести. Его взгляд на все, что произошло между ними, скорее всего в корне отличался от ее восприятия. Не следует забывать, что он принадлежит к существам другой расы, напомнила она себе.

Они прошли по пологому склону, перебрались через дренажную канаву и обошли небольшое, недавно засеянное поле. На вершине холма показался спрятанный за пышными ягодными кустами дом из сиджаниловых стволов, довольно похожий на ее собственный, но заметно больше и с углами. Отсюда, сверху, она смогла увидеть

всю ферму, занимавшую три склона небольшого холма. «Как много он успел сделать!» — с восхищением подумала Тесме. Ей казалось, что просто невозможно за минувшие несколько месяцев проделать такую работу: расчистить участок, построить жилье, подготовить почву и даже начать посадки. Она помнила, что гэйроги не нуждаются в ежедневном сне, но неужели им не нужно и отдыхать?

— Турном! — негромко позвал Висмаан. — Турном, у нас гости!

Тесме заставила себя сохранять спокойствие. Теперь, оказавшись здесь, она поняла, что разыскивала гэйрога потому, что не хотела больше оставаться одна, что подсознательно она все еще питала какую-то надежду, предавалась фантазии: помочь ему в устройстве фермы, разделить с ним не только постель, но и жизнь, создать с ним настоящую семью; ей даже как-то раз представилось, что она едет вместе с ним на север, в великолепный Дюлорн, встречается с его соплеменниками… Глупо, конечно. И тем не менее ее мечты сохраняли какую-то видимость правдоподобия, до тех пор пока он не сказал ей, что у него есть подруга. И теперь Тесме изо всех сил старалась держаться тепло и сердечно, ничем не

проявить свою идиотскую ревность…

Из дома вышел гэйрог почти такого же роста, как и Висмаан, с такой же сверкающей жемчужной чешуей кожей, такими же медленно корчившимися змееподобными волосами. Между ними имелось лишь одно, но очень заметное внешнее различие: грудь женщины-гэйрога украшало, наподобие бахромы, множество — дюжина, а то и больше — мясистых трубочек, каждая из которых заканчивалась темно-зеленым соском. Тесме содрогнулась. Висмаан говорил ей, что гэйроги относятся к млекопитающим, и сейчас она получила неопровержимое доказательство его слов. Но подруга Висмаана чрезвычайно походила на рептилию, а эти жуткие трубочки с сосками лишь усиливали это сходство, так что она казалась не млекопитающим существом, а каким-то сверхъестественным и невероятным гибридом. Потрясенная до глубины души, Тесме молча переводила взгляд с одного гэйрога на другого.

— Это та самая женщина, о которой я тебе рассказывал, — сказал Висмаан. — Когда я валялся со сломанной ногой, она нашла и вылечила меня. Тесме, это моя подруга Турном.

— Рада вас видеть, — торжественно привет-

ствовала гостью женщина-гэйрог.

Тесме срывающимся голосом произнесла несколько вымученных похвальных фраз по поводу огромной работы, проделанной на ферме. Ей хотелось только одного: убежать отсюда, но возможности для отступления уже не было: она пришла в гости к своим соседям по джунглям, и те настаивали на соблюдении приличий. Висмаан пригласил ее в дом. А что будет дальше? Чашка чая, бокал вина, немного токки и жареный минтун? Внутри было почти пусто: стол да несколько подушек, а в дальнем углу стоял на трехногом табурете странный высокий, плотно сплетенный из тонких прутьев короб с открытой крышкой. Тесме лишь искоса взглянула на него и быстро отвела глаза, решив почему-то, что проявлять любопытство сейчас неприлично. Но Висмаан взял ее под локоть.

— Я хочу тебе показать. Смотри.

Она заглянула под крышку.

Это оказался инкубатор. В гнезде из мха лежало одиннадцать или двенадцать кожистых круглых яиц — ярко-зеленых, покрытых крупными красными пятнышками.

— Наши первенцы проклюнутся меньше чем через месяц, — сообщил Висмаан.

У Тесме потемнело в глазах. Почему-то именно это открытие истинно чуждой сущности гэйрогов ошеломило ее как ничто иное прежде. На нее так не действовал ни холодный взгляд немигающих глаз Висмаана, ни его корчащиеся волосы, ни прикосновение его чешуйчатой кожи к ее нагому телу, ни внезапное поразительное ощущение его плоти, заполнившей ее лоно и движущейся внутри нее. Яйца! Эта подстилка! И бахрома на груди Турном уже наливается молоком, чтобы кормить! Тесме воочию увидела дюжину крошечных ящериц, присосавшихся к множеству трубочек, и ее пронзил ужас: какое-то мгновение, показавшееся ей бесконечным, она стояла неподвижно, даже не дышала, а потом повернулась и бросилась прочь. Она промчалась по склону, перепрыгнула канаву, пробежала прямо, как она слишком поздно поняла, по недавно засеянному полю и вломилась в дышавшие горячим паром влажные джунгли.

Глава 8

Она не знала, сколько времени прошло до того момента, когда на пороге ее хижины появился Висмаан. Минуты и часы слились для нее в единый поток еды, сна, плача, дрожи — так что, возможно, минул день, возможно, два, а возможно, и неделя, прежде чем он вдруг просунул голову и плечи в дверной проем и окликнул ее по имени.

— Чего тебе? — не поднимая головы, спросила Тесме.

— Надо поговорить. Есть кое-что, о чем мне следует тебе сказать. Почему ты так внезапно ушла?

— А это имеет какое-нибудь значение?

Он присел рядом и нежно положил руку ей на плечо.

— Тесме, я должен попросить у тебя прощения.

— За что?

— Когда я уходил отсюда, то не поблагодарил тебя за все, что ты для меня сделала. Мы с Турном долго гадали, почему ты убежала, и она сказала, что ты на меня рассердилась, а я никак не мог понять почему. Тогда мы с ней обсудили все возможные причины, и, когда я рассказал, как мы

расстались, Турном спросила меня, говорил ли я тебе о том, насколько благодарен за помощь. И я ответил, что нет, я этого не сделал — просто не имел понятия, что так следует поступать. Вот почему я пришел к тебе. Прости мою грубость, Тесме. Она — следствие моего невежества.

— Я прощаю тебя, — глухо отозвалась Тесме. — А теперь уходи. Пожалуйста!

— Посмотри на меня, Тесме.

— Лучше не надо.

— Прошу тебя.

Висмаан легонько потянул ее за плечо, и Тесме с мрачным видом повернулась.

— У тебя опухшие глаза, — заметил он.

— Наверное, съела что-то не то.

— Ты все еще сердишься. Почему? Пойми, у меня и в мыслях не было тебя обидеть. Гэйроги не выражают благодарность так, как делают это люди. Но позволь мне поблагодарить тебя хотя бы сейчас. Ты спасла мне жизнь — я уверен в этом — и была чрезвычайно добра ко мне. Я никогда не забуду, что ты сделала для меня, когда я был болен. И я виноват, что не сказал тебе об этом раньше.

— А я была не права, когда вот так выгнала тебя, — чуть слышно отозвалась она. — Но не

проси меня объяснить, почему я так поступила. Это очень сложно. Я прощу тебя за то, что ты не поблагодарил меня, если ты простишь меня за то, что я выгнала тебя из дома.

— Никакого прощения не требуется. Моя нога зажила, пора было двигаться дальше, и ты лишь напомнила мне об этом. Я продолжил прерванные поиски и вскоре нашел подходящую для фермы землю.

— Значит, все было так просто?

— Да. Конечно.

Она поднялась на ноги и выпрямилась, повернувшись к нему лицом.

— Висмаан, почему ты занимался со мной любовью?

— Потому что мне казалось, что ты хотела этого.

— И все?

— Ты была несчастна и, как мне представлялось, не хотела спать в одиночестве. Я надеялся, что смогу хоть немного успокоить тебя, пытался по-дружески поддержать, посочувствовать.

— О. Понятно.

— Мне думалось, что это доставляло тебе удовольствие, — сказал он.

— Да. Да. Это действительно доставляло мне

удовольствие. Но ты не хотел меня тогда?

Его язык заплясал перед безгубым ртом, что, по мнению Тесме, могло быть эквивалентом нахмуренного лба озадаченного человека.

— Нет, — сказал он после недолгой паузы. — Ведь ты человек. Как я могу чувствовать половое влечение к человеку? Мы ведь такие разные. На Маджипуре нас называют чужаками, но, согласись, для меня чужак — ты. Или я не прав?

— Наверное… Да, ты прав.

— Но я очень любил тебя и желал тебе счастья. В этом смысле можно сказать, что я хотел тебя. Ты меня понимаешь? И я навсегда останусь твоим другом. Я надеюсь, что ты еще не раз придешь к нам в гости и мы угостим тебя всем, что сумеем вырастить на своей ферме. Ты ведь придешь, Тесме?

— Я… Да, да, я приду.

— Ну вот и прекрасно! А теперь мне пора идти. Но прежде…

С серьезным выражением лица он торжественно притянул к себе Тесме, и она оказалась в объятиях его мощных рук. И вновь ей довелось ощутить непривычно гладкую жесткость его кожи, и снова маленький алый раздвоенный язычок пробежал по ее векам в неведомом людям

поцелуе… Это объятие длилось в течение неимоверно долгого мгновения.

— Я очень люблю тебя, Тесме, — прошептал он, опустив руки. — Я никогда не смогу забыть тебя.

— И я тебя тоже.

Стоя в дверях, она провожала взглядом Висмаана, пока он не скрылся в зарослях на дальнем берегу пруда. Душа ее наполнилась ощущением мира, спокойствия и теплоты. Вряд ли она когда-либо посетит Висмаана и Турном с их выводком крошечных ящериц. Но это уже не имело значения. Висмаан поймет. Теперь все хорошо… Тесме начала укладывать вещи в мешок. До полудня еще далеко, и у нее вполне достаточно времени, чтобы добраться до Нарабаля.

Тесме вошла в город сразу же после полуденного ливня. Прошло уже больше года с тех пор, как она сбежала отсюда, и несколько месяцев после ее последнего посещения… Просто поразительно! Как же все изменилось за это время! Жизнь в городе кипела: всюду росли новые здания, в Канале столпились десятки кораблей, на улицах бурлило движение. Казалось к тому же, что город подвергся нашествию множества иноплеменников. Повсюду сновали сотни гэйрогов, какие-то серые существа с бородавчатой кожей

— наверное, это и есть хьорты — и огромные четверорукие скандары… Целый передвижной цирк странных существ, явившихся сюда по своим делам и доброжелательно принятых населявшими город людьми. Тесме не без труда добралась до материнского дома и застала там двух своих сестер и брата Далхана. Они смотрели на нее с изумлением и, как ей показалось, со страхом.

— Я вернулась, — заявила она. — Знаю, что похожа на дикое животное, но как только подстригусь и надену новую тунику, вот увидите, снова стану человеком.

Спустя несколько недель Тесме переехала в дом Рускелорна Юлвана, а в конце года они поженились. Поначалу она намеревалась признаться ему в том, что она и ее жилец-гэйрог были любовниками, но все никак не решалась, а по прошествии времени все случившееся в джунглях показалось ей слишком незначительным, недостойным даже упоминания.

Лет десять или двенадцать спустя Тесме обедала с мужем в одном из прекрасных новых ресторанов гэйрогского квартала города, где им подали жареное мясо билантуна. Возможно, сыграло свою роль и то, что Тесме выпила чересчур много крепкого золотистого северного вина… Но

на этот раз давление старых ассоциаций оказалось слишком мощным, и у нее не хватило сил для сопротивления…

— Ты мог представить себе что-либо подобное? — спросила она, закончив свою историю.

— Я догадался, как только увидел тебя рядом с ним на улице, — ответил Рускелорн Юлван. — Но какое это могло иметь значение?

Часть II
Время огня

После этого поразительного опыта Хиссун вот уже несколько недель не смеет вернуться в Регистр памяти душ. Впечатление оказалось слишком мощным и болезненным, и ему нужно время, чтобы прийти в себя. За час, проведенный в Регистре, он прожил много месяцев из жизни той женщины, и приобретенный опыт чужой судьбы обжигает ему душу. Перед его мысленным взором проходят незнакомые новые образы.

Прежде всего джунгли. Хиссун не бывал нигде, кроме подземного Лабиринта с его тщательно регулируемым климатом, не считая, конечно, кратковременного путешествия на Замковую гору, климат которой хотя и заметно отличался от того, что был в его родном подземелье, был тем не менее тоже искусственным и управляемым. Вот почему густая листва и проливные дожди, пение птиц и жужжание насекомых, ощущение мокрой земли под босыми ногами произвели на мальчишку необыкновенно сильное впечатление. Но это лишь крошечная частица

того, что пришлось ему испытать. Превратиться в женщину — что может быть удивительнее! А потом еще и оказаться любовницей существа иной расы! У Хиссуна не хватало слов, чтобы выразить свои ощущения. Просто уму непостижимо! И столь невероятное событие неведомым образом стало частью его существа. А когда он все же взялся за его осмысление, то поводов для раздумий оказалось намного больше: не только отношения мужчины и женщины, представителей различных рас, но и ощущение Маджипура как развивающегося мира, многие части которого до сих пор остаются такими же молодыми, как и в дни творения. Немощеные улицы Нарабаля, деревянные лачуги и сама планета, на которой он живет: не ухоженная, не прирученная, как сейчас, но бурная и таинственная, со множеством белых пятен на карте. В то время как Хиссун бездумно листает и перекладывает никому не нужные архивы налоговых инспекторов, мысли его час за часом, день за днем вращаются вокруг пережитых событий. И постепенно до него начинает доходить, что после своего незаконного посещения Регистра памяти душ он уже никогда не станет прежним, никогда не сможет быть просто мальчиком по имени Хиссун, но — в силу

неких непостижимых обстоятельств — всегда будет не только Хиссуном, но также и женщиной по имени Тесме, которая жила и умерла девять тысяч лет назад на другом континенте, в жарком душном городе, который Хиссун никогда не увидит.

А потом его, конечно, с неудержимой силой снова влечет к себе удивительный Регистр памяти душ. У входа на сей раз дежурит другой чиновник — хмурый маленький вруун в косо нацепленной полумаске, — и Хиссуну приходится очень быстро и небрежно, словно ему давно уже наскучило это делать, взмахнуть перед ним своим пропуском, чтобы попасть туда, куда ему требуется. А так как его бойкий ум далеко опережает мыслительные процессы любого из этих вялых чиновников, то вскоре он уже сидит в вожделенной кабине и быстрыми пальцами набирает код на пульте. Пусть это будет времяя лорда Стиамота, решает он. Последний период войны, в которой метаморфы были разгромлены войсками людей — первых поселенцев на Маджипуре. «Выдай мне капсулу солдата армии лорда Стиамота, — мысленно приказывает он скрытому разуму хранилища. И добавляет: — Может быть, мне удастся что-нибудь узнать и о самом властелине Стиамоте!»

Вдоль всего горного хребта, изогнувшегося от Милиморна до Хамифиу, горели сухие предгорья, и даже здесь, в орлином гнезде, находившемся в пятидесяти милях к востоку от горы Зигнор, капитан Эремойль ощущал порывы горячего ветра, несущего запах гари. Весь горизонт закрывала корона густого темного дыма. За час-другой летающие машины должны были дотянуть полосу огня от Хамифиу до маленького городка в устье долины, а завтра им предстоит нести факелы дальше на юг, к Синталмонду. Тогда вся провинция окажется охваченной огнем, и горе всем, меняющим форму, которые задержатся здесь.

— Теперь уже недолго осталось, — сказал Вигган. — Война почти закончена.

Эремойль оторвал взгляд от карты северо-западной части континента и посмотрел на своего лейтенанта, исполнявшего обязанности начальника штаба.

— Ты так думаешь? — без выражения спросил он.

— Тридцать лет. Пожалуй, уже хватит.

— Не тридцать. Пять тысяч лет, шесть тысяч. С тех самых пор, как люди впервые попали в этот мир. Война не прекращалась все это время, Вигган.

— Но ведь бóльшую часть этого времени мы даже не сознавали, что воюем.

— Ты прав, — согласился Эремойль. — Мы этого не понимали. Но понимаем это теперь, не так ли, Вигган?

Капитан отвернулся от собеседника и вновь, прищурившись, склонился над картой. Маслянистый дым заставлял глаза слезиться, затуманивал зрение, а тонко начерченная карта была уже сильно потерта. Он медленно вел карандашом вдоль линии, отмечавшей контуры предгорий ниже Хамифиу, и сверялся с записанными на листке бумаги названиями деревень, которые нужно будет перечислить в рапорте.

Он надеялся, что на карте отмечены все деревни, расположенные в районе огненной дуги, и что офицеры побывали в каждой из них, чтобы предупредить о том, что здесь все будет сожжено. Если картографы что-то пропустили, то и ему, и тем, кто находится под его командованием, придется плохо, так как лорд Стиамот издал несколько распоряжений о том, что в ходе этого рукотворного катаклизма не должна пострадать ни одна человеческая жизнь: все поселенцы должны быть заблаговременно предупреждены, чтобы успеть эвакуироваться. Предупреждения

получили и метаморфы. Лорд Стиамот неустанно повторял, что никому не дано право заживо сжигать врагов. Их следует только привести к повиновению, и огонь в данном случае был, похоже, наилучшим средством для этого. А вот удержать пламя под контролем будет, по всей вероятности, нелегко, думал Эремойль, но это не относится к числу первостепенных задач.

— Каттикаун, Бизферн, Домгрейв, Бьелк… Как же здесь много мелких городишек, Вигган. И зачем это людям понадобилось поселиться именно здесь?

— Говорят, что земля в этих местах плодородная, господин, а климат для такого северного района достаточно умеренный.

— Умеренный? Полагаю, что только для тех, кто не против по полгода обходиться без дождя. — Эремойль закашлялся. Ему показалось, что он слышит, как отдаленный пожар с треском пожирает желто-коричневую траву по колено высотой. В этой части Алханроэля зимой дожди шли почти непрерывно, зато летом их не было вовсе. Серьезное испытание для фермеров, но они, видимо, смогли с ним справиться, судя по тому, сколько сельскохозяйственных поселений выросло на склонах этих холмов и ниже, в доли-

нах, сбегавших к морю. Сейчас сухой сезон был в разгаре, и вся местность за последние месяцы выгорела под яростным летним солнцем — сушь, сушь, сушь… темная растрескавшаяся земля, полегшая и высохшая трава, выросшая за зимние месяцы, кусты, в ожидании влаги свернувшие в трубочки свои мясистые листья… Просто идеальное место для того, чтобы разбрасывать факелы и оттеснять упрямых врагов до самого океана — или еще дальше! Но не лишать никого жизни, никого не лишать жизни… Эремойль продолжал изучать свои списки. Чикмож, Фуалль, Даниуп, Мичиманг… Он снова посмотрел на лейтенанта.

— Вигган, что ты будешь делать после войны?

— У моей семьи есть земля в долине Глэйдж. Думаю, что снова стану фермером. А вы, господин?

— Мой дом находится в Сти. Я был гражданским инженером — акведуки, трубопроводы для сточных вод и прочие столь же очаровательные вещи. И смогу вернуться к своему делу. Когда ты в последний раз видел Глэйдж?

— Четыре года назад, — ответил Вигган.

— А я пять лет не был в Сти. Ты ведь, кажется, участвовал в сражении при Треймоуне?

— Был там ранен. Слегка.

— И тебе приходилось убивать метаморфов?

— Да, господин.

— А мне нет, — сказал Эремойль. — Уже девять лет, а все еще никого не лишил жизни. Конечно, я все время был офицером. Подозреваю, что из меня получится не слишком хороший убийца.

— Все мы таковы, — отозвался Вигган. — Но когда они наступают на тебя, изменяя форму по пять раз за минуту, с ножом в одной руке и топором в другой… или когда ты знаешь, что они совершили набег на землю твоего брата и убили твоих племянников…

— И такое было, Вигган?

— Не со мной, господин. Но с другими было, со множеством других. Злодеяния… Но вам, наверное, не нужно рассказывать, как…

— Да нет, не рассказывай. Как называется этот городок, Вигган?

Лейтенант наклонился пониже.

— Сингасирин, господин. Надпись немного смазана, но это именно он. И он есть в нашем списке. Вот, смотрите. Мы предупредили их позавчера.

— Думаю, что мы ничего не пропустили.

— Надеюсь, что так, господин, — откликнулся Вигган.

Эремойль свернул карту, убрал ее и снова посмотрел на запад, где четко была видна линия,

отделявшая район пожаров от не затронутых огнем холмов к югу от него. На темно-зеленых холмах, судя по всему, росли деревья с пышной листвой. Но за время засухи листья этих деревьев пожухли, и этим склонам предстоит взорваться, словно от бомбежки, когда огонь доберется до них. Время от времени он видел вспышки пламени, не более заметные, чем пущенные зеркалом зайчики. Но это иллюзия, порожденная огромным расстоянием. Эремойль знал: каждый из этих крошечных бликов на самом деле яростный пожар, охвативший новый обширный участок леса неподалеку от Хамифиу. Туда не бросали с воздуха факелы — огонь сам добрался до этих деревьев.

— Господин, прибыл посыльный, — доложил Вигган.

Эремойль обернулся. Спускавшийся с горы высокий молодой человек в пропитанной потом униформе неуверенно уставился на него.

— В чем дело? — спросил он.

— Меня прислал капитан Ванэйль, господин. В долине возникла проблема. Поселенец не желает эвакуироваться.

— Лучше бы он пожелал, — отозвался Эремойль, пожимая плечами. — Где это?

— Между Каттикауном и Бизферном, господин. Богатый землевладелец. Кстати, его зовут тоже Каттикаун, Айбиль Каттикаун. Он сказал капитану Ванэйлю, что владеет этой землей по прямому указу понтифекса Дворна, что его род живет здесь уже тысячи лет и что он не собирается…

Эремойль вздохнул.

— Меня совершенно не интересует, кто дал ему землю. Пусть даже Божество собственной персоной. Завтра мы сожжем этот район, и если он останется там, то хорошо прожарится.

— Он знает об этом, господин.

— Тогда чего же он от нас хочет? Чтобы мы заставили огонь обойти кругом его ферму, так что ли? — Эремойль нетерпеливо махнул рукой. — Эвакуируйте его, хочет он того или нет.

— Мы попробовали, — сказал посыльный. — Он вооружен и сопротивляется. Заявляет, что убьет любого, кто попытается прогнать его с земли.

— Убьет? — повторил Эремойль, как будто услышал нечто бессмысленное. — Убьет? Кто говорит о чьем-то убийстве? Этот человек сумасшедший. Пошлите пятьдесят солдат — пусть укажут ему дорогу в безопасный район.

— Как я уже доложил вам, господин, он оказал сопротивление. Была перестрелка. Капитан

Ванэйль полагает, что попытка выдворить этого человека может повлечь за собой человеческие жертвы. Капитан Ванэйль просит вас, господин, лично спуститься в долину и урезонить упрямца.

— Чтобы я…

— Возможно, это наилучший выход, — негромко произнес Вигган. — Эти крупные землевладельцы иногда очень своенравны.

— Пусть Ванэйль сходит к нему, — возразил Эремойль.

— Господин, капитан Ванэйль уже пытался вести переговоры с этим человеком, — сообщил посыльный. — Но у него ничего не вышло. Каттикаун требует аудиенции с лордом Стиамотом. Конечно, это невозможно, но если бы вы пошли…

Эремойль задумался. Вообще-то, командиру его ранга не по чину было заниматься такими мелочами. Очистить территорию перед завтрашним поджогом было прямой обязанностью Ванэйля, а Эремойль должен был находиться здесь и управлять всей операцией. Но, с другой стороны, за освобождение территории в конечном счете отвечает именно он, Эремойль, а Ванэйль явно не справился со своей задачей. Если послать коман-

ду и попытаться выставить упрямца силой, дело, скорее всего, закончится гибелью Каттикауна, да еще и нескольких солдат, что вряд ли можно будет расценивать как успешный результат. Почему бы не пойти? Эремойль медленно кивнул. Протокол, будь он проклят: ему приходится выполнять множество ненужных формальностей. Откровенно говоря, на вторую половину дня у него не оставалось никаких важных дел, ну а с мелкими вопросами, если они возникнут, вполне справится Вигган. И если ценой небольшой прогулки вниз по склону горы ему удастся спасти пусть даже одну жизнь, жизнь глупого упрямого старика…

— Подай мою парящую лодку, — приказал он Виггану.

— Господин?

— Подавай. И побыстрее, пока я не передумал. Я поеду вниз и встречусь с ним.

— Но Ванэйль уже…

— Перестань дергаться, Вигган. Я отлучусь совсем ненадолго. До моего возвращения ты останешься здесь за командира, но я не думаю, что у тебя будет много проблем. Ты справишься?

— Да, господин, — хмуро ответил лейтенант.

Поездка заняла больше времени, чем рас-

считывал Эремойль: почти два часа спуска по извилистой дороге к подножию горы Зигнор, затем по неровному плато, полого уходившему вниз, к предгорьям, окружавшим прибрежную равнину. Там было жарче, хотя и не столь дымно; набегавшие волны горячего воздуха порождали миражи и, казалось, заставляли пейзаж таять и растекаться. Никакого движения на дороге не было, но капитану много раз приходилось останавливаться, чтобы пропустить охваченных паникой странных животных неизвестных ему пород, в страхе спасавшихся от огня. К тому времени, когда Эремойль добрался до поселений в предгорьях, тени уже начали удлиняться. Огонь здесь обладал материальным воплощением, словно второе солнце в небе. Эремойль ощущал на своих щеках его жар, а висевший в воздухе мелкий пепел оседал на коже и одежде.

Городки, названия которых он сверял по списку, теперь неприятно поразили его реальностью своего существования: Бьелк, Домгрейв, Бизферн… Одинаковые словно близнецы: в центре — лавки и общественные здания, окруженные кольцом жилых домов, от которых в разные стороны расходятся поля. Кроме того, каждый городок имел собственную небольшую долину с

протекающим по ней ручьем, сбегавшим с холмов и терявшимся на равнине. Все они теперь опустели или почти опустели — в них оставалось лишь несколько запоздавших, а все остальные уже двигались по ведущим к побережью дорогам. Эремойль подумал, что он может зайти в любой из домов и найдет там книги, резные фигурки, подарки к праздникам, полученные от живших вдали родственников, даже домашних животных, расставание с которыми, возможно, глубоко опечалило всю семью… А завтра все это станет пеплом. Но на этой территории было полно меняющих форму. На протяжении столетий поселенцы жили здесь под угрозой нападения непримиримого и безжалостного противника, который, надев на себя маску чьего-нибудь друга, возлюбленного или сына, появлялся из лесов, чтобы убивать, и вновь скрывался в них. Тихая, тайная война между изгнанниками и теми, кто занял их место, не прерывалась ни на день. И эта война была неизбежной, с тех пор как первые лагеря переселенцев на Маджипуре превратились в города и появились сельскохозяйственные территории, которые все шире и шире распространялись в области, где обитали аборигены. Существует такой способ лечения, как прижи-

гание, и в этих последних конвульсиях борьбы между людьми и меняющими форму его никак нельзя было избежать. И Бьелк, и Домгрейв, и Бизферн необходимо разрушить, чтобы навсегда прекратить мучения. И все же это нисколько не облегчает участь тех, кому пришлось лишиться своего жилья, думал Эремойль. Не так-то легко уничтожить даже чей-то чужой дом — чем он занимался на протяжении вот уже нескольких дней, — если, конечно, делать это самому, а не чужими руками издалека, с удобного расстояния, с которого все эти пожары воспринимаются как стратегическая абстракция. За Бизферном отрог горы сворачивал к западу, и дорога делала поворот вместе с ним. Здесь протекали крупные ручьи, почти что небольшие речки, и там, где не было полей, стояли густые леса. Но после многомесячной засухи и эти леса были готовы вот-вот вспыхнуть; под деревьями валялись кучи сухих листьев, отмершие ветки, обрушившиеся мертвые стволы.

— Это здесь, господин, — сообщил посыльный.

Эремойль оглядел широкий каньон с узкой горловиной, посредине которого протекал ручей. В сгущавшихся тенях он разглядел внушительных размеров поместье, большое белое здание

с зеленой крышей и, как ему показалось, раскинувшиеся за ним обширные хлебные поля. Горловину каньона охраняли вооруженные стражники. Это было не простое фермерское хозяйство, а владение некоего человека, мнившего себя не иначе как герцогом. Эремойль понял, что его ожидают изрядные неприятности.

Он спустился наземь и зашагал в сторону стражников. Держа энергометы на изготовку, они встретили капитана неприязненными, изучающими взглядами. Он обратился к тому из них, который выглядел наиболее внушительно:

— Капитан Эремойль. Я хочу видеть Айбиля Каттикауна.

— Каттикаун ожидает лорда Стиамота, — последовал холодный ответ.

— Лорд Стиамот занят. Сегодня его представляю я — капитан Эремойль, командующий этим районом.

— Нам приказано впустить только лорда Стиамота.

— Передайте вашему господину, — устало сказал Эремойль, — что корональ сожалеет о том, что не может посетить его лично, и просит его изложить свои претензии капитану Эремойлю.

В первый момент ему показалось, что страж-

ник не услышал этих слов. Но спустя несколько секунд он молча повернулся и направился в глубь каньона. Эремойль смотрел, как он неторопливо шел вдоль берега ручья, пока наконец не скрылся за густыми кустами, посаженными перед замком. Прошло довольно много времени; ветер переменился и теперь налетал обжигающими порывами со стороны пожара, принося с собой дымные клубы, которые жалили глаза и опаляли горло. Эремойль подумал, что в его легких, наверное, уже осел слой черного пепла. Но из этого окруженного горными отрогами места самого огня видно не было.

Наконец стражник возвратился той же неторопливой походкой.

— Каттикаун примет вас, — объявил он.

Эремойль подозвал водителя и приехавшего с ним посыльного. Но стражник отрицательно помотал головой.

— Только вас, капитан.

Водитель переменился в лице. Эремойль махнул ему рукой.

— Ждите меня здесь, — сказал он. — Не думаю, что задержусь надолго.

Вслед за стражником он направился по дорожке к замку.

Эремойль ожидал от Айбиля Каттикауна такого же подчеркнуто недружелюбного приема, какой оказала ему стража, но он недооценил той любезности, которую чувствовал себя обязанным проявлять провинциальный аристократ. Каттикаун приветствовал его с теплой улыбкой и открытым взглядом, обнял гостя, как могло показаться, совершенно искренне и провел его в большой дом, обставленный не слишком пышно, но с грубоватой простотой, производившей впечатление элегантности. Под сводчатым потолком тянулись блестящие от лака балки из черного дерева, высокие стены украшали охотничьи трофеи, мебель была массивной и, судя по всему, древней. В целом дом производил впечатление архаичности. Как, впрочем, и сам Айбиль Каттикаун. Это был крупный человек, ростом гораздо выше поджарого Эремойля; ширину его плеч еще больше подчеркивала тяжелая мантия из меха ститмоя. Шапка густых с заметной проседью волос лежала красивыми крупными волнами над высоким лбом, глаза были темными, а губы тонкими. Он выглядел поистине величественно.

Каттикаун наполнил два бокала вином красивого янтарного цвета и лишь после того, как они отпили по глотку, заговорил:

— Значит, вам необходимо сжечь мои земли?

— К сожалению, мы должны полностью сжечь всю эту провинцию.

— Какая глупость! Возможно, самая большая во всей военной истории человечества. Имеете ли вы хоть какое-то представление о ценности производимой здесь продукции? Вам известно, сколько поколений вложило свой тяжкий труд в создание и развитие этих ферм?

— Вся область от Милиморна до Синталмонда и дальше — центр партизанской активности метаморфов, их последний оплот на Алханроэле. Корональ твердо решил положить конец этой отвратительной войне, а это можно сделать, только выкурив меняющих форму из их убежищ в этих холмах.

— Есть и другие методы.

— Мы пробовали их, но безрезультатно, — возразил Эремойль.

— Говорите, пробовали? А вы пытались дюйм за дюймом обыскать леса, чтобы найти их? Или, может быть, вы собрали сюда всех солдат Маджипура, чтобы провести сплошное прочесывание? Конечно нет. Это слишком хлопотно. Гораздо проще пустить в ход летающие машины и сжечь целую провинцию.

— Эта война унесла жизни целого поколения.

— И корональ в конце концов потерял терпение! — воскликнул Каттикаун. — А расплачиваться за это должен я!

— Корональ — великий стратег. Корональ победил опасного и почти неуловимого врага и впервые сделал Маджипур безопасным для людей — повсюду, кроме этого района.

— Мы достаточно хорошо управлялись с метаморфами, скрывавшимися рядом с нами, капитан. Ведь меня они все же не убили. Я умел обращаться с ними. Угроза, которую они могли представлять моему благосостоянию, несопоставима с той, какая исходит от моего собственного правительства. Ваш корональ, капитан, просто дурак.

Эремойль сдержался.

— Будущие поколения станут говорить о нем как о герое из героев.

— Вполне возможно, — согласился Каттикаун. — Именно так обычно и становятся героями. Уверяю вас, что не было никакой необходимости уничтожать целую провинцию ради того, чтобы расправиться с последними аборигенами, которых осталось всего несколько тысяч. Я заявляю вам, что это опрометчивый и близорукий ход

переутомившегося генерала, который спешит вернуться к безмятежной жизни в своем Горном замке.

— Пусть даже так, но решение, тем не менее, принято, и все от Милиморна до Хамифиу уже горит.

— Я заметил это.

— Огонь движется к деревне Каттикаун. Возможно, к рассвету он подойдет к границам вашего владения. В течение дня мы будем поджигать провинцию дальше к югу — до самого Синталмонда.

— Не сомневаюсь, — совершенно спокойно отозвался Каттикаун.

— Этот район превратится в ад. Мы просим вас покинуть его, пока еще не поздно.

— Я предпочитаю остаться, капитан.

Эремойль медленно перевел дух.

— В таком случае мы не сможем принять на себя ответственность за вашу безопасность.

— Никто и никогда не отвечал за мою безопасность, кроме меня самого.

— Предупреждаю: вы умрете, и смерть будет ужасной. Мы не в состоянии заставить огонь обойти ваши земли стороной.

— Понимаю.

— Но это означает, что вы просите, чтобы мы убили вас.

— Ничего подобного я не прошу. Мы с вами едва ли сможем о чем-либо договориться. Вы ведете свою войну, а я защищаю свой дом. Если огонь, который требуется для вашей войны, вторгнется на мою территорию, тем хуже для меня, но никакого убийства не произойдет. Просто наши пути расходятся в разные стороны, капитан Эремойль.

— Вы странно рассуждаете. В результате нашей огненной атаки вы погибнете, и ваша смерть останется на нашей совести.

— Я заблаговременно получил соответствующее предупреждение и нахожусь здесь по доброй воле, — ответил Каттикаун. — Так что моя смерть останется на моей собственной совести.

— А как же ваши люди? Они ведь тоже погибнут!

— Да, те, кто решил не покидать меня. Я предупредил их о том, что должно случиться. Трое отправились на побережье. Остальные остались. По своей собственный воле, а не для того, чтобы угодить мне. Это наш дом. Еще бокал вина, капитан?

Эремойль отказался было, но внезапно передумал и подвинул к хозяину пустой бокал.

— Неужели у меня нет никакой возможности переговорить с лордом Стиамотом? — спросил Каттикаун, наливая вино.

— Никакой.

— Насколько мне известно, корональ находится где-то здесь.

— Да, приехал на полдня. Но он ни с кем не желает встречаться.

— И, полагаю, не случайно. — Каттикаун улыбнулся. — Он же не сошел с ума, Эремойль?

— Корональ? Ни в коей мере.

— Этот поджог… это такой отчаянный, такой идиотский поступок. Ведь потом ему придется платить репарации — миллионы реалов. Это обанкротит казначейство, это обойдется дороже, чем пятьдесят замков, столь же великих, как тот, что он построил на вершине Горы. И ради чего? Дайте нам еще два-три года, и мы приручим меняющих форму.

— Или пять, или десять, или двадцать, — откликнулся Эремойль. — Конец войне должен быть положен сейчас, до завершения этого сезона. Эта ужасная конвульсия, этот всеобщий позор, это мерзкое пятно, этот бесконечный кошмар…

— Значит, вы считаете войну ошибкой?

Эремойль резко покачал головой.

— Непоправимая ошибка была сделана очень давно, когда наши предки решили обосноваться на планете, уже заселенной разумными существами. А теперь у нас не осталось иного выбора, кроме как сокрушить метаморфов. В противном случае нам придется покинуть Маджипур, но это совершенно невозможно.

— Да, — согласился Каттикаун, — разве можем мы навсегда оставить дома, доставшиеся нам в наследство от многих поколений наших предков?

Эремойль игнорировал мрачную иронию своего собеседника.

— Мы насильно отобрали планету у ее обитателей. В течение тысяч лет мы пытались жить с ними в согласии, пока не признались себе, что мирное сосуществование не более чем иллюзия. Теперь мы силой навязываем им свою волю. Это некрасиво, но другие варианты еще хуже.

— А что лорд Стиамот будет делать с теми меняющими форму, которых он содержит в лагерях для пленных? Запашет их вместо удобрения, в те поля, которые сжег?

— Им будет предоставлена обширная резервация на Зимроэле, — ответил Эремойль. — Отдать им половину континента — вряд ли это можно

назвать жестокостью. Алханроэль останется нашим, и нас с ними будет разделять океан. Уже идет подготовка к переселению. Из всех провинций только в вашей по-прежнему неспокойно. Лорд Стиамот принял на себя тягчайшее бремя ответственности за жестокий, но необходимый акт, и потомки будут еще долго восхвалять его за это.

— А я восхваляю его уже сейчас, — серьезным голосом откликнулся Каттикаун. — О мудрый и справедливый корональ! О ты, кто в своей бесконечной мудрости уничтожаешь эту землю, чтобы скрывающиеся здесь непокорные аборигены впредь не причиняли никому беспокойства… Знаете, Эремойль, я бы предпочел, чтобы этот ваш корональ-герой обладал менее благородным духом. Или, возможно, более благородным. Он казался бы мне куда великолепнее, выбери он несколько более мягкий и постепенный метод разгрома остатков своих врагов. Тридцать лет войны — какое значение тут могут иметь еще два-три года?

— Но он выбрал такой путь. И пока мы беседуем, огонь все приближается.

— Пусть приближается. А я останусь здесь и буду защищать от него мой дом.

— Вы не видели зону пожара, — возразил Эремойль. — Ваша защита не продержится и десяти секунд. Огонь пожирает все на своем пути.

— Вполне возможно. Но я все же попытаю счастья.

— Прошу вас…

— Вы просите? Разве вы нищий? Нет, это я должен просить. Я прошу вас, капитан, пощадите мое имение!

— Невозможно. Я действительно прошу вас: отступите и сохраните вашу жизнь и жизни ваших людей.

— И что вы предлагаете мне после этого делать? Ползти на карачках по дороге к побережью? Жить в какой-нибудь грязной клетушке в Алаизоре или Байлемуне? Подавать на стол в гостинице, или мести улицы, или ухаживать за скакунами в конюшне? Здесь мой дом. Лучше погибнуть здесь завтра за десять секунд, чем жить тысячу лет в трусливом изгнании. — Каттикаун подошел к окну. — Уже темнеет, капитан. Надеюсь, вы пообедаете со мной?

— Сожалею, но вынужден отказаться — не могу задерживаться.

— Быть может, вам неприятен такой спор? Тогда поговорим о чем-нибудь другом. Я с удо-

вольствием сменю тему.

Эремойль положил ладонь на огромную лапищу своего собеседника.

— Меня ждут обязанности в штабе. Ваше приглашение большая честь для меня, и я бы с удовольствием воспользовался вашим гостеприимством. Но, к сожалению, это невозможно. Надеюсь, вы простите мою невежливость?

— Мне жаль, что вы уходите, не вкусив пищи в моем доме. Вы торопитесь к лорду Стиамоту?

Эремойль промолчал.

— Хочу обратиться к вам с просьбой, — продолжал Каттикаун. — Помогите мне получить аудиенцию у короналя.

— Ничего не получится, а если бы и удалось, то не принесло бы ничего, кроме вреда. Пожалуйста, уезжайте сегодня же вечером, в крайнем случае ночью. Давайте пообедаем, а затем вместе уедем из вашего поместья.

— Это мой дом, и здесь я останусь, — ответил Каттикаун. — А вам, капитан, я желаю всего наилучшего, долгой и гармоничной жизни. И благодарю вас за эту беседу. — Он на мгновение прикрыл глаза и склонил голову: чуть заметный поклон, тонкое позволение уйти. Эремойль двинулся к двери большого зала.

— Другой офицер думал, что сможет выставить меня отсюда силой, — сказал ему вслед Каттикаун. — У вас оказалось гораздо больше здравого смысла, о чем я с удовольствием сообщаю вам. Прощайте, капитан Эремойль.

Эремойль попытался найти подходящие слова для ответа, ничего не придумал и ограничился воинским салютом.

Стражник Каттикауна проводил его назад к входу в каньон, где водитель Эремойля и посыльный коротали время возле парящей лодки, играя в кости. При виде Эремойля они вскочили, но он сделал успокаивающий жест и отвернулся. Он смотрел на восток, в сторону высоких гор, устремлявшихся к небу на дальней стороне долины. В этих северных широтах летней ночью небо было все еще светлым, даже на востоке, и тяжелая громада горы Зигнор заслоняла полгоризонта, возвышаясь на фоне бледно-серого неба подобно черной стене. А южнее вздымался ее близнец — гора Хеймон, на которой разместил свой штаб корональ. Эремойль постоял некоторое время, вглядываясь в два мощных пика и раскинувшиеся перед ними предгорья, наблюдая, как поднимаются с другой стороны столбы огня и дыма… Потом встряхнул головой и обернулся

туда, где скрылось в сгустившемся полумраке поместье Айбиля Каттикауна. В ходе своего движения по армейской лестнице чинов Эремойлю довелось познакомиться с герцогами, принцами и многими другими вельможами, которых простой гражданский инженер не часто встречает в обыденной жизни. Немало времени он провел и в обществе самого короналя и советников из ближайшего окружения правителя. Но никогда еще не приходилось ему сталкиваться с кем-либо, похожим на этого Каттикауна, который был или самым благородным, или самым неразумным человеком на планете, а возможно, и тем и другим.

— Поехали, — скомандовал он водителю. — Сворачивай на хеймонскую дорогу.

— Хеймонскую, господин?

— Да, к короналю. Сможешь доставить нас туда к полуночи?

Дорога к южному пику в целом походила на зигнорскую дорогу, но была круче и не столь ухоженная. В темноте ехать по ее изгибам на такой скорости, какую решился набрать водитель Эремойля — женщина из Стойена, — было опасно, но алое сияние горящих сухих степей освещало и долину, и предгорья, так что риск был не слишком велик. На протяжении всей

долгой поездки Эремойль не произнес ни слова. Ему просто нечего было сказать: как могла простая женщина-водитель или парень-посыльный понять внутреннюю сущность Айбиля Каттикауна? Даже сам Эремойль, впервые услышав о том, что один из местных фермеров отказался покинуть свою землю, неправильно истолковал этот характер, вообразив себе какого-то сумасшедшего старого дурака, упрямого фанатика, не желающего видеть грозящую ему опасность. Конечно, Каттикаун был упрям, и, возможно, его можно было назвать фанатиком, но под остальные категории он никак не подходил; он не был сумасшедшим, однако тем, кто, подобно Эремойлю, жил по совершенно иным принципам, его философия могла показаться безумной.

Капитан задумался: что же он сообщит лорду Стиамоту.

Репетировать бесполезно: в нужный момент слова или придут, или не придут. Спустя некоторое время он впал в состояние, похожее на сон наяву: его сознание оставалось ясным, но как бы застыло, лишилось способности мыслить. Парящая лодка легко неслась по головокружительным извивам дороги, поднимаясь из долины в горную местность, иззубренную острыми скалами. К

полуночи они достигли лишь подножия горы Хеймон, но повода для беспокойства не было: кораль, как известно, ложился очень поздно, а часто обходился совсем без сна. Эремойль не сомневался, что сможет увидеться с ним.

Где-то уже на середине склона горы Хеймон он незаметно для себя погрузился в настоящий сон и был удивлен и смущен, почувствовав, что посыльный легко трясет его за плечо.

— Лагерь лорда Стиамота, господин.

Растерянно моргая, Эремойль осознал, что сидит, выпрямившись, в парящей лодке, что у него затекли ноги и ноет спина. Луны дошли уже почти до середины неба, и ночь стала уже почти совсем черной — лишь на западе тьму прорезала необыкновенно яркая, фантастическая пламенная рана. Эремойль неловко выбрался из машины. Даже и сейчас, глубокой ночью, в лагере кораля кипела жизнь: во всех направлениях носились посыльные, во многих жилищах горели огни.

Появился адъютант и, узнав Эремойля, в полном соответствии с протоколом отдал ему честь.

— Ваш визит — сюрприз для нас, капитан Эремойль!

— Я бы сказал, что и для меня тоже. Лорд

Стиамот в лагере?

— Корональ проводит совещание штаба. Он ожидает вас, капитан?

— Нет, — честно признался Эремойль. — Но я должен поговорить с ним.

Адъютанта это нисколько не удивило. Штабные заседания среди ночи, региональные командующие, являющиеся без вызова или предупреждения для совещания с властелином, — а почему бы и нет? Это война, и к ней неприменимы те строгие правила и установления, которым подчиняется жизнь Замка. Эремойль прошел следом за офицером через весь лагерь к восьмиугольному шатру, украшенному Горящей Звездой — гербом короналя. Шатер окружало кольцо стражников, столь же неприветливых и мрачных, как и те, которые охраняли вход в каньон Каттикауна. За минувшие восемнадцать месяцев произошли уже четыре покушения на жизнь лорда Стиамота. Все покушавшиеся были метаморфами, но ни одному из них не удалось даже приблизиться к намеченной жертве. За всю историю Маджипура еще ни один корональ не умирал насильственной смертью — правда, до Стиамота ни один из них не воевал.

Адъютант негромко переговорил с команди-

ром стражников, и Эремойль внезапно оказался в окружении множества вооруженных людей; сильные пальцы до боли крепко ухватили его за руки, а прямо в глаза ударили ослепительные лучи света. На мгновение он был обескуражен внезапным нападением, но почти сразу же пришел в себя.

— Что это значит? Я — капитан Эремойль.

— Если только не меняющий форму, — ответил один из стражников.

— И вы думаете, что сможете узнать это, держа меня за руки и ослепляя фонарями?

— У нас свои методы, — буркнул другой голос.

Эремойль рассмеялся.

— Ни одного, который можно было бы считать надежным. Но давайте проверяйте меня, и поживее. Мне необходимо поговорить с лордом Стиамотом.

Они и на самом деле занялись проверкой. Кто-то дал ему полоску зеленой бумаги и велел лизнуть ее языком. Эремойль послушно лизнул; бумажка окрасилась в оранжевый цвет. Кто-то еще попросил разрешения отрезать несколько волосинок с его головы, сделал это, не дожидаясь ответа, и поджег волосы. Эремойль с изумлением наблюдал за действиями стражников. Последний

раз он был в лагере короналя месяц тому назад и не видел ничего подобного. Должно быть, решил он, было еще одно покушение или же приперся какой-нибудь ученый шарлатан, придумавший новые, якобы безошибочные, способы проверки. Насколько было известно самому Эремойлю, отличить метаморфа, принявшего человеческую форму, от подлинного человека можно было разве что при помощи вскрытия, но он вовсе не намеревался соглашаться на эту крайнюю меру.

— Все в порядке, — наконец услышал он. — Вы можете войти.

Тем не менее стражники сопровождали его и далее. Ослепленные ярким светом глаза Эремойля с трудом привыкали к окружающему полумраку, но спустя секунду-другую он все же разглядел в глубине шатра полдюжины фигур и среди них — лорда Стиамота. Присутствовавшие, похоже, молились. Он слышал негромкие восклицания и ответы, обрывки фраз из древнего священного писания. Неужели таковы теперь штабные совещания у короналя? Эремойль прошел вперед и остановился в нескольких шагах от группы. Он узнал только одного из приближенных короналя — Дамланга Бибирунского, которого называли вторым или третьим в списке претендентов на

трон; остальные, похоже, даже не были военными — пожилые люди в гражданских одеждах, судя по их виду — городские жители, больше похожие на поэтов или, может быть, толкователей снов, но уж никак не на воинов. Но ведь война почти закончилась.

Кораль взглянул в строну Эремойля, но, кажется, даже не заметил его.

Эремойль был поражен неуверенным бегающим взглядом лорда Стиамота. За три года войны кораль заметно постарел, но сейчас этот процесс, видимо, резко ускорился — он выглядел съежившимся, бесцветным, хилым: обтянутое сухой серой кожей лицо, тусклые глаза. На вид ему можно было дать и сто лет, однако он был не старше Эремойля — человек средних лет, которому на самом деле было еще далеко до старости. Эремойль помнил тот день, когда Стиамот вступил на трон. Именно тогда Стиамот поклялся положить конец безумиям этой непрекращающейся необъявленной войны с метаморфами, собрать древних аборигенов планеты всех вместе и изгнать их с территорий, освоенных людьми. С тех пор прошло всего лишь тридцать лет, а кораль выглядел так, будто прожил едва ли не столетие. Но ведь все время своего царствования

он провел на полях войны, чего не делал еще ни один корональ, властвовавший до него, и, вероятно, не сделает ни один из будущих правителей. Стиамот вел кампании в долине Глэйджа, в жарких южных провинциях, в густых лесах северо-востока, на плодородных равнинах близ залива Стойен, год за годом окружая меняющих форму силами своих двадцати армий и сгоняя их в лагеря. И теперь он почти выполнил свою задачу — на свободе остались только отдельные группы метаморфов в северо-западных провинциях. Долгая борьба близилась к завершению, жестокое бытие в условиях войны уходит в прошлое, и совсем скоро, ласковой весенней порой, короналю предстоит вернуться в Горный замок и наконец насладиться теми радостями, которые дает обладание троном. Пока шла война, Эремойль иногда задавался вопросом, как поступит лорд Стиамот в том случае, если понтифекс умрет и, согласно закону, короналю придется перейти на верховный престол и переселиться в Лабиринт: не решится ли он отказаться от этого и сохранить за собой звание короналя, чтобы иметь возможность оставаться на полях сражений? Но понтифекс, по имевшимся сведениям, пребывал в добром здравии, а перед ним находился лорд

Стиамот, казавшийся утомленным маленьким старичком, стоящим на краю могилы. И Эремойля вдруг словно осенило — он понял то, чего не сумел постичь Айбиль Каттикаун: причину стремления лорда Стиамота как можно быстрее полностью завершить войну независимо от того, какую за это придется заплатить цену.

— Кто это там? — спросил корональ. — Финивэйн?

— Эремойль, мой властелин. Командующий отрядами, проводящими поджоги.

— Эремойль. Да. Эремойль. Я вас вспомнил. Ну, садитесь с нами. Мы возносим благодарение Божеству за окончание войны, Эремойль. Эти люди прибыли от моей матери, Хозяйки Острова, охраняющей наши сны, и мы проведем ночь в песнях восхваления и благодарности, поскольку утром огненный круг замкнется. Ну что, Эремойль? Садитесь, пойте с нами. Вы ведь знаете гимны, посвященные Повелительнице Снов, не так ли?

Эремойль слушал слабый надтреснутый голос короналя и чувствовал, что у него подгибаются колени. Этот негромкий, тонкий как нить, сухой звук — все, что осталось от некогда царственного тона верховного правителя. Этот герой, этот полубог был изнурен и сломлен долгой войной,

от него уже ничего не осталось, он превратился в призрак, в тень. Увидев его в этом обличье, Эремойль спросил себя: а был ли лорд Стиамот когда-либо той величественной персоной, образ которой хранила память, или же, возможно, этот образ — лишь миф, созданный в воображении, а сам кораль всегда был куда более мелкой личностью, чем казался со стороны?

Лорд Стиамот сделал приглашающий жест. Эремойль неохотно подошел поближе.

Он думал о тех словах, которые намеревался сказать, ради которых прибыл сюда: «Мой властелин, там, на пути огня, остался человек, который не уйдет со своей земли и не позволит увезти себя силой, которого нельзя будет удалить иначе, как лишив его жизни. Но, мой властелин, этот человек слишком прекрасен, чтобы поступать с ним столь жестоко. И потому я прошу вас, мой властелин, прекратить распространение огня — может быть, применить какую-то иную стратегию, чтобы мы могли захватить метаморфов, когда они будут бежать из огненного кольца… но не позволять огню продвинуться далее той точки, которой он уже достиг, потому что…»

Нет.

Он видел, что просить кораля задержать

окончание войны хотя бы на один час абсолютно бесполезно. Ни ради Каттикауна, ни ради Эремойля, ни ради священной Хозяйки Острова Сна, матери Стиамота, движение огня не могло быть остановлено, поскольку стремление короналя завершить войну было наиглавнейшей силой, перед которой не могло устоять ни одно реальное или кажущееся препятствие. Эремойль мог бы попытаться остановить огненную атаку своей собственной властью, но просить позволения у короналя бессмысленно.

Лорд Стиамот вновь повернулся к Эремойлю.

— Что с вами, капитан? Что вас гнетет? Идите, садитесь возле меня. Пойте с нами, капитан. Присоедините свой голос к благодарению.

Они запели гимн. Эремойль не знал мелодии и негромко подтягивал, стараясь попадать если не в тон, то хотя бы в ритм. Потом последовал еще один гимн и еще один; следующий оказался ему знаком, и он принялся громко и немелодично подпевать. Наверное, уже близился рассвет. Он тихонько отодвинулся в тень и выбрался из шатра. Да, солнце уже окрасило первыми зеленоватыми лучами вершину горы Хеймон с востока, хотя пройдет еще час или немного больше, прежде чем свет озарит склон горы и об-

реченные долины к юго-западу от нее. Эремойль с тоской подумал, как хорошо было бы заснуть на неделю. Он осмотрелся и почти сразу же увидел адъютанта.

— Не могли бы вы послать от моего имени приказ моему начальнику штаба на пик Зигнор?

— Конечно, господин.

— Передайте ему, что на него возлагается ответственность за следующий этап огненной атаки и что ему следует действовать по утвержденному мною плану. Я останусь здесь на день, немного отдохну и вернусь в свой штаб к вечеру.

— Да, господин.

Эремойль отвернулся, посмотрел на запад. Там все еще царила ночь и лишь отблески пламени, пылавшего в зоне огня, рассекали тьму. Вероятно, Айбиль Каттикаун всю ночь провозился с насосами и брандспойтами, поливая свои поля. Это, конечно, было бесполезно: огонь такой силы пожирает все на своем пути и не останавливается до тех пор, пока есть чему гореть. Значит, Каттикаун умрет, черепичная крыша его жилища обрушится… — и помешать этому никак нельзя. Его можно спасти, лишь заставив несколько ни в чем не повинных солдат рисковать своей жизнью, да и то без гарантии успеха; еще его

можно спасти, если он, Эремойль, откажется выполнить приказ лорда Стиамота, но это будет не спасением, а лишь небольшой отсрочкой гибели. Итак, он умрет. После девяти лет участия в войне, думал Эремойль, я в конце концов дошел до того, что погубил жизнь, жизнь одного из своих сограждан. Но чему быть, того не миновать. Да, не миновать.

Несмотря на невероятную усталость, он не мог заставить себя уйти и провел на наблюдательном посту еще примерно час, пока не увидел первые вспышки огня в предгорьях около Бизферна или, возможно, Домгрейва. Значит, утренняя бомбардировка зажигательными снарядами началась. «Война скоро завершится», — сказал он себе. Последние враги уже бегут к безопасному побережью. Они будут интернированы и переправлены через море, и в мире снова наступит тишина. Спиной Эремойль ощущал тепло летнего солнца, а лицом — жар разраставшегося внизу пламени. «В мире снова наступит тишина», — повторил он про себя и пошел искать место, где можно было бы поспать.

Часть III
На пятый год плавания

Эта запись сильно отличалась от первой. Она не так изумила и потрясла Хиссуна: конечно, история печальная, трогательная, но она не коснулась таких глубин его души, какие затронула сага об отношениях девушки и гэйрога. И все же он сознает, что узнал много о природе ответственности, о тех конфликтах, которые возникают в противостоянии сил, ни одну из которых нельзя назвать неправой, и о том, что представляет собой истинная стойкость духа. Также он узнал кое-что о процессе сотворения мифов — ведь во всей истории Маджипура действительно не было ни одной столь богоподобной личности, как лорд Стиамот, великий правитель-воин, сломивший силу злокозненных аборигенов, меняющих форму. За восемь тысяч лет почитания он стал объектом воистину благоговейного поклонения, фигурой, исполненной грандиозного величия и блеска. Лорд Стиамот из знакомого с малых лет мифа все так же продолжает существовать в сознании Хиссуна, но

теперь ему необходимо потесниться, чтобы освободить место для Стиамота, увиденного глазами Эремойля, — того усталого, бледного, изможденного, маленького, преждевременно состарившегося человека, который посвятил всю жизнь войне и тем самым сжег дотла свою душу. Герой? Несомненно! С этим могут не согласиться разве только метаморфы. Но полубог ли он? Нет, он человек, которому не чуждо ничто человеческое, очень ранимый и донельзя утомленный. Очень важно никогда не забывать об этом, говорит себе Хиссун, и в этот момент сознает, что те минуты, которые он незаконно проводит в Регистре памяти душ, дают ему истинное образование, позволяют надеяться на получение докторской степени в науке знания жизни.

Далеко не сразу он чувствует себя готовым отправиться на следующий урок. Но через некоторое время пыль с бумаг налогового архива начинает вновь просачиваться к глубинам его «я», и он жаждет приключений, подвигов. Значит, обратно в Регистр. Необходимо восстановить подлинную сущность и других легенд.

Когда-то давным-давно в море вышел корабль, полный сумасшедших, решивших пересечь Великий океан, — самая безумная из всех безумных

затей, но это безумие было великолепным. Хиссун решает принять участие в этом плавании и выяснить, что же сталось с его командой. Небольшое исследование позволяет выяснить имя капитана: Синнабор Лавон, уроженец Замковой горы. Пальцы Хиссуна легко пробегают по кнопкам, указывая дату, место, имя… И вот он снова сидит в кресле, чуть настороженный, выжидающий, готовый выйти в море.

Шел пятый год плавания, когда Синнабор Лавон заметил первые пряди драконовой травы, извивавшиеся в воде рядом с бортами судна.

Конечно, он и понятия не имел о том, что это такое, поскольку прежде никто на Маджипуре ни разу не видел драконову траву. Эта отдаленная часть Великого океана никогда еще не исследовалась. Но Синнабор Лавон точно знал, что шел уже пятый год рейса, так как каждое утро аккуратнейшим образом записывал в вахтенном журнале дату и координаты судна, чтобы исследователи не утратили своего психологического настроя в этом безграничном и монотонном океане. И потому он был уверен, что этот день относится к двадцатому году правления понтифекса Дизимаула и короналя лорда Ариока и что идет пятый год с тех пор, как «Спурифон» вышел из порта

Тил-омон в кругосветное плавание.

Сначала он принял заросли драконовой травы за скопище морских змей. Казалось, что ими движет какая-то внутренняя сила, крутит их, извивает, сплетает и расплетает. В толще спокойной темной воды эти заросли переливались, мерцая, богатейшим набором цветов; каждая нить сверкала изумрудными, голубыми и ярко-красными бликами. С правого борта было видно небольшое пятно водорослей, а вдоль левого борта они тянулись по глади моря длинной и довольно широкой полосой.

Лавон оперся на перила и посмотрел на нижнюю палубу. Там возились три косматые четверорукие фигуры: скандары — члены экипажа чинили сети или притворялись, что чинят. Они встретили его появление кислыми, угрюмыми взглядами. Плавание им, как и большей части команды, уже давно осточертело.

— Эй, вы, там! — заорал Лавон. — Черпак за борт! Ухватите-ка несколько этих змей!

— Змей, капитан? О каких змеях вы говорите?

— Вон они! Рядом! Вы что, не видите?

Скандары дружно посмотрели в воду, а затем вновь перевели взгляды, на сей раз не лишенные некоторой покровительственности и победи-

тельного торжества, на Синнабора Лавона.

— Вы говорите об этой траве в воде?

Лавон всмотрелся пристальнее. Трава? Судно уже миновало первые пятна водорослей, но впереди тянулись обширные поля, и он прищурился, пытаясь рассмотреть отдельные нити в этих колеблющихся массах. Морская трава шевелилась совершенно по-змеиному. Но Лавон, как ни всматривался, не мог разглядеть ни голов, ни глаз. Что ж, возможно, это и вправду трава. Он нетерпеливо взмахнул рукой, и скандары без всякой спешки принялись разворачивать стрелу, к которой была прикреплена сеть-черпак для сбора биологических образцов.

Когда Лавон спустился на нижнюю палубу, там уже лежала кучка водорослей, а вокруг них по доскам быстро растекалась лужица; его успели опередить: возле находки столпились первый помощник Вормечт, главный штурман Галимойн, исследовательница Жоачил Нур с парой ее ученых и Микдал Хасц, летописец. В воздухе чувствовался острый аммиачный запах. Трое скандаров стояли позади, демонстративно зажимая носы, и что-то неодобрительно бормотали, ни к кому не обращаясь, но остальные смеялись, тыкали пальцами в траву, возбужденно перего-

варивались и вообще выглядели гораздо более оживленными, чем на протяжении нескольких последних недель.

Лавон опустился на колени перед добычей. Без сомнения, уловом на этот раз оказалась какая-то морская водоросль: каждый плоский мясистый лист в виде ленты был длиной в человеческий рост, шириной с мужское предплечье и толщиной в палец. Все это непрерывно судорожно дергалось, словно к каждой ленте было прикреплено по нескольку ниточек, за которые кто-то дергал; но по мере высыхания движения с каждой секундой становились все медленнее, а яркие цвета быстро тускнели.

— Зачерпните-ка побольше, — распорядилась Жоачил Нур, обращаясь к скандарам. — Только сразу вывалите в ведро с забортной водой, чтобы подольше сохранить их живыми.

Скандары не пошевелились.

— Вонь, — проворчало одно из волосатых существ, — такая мерзкая вонь.

Жоачил Нур сделала несколько шагов в их сторону — невысокая худенькая женщина рядом с этими гигантами казалась ребенком — и сердито взмахнула рукой. Скандары, пожимая плечами, взялись за дело.

— Что вы об этом думаете? — обратился к ней Синнабор Лавон.

— Морские водоросли. Неизвестная разновидность, но так далеко в море все оказывается новым. Интересные изменения цвета. Я не знаю, вызваны ли они каким-то особым распределением пигмента или являются просто оптическим эффектом, игрой света в разделенных между собой слоях эпидермиса.

— А движения? Морские водоросли не обладают мускулатурой.

— К движению способно множество растений. Незначительные колебания электрического потенциала изменяют плотность воды, содержащейся в разных частях растения. Знаете о чувствильниках, которые растут на северо-западе Зимроэля? Они обладают способностью съеживаться от крика. Морская вода — превосходный проводник, так что морские водоросли должны получать самые разные электрические импульсы. Мы внимательно изучим их. — Жоачил Нур улыбнулась. — Должна признаться, они для меня словно дар Божества. Еще одна неделя плавания по пустынному океану — и я прыгнула бы за борт.

Лавон кивнул. Он ощущал то же самое: отврати-

тельную убийственную скуку, ужасное, гнетущее сознание того, что сам обрек себя на бесконечное путешествие в никуда. Даже он, отдавший семь лет жизни организации этой экспедиции и всей душой желавший довести ее до конца, даже он на пятый год плавания чувствовал себя парализованным апатией, скованным ею по рукам и ногам…

— А как вы относитесь к идее нынче же вечером сделать нам сообщение? — обратился Лавон к исследовательнице. — Предварительные результаты. Уникальная новая разновидность морских водорослей.

Жоачил Нур не глядя взмахнула рукой; скандары без единого слова подняли полную воды бадью с выловленными водорослями и потащили в лабораторию. Все трое биологов ушли следом за ними.

— Их хватит не только для предварительного, но и для самого подробного изучения, — заметил первый помощник Вормечт. — Посмотрите, нет, только посмотрите туда! Их там совсем немало!

— А может быть, даже слишком много, — вставил Микдал Хасц.

Синнабор Лавон повернулся к летописцу, маленькому человечку с выцветшими глазами,

перекошенной фигурой — одно плечо было заметно выше другого — и хрипловатым голосом.

— Что вы имеете в виду?

— Я имею в виду забитые роторы, капитан. Если водорослей станет слишком уж много. Мне приходилось читать рассказы обитателей Старой Земли об океанах, настолько густо заросших водорослями, что суда безнадежно запутывались в них, команды питались крабами и рыбой и в конечном счете умирали от жажды, а корабли со скелетами на борту сотни лет дрейфовали по этим морским лугам…

— Фантазии. Сказки. — Главный штурман Галимойн фыркнул.

— А что, если это случится с нами? — спросил Микдал Хасц.

— Вы думаете, такая вероятность действительно есть? — поддержал его Вормечт.

Лавон не сразу сообразил, что все смотрят на него. Он вгляделся в море. Да, водорослей, похоже, становилось все больше. Впереди по курсу они формировали скопления, похожие на глубоко сидящие в воде плоты, а их ритмичные конвульсии, казалось, заставляли почти неподвижную воду пульсировать и волноваться. Но «плоты» отделялись один от другого широкими канала-

ми. Существовала ли вероятность того, что эти водоросли смогут застопорить движение такого хорошего судна, как «Спурифон»? На палубе воцарилась тишина. Ситуация становилась почти комической: всеобщий страх перед угрозой, которую представляют собой морские водоросли, встревоженные офицеры разошлись во мнениях и спорят между собой, капитан должен принять решение, которое может означать жизнь или смерть…

Настоящую угрозу, думал Лавон, представляют не водоросли, а скука. Уже на протяжении многих месяцев плавания ничего не происходило, и пустоту однообразных дней приходилось заполнять самыми разными развлечениями, вплоть до отчаянно безрассудных. Каждое утро из-за Зимроэля поднималось неестественно огромное бронзово-зеленое тропическое солнце; в полдень его обжигающий глаз взирал прямо из центра безоблачного неба, после чего оно спускалось к немыслимо далекому горизонту… и на следующий день все повторялось без малейших вариаций. Уже несколько недель не было дождя, погода вообще не менялась. Великий океан заполнил всю вселенную. Они не видели ни клочка земли, даже вершин островов вдалеке,

ни единой птицы, никаких водных животных. При такой жизни неизвестная разновидность морской водоросли показалась чудесным открытием. Безжалостная тоска по хоть какой-нибудь деятельности разъедала дух путешественников, подготовленных и просвещенных исследователей, которые когда-то восторженно восприняли возникшую в воображении Лавона картину странствия эпических масштабов, а теперь мрачно и печально сознавали, что мгновение романтичного безумия обернулось для них загубленными жизнями. Когда составлялись планы первой в истории экспедиции через Великий океан, занимавший почти половину их гигантской планеты, никто не ожидал, что она окажется вот такой. Люди грезили о ежедневных приключениях, фантастических новых животных, не отмеченных на картах необитаемых островах, им представлялись ужасные штормы, небеса, затянутые облаками пятидесяти невиданных оттенков, которые распарывают ослепительные молнии… Но только не это ужасающее однообразие, бесчисленное повторение одинаковых дней. Лавон уже начал опасаться бунта, поскольку на то, чтобы достичь дальних пределов Алханроэля, могло потребоваться еще семь или девять, а мо-

жет быть, и одиннадцать лет, и он сомневался, что все члены экипажа обладают достаточной силой духа, чтобы воспринять такую перспективу.

Уже очень многим приходила в голову мысль: а не лучше ли развернуть судно и направиться обратно к Зимроэлю? Были моменты, когда даже он сам задумывался об этом. А потому… «Давайте отправимся на поиски риска, — думал он, — и, если потребуется, выдумаем его сами! Давайте бросим вызов опасности, которую представляют морские водоросли, будь она реальной или воображаемой! Угроза опасности пробудит нас от смертельно опасной летаргии».

— Мы сможем преодолеть эти заросли, — объявил Лавон. — Будем двигаться вперед.

Но не прошло и часа, как его начали одолевать сомнения. Стоя на мостике, он внимательно следил за все сильнее сгущавшимися зарослями водорослей. Островов, которые они образовывали, теперь становилось меньше, но они оказывались все крупнее, по пятьдесят и по сто ярдов в поперечнике, а каналы между ними становились все уже. Вся поверхность моря пребывала в движении, плавно волновалась и словно бы поеживалась. Под жгучими лучами стоявшего почти в зените солнца водоросли обрели более

богатую цветовую гамму, с невероятной скоростью и резкостью меняли оттенки, как будто прямо на глазах набирали энергию от солнца. По проливам во множестве перемещались какие-то существа: огромные многоногие твари, похожие на крабов с округлыми узловатыми зелеными панцирями, и гибкие змеевидные животные, передвигавшиеся рывками, словно кальмары, в погоне за какой-то еще живностью, слишком мелкой для того, чтобы Лавон мог разглядеть ее с капитанского мостика.

— Может быть, изменим курс, — нервно предложил Вормечт.

— Стоит подумать, — ответил Лавон. — Я пошлю впередсмотрящего, чтобы он попробовал узнать, насколько далеко тянется это безобразие.

Изменение курса даже на несколько градусов нисколько не привлекало его. Его курс был определен, его решение было давно принято, но он опасался, что любое отклонение окончательно уничтожит его все более и более слабеющую уверенность. И все же он ни в коей мере не был одержимым лишь одной своей идеей, маньяком, стремящимся вперед, не думая об опасности. Суть в том, что он отчетливо сознавал, с какой легкостью экипаж «Спурифона» растеряет то

немногое, что еще оставалось от воодушевления и энтузиазма, вызванных грандиозностью предприятия, за которое они взялись.

Маджипур переживал свой золотой век — время героических личностей и величественных свершений. Исследователи проходили повсюду: по выжженным солнцем пустыням Субраэля, лесам и болотам Зимроэля, девственным просторам Алханроэля, по окружавшим эти три континента архипелагам и отдельным островам. Население быстро увеличивалось, поселения превращались в города, а города — в огромные столицы, с соседних планет прибывали в поисках удачи поселенцы, принадлежавшие к нечеловеческим расам… Мир Маджипура волновался, менялся, рос во всех отношениях. И Синнабор Лавон выбрал для себя самый безумный подвиг из всех: пересечь Великий океан на корабле. Никто и никогда еще не предпринимал подобной попытки. Из космоса было хорошо видно, что вода занимает половину поверхности гигантской планеты, что континенты, несмотря на свои колоссальные размеры, стеснились в одном полушарии, а весь остальной мир являет собой пустынный океан. И хотя с тех пор, как люди приступили к колонизации Маджипура, прошло уже несколько

тысяч лет, на суше все время находилось очень много дел, и Великий океан был предоставлен самому себе — да еще армадам морских драконов, которые в своих миграциях, растягивавшихся на десятилетия, неустанно пересекали его с запада на восток.

Но Лавон был влюблен в Маджипур и мечтал о том, чтобы заключить весь этот мир в объятия. Он пересек его от Амблеморна, находившегося у подножия Замковой горы, до Тил– омона, лежавшего на другом берегу Великого океана. И теперь, движимый неодолимой потребностью замкнуть круг, вложил все свои средства и энергию в оснащение этого величественного корабля, гордого и независимого, как остров, на борту которого вместе с подобными ему безумцами, составлявшими команду, намеревался провести десять или даже больше лет, исследуя неведомый океан. Он знал, и, вероятно, его спутники тоже, что поставленная задача может оказаться невыполнимой. Но если они добьются успеха и благополучно приведут свой корабль в гавань на восточном побережье Алханроэля, куда со стороны океана не входило еще ни одно судно, то их имена будут жить вечно.

— Эй! — вдруг заорал впередсмотрящий. — Эй,

драконы! Смотрите, драконы!

— Столько недель скуки, — пробормотал Вормечт, — а теперь все сразу!

Лавон видел, что впередсмотрящий, четким контуром вырисовывавшийся на фоне яркого безоблачного неба, указывал на северо-северо-запад. Он прищурился и вгляделся в даль. Да! В их сторону оттуда скользили по воде огромные горбатые фигуры, высоко поднимавшиеся над водой; их крылья были прижаты к телу, но порой широко разворачивались в великолепном размахе.

— Драконы! — крикнул Галимойн.

— Драконы! Смотрите! Драконы! — откликнулась сразу дюжина голосов.

«Спурифон» за время рейса дважды сталкивался со стадами морских драконов: спустя шесть месяцев после выхода в море среди островов, которые они назвали архипелагом Стиамота, а затем, двумя годами позже, в той части океана, где они нашли впадину, названную именем Ариока. Оба раза стада были большими, состоявшими из сотен огромных существ, среди которых было много беременных самок, и они держались вдали от «Спурифона». Но сейчас перед ними было не стадо, а всего лишь передовой отряд или самостоятельная группа, не более пятнадцати

или двадцати голов: несколько гигантских самцов, а остальные — подростки, едва достигавшие сорока футов в длину. По сравнению с приближающимися драконами корчащиеся морские водоросли теперь казались сущей безделицей. Все, кто находился на палубе, едва ли не приплясывали от волнения.

Лавон покрепче стиснул пальцами перила. Он хотел рискнуть ради пользы дела; что ж, вот он, риск. Разъяренный морской дракон мог несколькими могучими ударами сильно повредить даже такое крупное и крепкое судно, как «Спурифон», и даже потопить его. Правда, они редко проявляли враждебность к кораблям, которые не нападали на них первыми, но все же такие случаи известны. А что, если драконы вообразят, что «Спурифон» принадлежит охотникам за драконами? Каждый год воды между Пилиплоком и Островом Сна бороздили новые и новые стада морских драконов. Там разрешалось охотиться на этих животных, и флот охотников за драконами изрядно прореживал их ряды. По крайней мере, эти гиганты могли принадлежать к числу уцелевших — и кто мог знать, какое негодование может кипеть под твердой чешуей? Гарпунеры «Спурифона» заняли свои места, ожидая сигнала

капитана.

Но атаки не последовало. Драконы, казалось, взглянули на судно с любопытством, но не более того. Они пришли сюда, чтобы подкрепиться. Поравнявшись с первыми плотами водорослей, драконы раскрыли чудовищные пасти и начали заглатывать растения огромными клоками, захватывая между делом и существ, похожих на кальмаров, и существ, похожих на крабов, и вообще все живое, что водилось в этих зарослях. В течение нескольких часов они шумно плескались неподалеку, затем, будто сговорившись, почти полностью ушли под воду и спустя несколько минут скрылись из виду.

«Спурифон» теперь окружало большое кольцо чистой воды.

— Они сожрали, наверное, несколько тонн этой травы, — пробормотал Лавон. — Много тонн!

— И расчистили нам дорогу, — обрадовался Галимойн.

Вормечт помотал головой.

— Нет. Смотрите, капитан, сколько там драконовой травы. И чем дальше, тем гуще!

Лавон посмотрел вдаль. Всюду, куда хватало глаз, вдоль горизонта тянулась тонкая темная линия.

— Земля, — предположил Галимойн. — Острова, атоллы…

— Окружают нас со всех сторон? — с презрением в голосе завершил фразу Вормечт. — Нет, Галимойн. Мы заплыли в глубину континента, состоящего из драконовой травы. Сделали открытие: доказали, что мнение, будто драконы едят только разумных наземных существ, передвигающихся на искусственно созданных плавсредствах, является заблуждением. Мы попались!

— Это всего лишь водоросли, — возразил Галимойн. — Если понадобится, мы пробьемся сквозь них.

Лавон тревожно обвел взглядом горизонт. Он начинал разделять тревогу Вормечта. Несколько часов назад драконова трава болталась в воде в виде отдельных лент, затем превратилась в пятна и скопления. А теперь, хотя судно на непродолжительный промежуток времени и оказалось в чистой воде, складывалось такое впечатление, будто цельное кольцо водорослей образовалось только для того, чтобы окружить корабль со всех сторон. И все же может ли драконова трава расти настолько плотно, чтобы преградить им дорогу?

Начали сгущаться сумерки. Теплый тяжелый воздух приобрел розовый оттенок, быстро сме-

нившийся серым. С восточного края неба на путешественников стремительно надвинулась темнота.

— Утром мы спустим лодки и разведаем, что там впереди, — объявил Лавон.

Вечером после обеда Жоачил Нур сделала доклад о драконовой траве. Это гигантская морская водоросль, сказала она, со сложной биохимией, достойной детального исследования. Она подробно говорила о сложной системе цветовых узлов растения, о его способности к мощным конвульсиям, напоминающим сокращения мускулатуры. Почти все участники плавания, даже некоторые из тех, кто несколько недель блуждал в тумане безнадежной депрессии, толпились вокруг, рассматривали и трогали лежавшие в бадье экземпляры, высказывали свои соображения и возражения. После длительного периода уныния такое оживление на борту «Спурифона» несказанно радовало Синнабора Лавона.

Той ночью ему снилось, что он танцует на поверхности воды, исполняя эффектную сольную партию в каком-то бодром и энергичном балете. Под ногами у него расстилался прочный эластичный ковер из драконовой травы.

За час до рассвета его разбудил громкий стук в

дверь каюты. Это был Скиин, скандар, стоявший третью вахту.

— Капитан, идите скорее… драконова трава, капитан…

Степень бедствия была ясна даже в свете первых слабых жемчужных бликов нового дня. «Спурифон» всю ночь был на ходу, и драконова трава тоже, как выяснилось, не стояла на месте, и теперь судно оказалось в самом сердце туго натянутой циновки из морских водорослей, которая, казалось, простиралась до краев вселенной. Пейзаж, открывшийся с появлением на небе первой зеленой полосы утреннего света, походил на сновидение: сплошной, без единого разрыва, ковер из триллионов и триллионов спутанных лент. Поверхность этого ковра пульсировала, подергивалась, вибрировала и беспокойно переливалась различными оттенками ярких, насыщенных цветов.

По всей поверхности этого невероятного ковра ползали, скользили, бегали, извивались, карабкались и прыгали его обитатели. От плотно переплетенных масс водорослей исходил едкий запах, который, казалось, минуя ноздри, проникал внутрь черепа и заполнял его до самого затылка. Нигде не было видно ни клочка чистой

воды. Безмолвный «Спурифон» стоял неподвижно, как будто за ночь сумел углубиться на тысячу миль по суше — в самое сердце пустыни Суврaэля.

Лавон взглянул на своего первого помощника. Столь ворчливый и язвительный накануне, Вормечт теперь встретил его взгляд со спокойным и уверенным видом человека, который никогда не сомневался в своей правоте. Переведя взгляд на главного штурмана, капитан про себя отметил, что громогласная бравада Галимойна уступила место напряженной настороженности специалиста, ошибшегося в своих самых твердых предположениях, хотя о таком его состоянии можно было догадаться только по сумрачному взгляду и твердо сжатым губам.

— Я выключил двигатели, — сообщил Вормечт. — Мы по уши увязли в драконовой траве. Роторы сразу же забились почти под завязку.

— Можно их освободить? — спросил Лавон.

— Мы уже чистим, — сказал Вормечт. — Но, едва мы их снова запустим, они в первый же момент снова затянут в себя всю траву, которая окажется поблизости.

Лавон, нахмурившись, повернулся к Галимойну.

— Вы можете измерить толщину ее слоя?

— Нам не удается заглянуть в глубину, капитан.

— А проткнуть пробовали?

— Она плотная, словно лужайка на суше. Ни шест, ни груз не проходят сквозь нее.

Лавон медленно перевел дух.

— Немедленно спустите шлюпки. Нам необходимо выяснить, во что мы вляпались. Вормечт, пошлите двоих водолазов. Пусть посмотрят, насколько глубоко уходит трава и можем ли мы как-то защитить от нее движители. И попросите Жоачил Нур подойти сюда.

Маленькая женщина-биолог появилась почти мгновенно. Вид у нее был утомленный, но какой-то неестественно веселый.

— Я всю ночь изучала эти водоросли, — сообщила она, прежде чем Лавон успел сказать слово. — Они накапливают металл и имеют высокую концентрацию рения и ванадия…

— Вы заметили, что мы остановились?

Похоже, женщине это было безразлично.

— Да, я вижу.

— Вполне возможно, что мы превратились в героев старинной сказки, в которой суда застревают в непроходимых водорослях и превращаются

в бесполезный хлам. Мы можем остаться здесь надолго.

— Это даст нам шанс изучить столь уникальную экологическую область, капитан.

— Не исключено, что на всю оставшуюся жизнь.

— Вы так думаете? — спросила Жоачил Нур. До нее наконец дошел смысл сказанного.

— Честно говоря, понятия не имею. Но я хочу, чтобы сейчас вы изменили направление своих исследований. Выясните, что, кроме высыхания, убивает эти сорняки. Нам, вероятно, придется вести против них биологическую войну — если мы, конечно, намерены когда-либо выбраться отсюда. Мне нужна какая-нибудь химия, какой-нибудь метод, при помощи которого мы сможем избежать наматывания травы на роторы.

— Поймайте пару морских драконов, — без промедления отозвалась Жоачил Нур, — прицепите по одному к каждому борту, и пусть они проедают нам дорогу.

Синнабор Лавон даже не улыбнулся в ответ.

— Подумайте об этом более серьезно, — сказал он, — и сообщите мне.

Он проследил за спуском шлюпок, по четыре моряка в каждой. Лавон надеялся, что подвес-

ные моторы смогут избежать плена, но надежда оказалась тщетной: почти мгновенно винты зарычали и остановились. Морякам пришлось расчехлять весла и медленно пробиваться сквозь густые, как каша, заросли морской травы, иногда останавливаясь, чтобы оттолкнуть багром то одно, то другое бесстрашное гигантское ракообразное, которыми буквально кишел внутри слой водорослей. Спустя пятнадцать минут шлюпки все еще находились не более чем в сотне ярдов от корабля. Тем временем пара водолазов, снабженных дыхательными масками — один хьорт и один человек, — расчистили отверстие в драконовой траве рядом с судном и исчезли под водой.

Прошло полчаса, но они так и не показались на поверхности.

— Вормечт, как долго люди могут оставаться под водой в этих масках? — обратился Лавон к первому помощнику.

— Примерно столько времени, сколько они уже сидят там, капитан. Возможно, хьорт может продержаться чуть дольше, но не намного.

— Так я и думал.

— Вряд ли стоит посылать за ними других водолазов, не так ли?

— Вряд ли, — бесстрастным голосом ответил

Лавон. — А как вы считаете, наша субмарина сможет пробиться через эту траву?

— Не уверен.

— Я тоже. Но мы все равно должны попробовать. Вызовите добровольцев.

На палубе «Спурифона» была принайтовлена маленькая подводная лодка, предназначенная для научных исследований. Ею не пользовались уже несколько месяцев, так что на подготовку к спуску потребовалось больше часа; судьба двоих водолазов была уже ясна, и их гибель тяжестью лежала на душе Лавона: казалось, что ему на голое тело надели панцирь из очень холодного металла. Ему никогда еще не приходилось видеть смерть от каких-либо иных причин, кроме глубокой старости или тяжелой болезни, и смириться с возможностью гибели, связанной с несчастным случаем, было так же трудно, как и признать свою ответственность за произошедшее.

Три добровольца забрались в субмарину, и с помощью крана ее спустили за борт. Некоторое время она оставалась на поверхности воды, а затем операторы выпустили манипуляторы с когтями, и лодка, похожая на толстого глянцевого краба, начала зарываться в глубину. Времени на погружение потребовалось немало, так как

сети драконовой травы смыкались почти с такой же скоростью, с какой когти раздирали ее. Но постепенно субмарина скрылась из виду.

Галимойн с другой палубы прокричал что-то в мегафон. Лавон поднял глаза и увидел, что две шлюпки продираются сквозь траву примерно в полумиле от корабля. Солнце уже поднялось высоко, и в ослепляющем свете было трудно определить, куда они направлялись, но казалось, что они движутся обратно.

Лавон в одиночестве молча ждал на мостике. Приблизиться к нему никто не осмеливался. Он не отрывал пристального взгляда от плавучего ковра драконовой травы, насыщенного странными и ужасными на вид существами, и думал о двоих утонувших моряках, и о троих в субмарине, и о восьмерых в лодках, и о тех, кто пока что в безопасности находится на борту «Спурифона», так по-дурацки застрявшего посреди Великого океана.

«Как же просто было избежать этого, — мысленно говорил он себе. — Да, сейчас легко рассуждать — но что в этом толку?»

Пока солнце не перевалило далеко за полдень, он молча неподвижно стоял на своем посту, атакуемый жарой, туманом и зловонием. Затем ушел

в каюту. Спустя несколько часов явился Вормечт с докладом о том, что команда субмарины нашла водолазов: они застряли возле неподвижных роторов в цепких объятиях драконовой травы. Впечатление создавалось такое, что водоросли намеренно схватили их. Лавон скептически отнесся к этой версии: они, должно быть, просто сами запутались в стеблях. Правда, свое мнение он отстаивал не слишком настойчиво. Субмарине тоже приходилось несладко: чтобы опуститься на пятьдесят футов, экипажу пришлось задействовать всю мощность лодки, отчего чуть не сгорел один из моторов. Плотный слой травы, сказал Вормечт, заканчивается примерно в десяти-двенадцати футах от поверхности воды.

— Что со шлюпками? — спросил Лавон, и первый помощник ответил, что все благополучно вернулись, хотя матросы буквально выбились из сил, выгребая сквозь плотный слой водорослей. За полдня они смогли отплыть не больше чем на милю от судна и не только не видели конца зарослей драконовой травы, но даже не нашли в них какого-нибудь прохода. На обратном пути неизвестного вида крабоподобное существо напало на одного из гребцов, но тот, хвала Божеству, отделался лишь мелкими царапинами.

За день положение нисколько не изменилось. Впрочем, в возможность изменений даже не верилось. Драконова трава захватила «Спурифон» в плен, и вряд ли можно было ожидать, что она выпустит его, если путешественники не заставят ее это сделать. А что для этого нужно, Лавон пока не знал.

Он попросил летописца Микдала Хасца потолкаться среди моряков и разузнать, что думает по поводу случившегося команда «Спурифона».

— В основном народ спокоен, — чуть позднее доложил Хасц. — Кое-кто встревожен. Большинство, как ни странно, даже испытывают облегчение: наконец-то завершилась многомесячное однообразие, появилась необходимость действовать.

— А вы?

— У меня есть свои опасения, капитан. Но я хочу верить, что мы придумаем, как выбраться. А красота столь необычного пейзажа приводит меня в восхищение.

Красота? Лавону даже и в голову не приходило искать во всем этом красоту. Он обвел мрачным взглядом мили драконовой травы, бронзово-красной под кровавым закатным небом. Над водой поднимался густой красноватый туман, и под

его покровом бесчисленные водоросли — будь то существа или растения — непрерывно подергивались, заставляя огромные нерукотворные «плоты» пребывать в постоянном движении. Красота? Действительно, своеобразная красота в этом была, мысленно согласился Лавон. Ему казалось, будто «Спурифон» оказался вплетен в некое огромное живописное панно, обширный свиток мягких жидких форм, изображение сказочного мира, лишенного ориентиров и вех, на жидкой поверхности которого происходила бесконечная смена форм и цветов…

Почти всю ночь Лавон пролежал с открытыми глазами, безуспешно пытаясь изобрести тактику борьбы против своего растительного противника.

Утром на пугающе огромном небе проявились тонкие, почти кисейные, облака, а трава обрела новые цвета: различные оттенки бледно-зеленого и желтого. Вдалеке виднелись пять или шесть колоссальных морских драконов, неторопливо проедавших дорожки в травяном ковре. Вот если бы, отстраненно подумал Лавон, «Спурифон» мог делать то же самое!

Он собрал командный состав. Они также минувшей ночью заметили, что на судне царило

настроение общего спокойствия, даже чуть ли не радости. Но уже с утра начала нарастать напряженность.

— Все и так уже подавлены и тоскуют по дому, — сказал Вормечт, — а теперь еще новая задержка — на несколько дней или даже недель.

— Или месяцев, или лет, или навсегда, — вскинулся Галимойн. — Вы что, делаете вид, будто считаете, что мы сможем когда-нибудь выбраться отсюда?

Голос штурмана срывался от напряжения. Лавон давно чувствовал, что в глубине души Галимойн — человек слабый, и все же быстрота, с которой тот сломался, когда корабль застрял в драконовой траве, стала для него неожиданностью.

Вормечт, казалось, тоже был поражен.

— Вы же сами говорили нам позавчера, — удивленно заметил первый помощник, — что это всего лишь водоросли и мы легко пройдем через них. Помните?

— Я тогда и понятия не имел, во что мы уперлись, — прорычал Галимойн.

Лавон взглянул на Жоачил Нур.

— А что думаете вы? Это скопление могло образоваться случайно? Если водоросли мигрируют с

течением, то рано или поздно оно разделится и выпустит нас?

Биолог покачала головой.

— Это, конечно, возможно. Но я не вижу оснований рассчитывать на такой исход. Более вероятно, что это квазипостоянная экосистема. Течение может унести ее в какую-нибудь другую часть Великого океана, но в таком случае оно унесет и нас вместе с ним.

— Вот видите! — мрачно воскликнул Галимойн. — Безнадежно!

— Еще нет, — возразил Лавон. — Вормечт, сможем ли мы использовать субмарину, чтобы установить экраны на водозаборниках?

— Пожалуй, сможем.

— Попытайтесь. Пусть мастера сразу же займутся изготовлением нескольких вариантов экрана. Жоачил Нур, что вы думаете насчет химического уничтожения водорослей?

— Мы начали эксперименты, — ответила та, — но пока я не могу ничего обещать.

Никто не мог ничего обещать. Они могли только думать и работать, ждать и надеяться.

На проектирование экранов для водозаборников потребовалось два дня, на установку — еще пять. Тем временем Жоачил Нур испытывала

различные методы уничтожения травы, но очевидного успеха не добилась.

Не только «Спурифон», но и само время, казалось, остановилось. Лавон ежедневно вычислял координаты и записывал их в судовой журнал: судно каждый день проходило по нескольку миль, устойчиво двигаясь на юго-юго-запад, но оставалось совершенно неподвижным относительно ковра водорослей. Чтобы определить для себя точку отсчета, моряки раскрасили участки драконовой травы вокруг судна в разные цвета, но дни шли, а никакого изменения в расположении больших желтых и алых пятен не было. Неужели они обречены вечно дрейфовать в бескрайнем океане по воле течений и даже издали никогда не увидят землю?

Лавон чувствовал себя измотанным. Ему стало трудно сохранять свою обычную прямую осанку: плечи ссутулились, а голова казалась очень тяжелой. Ему казалось, что он стареет не по дням, а по часам. Еще больше угнетало ощущение вины: именно на нем лежала ответственность за то, что они не успели вовремя уйти от драконовой травы в тот момент, когда опасность стала очевидной. Какие-нибудь несколько часов — и все было бы по-иному, но он позволил себе увлечься

зрелищем кормления морских драконов, да еще и придумал эту идиотскую теорию о том, что немного опасности добавит перчику в их чересчур уж спокойное путешествие. Он беспощадно клеймил себя за легкомыслие. Вина его и в том, что он убедил этих людей отправиться в совершенно бестолковое и бесполезное плавание. Путешествие длиной в десять или пятнадцать лет из ниоткуда в никуда! Зачем? Зачем?!!

И все же он постоянно заботился о душевном состоянии своих спутников. Порции вина, которые прежде ограничивали, чтобы растянуть запас на весь рейс, были удвоены. Изобретались разного рода вечерние развлечения. Лавон стремился к тому, чтобы ни у кого не оставалось времени для безделия. Каждой исследовательской группе он приказал заново провести анализ собранных материалов в соответствии с последними океанографическими данными. Бумаги, которые следовало заполнить несколько месяцев или даже лет тому назад, но которые отложили в сторону, поскольку не было нужды торопиться, он велел заполнить немедленно. Работа — лучшее лекарство от скуки и неуравновешенности. Поможет она и в борьбе против нового врага — страха.

Когда первые экраны были готовы, группа добровольцев опустилась в субмарине под воду, чтобы попытаться приварить их на корпус перед водозаборниками. Работа, и без того непростая, сильно осложнялась тем, что ее нужно было выполнять, используя только механические манипуляторы. После гибели двух водолазов Лавон не рисковал отпускать кого-нибудь под воду, кроме как в субмарине. Под руководством опытного механика по имени Дуройн Клайс работа тянулась изо дня в день, но занятие оказалось крайне неблагодарным. Тяжелые массы драконовой травы, наваливавшиеся на корпус при каждом легком волнении моря, часто разрывали хрупкий свежий шов, и сварщики очень медленно продвигались вперед.

На шестой день работы Дуройн Клайс пришел к Лавону с пачкой глянцевых фотографий. На всех были запечатлены какие-то оранжевые пятна на унылом сером фоне.

— Что это? — спросил Лавон.

— Коррозия корпуса, господин. Я заметил это вчера и сегодня утром сделал несколько подводных снимков.

— Коррозия? — Лавон заставил себя улыбнуться. — Вряд ли это возможно. Корпус практически

не поддается окислению. То, что вы мне показываете, скорее всего, какие-нибудь моллюски, губки или…

— Нет, господин. Возможно, снимки не очень хорошего качества. Но вы можете убедиться сами, опустившись в субмарине. Это похоже на небольшие шрамы. Я совершенно уверен в том, что говорю, господин.

Лавон отпустил механика и послал за Жоачил Нур.

Биолог долго и внимательно изучала фотографии и наконец сказала:

— Это, в общем-то, похоже на правду.

— Значит, драконова трава вгрызается в корпус?

— Мы подозревали такую возможность уже в течение нескольких дней. Одним из наших первых результатов было обнаружение огромной разницы в кислотности этой части океана и открытого моря. Мы сидим в кислотной ванне, капитан, и я уверена, что кислоты выделяют именно эти водоросли. К тому же нам известно, что они накапливают металлы и их ткани насыщены тяжелыми элементами. В обычных условиях они, конечно, поглощают металлы из морской воды. Так что они вполне могли рас-

ценить «Спурифон» как гигантский банкетный стол. Я не удивлюсь, если окажется, что драконова трава так плотно окружила нас из-за того, что водоросли с расстояния в несколько миль собрались на пир.

— В таком случае совершенно бессмысленно ожидать, что эта травяная стена развалится по собственной инициативе.

— Именно так.

Лавон прикрыл глаза.

— И если мы остаемся здесь достаточно надолго, то драконова трава проест корабль насквозь?

— На это может уйти несколько сотен лет, — улыбнулась Жоачил Нур. — Голод, вот куда более серьезная проблема.

— Вы о чем?

— Как долго мы продержимся на тех запасах, что еще остались в трюме?

— Полагаю, несколько месяцев. Вы же знаете, что мы почти полностью зависим от того, что удается выловить. Вы хотите сказать…

— Да, капитан. Все, что входит в окружающую нас экосистему, вероятно, ядовито для нас. Водоросли поглощают из воды металлы. Мелкие ракообразные и рыбы едят водоросли. Б***о***льшие существа едят меньших. По мере подъема по

цепи концентрация солей металлов становится все сильнее и сильнее. И мы…

— …Недолго протянем на рениево-ванадиевой диете.

— А также молибдено-родиевой. Нет, капитан. Вы знаете, с какими жалобами люди в последнее время обращались к врачам? Форменная эпидемия тошноты, лихорадки, каких-то проблем с кровообращением… как вам это нравится, капитан? И это только начало. Никто пока еще не заболел серьезно. Но еще неделя-другая…

— Да защитит нас Повелительница! — хрипло пробормотал Лавон.

— Благословения Хозяйки Острова не достигают этих далеких западных пределов, — ответила Жоачил Нур, холодно улыбнувшись. — Я рекомендую немедленно прекратить лов рыбы и перейти на имеющиеся у нас припасы, пока мы не выберемся из этой части моря. И как можно скорее заканчивать монтаж экранов для роторов.

— Согласен, — отозвался Лавон.

Когда она покинула каюту, он, помедлив несколько секунд, вышел на мостик и уныло уставился на густо забитую водорослями дрожащую воду. Цвета сегодня были богаче, чем прежде: густая умбра, сепия, темная охра, инди-

го. Драконова трава наливалась соками. Лавон представил себе, как мясистые ленты хлопают по корпусу, разъедая блестящий металл кислотными выделениями, сжигая молекулу за молекулой, превращая судно в густой суп из ионов, представил, как они жадно выпивают этот суп, и содрогнулся. Он больше не мог видеть красоту в густо сплетенной циновке из морской травы. Эта плотная масса морских водорослей, тянувшаяся куда-то далеко за горизонт, теперь олицетворяла только вонь и распад, опасность и смерть, пузыри газов, выделявшихся при разложении, и невидимые разрушительные зубы. Час за часом борта огромного корабля становились все тоньше, а он по-прежнему вынужден торчать здесь — неподвижный, беспомощный, окруженный врагами, заживо пожирающими его.

Лавон постарался, чтобы сведения о новых напастях не стали общим достоянием, хотя в таком замкнутом и тесном мирке все тайное быстро становится явным. Но его настойчивое требование ко всем держать язык за зубами, по крайней мере, сводило к минимуму открытое обсуждение проблем, способное породить панику. Все знали, что дела обстоят хуже некуда, но каждый был уверен, что он один осознает это.

Однако напряжение нарастало. Все были раздражены, разговаривали между собой отрывисто и резко, у людей все валилось из трясущихся рук. Лавон держался в стороне, насколько допускало его положение. Он молился об избавлении и искал подсказки в снах, но, похоже, Жоачил Нур была права: путешественники находились вне пределов досягаемости Хозяйки Острова, чьи послания несли покой и мудрость страждущим.

Единственный проблеск надежды дали биологи. Жоачил Нур предположила, что можно попытаться нарушить биоэлектрическую систему драконовой травы, пропуская ток через воду. Лавону идея показалась сомнительной, но он распорядился выделить ей в помощь для исследования этой версии нескольких судовых механиков.

Наконец последний экран оказался на месте. Шла к концу третья неделя их плена.

— Запустить роторы! — приказал Лавон.

Роторы начали вращаться, и корпус судна задрожал, как будто в него вдохнули новую жизнь. На мостике как зачарованные застыли Лавон, Вормечт и Галимойн. Они слышали дыхание друг друга. От носа вдоль бортов потянулась крошечная волна. «Спурифон» сдвинулся с места!

Медленно, упрямо судно начало пробивать путь через плотные массы корчащейся драконовой травы…

…Корабль дрожал, дергался… и вдруг шум роторов стих…

— Экраны не держатся! — закричал Галимойн.

— Вормечт, выясните, что случилось, — распорядился Лавон и повернулся к Галимойну. Тот стоял, широко расставив ноги, как будто его ступни прибили гвоздями к палубе, и дрожал с головы до ног; лицо его покрылось крупными каплями пота, губы и щеки резко подергивались. — Это, вероятно, просто какая-то незначительная помеха, — мягко сказал ему Лавон. — Пойдемте в рубку, выпьем по глотку вина, и увидите, не успеем мы вернуться, как судно пойдет дальше.

— Да нет же! Нет! — взревел Галимойн. — Я чувствую, что экраны оторвались. Драконова трава съедает их.

— Экраны выдержат, — уже тверже сказал Лавон. — Завтра в это же время мы будем далеко отсюда, и вы снова будете рассчитывать курс на Алханроэль…

— Мы погибли! — Галимойн вдруг сорвался с места и, отчаянно размахивая руками, стремительно сбежал по трапу и исчез из виду. Лавон

в нерешительности остался на месте. Возвратился Вормечт, вид у него был мрачный: экраны действительно не выдержали, роторы снова забились, и судно остановилось. Лавон растерялся. Что еще можно сделать? Отчаяние Галимойна заразило и его. Мечта его жизни завершалась провалом, глупейшей катастрофой…

Появилась Жоачил Нур.

— Капитан, Галимойн совсем спятил. Он воет, кричит и пляшет на смотровой палубе, призывает команду к бунту.

— Я пойду к нему, — сказал Лавон.

— Я почувствовала, что роторы заработали. Но потом…

Лавон кивнул.

— Снова забились. Экраны не выдержали. — Шагая к трапу, он слышал, как Жоачил Нур что-то говорила о своем электрическом проекте, что она готова провести первый опыт, и ответил, чтобы она немедленно начинала и сразу же сообщила ему, если получит хоть какие-нибудь обнадеживающие результаты. Но ее слова быстро вылетели у него из головы: мысли были полностью заняты Галимойном.

Главный штурман был на штурманском мостике — высокой надстройке по правому борту,

где он во время рейса постоянно вел наблюдения и брал высоту солнца, чтобы вычислять широту и долготу. А теперь он бесновался там, как обезумевший зверь, метался взад-вперед, размахивал руками, испускал бессвязные вопли, хрипло распевал какие-то обрывки баллад и кричал, что Лавон сумасшедший и что он нарочно завел их в эту западню. Дюжина или полторы членов команды уже собралась внизу; кое– кто смеялся, некоторые возражали безумцу, были и такие, кто соглашался с ним, а со всех сторон торопливо подходили все новые и новые моряки: никто не желал пропустить такое развлечение, незапланированный спектакль. К своему ужасу, Лавон увидел, что по противоположному трапу на мостик поднимается Микдал Хасц. Он что-то негромко и спокойно говорил, видимо, уговаривая штурмана сойти вниз, а Галимойн смотрел на него с ненавистью и несколько раз прерывал его увещевания угрожающим нечленораздельным рыком. Но тот продолжал подниматься. Теперь он находился всего лишь в ярде или двух от Галимойна и, улыбаясь, продолжал говорить; вот он поднял руки, как будто хотел показать, что безоружен.

— Назад, — взревел Галимойн. — Прочь!

Лавон принялся протискиваться к мостику, чтобы приказать Хасцу отступить, но опоздал. В порыве неуправляемой ярости взбешенный Галимойн метнулся к Хасцу, подхватил маленького человечка, словно куклу, и швырнул его через перила в море. Все в ужасе ахнули. Лавон подбежал к борту как раз вовремя для того, чтобы увидеть, как Хасц, раскинув руки, спиной ударился о воду. Драконова трава сразу же конвульсивно задергалась. Мясистые ленты заметались, будто клубок потревоженных змей, они крутились, корчились, море, казалось, вскипело на мгновение, а затем Хасц исчез.

У Лавона вдруг закружилась голова, и он еле удержался на ногах. Ему показалось, что сердце в груди расширилось, прижав легкие к ребрам, а мозг вот-вот взорвется. Ему никогда еще не приходилось видеть подобное насилие. Более того, за всю свою жизнь он ни разу не слышал о преднамеренном убийстве одного человека другим. И то, что это произошло на его судне, что один из членов его команды оказался жертвой другого, да еще в столь трудный для всех момент, было для него невыносимо. Двигаясь, словно во сне и как бы наблюдая за собой со стороны, он взлетел по трапу, схватил Галимойна за мощные,

мускулистые плечи и с силой, какой и сам в себе не подозревал, ни на мгновение не задумавшись, легко перекинул штурмана через перила. Последовал сдавленный вопль, всплеск… Пораженный, потрясенный своим поступком, Лавон посмотрел вниз и увидел, что море вторично вскипело и драконова трава сомкнулась над судорожно дергавшимся телом Галимойна.

Лавон медленно спустился с мостика. Внутри него царила пустота, душа словно выгорела. Что-то в нем сломалось. Окружившие его кольцом фигуры казались расплывчатыми. Постепенно Лавон начал различать глаза, рты, знакомые черты лиц… Он попытался что-то сказать, но слова не шли с языка — только какие-то нечленораздельные звуки. Внезапно у него подкосились ноги, но его поддержали и усадили на палубу. Чьи-то руки обхватили его за плечи, кто-то подносил к губам стакан с вином.

— Да вы взгляните на его глаза! — услышал он чей-то голос. — Он же в шоке!

Лавона начала бить дрожь. Каким-то образом — он не помнил, как его поднимали и несли, — он оказался в своей каюте; над ним склонился Вормечт, за спиной которого маячили другие лица.

— Судно движется, капитан, — спокойно сказал

первый помощник.

— Что? Вы о чем? Хасц мертв. Галимойн убил Хасца, а я убил Галимойна.

— Это был единственный выход. Этот человек сошел с ума.

— Я убил его, Вормечт.

— Мы не могли держать на борту под замком сумасшедшего в течение следующих десяти лет. Он представлял опасность для всех нас. Нужно было выбирать: или его жизнь, или наши. У вас хватило на это сил. Вы поступили правильно.

— Мы не убийцы, — отозвался Лавон. — Наши предки-варвары на Старой Земле когда-то отбирали жизни друг у друга, но мы не убийцы. Я не убийца. Мы некогда были животными, но это было в другой эре, на совсем другой планете. Я убил его, Вормечт.

— Вы капитан. Вы имели на это право. Он угрожал успеху плавания.

— Успеху? Какому успеху?

— Судно снова движется, капитан.

Лавон уставился на помощника, но не мог четко разглядеть его лицо.

— Что вы сказали?

— Пойдемте. Посмотрите сами.

Четыре мощные руки обняли его, и Лавон ощу-

тил сильный мускусный запах меха скандара. Гигант легко поднял его, вынес на палубу и осторожно поставил на ноги. Лавон пошатнулся, но к нему сразу же подскочили Вормечт и Жоачил Нур. Первый помощник указал на море. Вдоль всего корпуса судна тянулась полоса чистой воды.

— Мы опустили кабели в воду и хорошенько долбанули драконову траву током, — объяснила Жоачил Нур. — Электрошок резко сократил их двигательные системы. Ближайшие к нам растения умерли немедленно, а остальные начали отступать. Насколько видит глаз, перед нами тянется свободный канал.

— Плавание продолжается, — сказал Вормечт. — Мы снова можем идти вперед, капитан!

— Нет, — ответил Лавон. Он ощущал, что его мысли путаются, словно голова полна тумана. — Кто у нас теперь штурман? Прикажите ему повернуть судно назад, к Зимроэлю.

— Но…

— На обратный курс! Назад к Зимроэлю!

Все изумленно и растерянно уставились на Лавона.

— Капитан, вы все еще не в себе. Отдать такой приказ в тот самый момент, когда все налади-

лось. Вам нужно отдохнуть, и через несколько часов вы почувствуете…

— Плавание закончено, Вормечт. Мы возвращаемся.

— Нет!

— Нет? Значит, это мятеж? — Глаза моряков, окружавших капитана, были пусты, лица лишены выражения. — Вы действительно хотите продолжать поход?! — воскликнул Лавон. — На борту обреченного корабля, с капитаном-убийцей? Все устали от плавания еще задолго до того, как все это случилось. Может быть, вы думаете, что я не знаю об этом? Вы стремились домой, но просто не осмеливались говорить об этом. Что ж, теперь я чувствую то же, что и вы.

— Мы пробыли в море пять лет, — ответил Вормечт. — И, быть может, преодолели уже полпути. Вполне вероятно, что до того берега, к которому мы плывем, мы доберемся скорее, чем до того, который мы покинули.

— Не менее вероятно, что не доплывем никогда, — возразил Лавон. — Это не имеет значения. У меня больше нет сил, чтобы двигаться вперед.

— Завтра вы, наверное, будете думать по-другому, капитан.

— Завтра на моих руках по-прежнему останется

кровь, Вормечт. Мне не было суждено благополучно провести этот корабль через Великий океан. Мы заплатили за свободу четырьмя жизнями, но поход на этом закончился.

— Капитан…

— Разворачивайте корабль, — повторил Лавон.

Когда они на следующий день пришли к нему, упрашивая продолжать плавание, поминая о бессмертной славе, которая ждет их на берегах Алханроэля, Лавон спокойно, но непреклонно отказался даже обсуждать эту тему. Продолжать поход невозможно, снова сказал он. Моряки переглянулись между собой. Они возненавидели это плавание и всей душой мечтали о его завершении, но под влиянием эйфории от победы над драконовой травой изменили свое мнение. И вот теперь им пришлось снова изменить свое мнение, так как без силы и энергии Лавона, от которых движение судна вперед зависело больше, чем от роторов, дальнейшего пути быть не могло. Они легли курсом на восток, и о пересечении Великого океана не было сказано больше ни единого слова. Годом позже на них обрушилось несколько штормов, изрядно потрепавших корабль, а еще через год произошло столкновение с морскими драконами, которые серьезно повре-

дили корму судна. Но «Спурифон» плыл своим путем, и, когда на одиннадцатом году плавания он кое-как доковылял до родного порта, из ста шестидесяти трех путешественников, вышедших когда-то в море из Тил-омона, в живых оставалось более сотни, и среди них капитан Лавон.

Часть IV
Воспоминания Калинтэйна

Несколько дней Хиссун ходит удрученный. Он, конечно, и без того давно знает, что путешествие завершилось неудачей: ни одно судно никогда еще не пересекало Великий океан и никогда не пересечет, потому что сама идея такого плавания абсурдна, а осуществление, вероятно, невозможно. Но потерпеть вот такое поражение: зайти так далеко, а затем повернуть назад не из-за трусости, или болезни, или голода, а из чисто моральных соображений — Хиссун не в силах понять это до конца. Уж он-то никогда не повернул бы обратно. Все пятнадцать лет своей жизни он неуклонно и прямо шел к тому, что воспринимал как свою цель, а те, кто колебался в выборе и осуществлении своего пути, всегда казались ему лентяями и слабаками. Но, во-первых, он не Синнабор Лавон и, во-вторых, ему никогда не приходилось никого убивать. Такое дело могло бы сломить душу любому. Он испытывает некоторое презрение и одновременно жалость к Синнабору Лавону, но, по мере того

как он вникает во внутренний мир этого человека, на смену презрению приходит восхищение: он понимает, что капитан «Спурифона» был вовсе не слабаком, а, наоборот, человеком огромной моральной силы. Это потрясающее откровение, и подавленность Хиссуна мгновенно исчезает. Мое образование продолжается, думает он.

Однако он обратился к записи Синнабора Лавона в поисках приключений, а не ради философских размышлений. Он нашел далеко не то, что искал. Но он знает, что всего через несколько лет после событий в Великом океане кое-что произошло в его родном Лабиринте, что этот случай необыкновенно изумил всех и что даже по прошествии шести с лишним тысяч лет история считает его одним из самых странных происшествий, когда-либо приключавшихся на Маджипуре. И потому, выбрав день, Хиссун совершает новый набег на Регистр памяти душ, чтобы предпринять историческое исследование. Он решает войти в сознание человека безупречной репутации — некого молодого чиновника из аппарата понтифекса Ариока.

Утром на следующий день после того, как кризис достиг кульминации и были совершены последние глупости, в Лабиринте Маджипура

воцарилась странная тишина, как будто от изумления все лишились дара речи. Воздействие вчерашних экстраординарных событий только начало сказываться, хотя даже те, кто явился их свидетелем, все еще не могли до конца поверить в реальность произошедшего. По приказу нового понтифекса все министерства в то утро были закрыты.

И крупные, и мелкие чиновники пребывали в чрезвычайном напряжении после недавних перемен и с радостью воспользовались этой возможностью, чтобы отоспаться, пока новый понтифекс и новый корональ — оба ошеломленные неожиданно доставшейся им властью — укрылись в своих личных покоях, чтобы обдумать резкие перемены, свершившиеся в их судьбах. А Калинтэйн наконец получил возможность увидеться со своей возлюбленной Силимур. С некоторой опаской — поскольку он почти не общался с нею весь последний месяц, а она была не из тех, кто легко прощает обиды, — он послал ей записку, в которой говорилось: «…Признаю, что виновен в позорном невнимании, но теперь тебе, возможно, уже известна его причина. Если ты согласишься позавтракать со мной в кафе на дворе Шаров, я все тебе объясню».

Крайняя вспыльчивость была, пожалуй, единственным, но достаточно серьезным недостатком Силимур, и Калинтэйн боялся ее гнева. Они были любовниками уже около года и вот-вот собирались обручиться; все сановники двора понтифекса считали, что он сделал мудрый выбор. Силимур была красива, умна, хорошо разбиралась в политике и принадлежала к знатному роду: среди ее предков числились три короналя, в том числе не кто-нибудь, а сам легендарный лорд Стиамот.

Несомненно, она была бы идеальной парой молодому человеку, предназначенному для высокого положения. Хотя ему еще не минуло тридцати, Калинтэйн уже входил в наиболее близкое окружение понтифекса и выполнял обязанности, которые нечасто поручались столь молодым людям. Именно эти самые обязанности в последнее время не позволяли ему встретиться и поговорить с Силимур. Он не сомневался, что она будет ругать его, но, хотя и без большой уверенности, надеялся, что в конце концов простит.

Всю прошлую бессонную ночь безмерно уставший Калинтэйн мысленно репетировал длинную оправдательную речь, которая начиналась словами: «Как ты знаешь, последние недели я был

занят срочными государственными делами, слишком деликатными для того, чтобы в деталях обсуждать их даже с тобой…» И преодолевая уровень за уровнем по пути к двору Шаров, он продолжал повторять про себя эти фразы. Призрачная тишина Лабиринта этим утром заставила его прочувствовать происшедшее с новой, еще большей остротой. Самые глубокие уровни, где размещались правительственные учреждения, казались совершенно пустыми. Выше он встретил лишь нескольких людей, да и эти немногие тесно сбивались в небольшие кучки в самых темных углах и перешептывались между собой, как будто произошел государственный переворот, что в некотором смысле было не так уж далеко от истины. Все провожали его взглядами. Кое-кто даже указывал пальцем. Калинтэйн поначалу недоумевал, как им удалось узнать в нем чиновника из понтифексата, но быстро вспомнил, что лицо его по-прежнему скрыто под официальной маской. Но он не стал снимать ее — в какой-то мере маска защищала его уставшие до боли глаза от слепящего искусственного света. Сегодня Лабиринт казался ему душным и гнетущим. Он жаждал ускользнуть из мрачных подземных глубин, из уходивших по спирали

ниже и ниже огромных залов, образовывавших этот невероятный город. За одну-единственную ночь Лабиринт стал ему неприятен.

На уровне, где располагался двор Шаров, он вышел из подъемника и прошел напрямик через причудливо отделанное необъятное пространство, украшенное тысячами загадочным образом висевших в воздухе сфер — из-за которых это место и получило свое название, — к небольшому кафе на противоположной стороне. В тот момент, когда он вошел туда, часы пробил полдень. Силимур уже сидела за маленьким столиком возле задней стены, отделанной полированным ониксом, — он знал, что так будет: подчеркнутая точность входила в число ее излюбленных способов выражения неудовольствия. Она поднялась ему навстречу, но не подставила губы, а протянула руку — впрочем, этого он тоже ожидал — и улыбнулась строго и холодно. Калинтэйну ее красота показалась поистине ослепительной: короткие золотые волосы, зачесанные наподобие короны, искрящиеся бирюзовые глаза, полные губы, высокие скулы. Но в таком состоянии он с трудом мог вынести столь изумительное зрелище.

— Я так тосковал без тебя, — хрипло произнес

он.

— Конечно. Долгая разлука была для тебя, несомненно, суровым испытанием…

— Как ты знаешь, я в последние недели был занят срочными государственными делами, слишком деликатными для того, чтобы в деталях обсуждать их даже с тобой…

Сейчас даже ему самому эти слова показались совершенно дурацкими, и он почувствовал облегчение, когда она прервала его.

— Об этом мы еще успеем поговорить, милый, — спокойно сказала она. — А сейчас, может быть, выпьем вина?

— Пожалуй… Да.

Она сделала еле заметный жест, и одетый в ливрею официант, надменного вида хьорт, немедленно подошел принять заказ и сразу же удалился.

— А ты что, не хочешь даже снять маску? — с легким удивлением спросила Силимур.

— Ах, да. Извини. Эти дни были такими тяжелыми…

Он снял и отложил в сторону закрывавшую верхнюю половину лица полоску с прорезями для глаз, которая служила отличительным знаком служителей понтифекса. Силимур присмот-

релась к нему повнимательнее, и выражение праведного гнева на ее лице уступило место чему-то, похожему на беспокойство.

— У тебя глаза совсем красные, а щеки бледные и ввалившиеся…

— Я почти не спал. Это было какое-то безумие.

— Бедный Калинтэйн.

— Неужели ты думаешь, что я не виделся с тобой, потому что мне так хотелось? Силимур, я находился в самом сердце этого безумия.

— Я понимаю. Вижу, каких усилий это стоило.

Он внезапно понял, что она не дразнила его, а напротив, искренне сочувствовала и что, возможно, все окажется проще, чем ему представлялось.

— Беда честолюбивого человека в том, что он зачастую оказывается вовлеченным в дела, ему не подвластные, и поэтому у него не остается иного выхода, кроме как позволить этим делам поглотить себя. Ты слышала о том, что вчера сделал понтифекс Ариок?

Она с трудом сдержала смех.

— Да, конечно. Я хочу сказать, что до меня дошли слухи. Да и все хоть что-нибудь, да слышали. Неужели сплетни верны? Это действительно произошло?

— К несчастью, да.

— Это изумительно, просто изумительно! Но ведь от такого мир должен перевернуться вверх тормашками, не так ли? И это должно каким-то ужасным способом отразиться на тебе?

— Это отразится на тебе, на мне, на всех и каждом в мире, — ответил Калинтэйн, сопровождая свои слова жестом, который подразумевал не только двор Шаров, не только Лабиринт, в котором они находились, но и всю планету, находившуюся вокруг этой вызывающей клаустрофобию бездны, от вознесшегося на умопомрачительную высоту Замка, венчавшего Гору, до глядевших в Великий океан городов крайнего предела западного континента. — Отразится на всех нас, причем с такой силой, какую я сам пока что не в состоянии постичь до конца. Но позволь, я расскажу тебе все с самого начала…

Возможно, ты не знала о том, что понтифекс Ариок уже несколько месяцев вел себя странно. Думаю, всякая высокая должность оказывает на своего носителя определенное давление, которое в конечном счете сводит его с ума. Мне даже кажется, что любой человек, стремящийся к высокой должности, немножко не в своем уме. Но ты же знаешь, что Ариок целых тринадцать лет был короналем при Дизимауле, и вот уже двенадцать

с лишним лет, как он понтифекс. А четверть века достаточно долгое время для того, чтобы в полной мере ощутить на себе бремя власти. Особенно, когда живешь здесь, в Лабиринте. Насколько я себе представляю, понтифекс должен то и дело с тоской вспоминать внешний мир — дуновение ветров Замковой горы, охоту на гихорнов в Зимроэле, простое плавание куда-нибудь по настоящей реке — в то время, как на самом деле он зарыт на несколько миль под землю, обреченный до конца своей жизни заниматься проведением ритуалов и надзирать за бюрократами.

Как-то, с год назад, Ариок внезапно заговорил о проведении великого паломничества по Маджипуру. Я как раз в тот день дежурил при дворе вместе с герцогом Гуаделумом. Понтифекс приказал принести карты и начал прокладывать маршрут поездки вниз по реке к Алаизору, оттуда к Острову Сна для молитвы и посещения Повелительницы Снов во Внутреннем храме, затем по Зимроэлю с остановками в Пилиплоке, Ни-мойе, Пидруиде, Нарабале — словом, повсюду. Знаешь, такая поездка должна была продлиться по меньшей мере пять лет. Гуаделум с усмешкой взглянул на меня и мягко указал Ариоку, что великие паломничества совершают не понтифек-

сы, а коронали, а лорд Струин совершил такую поездку года два назад.

— Значит, мне это запрещено? — спросил понтифекс.

— Нельзя сказать, что запрещено, ваше величество, но традиция диктует…

— Значит, в Лабиринте я — пленник?

— Ни в коей мере не пленник, ваше величество, но…

— Но мне лучше пореже появляться в верхнем мире, а еще лучше не показываться там вообще?

Ну и так далее. Должен сказать, что мои симпатии принадлежали Ариоку; не забывай, что я не уроженец Лабиринта, подобно тебе, а просто человек, которого привели сюда служебные обязанности, и порой подземная жизнь несколько тяготит меня. Во всяком случае, Гуаделум убедил его величество, что о великом паломничестве не может быть и речи. Но я отчетливо видел беспокойство в глазах понтифекса.

Следующее необычное явление заключалось в том, что его величество начал тайно уходить по ночам и бродить по Лабиринту в одиночку. Никто не знает, насколько часто он делал это, прежде чем мы узнали о происходящем, но до нас стали доходить странные слухи о том, что

одетого в маску человека, очень похожего на понтифекса, замечали под утро то во дворе Пирамид, то в зале Ветров. Мы отказывались верить слухам до той ночи, когда одному из лакеев понтифекса послышался звонок, а войдя в его спальню, он обнаружил, что она пуста. Думаю, Силимур, что ты должна помнить ту ночь, потому что я был с тобой, а один из людей Гуаделума выследил меня и заставил пойти с ним, объявив, что идет экстренное совещание высших советников, для которого требуются мои услуги. Ты была расстроена… я бы даже сказал, сильно расстроена. Конечно, совещание было связано с исчезновением понтифекса, хотя мы скрыли это, заявив, что обсуждались меры помощи Стойензару, сильно пострадавшему от грандиозной приливной волны. Мы нашли Ариока приблизительно в четыре часа утра. Он был на Арене — ты же знаешь эту дурацкую пустую площадь, построенную понтифексом Дизимаулом в один из его периодов помутнения рассудка, — сидел, скрестив ноги на дальней ее стороне, играя на зутибаре и распевая песни перед аудиторией из пяти или шести оборванных малышей. Мы привели его домой. Несколькими неделями позже он снова ускользнул и сумел добраться аж до самого двора

Колонн. Гуаделум решил серьезно поговорить с ним. Ариок упорно твердил, что для монарха очень важно бывать среди своих подданных и узнавать, чем они недовольны, приводил при этом примеры из жизни Старой Земли.

Гуаделум начал потихоньку расставлять охранников вокруг покоев его величества — якобы для того, чтобы застраховаться от покушения. Хотя кому может прийти в голову убивать понтифекса? Охранники были нужны для того, чтобы помешать Ариоку выходить наружу. Но понтифекс, хотя и эксцентричен, далеко не глуп, и, несмотря на охрану, за следующие два месяца ему удалось вырваться еще дважды. Ситуация становилась критической. Что, если он вдруг исчезнет на неделю? Что, если он выберется из Лабиринта на поверхность и отправится погулять в пустыню?

— Так как мы, похоже, не можем воспрепятствовать его побегам, — сказал я Гуаделуму, — то почему бы нам не дать ему компаньона, который сможет принять участие в его приключениях и одновременно будет следить, чтобы с ним не приключилось ничего плохого?

— Превосходная идея, — ответил герцог. — И я назначаю на этот пост вас. Понтифекс любит вас,

Калинтэйн. А вы достаточно молоды и проворны для того, чтобы вытащить его из любой неприятности, в которую он может впутаться.

Силимур, это произошло шесть недель тому назад. Ты, конечно, помнишь, что тогда я внезапно перестал проводить с тобой ночи, ссылаясь на появление многочисленных новых обязанностей при дворе. Так началось наше отчуждение. Я не мог рассказать тебе, чем занимаюсь по ночам, и мне оставалось только надеяться, что ты не заподозришь меня в том, что я перенес свою привязанность на кого-то другого. Но теперь я могу признаться, что был вынужден поселиться рядом со спальней понтифекса и каждую ночь исполнять обязанности его камердинера. Мне удавалось урывать лишь по нескольку часов сна днем, но зато, пустив в ход некоторые хитрости, я смог стать компаньоном Ариока в его ночных прогулках.

Это была очень трудная работа. Я был, по сути дела, телохранителем понтифекса, и мы оба знали об этом, но мне приходилось прилагать массу усилий для того, чтобы не подчеркивать этот факт, пытаясь чрезмерно подчинить его своей воле. И все же я должен был предостерегать его от неподходящих знакомств и опасных прогулок.

Существуют жулики, существуют скандалисты, существуют чрезмерно горячие головы; никто не стал бы сознательно причинять вред понтифексу, но он легко мог бы случайно оказаться между парой дуралеев, желающих сделать что-нибудь дурное друг другу. В редкие моменты сна я искал советов Хозяйки Острова — да упокоится она на груди Божества, — и она присылала мне благословения в своих посланиях и говорила мне, что я должен сделаться другом понтифекса, если не хочу стать его тюремщиком. Как же нам повезло, что мы можем получать советы столь доброй матери в наших сновидениях!

И поэтому я посмел подтолкнуть Ариока на несколько новых приключений. «Почему бы нам не отправиться погулять этой ночью», — говорил я ему. Если бы это слышал Гуаделум, он бы обмер от страха.

Именно мне принадлежала идея отвести понтифекса на один из простонародных уровней Лабиринта, чтобы пошататься ночью по тавернам и рынкам — конечно, в маске, чтобы никто не мог его узнать. Я водил его по укромным переулкам, где собираются игроки в азартные игры, так как хорошо знал, что они не выносят насилия и поэтому не представляют опасности.

И именно я однажды ночью на самом деле вывел его за пределы Лабиринта. Я знал, что именно этого он желал больше всего, но даже он сам опасался предпринять такую попытку; поэтому я преподнес ему такое предложение в качестве тайного дара. Мы вместе с ним поднялись по личному ходу понтифекса к вратам Вод. Мы стояли бок о бок совсем рядом с водами Глэйджа и даже ощущали прохладный ветерок, который веет со стороны Замковой горы, и смотрели на сверкающие звезды.

— Я не бывал здесь более шести лет, — сказал понтифекс.

Он дрожал и, кажется, украдкой плакал под защитой своей маски. Ну а я тоже не видел звезд уже слишком долго и был почти столь же сильно растроган.

Он указал на одну из звезд и сказал, что вокруг нее вращается мир, с которого к нам прибыл народ гэйрогов, про другую сказал, что это звезда хьортов, про третью — едва различимую световую точку, — что это не что иное, как Солнце Старой Земли. В этом я, впрочем, усомнился, так как в школе мне показывали совсем другую звезду, но он так радовался, что я не мог решиться возразить ему.

А потом он повернулся ко мне, взял меня за руку и чуть слышно сказал:

— Калинтэйн, я верховный правитель всего этого колоссального мира, но на самом деле я ничто. Раб, заключенный. Я отдал бы все, чтобы удрать из Лабиринта и провести последние годы жизни на свободе, под звездами.

— Тогда почему бы вам не отречься от престола? — спросил я, сам изумившись своей смелости.

Он улыбнулся.

— Это было бы трусостью. Я избран Божеством, и как я могу отказаться от этого бремени? Я предназначен для того, чтобы до конца моих дней оставаться олицетворением Власти на Маджипуре. Но должен найтись какой-нибудь благородный способ освободиться от этого жалкого подземного существования.

И я увидел, что понтифекс отнюдь не был ни безумным, ни злым, ни капризным, а был просто одинок, так как ему пришлось отказаться от ночей, от гор, от лун, от деревьев, от рек его мира и возложить на себя бремя правления.

А затем, две недели назад, прибыло известие о том, что Хозяйка Острова, мать лорда Струина и наша общая мать, заболела и вряд ли уже по-

правится. Столь необычный кризис порождал серьезные конституционные проблемы, поскольку среди властителей Маджипура Повелительница Снов по своему рангу равна понтифексу и короналю и найти ей замену весьма сложно. Сам лорд Струин, как сообщали, уже ехал сюда с Замковой горы, чтобы обсудить с понтифексом свою предстоящую поездку на Остров Сновидений, поскольку он, скорее всего, не смог бы успеть попасть туда вовремя, чтобы попрощаться с матерью.

Тем временем герцог Гуаделум, как верховный герольд понтифексата и высший сановник двора, начал составлять список кандидатов на этот пост, который следовало потом сравнить со списком лорда Струина, чтобы определить, окажутся ли в них одни и те же имена. Для выбора необходимо было провести совещание с понтифексом Ариоком, ну и все такое… и мы считали, что в его нынешнем расстроенном состоянии это пойдет ему на пользу, заставив глубже окунуться в вопросы управления империей. По крайней мере, согласно протоколу, умирающая Повелительница была его женой, поскольку по формальным требованиям нашего закона о наследовании он назвал лорда Струина своим сыном, выбрав его

в качестве короналя. Конечно, Хозяйка Острова Сна имела собственного законного мужа, который жил где-нибудь в Горном замке, но тебе нет нужды объяснять соотношение бытовых законов и освященного традицией права… Гуаделум сообщил понтифексу о приближающейся кончине Повелительницы Снов, и началась череда правительственных совещаний. Я не принимал в них участия, так как нахожусь на слишком низком уровне полномочий и ответственности.

И, поскольку мы рассчитывали, что серьезность ситуации должна была заставить Ариока вести себя более благоразумно, то, боюсь, мы, по крайней мере подсознательно, ослабили бдительность. И той же ночью, когда известие о смерти Повелительницы достигло Лабиринта, понтифекс сбежал в одиночку — впервые с тех пор, как я был приставлен надзирать за ним. Он ускользнул от охранников, от меня, от всех своих слуг, скрылся в бесконечных переплетениях Лабиринта, и никто не смог его найти. Мы искали всю ночь и половину следующего дня. Меня терзали опасения как за его судьбу, так и за собственную карьеру. Предчувствуя дурное, я послал людей к каждому из семи входов Лабиринта, чтобы они обшарили раскинувшуюся

наверху мрачную засушливую пустыню. Сам я побывал во всех притонах, которые показывал ему; где бродили люди Гуаделума, мне неизвестно, но повсюду мы старались скрыть от народа, что понтифекс пропал. Мне кажется, что с этой задачей нам справиться удалось.

Мы обнаружили его в тот же день, ближе к вечеру. Он оказался в некоем доме в районе, известном под названием Зубы Стиамота, в первом кольце Лабиринта, и был одет в женское платье. Мы могли бы вообще не найти его, если бы не ссора из-за неоплаченного счета, в которую пришлось вмешаться уличным прокторам. Когда же понтифекс не смог ясно назвать свое имя, да еще и услышав, как эта якобы женщина говорит мужским голосом, прокторы заподозрили неладное и у них хватило мозгов вызвать меня, ну а я поспешил взять его величество под свою опеку. У него был совершенно дурацкий вид в платье и браслетах, но он спокойно приветствовал меня, назвал по имени и выразил надежду, что не причинил мне слишком больших тревог. Он полностью владел собой и держал себя совершенно разумно.

Я ожидал, что Гуаделум разжалует меня. Но герцог не был настроен карать; вернее, он слишком сильно увяз в главном кризисе, чтобы придать

значение моему промаху, так что он вообще ничего не сказал по поводу того, что я позволил понтифексу выйти из спальни.

— Утром прибыл лорд Струин, — сказал Гуаделум; у него был встревоженный и усталый вид. — Естественно, он захотел сразу же встретиться с понтифексом, но мы сказали ему, что Ариок спит и не стоит его тревожить. Именно поэтому половина моих людей бросились разыскивать его. Мне больно лгать короналю, Калинтэйн.

— Но сейчас понтифекс на самом деле спит в своих покоях, — ответил я.

— Прекрасно. И, думаю, там он и останется.

— Я приложу все возможные усилия для того, чтобы так оно и было.

— Вовсе не это меня заботит, — произнес Гуаделум. — Совершенно ясно, что понтифекс Ариок не в своем уме. Выползти через заднее окно прачечной, пробираться по городу в женском наряде — это выходит за пределы простой оригинальности, Калинтэйн. Как только мы покончим с выбором новой Хозяйки Острова Сна, я намерен предложить для его же собственной безопасности постоянно держать понтифекса в личных покоях под сильной охраной и передать обязанности

регенту. Такой прецедент существует. Я изучил хроники. Когда Бархольд был понтифексом, он заболел болотной лихорадкой, и это сказалось на его разуме…

— Господин, — возразил я, — я не считаю, что понтифекс безумен.

Гуаделум нахмурился.

— Но как еще можно объяснить все его поступки?

— Это поступки человека, которому пришлось слишком долго быть правителем, отчего его душа возмутилась против всего, что он вынужден в связи с этим переносить. Но я пришел к убеждению, что знаю его достаточно хорошо, и рискну заявить: все, что проявляется через эти эскапады, можно назвать душевными муками, но вовсе не безумием.

Это была выразительная речь и, должен сказать, весьма смелая, так как я всего лишь мелкий советник, а Гуаделум был в тот момент третьей из влиятельнейших персон в империи, уступая только Ариоку и лорду Струину. Но бывает время, когда нужно отложить в сторону и дипломатию, и амбицию, и хитрость и просто говорить чистую правду. К тому же сама мысль о том, что несчастный понтифекс окажется взаперти,

подобно обычному сумасшедшему, когда он и так уже испытывает нестерпимые страдания от заточения в Лабиринте, казалась мне страшной. Гуаделум долго молчал, и предполагаю, что мне следовало испугаться и подумать о том, ждет ли меня полное увольнение со службы или же просто ссылка в департамент текущей почты, где я буду обречен провести остаток жизни за перекладыванием бумаг, но я, ожидая его ответа, был спокоен, совершенно спокоен.

А затем в дверь постучали: прибыл посыльный с письмом, запечатанным большим оттиском Горящей Звезды — личной печатью короналя. Герцог Гуаделум разорвал пакет, прочел письмо, затем перечитал его во второй, в третий раз… Я никогда еще не видел выражения такого недоверия и ужаса на лице человека. Его руки затряслись, а кожа стала пепельно-серой. Потом он поднял на меня взгляд и сдавленным голосом произнес:

— Тут корональ собственноручно сообщает мне, что понтифекс покинул свои покои и ушел на площадь Масок, где обнародовал декрет столь ошеломляющего содержания, что я не в силах произнести эти слова вслух. — Он протянул мне бумагу. — Вперед, — приказал он, — думаю, что

нам следует поспешить на площадь Масок.

С этими словами он выбежал за дверь, а я, естественно, последовал за ним, отчаянно стараясь на бегу прочесть письмо. Но почерк лорда Струина очень неразборчив, к тому же Гуаделум несся с феноменальной скоростью, а коридоры, которые казались в тот день особенно извилистыми, были плохо освещены. Так что я смог выхватить из текста лишь несколько отдельных фраз и понял, что речь идет о провозглашении новой Хозяйки Острова Сна и об отречении. А кто же мог отречься, кроме самого понтифекса Ариока? Но ведь он же сам говорил мне, причем совершенно искренне, я был несокрушимо уверен в этом, что попытка уклониться от предназначения, которое сделало его одним из Великих Властителей, была бы трусостью.

Хватая ртом воздух, я добежал до площади Масок. Эта часть Лабиринта обычно производит на меня угнетающее впечатление: огромные головы с узкоглазыми лицами, возвышающиеся на сверкающих мраморных постаментах, кажутся мне воплощением кошмара. Шаги Гуаделума гремели по каменному полу, а мои отдавались эхом далеко позади, поскольку, хотя он был более чем вдвое старше меня, но летел вперед, словно

крылатый демон. Впереди я слышал крики, смех, аплодисменты. А затем я увидел толпу из примерно полутора сотен граждан, среди которых узнал нескольких министров понтифексата. Гуаделум и я следом за ним врезались в толпу и остановились, только увидев фигуры в зеленой с золотом униформе — цветах людей короналя, — а потом и самого короналя. Лорд Струин казался одновременно разъяренным и ошеломленным; похоже, он находился в состоянии шока.

— Он не желает успокоиться, — хрипло сказал корональ. — Он переходит из зала в зал, повторяя свое провозглашение. Слушайте: он начинает снова!

И тут я увидел понтифекса Ариока во главе группы его служителей. Он восседал на плечах колоссального скандара. Его величество был одет в свободные белые одежды, похожие на женские, с роскошной парчовой каймой, а на груди у него красовался сверкающий алый драгоценный камень невообразимой величины.

— Учитывая, что среди властителей Маджипура возникла пустота, — кричал понтифекс на удивление мощным голосом, делая паузы в самых неожиданных местах, — и принимая во внимание необходимость назначения новой

Хозяйки Острова Сна! Да будет провозглашена она безотлагательно! Чтобы могла она править в душах людей! Появляясь в их сновидениях, дабы оказывать помощь и даровать покой! И! Принимая во внимание, что! Это мое искреннейшее желание! Сложить с себя бремя понтифексата, которое я нес на протяжении двенадцати лет! Потому! Я делаю это здесь и сейчас! Используя высочайшую власть, находящуюся в моем распоряжении! Объявляю настоящим, что с сего момента я числюсь лицом женского пола! И как понтифекс я объявляю Хозяйкой Острова женщину Ариок, бывшую прежде мужчиной!

— Безумие, — пробормотал герцог Гуаделум.

— Я слышу это уже в третий раз и тем не менее не могу поверить! — воскликнул лорд Струин.

— И одновременно отказываюсь от принадлежащего мне трона понтифекса! И призовите обитателей Лабиринта! Подать колесницу для Повелительницы Ариок! Доставить ее в порт Стойен! А оттуда на Остров Сна, дабы могла она даровать всем вам необходимое утешение!

И в этот момент Ариок повернулся лицом ко мне, и его глаза на мгновение встретились с моим взглядом. Щеки у него были красными от волнения, а на лбу поблескивали бисеринки пота. Он

узнал меня, улыбнулся и подмигнул, совершенно явно подмигнул, подмигнул радостно, подмигнул торжествующе!.. А уже в следующую секунду его унесли прочь.

— Это необходимо прекратить, — сказал Гуаделум.

Лорд Струин покачал головой.

— Слышите, как его приветствуют? Они довольны! По мере того как он переходит с уровня на уровень, толпа становится все больше. Они вынесут его наверх, к вратам Лезвий, и оттуда — еще до исхода дня — на стойенскую дорогу.

— Вы — корональ! — повернулся к нему Гуаделум. — Так неужели вы не в состоянии что-либо сделать?

— Отменить указ понтифекса, любую волю которого я поклялся исполнять? Отважиться на измену перед лицом сотен свидетелей? Нет, нет, нет, Гуаделум! Что сделано, то сделано, и, каким бы нелепым ни был этот поступок, мы должны смириться с ним.

— Да здравствует Повелительница Ариок! — взревел неподалеку оглушительный бас.

— Слава! Да здравствует Повелительница Ариок! Слава! Да здравствует!..

Не веря своим глазам, я смотрел, как процес-

сия выходила с площади Масок, направляясь в зал Ветров или двор Пирамид. Мы — Гуаделум, корональ и я — не пошли следом. Оцепеневшие, молчаливые, мы провожали взглядами кричавший, размахивавший руками народ. Я был смущен тем, что нахожусь рядом с величайшими людьми нашего царства при этих до оскорбительности невероятных событиях. Все это было абсурдом, фантастикой — и это отречение, и это назначение Повелительницы, и они, казалось, не в силах были перенести подобное.

Первым заговорил Гуаделум.

— Если вы, лорд Струин, принимаете это отречение как законное, — задумчиво сказал он, — то вы уже не являетесь короналем и должны приготовиться к тому, чтобы остаться здесь, в Лабиринте, поскольку теперь вы — наш понтифекс.

Эти слова поразили лорда Струина, как удар молнии. В безумии всего происходившего он, очевидно, вовсе и не подумал о самом первом и очевидном последствии поступка Ариока.

Он открыл было рот, но не промолвил ни слова. Развел руками, как будто собирался сделать знак Горящей Звезды в свою честь, но я понял, что это всего лишь проявление замешательства. Я почувствовал озноб волнения и страха, поскольк-

ку оказаться свидетелем смены власти вовсе не пустяк; а сейчас я видел, что Струин совершенно не готов к этому. Лишиться всех радостей жизни на Замковой горе, сменить ее блестящие города и роскошные леса на мрачный Лабиринт, снять корону Горящей Звезды и надеть вместо нее диадему верховного правителя — нет, он не был готов к этому. По мере того как он осознавал реальное положение вещей, он становился бледным как полотно.

Моргая будто от яркого света, лорд Струин заговорил лишь после неимоверно растянувшейся паузы:

— Значит, так тому и быть. Я — понтифекс. И кто, я спрашиваю вас, должен стать короналем вместо меня?

Полагаю, это был риторический вопрос. Конечно, я не сказал ни слова. Герцог Гуаделум тоже промолчал.

— Кто должен стать короналем? — не сводя пронзительного взгляда с Гуаделума, яростно выкрикнул Струин. — Кто? Я вас спрашиваю!

Поверь мне, я ощущал себя совершенно раздавленным тем, что являюсь свидетелем событий, которые никогда не будут забыты, даже если наша цивилизация просуществует еще десять

тысяч лет. Но на протяжении какого времени они все еще будут сказываться?! Гуаделум отступил на шаг, он что-то бормотал трясущимися губами. И Ариок, и лорд Струин были еще далеко не старыми людьми, и вопрос о преемственности власти пока что не обсуждался. А Гуаделум, хотя и обладал властью и величием, думаю, никогда не ожидал, что сможет достичь высот Замковой горы. Ну а если даже этому суждено случиться, то, конечно, не таким образом. Он разевал рот, словно громварк, которого за хвост вытащили из воды, и, как и Струин в первый момент, не мог сказать ни слова, так что я оказался первым, кто решился на какое-то действие. Я опустился на колено, сделал знак Горящей Звезды перед ним и крикнул не своим голосом:

— Гуаделум! Лорд Гуаделум! Славьте лорда Гуаделума! Да здравствует лорд Гуаделум!

Никогда больше мне не придется увидеть двоих людей, которые были бы настолько удивленными, настолько смущенными внезапно обрушившимися на них переменами, ибо бывший лорд Струин превратился теперь в понтифекса, а бывший герцог Гуаделум — в короналя. Лицо Струина было искажено гневом и болью, а лорд Гуаделум, казалось, с трудом держался на ногах

от изумления.

Наступила новая долгая пауза.

Затем лорд Гуаделум произнес странно дрожащим голосом:

— Если я корональ, то традиция требует, чтобы моя мать была названа Хозяйкой Острова, не так ли?

— Какого возраста ваша мать? — спросил Струин.

— Очень старая. Можно сказать, древняя.

— Да. И не подготовленная к обязанностям, налагаемым пребыванием на Острове в качестве Хозяйки, и недостаточно сильная, чтобы исполнять их.

— Это так, — согласился лорд Гуаделум.

— Кроме того, — продолжал Струин, — на сегодня мы уже имеем новую Повелительницу, и не дело сразу же выбирать другую. Давайте посмотрим, хорошо ли Повелительница Ариок сможет устроиться во Внутреннем храме, прежде чем мы постараемся поместить на ее место кого-нибудь другого. Вы согласны?

— Безумие, — отозвался лорд Гуаделум.

— Конечно, безумие, — согласился понтифекс Струин. — Ну а сейчас отправимся к Повелительнице и позаботимся о ее переезде на Остров.

Я поднялся вместе с ними на верхний уровень Лабиринта, где мы обнаружили десять тысяч обитателей подземной столицы, приветствующих Ариока или Ариок, а он — или она — босиком и в роскошных одеждах уже приготовился взойти на колесницу, которая должна была доставить ее — или его — в порт Стойен. Протиснуться к Ариоку было невозможно: так плотно сгрудилась толпа.

— Безумие, — вновь и вновь повторял лорд Гуаделум. — Безумие, безумие!

Но я-то знал, что это не так, поскольку видел, что Ариок подмигнул, и хорошо понял, что он желал мне сообщить. Это не было безумием ни в малейшей степени. Понтифекс Ариок нашел возможность исполнить свое глубочайшее желание — выбраться из Лабиринта. Будущие поколения, я уверен, будут думать о нем как об олицетворении сумасбродства, а может быть, назовут сумасшедшим, но мне известно, что он был совершенно нормален — этот человек, для которого корона стала чрезмерно тяжким бременем, но которому честь не позволяла просто отречься от нее и сменить власть на тихую частную жизнь.

И вот после вчерашних странных событий власть на Маджипуре полностью сменилась, и мы имеем новых понтифекса, короналя и Пове-

лительницу. Теперь, моя дорогая Силимур, ты, конечно, понимаешь, что произошло в нашем мире.

Калинтэйн умолк и сделал большой глоток вина. Силимур смотрела на него с выражением, в котором, как ему показалось, смешались жалость, презрение и симпатия.

— Вы похожи на маленьких детей, — наконец сказала она, — с вашими титулами, королевскими дворами и узами чести. Однако я, кажется, понимаю, что ты испытал и насколько это могло встревожить тебя.

— Есть еще одна мелочь, — заметил Калинтэйн.

— И какая же?

— Корональ лорд Гуаделум, прежде чем удалиться к себе и там наедине с собой осознать наконец все эти перемены, назначил меня своим канцлером. На следующей неделе он уедет в Горный замок. И я, естественно, должен уехать вместе с ним.

— Какая удача для тебя, — холодно отозвалась Силимур.

— И поэтому я прошу тебя разделить со мной жизнь в Замке, — тщательно подбирая слова, закончил он.

Ее великолепные бирюзовые глаза обдали его холодом.

— Я родилась в Лабиринте, — ответила она, — и всем сердцем люблю эту жизнь.

— Значит, таков твой ответ?

— Нет, — отрезала Силимур. — Ты получишь ответ позже. Мне, как и твоему понтифексу и твоему короналю, требуется время, чтобы привыкнуть к большим переменам.

— Тогда это твой ответ?

— Позже, — повторила она, поблагодарила его за вино и за рассказ и удалилась, оставив одного за столом. Через несколько минут Калинтэйн тоже поднялся и отправился, словно призрак, блуждать по глубинам Лабиринта. Он был измотан свыше предела человеческих сил, и повсеместные взволнованные разговоры о том, что Ариок теперь стал Повелительницей, Струин — понтифексом, а Гуаделум — короналем, сливались в его ушах в однообразное жужжание роя насекомых. Потом он пришел к себе домой и попробовал уснуть, но сон не шел, и он углубился в мрачные раздумья о своей жизни, опасаясь, что вынужденный период разрыва с Силимур нанес губительный удар их любви и что, несмотря на явный намек на готовность принять его пред-

ложение, она все же откажет ему. К счастью, его пессимизм не оправдался. Ибо через день после разговора она прислала ему письмо, в котором говорила о своем согласии поехать с ним. Вместе с Калинтэйном она прибыла на свое новое место жительства в Замок, оставалась она рядом с ним и много лет спустя, когда он занял трон короналя, освобожденный лордом Гуаделумом. Его пребывание на этом престоле было недолгим, но счастливым. За время царствования он построил широкий тракт в районе вершины Замковой горы, который потом стал носить его имя, а когда в преклонном возрасте он вернулся в Лабиринт — уже как понтифекс, это не стало для него потрясением, поскольку он полностью утратил способность к потрясениям в тот давний день, когда понтифекс Ариок провозгласил себя Хозяйкой Острова.

Часть V
Пустыня украденных снов

Хиссун теперь видит, что, как это происходит в большинстве случаев, легенда об Ариоке вытеснила правду о нем, поскольку по прошествии веков Ариок кажется странной и гротескной фигурой, своего рода шутом на троне. А в действительности, если воспоминания лорда Калинтэйна чего– нибудь стоят, он был совсем не таким. Страдающий человек искал свободу и, для того чтобы получить ее, выбрал весьма диковинный способ. Нет, он ни в коей мере не был ни шутом, ни сумасшедшим. Хиссун сам находится в капкане Лабиринта и очень хочет дышать свежим воздухом просторов; он неожиданно обнаруживает в понтифексе Ариоке родственную душу — нечто вроде брата по духу, жившего несколько тысяч лет тому назад.

Долго после этого Хиссун не навещает Регистр памяти душ. Последствия его незаконных проникновений в прошлое оказались слишком мощными: в его мыслях расстроенными струнами перекликаются судьбы Тесме и Калинтэйна,

Синнабора Лавона и капитана Эремойля; когда же все они принимаются напоминать о себе, он с трудом находит в себе Хиссуна, и это тревожит его. Кроме того, у него появляются и другие дела. После полутора лет возни с древними налоговыми отчетами и разного рода другими документами он уже вполне уверенно чувствует себя в Доме Записей, и его уже ожидает другое назначение: обзор распределения групп коренного населения на современном Маджипуре. Он знает, что у лорда Валентина были какие-то проблемы с метаморфами — что все события недавних лет, к которым он случайно оказался причастен, явились следствием заговора меняющих форму. В результате этого заговора несколько лет назад кораль сверхъестественным образом оказался свергнутым с трона. Хиссун не забыл подслушанный во время посещения Замка разговор великих вельмож о плане лорда Валентина включить, если это вообще возможно, метаморфов в жизнь планеты. Вот почему Хиссун подозревает, что статистика, которую ему велели собрать, имеет какое-то отношение к великой стратегии короналя, и это приносит ему некоторое удовлетворение.

Это занятие дает ему также поводы для

иронических улыбок, поскольку он достаточно проницателен, чтобы видеть, что происходит с уличным мальчишкой Хиссуном. Тот проворный и хитрый пострел, попавшийся на глаза короналю семь лет назад, стал теперь юным бюрократом — он изменился и стал покладистым, воспитанным и уравновешенным. Ну и пусть, думает он, никто не остается навсегда четырнадцатилетним: приходит время расстаться с улицей и стать полезным членом общества. Но и при этом он испытывает некоторое сожаление по поводу исчезновения того мальчишки, которым был. Проказливый характер прежнего Хиссуна по-прежнему проявляется — пусть не слишком часто, но достаточно сильно. Он ловит себя на непростых размышлениях о том, что собой представляет общественное устройство Маджипура, об органической взаимосвязи политических сил, о власти как ответственности, о том, что осознание взаимного долга объединяет все население планеты в гармонический союз. Четыре Великих Властителя: понтифекс, корональ, Хозяйка Острова, Король Снов… Хиссун недоумевает, как им всем вместе удается столь плодотворно работать. Даже в этом глубоко консервативном обществе, которое за тысячи

лет претерпело так мало изменений, гармония отношений властей кажется удивительной, они являют собой баланс сил, которые поддерживаются не иначе, как божественным образом. Хиссун не получил никакого образования, рядом с ним нет никого, к кому он мог бы обратиться и задать все интересующие его вопросы; однако существует Регистр памяти душ, магически хранящий в застывшем на века состоянии всю кипучую жизнь Маджипура и готовый по команде высвободить глубоко скрытую жизненную энергию. И будет просто безумием не исследовать это море знаний. И потому Хиссун снова подделывает документы, снова ловко заговаривает зубы тупым смотрителям архива, снова нажимает кнопки. Но теперь он ищет не только развлечений и радости обладания запретным плодом, но еще и понимания эволюции политических учреждений его планеты. Каким серьезным молодым человеком ты становишься, говорит он себе, в то время как перед его мысленным взором начинает мелькать многоцветие великолепных огней, а в его душе просыпается энергичная, сильная *сущность другого человека, уже давно почившего, но* тем не менее сохранившегося навеки.

Глава 1

Сувраэль простерся вдоль южного горизонта, словно раскаленный клинок огромного меча — пылающая унылым красным светом железная полоса, воздух над которой переливается от жара. Деккерет стоял на баке торгового судна, на котором совершил долгое и тоскливое плавание, и чувствовал, как учащается биение его пульса. Наконец-то Сувраэль! До этой кошмарной земли, этого континента… нет, мерзости, а не континента, этой бесполезной и жалкой части света оставалось всего лишь несколько дней пути, и кто знает, какие ужасы ждут его там? Но он был готов ко всему. Что ни делается, верил Деккерет, все к лучшему, будь то в Сувраэле или на Замковой горе. Этому высокому массивному человеку с короткой шеей и чрезвычайно широкими плечами было двадцать с небольшим лет. Шло второе лето великолепного правления лорда Престимиона в царствование великого понтифекса Конфалюма.

Путешествие Деккерета в огненные пределы бесплодного Сувраэля было актом покаяния. Во время охоты далеко на севере, у Граничий Кинтора, он совершил позорный поступок — конечно,

не желая этого; он даже не сразу осознал свой позор — и считал необходимым принести нечто вроде искупительной жертвы. Он знал, что это в общем-то всего лишь пылкий романтический жест, но жест простительный. Если делать пылкие романтичные и яркие жесты не в двадцать лет, то когда? Ведь не через десять же или пятнадцать лет, когда он полностью окажется во власти своего предназначения, уютно устроится в нише неизбежной спокойной и легкой карьеры поблизости от лорда Престимиона. Или сейчас, или никогда. Ну а если так, значит — вперед, в Сувраэль, чтобы, не думая о последствиях, очистить там свою душу.

Акбалик, его друг, наставник и компаньон по охоте в Кинторе, оказался не в состоянии понять его. Но ведь Акбалик ни в коей мере не был романтиком и к тому же уже далеко перешагнул двадцатилетний рубеж. Однажды ночью, ранней весной, в затерявшейся где-то в горах таверне для простого люда Деккерет после нескольких бутылок золотого терпкого вина объявил о своем намерении. Акбалик в ответ разразился взрывом неудержимого хохота.

— Сувраэль?! — вскричал он. — Ты слишком строго судишь себя. Столь тяжкого греха, для

искупления которого потребовалась бы прогулка в Сувраэль, просто не существует.

Ужаленный этим хохотом, оскорбленный снисходительным тоном Деккерет медленно покачал головой.

— Грех лежит на мне пятном. И с помощью солнца жарких стран я выжгу это пятно с моей души.

— Так соверши паломничество на Остров, если уж ты настолько уверен, что тебе необходимо что-то сделать. И пусть благословенная Повелительница излечит твой дух.

— Нет. Сувраэль.

— Но почему?

— Ради страдания, — объяснил Деккерет. — Удалиться как можно дальше от радостей Замковой горы, в наименее приятное место на Маджипуре, в мрачную пустыню со свирепыми опаляющими ветрами и неведомыми грозными опасностями. Умерщвлять плоть, Акбалик, и демонстрировать раскаяние. В качестве своего рода епитимьи подчинить себя неудобствам и даже боли — ты знаешь, что такое боль? — пока я не смогу простить себя. Теперь понятно?

Акбалик, усмехнувшись, зарыл пальцы в густой черный мех накидки Деккерета.

— Ладно. Но если умерщвлять, так уж умерщвлять по-настоящему. Я полагаю, что ты ни разу не снимешь эту штуку с плеч, пока будешь жариться под субраэльским солнцем?

— Даже для моего стремления к неудобствам имеется предел, — хихикнул Деккерет и потянулся за вином. Акбалик был почти вдвое старше Деккерета и совершенно откровенно потешался над его серьезностью, как, впрочем, в определенной степени и сам Деккерет, что ни в коей мере эту серьезность не уменьшало.

— Наверное, мне все же следует еще раз попробовать отговорить тебя.

— Бессмысленно.

— Но ты только подумай, чего это будет тебе стоить? — заговорил Акбалик, как будто не обратил внимания на последнюю реплику собеседника. — Тебе следует позаботиться о своей карьере. В последнее время твое имя часто произносят в замке. Лорд Престимион о тебе очень высокого мнения: многообещающий молодой человек, блестящее будущее, великая сила характера, ну и так далее… Престимион молод, ему предстоит долгое правление, и те, кто, как и он, молод сейчас, в начале его царствования, будут подниматься по служебной лестнице рядом с ним. А ты, вместо

того чтобы находиться при дворе, сидишь в глухом углу Кинтора и уже собираешься в другое, еще более бессмысленное путешествие. Выкинь из головы эти сувраэльские бредни, Деккерет, и возвращайся вместе со мной в Замок. Выполняй приказы короналя, доказывай сильным мира сего, что ты немало стоишь, и строй свое будущее. Сейчас на Маджипуре замечательные времена, и очень полезно находиться среди властей предержащих. Что, скажешь нет? Зачем ссылать себя в Сувраэль? Никто не знает о твоем грехе, этой мелкой ошибке провидения…

— Но я-то знаю.

— Тогда дай себе слово, что подобное не повторится, и покончи с этим.

— Это не так просто, — ответил Деккерет.

— Потратить год, а то и два своей жизни или, может быть, лишиться ее вообще ради бессмысленной, бесполезной поездки…

— Не бессмысленной. И не бесполезной.

— Это твое личное мнение.

— Вовсе нет, Акбалик. Я знаком со многими служащими понтифексата, и мне удалось получить официальное назначение. Я провожу расследование. Разве плохо звучит? Сувраэль не выполнил обязательства по поставкам мяса и домашнего

скота, и понтифекс хочет узнать причину. Неплохо? Я продолжаю свою карьеру даже во время того, что тебе кажется моим совершенно частным приключением.

— Значит, ты уже принял меры?

— Я уезжаю в следующий Четвертый день, — Деккерет протянул своему другу руку через стол, — и буду отсутствовать, наверное, года два. Встретимся на Горе. Как ты относишься к идее игр в Горном Морпине? В Зимний день через два года?

Спокойный взгляд серых глаз Акбалика остановился на лице Деккерета.

— Я буду там, — медленно сказал он. — И прошу тебя тоже явиться на встречу.

Та беседа состоялась всего лишь несколько месяцев тому назад, но сейчас, когда Деккерет ощущал над бледно-зеленой водой Внутреннего моря пульсирующее жаркое дыхание южного континента, ему казалось, что она происходила невероятно давно и плавание тянется бесконечно долго. Первая часть поездки была довольно приятной: он спустился с гор в Ни-мойю, великую столицу Зимроэля, а оттуда доплыл на речном судне по Зимру до порта Пилиплок на восточном побережье. Там он пересел на грузовое

судно — самый дешевый и неблагоустроенный транспорт, — направлявшееся в Толагай, город на дальней оконечности северного побережья Сувраэля, и они направились к югу… все плыли и плыли к югу… все лето к югу и к югу… Его крохотная каютка находилась с подветренной стороны, и в ней скапливался, как ему казалось, весь запах от груза — сушеных детенышей морских драконов. А после того как судно пересекло тропик, дневная жара превратила путешествие в настоящую пытку; впрочем, и ночи были немногим лучше, а вся команда, состоявшая главным образом из мохнатых скандаров, смеялась над его страданиями и советовала наслаждаться прохладой, пока можно, потому что в Сувраэле он узнает, что такое настоящий зной. Ну что ж, он жаждал страданий, и его желание уже вполне начало сбываться, а впереди ждало худшее. Он не жаловался. И не испытывал ни малейшего сожаления. Но его благополучная жизнь среди молодых рыцарей Замковой горы не подготовила его ни к бессонным ночам, когда вонь мяса морского дракона режет ноздри, ни к удушающей жаре, которая навалилась на судно спустя несколько недель после выхода из Пилиплока, ни к всепоглощающей скуке, порожденной однообразным

морским пейзажем. Планета была невероятно, невообразимо огромна; настолько огромна, что возникало ощущение тревоги. Чтобы попасть откуда-нибудь куда-нибудь, требовалась вечность. Взять даже переезд с его родного Алханроэля на западное побережье Зимроэля: от подножия Горы на речном судне до Алаизора, далее морем до Пилиплока, оттуда вверх по реке поближе к горным перевалам… Но тогда рядом с ним был Акбалик, в обществе которого время тянулось не так медленно, и было волнение первой серьезной поездки, непривычные новые места, новая пища, новые диалекты. А впереди ждала охотничья экспедиция. Но сейчас… Это заточение на борту грязного скрипучего судна, до последней щелочки пропитанного смрадом вяленого мяса… Эта бесконечная череда — нет, не череда, а замкнутый круг — пустых дней без друзей, без дел, без разговоров… Пусть бы хоть один чудовищный морской дракон оказался в поле зрения, думал он, и оживил бы поездку привкусом опасности; но нет, нет, драконы странствовали в других местах, одно большое стадо, как ему сказали, находилось сейчас где-то к западу от Нарабаля, а другое — на полпути между Пилиплоком и архипелагом Родамаунт, так что Деккерету не удалось увидеть

ни одного из этих гигантов. Ощущение скуки тяготило еще больше оттого, что она, похоже, не имела ни малейшего очищающего значения. Да, он страдал, страдал по-настоящему, и именно страдание должно было, по его представлениям, исцелить его раны, но все же ощущение тяжести содеянного в горах, казалось, вовсе не ослабело. Ему было жарко, он томился от скуки и не находил себе места, а вина все так же бременем лежала на его душе, и он все так же ядовито смеялся над собой, вспоминая о том, как его не кто-нибудь, а сам корональ лорд Престимион похвалил за большую силу духа, тогда как сам он обнаруживал в себе только слабость, трусость и глупость. Пожалуй, одних только сырости, мерзкой вони и скуки для исцеления души недостаточно, решил Деккерет. Так или иначе, но путешествием в Субраэль он уже насытился по горло и был готов перейти к следующему этапу своего паломничества в неизвестность.

Глава 2

Каждое путешествие, пусть даже оно кажется бесконечным, когда-нибудь завершается. Обжигающий ветер с юга усиливался с каждым днем, палуба раскалялась настолько, что по ней невозможно было пройти, и босоногие скандары каждый час поливали ее забортной водой. В какой-то момент пылавшая угрюмым жаром масса, закрывавшая горизонт, внезапно превратилась в береговую линию, из которой выделились челюсти гавани. Они наконец достигли Толагая.

Весь Сувраэль находился в тропическом поясе. Бóльшую часть его территории занимала пустыня, раздавленная неимоверной тяжестью мертвенно застывшего гигантского столпа сухого воздуха. Но окраины континента были более или менее пригодны для жизни; там, на побережьях, располагались пять главных городов, самый большой из которых — Толагай — имел наиболее устойчивые торговые связи с остальной частью Маджипура. Когда судно вошло в просторную гавань, Деккерет был поражен открывшимся перед его глазами видом. За свою не слишком долгую жизнь он успел посетить многие гигантские

города мирового значения — по меньшей мере дюжину из Пятидесяти Городов, прилепившихся к склонам Замковой горы, и многобашенный Алаизор, обдуваемый морскими ветрами, и изумлявшую разнообразием окруженную белой стеной просторную Ни-мойю, и великолепный Пилиплок, и многие другие, — но ни разу еще ему не приходилось бывать в столь непривлекательном и в то же время таинственном городе.

Толагай цеплялся словно краб за невысокий горный хребет, вытянувшийся вдоль моря. Дома в нем походили на плоские приземистые бруски из высушенного на солнце оранжевого кирпича-сырца с пустыми проемами вместо окон; возле этих строений лишь изредка встречалась чахлая растительность — как правило, редкие кривобокие пальмы с голыми стволами и крошечными перистыми коронами далеко вверху. В полдень улицы были почти пусты. Горячий ветер нес по растрескавшимся булыжникам мостовой мелкий песок. Город показался Деккерету похожим на мрачную тюрьму или военизированное поселение какой-то древней расы с авторитарным образом мышления. Зачем кому-то понадобилось строить столь отвратительный город? Несомненно, причина заключается в элементарном

здравом расчете: столь уродливый облик обусловлен климатом этих мест. И все же, подумалось Деккерету, даже чрезмерная жара и засуха не могут служить оправданием уродливости архитектуры.

В своем счастливом неведении Деккерет предполагал, что сможет сразу же сойти на берег, но здесь простые решения не пользовались популярностью. Судно больше часа простояло на якоре, прежде чем на борт поднялись портовые чиновники — три мрачных хьорта. Началась долгая канитель с санитарным осмотром, грузовыми декларациями, спорами по поводу величины портовой пошлины, и лишь после этого полтора десятка пассажиров получили разрешение покинуть судно. Носильщик-гэйрог подхватил багаж Деккерета и спросил, в какую гостиницу его доставить. Услышав, что приезжий не заказал номер в гостинице заранее, похожее на рептилию существо со стремительно мелькавшим раздвоенным языком и черными, корчившимися словно клубок змей волосами окинуло его ледяным насмешливым взглядом.

— А чем вы намерены платить? — прямо спросил гэйрог. — У вас есть деньги?

— Немного. Я смогу где-нибудь переночевать

за три кроны?

— Не слишком роскошно. Получите соломенный тюфяк. И в придачу паразитов на стенах.

— Проводите меня, — решительно сказал Деккерет.

Будь гэйрог человеком, у него вытянулось бы лицо.

— Вам не понравится там, прекрасный господин. Вы производите впечатление владетельного лорда.

— Возможно. Но в кармане у меня кошелек бедняка. Я постараюсь ужиться с паразитами.

На самом деле гостиница оказалась не настолько плохой, как он опасался. Да, очень старая, запущенная, мрачная на вид. Но точно так же выглядели и все остальные дома, которые ему удалось увидеть, а отведенная ему комната казалась почти роскошной после каюты на судне. К тому же здесь не было вони мяса морских драконов; в воздухе стоял лишь всепроникающий сухой запах сувраэльского воздуха — наверное, нечто подобное вырывается из-под пробки фляги, пролежавшей запечатанной тысячу лет. Деккерет дал гэйрогу монету в полкроны, за что не получил никакой благодарности, и распаковал свои немногочисленные пожитки.

Ближе к вечеру Деккерет вышел на улицу. Изнуряющая жара нисколько не ослабела, но порывы обжигающего ветра стали менее жестокими, и людей на улицах значительно прибавилось. И все равно город казался мрачным. Это было самое подходящее место для покаяния. Он с ненавистью разглядывал пустоглазые кирпичные дома и окружающий пейзаж и тосковал по мягкому благоуханному воздуху своего родного города Норморка, стоявшего невысоко над основанием Замковой горы. Как, спрашивал он себя, кто-то мог захотеть жить здесь, имея возможность поселиться в куда более благоприятных условиях? Какая пустота или суровость души могла вынудить несколько миллионов его сограждан по собственной воле подвергаться ежедневному пожизненному бичеванию — ибо только с этим можно было сравнить жизнь на Субраэле? Конторы представителей понтифексата располагались на большой пустынной площади, выходившей к гавани. Согласно полученным инструкциям, Деккерету следовало зайти туда. Несмотря на часовое опоздание, он обнаружил, что все конторы открыты — жители Толагая избегали палящего дневного зноя и отводили для дел вечернее время. Его попросили немного подождать в вестибю-

ле, украшенном огромными керамическими портретами правящих монархов: понтифекса Конфалюма анфас, доброжелательно взиравшего на мир, но тем не менее исполненного неподдельного величия, и молодого короналя лорда Престимиона в профиль — со сверкающими умом и кипучей энергией глазами. Маджипуру повезло с правителями, подумал Деккерет.

Однажды, еще будучи мальчиком, он видел еще короналя Конфалюма с его двором в прекрасном городе Бомбифэйле, недалеко от вершины Горы, и тогда ему хотелось кричать от радости, которую он испытал при виде спокойной мощи этого человека. А спустя несколько лет лорд Конфалюм занял трон понтифекса и переехал в подземелья Лабиринта, сделав короналем Престимиона — человека совершенно иного склада, столь же внушительного на вид, но исполненного порыва, энергии и импульсивности. И когда лорд Престимион, совершая великое паломничество, проезжал через города Горы, он заметил в Норморке молодого Деккерета и по какой-то лишь ему одному известной причине — такие поступки вообще были ему свойственны — включил юношу в число рыцарей, проходивших обучение в Верхних Городах. Это случилось, казалось,

целую эпоху тому назад: столько больших перемен произошло с тех пор в жизни Деккерета. В восемнадцать он позволил себе предаться фантазии о том, что когда-нибудь вступит на трон короналя… Но затем случилось это несчастье в горах Зимроэля, и вот теперь, чуть перевалив за двадцать, он оказался в этом сером городе унылого Сувраэля, мучается на жесткой скамье в пыльной конторе и чувствует, что впереди у него нет вообще никакого будущего, а всего лишь бесплодная череда бессмысленных лет, которую нужно будет избыть.

Появился жирный хьорт с кислым выражением лица.

— Архирежиманд Голатор Ласгия сейчас примет вас, — объявил он.

Титул прозвучал очень внушительно, но его обладателем оказалась стройная смуглокожая женщина немногим старше самого Деккерета. Стараясь сделать это незаметно, она окинула посетителя взглядом больших блестящих печальных глаз, небрежно приветствовала его жестом, положенным представителям понтифекса по протоколу, и взяла документ, удостоверявший его личность и полномочия.

— Посвященный Деккерет, — негромко прочла

она вслух, — с заданием провести расследование по поручению суперстрата провинции Кинтор. Я не понимаю. Посвященный Деккерет… Вы на службе у понтифекса или у короналя?

— Я состою при лорде Престимионе, — чувствуя себя неловко, ответил Деккерет, — в очень низком ранге. Но как раз когда я находился в кинторской провинции, управлению понтифексата понадобились кое-какие сведения относительно Субраэля. Когда же чиновники узнали, что я направляюсь именно туда, они попросили меня — как я понимаю, исключительно в интересах экономии — заняться этим делом, несмотря на то что я не являюсь служащим понтифекса. И…

Голатор Ласгия задумчиво разложила бумаги Деккерета на столе.

— Вы намеревались посетить Субраэль? Могу ли я спросить зачем?

Деккерет вспыхнул.

— С вашего позволения, это сугубо личное дело.

Ответ, похоже, ее вполне удовлетворил.

— А какие же дела в Субраэле могут представлять столь неотразимый интерес для моих братьев из кинторского понтифексата? Или, может быть, мое любопытство здесь тоже неуместно?

Деккерет почувствовал себя еще более неловко.

— Это связано с нарушением торгового баланса, — ответил он, с трудом заставляя себя встретиться с ее холодным, проницательным взглядом. — Кинтор — район промышленный, и он обменивает свои товары на домашний скот, выращиваемый в Сувраэле. В течение двух последних лет экспорт блавов и скакунов из Сувраэля устойчиво сокращался, и теперь ситуация сказывается на экономике Кинтора. Промышленникам трудно так долго кредитовать Сувраэль.

— Все сказанное вами для меня не новость.

— Мне поручено осмотреть местные пастбища, — продолжал Деккерет, — и определить, можно ли в скором времени рассчитывать на увеличение поголовья скота.

— Могу я предложить вам вина? — неожиданно спросила Голатор Ласгия.

Деккерет, соблюдая правила приличия, выдержал паузу. Пока он колебался, женщина достала две фляги золотого, ловко сорвала печати с горлышек и подала одну ему. Он принял флягу с благодарной улыбкой. Вино было холодным, сладким, чуть игристым.

— Кинторское, — пояснила она. — Таким образом мы вносим свой вклад в торговый дефицит Сувраэля. Хочу вам сказать, посвященный Деккерет, причина неприятностей заключается в том, что в последний год понтифекса Пранкипина Сувраэль охватила страшная засуха. Вы можете спросить, как мы здесь определяем, засушливым или дождливым выдался год, но разница существует, посвященный, причем весьма существенная. И эта засуха поразила наши скотоводческие районы, лишив возможности прокормить животных. Поэтому нам пришлось забить столько скота, сколько мог принять рынок, а значительную часть уцелевших животных мы продали владельцам ферм в западном Зимроэле. Вскоре после того, как Конфалюм переселился в Лабиринт, вновь начались дожди, и в наших саваннах возродилась трава. Но на восстановление стад потребуется несколько лет. Поэтому торговый дисбаланс сохранится еще в течение некоторого времени, а затем все придет в норму. — Она улыбнулась без всякой теплоты. — Ну вот. Я избавила вас от неприятной и неинтересной поездки внутрь материка.

Деккерет покрылся обильным потом.

— Однако я должен сделать это, архирежиманд

Голатор Ласгия.

— Вы не сможете узнать ничего, кроме того, что я только что вам рассказала.

— Я ни в коей мере не хочу выразить вам недоверие. Но я получил совершенно определенный приказ: увидеть все собственными глазами…

Она на секунду прикрыла глаза.

— Попасть в район пастбищ сейчас будет чрезвычайно трудно. Вам придется столкнуться с множеством неудобств, возможно, даже с серьезной опасностью для жизни. На вашем месте я осталась бы в Толагае, воспользовалась бы всеми доступными удовольствиями и разобралась бы со всеми личными делами, которые могли привести вас сюда, в Сувраэль. А потом, выждав должное время, написала бы отчет на основе материалов моей конторы и с чистой совестью отправилась обратно в Кинтор.

В душу Деккерета немедленно закрались подозрения. Та ветвь системы управления, которую представляла эта женщина, не всегда соглашалась сотрудничать с людьми короналя, а ее поведение недвусмысленно свидетельствовало о попытке скрыть нечто, происходившее в Сувраэле. И хотя его поручение было всего лишь предлогом для поездки сюда, а не основной зада-

чей, следовало тем не менее помнить и о своей карьере. Позволь он архирежиманду понтифексата так легко обмануть себя — и ему придется всю жизнь терзаться по этому поводу. Он пожалел, что поддался соблазну выпить с ней вина, но, чтобы скрыть замешательство, позволил себе сделать несколько учтивых глотков, а потом, собравшись с мыслями, возразил:

— Мое понятие о чести не позволяет мне пойти таким простым путем.

— Сколько вам лет, посвященный Деккерет?

— Я родился в двенадцатом году лорда Конфалюма.

— Да, конечно, понятие о чести должно все еще тревожить вас. Давайте вместе посмотрим карту. — Женщина легко поднялась с места. Она оказалась выше, чем он ожидал, почти одного с ним роста, и казалась хрупкой. От темных, сильно вьющихся волос исходил удивительный аромат, перебивавший даже аромат крепкого вина. Голатор Ласгия прикоснулась к стене, и на ней появилась карта Субраэля, вся в блестящих охристых и темно-рыжих пятнах. — Вот Толагай, — сказала она, ткнув пальцем в северо-западный угол континента. — А пастбища находятся вот тут. — Она провела рукой вдоль

полосы, начинавшейся в шести или семи сотнях миль от побережья и описывавшей окружность вокруг пустыни в сердце Сувраэля. — От Толагая, — продолжала она, — к стране пастухов идут три главные дороги. Вот первая. В настоящее время она занесена песчаными бурями, и ни одно транспортное средство не сможет пробиться по ней. Вот второй маршрут; там у нас серьезные трудности с бандитами — меняющими форму, и он тоже закрыт для путешественников. Третий путь проходит здесь, через Кулагский проход, но в последнее время этой дорогой пользовались мало, и до нее дотянулась рука большой пустыни. Видите, какие сложности вас ожидают?

— Но если основное дело Сувраэля — выращивание рогатого скота на экспорт, — со всей возможной мягкостью сказал Деккерет, — а все маршруты между скотоводческими районами и главным портом заблокированы, то верно ли будет говорить, что основной причиной недопоставок является плохое состояние пастбищ?

Она улыбнулась.

— Существуют и другие порты, из которых мы в таких случаях отправляем свою продукцию.

— Ну что ж, значит, из одного из них я найду прекрасную дорогу прямо в страну пастбищ?

Женщина снова постучала пальцем по карте.

— Начиная с прошлой зимы центром торговли рогатым скотом стал порт Нату-Горвину. Вот он, на востоке, напротив побережья Алханроэля, приблизительно в шести тысячах миль отсюда.

— Шесть тысяч…

— В торговле между Толагаем и Нату-Горвину нет, пожалуй, никакого смысла. Суда между этими портами ходят вряд ли чаще одного раза в год. А с сухопутным сообщением дело еще хуже: дороги от Толагая на восток доходят только до Кангиза, — она указала на город, расположенный примерно в тысяче миль, — а что там дальше, никто точно не знает. Сувраэль не слишком густонаселенный континент.

— Получается, что у меня нет никакой возможности попасть в Нату-Горвину? — спросил совершенно ошеломленный Деккерет.

— Одна есть. Доплыть на корабле от Толагая до Стойена на Алханроэле и от Стойена до Нату-Горвину. На это вам потребуется лишь немногим больше года. К тому времени, когда вы вернетесь на Сувраэль и попадете во внутренние районы, кризис, для расследования которого вы прибыли, скорее всего, благополучно закончится. Еще вина, посвященный Деккерет?

Он растерянно взял флягу. Названные расстояния просто ошеломили его. Еще одно ужасающее плавание через Внутреннее море, возвращение на родной Алханроэль только для того, чтобы развернуться и в третий раз пуститься в океан, доплыть до противоположной оконечности Сувраэля и, возможно, обнаружить, что проходы внутрь континента там тоже закрыты, и… Нет. Нет! Это уже не покаяние, а самоистязание. Лучше вообще отказаться от задания, чем совершать столь невероятные глупости.

Пока он сидел в раздумье, Голатор Ласгия решила сменить тему.

— Время уже позднее, а ваши проблемы требуют более подробного изучения. У вас есть какие-нибудь определенные планы насчет обеда, посвященный Деккерет?

В ее мрачных глазах внезапно заиграл хорошо знакомый ему озорной, лукавый огонек.

Глава 3

Находясь в обществе архирежиманда Голатор Ласгии, Деккерет обнаружил, что жизнь в Толагае не настолько сурова, как ему показалось на первый взгляд. В парящей лодке женщина доставила его в гостиницу — он не мог не заметить отвращения, появившегося на ее лице при виде его убогой обители, — и предложила ему отдохнуть, привести себя в порядок и ожидать ее через час. На город быстро опустились медно-красные сумерки, и через час небо стало совсем темным. Бархатную черноту прорезали лишь пунктирные изломанные контуры нескольких незнакомых Деккерету созвездий, да тонкие полумесяцы двух лун низко над горизонтом. Архирежиманд оказалась пунктуальной. Вместо строгой официальной туники на ней теперь было невероятно соблазнительное одеяние из полупрозрачной ткани, похожей на кисею. Деккерет был озадачен столь резкими переменами. Он действительно пользовался определенным успехом у женщин, но сегодня он, несомненно, не сделал и намека на то, что питает к Голатор Ласгии хоть какой-то интерес, — он проявлял лишь чисто формаль-

ное уважение. И все же она недвусмысленно демонстрировала намерение провести с ним ночь. Почему? Конечно же, не по причине его непревзойденной мудрости и физической привлекательности и не из-за политических выгод, которые могло бы предоставить более близкое знакомство с ним. Никакой разумной причины такого ее поведения он не находил. Кроме одной: молодая женщина прозябала в грязном заморском городишке, среди тоскливой рутины, и тут внезапно появился юный незнакомец, способный предоставить ей приятное развлечение на ночь. Он чувствовал, что его используют, но тем не менее не видел в этом большой беды. А после долгих тоскливых месяцев, проведенных в море, был вполне готов пойти на небольшой риск ради удовольствия.

Они обедали в частном клубе где-то в предместьях города, в саду, изящно украшенном известными растениями-животными из Стойензара и другими чудесами растительного мира. Деккерет мысленно прикинул: на снабжение водой этого цветочного чуда должна была уходить изрядная часть скудного водного пайка Толагая. За другими столами, стоявшими на значительном расстоянии один от другого, сидели нарядно

одетые сувраэльцы. Голатор Ласгия кивала то тому, то другому, но никто не подходил к ней и никто не кидал недовольных взоров на Деккерета. Из дома тянуло освежающим прохладным сквозняком — первый ветерок, который он почувствовал за несколько недель, — как будто там работала одна из удивительных древних машин, сродни тем механизмам, которые создали и поддерживали восхитительную атмосферу Замковой горы. Великолепный обед состоял из особым образом приготовленных чуть забродивших фруктов и нежных сочных кусков какой-то бледно-зеленоватой рыбы, к которым подали прекрасное сухое вино — амблеморнское, сделанное у подножия Замковой горы. Ни женщина, ни мужчина не ограничивали себя, и вскоре у обоих заблестели глаза и развязались языки; холодная официальность недавнего разговора в конторе была забыта. Он узнал, что она на девять лет старше него, что она уроженка окруженного пышными влажными джунглями Нарабаля, находящегося на западном континенте, что она поступила на службу в аппарат понтифекса еще совсем девочкой и провела в Сувраэле уже десять лет. Нынешний высокий пост в Толагае она заняла после вступления Конфалюма на трон

понтифекса.

— И вам нравится здесь? — спросил он.

Она пожала плечами.

— Ко всему можно привыкнуть.

— Сомневаюсь, что мне это удалось бы. Для меня Субраэль — это просто место пытки, своего рода чистилище.

Голатор Ласгия кивнула.

— Совершенно верно.

Словно невидимая молния, сверкнув, соединила их взгляды. Деккерет не посмел уточнять подробности, но что-то подсказало ему, что у них в судьбах есть много общего.

Он снова наполнил бокалы и понимающе улыбнулся.

— Так, значит, вы ищете здесь покаяния? — спросила она.

— Да.

Она сделала широкий жест рукой, указывая на ухоженный сад, на стол, уставленный пустыми флягами из-под вина и красивыми блюдами с остатками деликатесов.

— Тогда вы начали не с того конца.

— Моя госпожа, обед в вашем обществе никак не входил в мои планы.

— В мои тоже. Но Божество располагает, а

нам остается повиноваться. Что? Скажете, не так? — Она склонилась поближе к нему. — И что вы собираетесь делать дальше? Отправиться в Нату– Горвину?

— Похоже, что это слишком сложно.

— Тогда поступите так, как я вам советовала. Оставайтесь в Толагае, пока вам не надоест, а потом вернетесь домой и подошьете свой доклад в нужную папку. А в Кинторе никто и никогда ничего не узнает.

— Нет. Я должен отправиться в глубь страны.

Она взглянула на него, не скрывая насмешки.

— Какая верность своим идеалам! Но как вы собираетесь это сделать? Дороги отсюда закрыты.

— Вы сказали, что путь через Кулагский проход редко используется. Но колдобины на дороге вовсе не так опасны, как смертоносные песчаные бури или нападения меняющих форму. Возможно, я смогу нанять проводника, который покажет мне эту дорогу.

— В пустыню?

— Раз уж это необходимо.

— В пустыне обитают призраки, — небрежно заметила Голатор Ласгия. — Вы должны выбросить эту идею из головы. Позовите официанта, пусть подаст еще вина.

— Мне кажется, моя госпожа, что я выпил уже достаточно.

— Ну что ж. Тогда пойдем куда-нибудь еще.

Выход из овеваемого свежим ветерком сада на заполненную сухим горячим воздухом ночную улицу был подобен удару, но они почти сразу же оказались в парящей лодке и вскоре прибыли в другой сад, находившийся во внутреннем дворе официальной резиденции; посреди сада располагался бассейн. Здесь не было погодных машин, способных побороть жару, но архирежиманд знала и иной способ освежиться, она легко сбросила платье и шагнула к бассейну. Ее худощавое гибкое тело на мгновение блеснуло в свете звезд, а затем она почти без всплеска нырнула и скрылась под водой. Появившись на поверхности, она жестом поманила к себе Деккерета, и он не раздумывая присоединился к хозяйке.

А потом они в тесном объятии упали на постель из коротко подстриженной плотной травы. Их любовная игра была, возможно, больше похожа на борьбу: она сжимала его своими длинными мускулистыми ногами, пыталась удержать его руки, снова и снова, заливаясь смехом, перекатывалась вместе с ним по траве, и он был поражен силой ее тела, наигранной свирепостью ее дви-

жений. Но когда они в конце концов прильнули друг к другу, их действия стали обретать все больше и больше гармонии. В эту бессонную ночь они находили силы для все новых и новых слияний.

Рассвет оказался изумительным: солнце без всякого предуведомления взлетело в небо, залив окружающие холмы потоками обжигающего света.

Деккерет повернулся к женщине — в жестоком утреннем освещении она выглядела не столь юной, как при свете звезд.

— Расскажи мне об этой населенной призраками пустыне, — резко произнес он. — Каких таких духов мне предстоит там встретить?

— Как ты настойчив!

— Расскажи.

— Там обитают призраки, которые способны вторгаться в сны и похищать их. Они отнимают у души радость и вселяют на ее место страхи. Днем они поют вдали, сбивая путника с толку, уводя с дороги своей болтовней и музыкой.

— Предполагается, что я должен поверить этому?

— За последние годы многие из тех, кто попал в эту пустыню, погибли.

— Из-за призраков, ворующих сны?

— Так говорят.

— Значит, мне будет о чем рассказать, когда я вернусь на Замковую гору.

— Если вернешься, — поправила она.

— Но ты же говоришь, что погибали не все, кто попадал в эту пустыню. Ясно, что не все, — ведь должен же был кто-то вернуться, чтобы рассказать об этом. Значит, я найму проводника и попытаю счастья среди призраков.

— Никто не возьмется сопровождать тебя.

— Тогда я пойду один.

— И погибнешь наверняка. — Она погладила его мощные руки и издала невнятный мурлыкающий звук. — Неужели ты так стремишься к скорой смерти? Смерть не имеет никакой ценности. Она не приносит выгод. Какого бы покоя ты ни искал, это не покой могилы. Забудь о поездке в пустыню. Оставайся здесь, со мной.

— Мы поедем вместе.

— Ну уж нет, — рассмеялась она.

Деккерет понял, что это безумие. Он не верил в ее рассказы о призраках и похитителях снов; что бы ни происходило в пустыне Сувраэля, это наверняка было происками бунтующих аборигенов — меняющих форму. Хотя и в этом он сомневался. Возможно, все эти разговоры об опас-

ности были лишь уловками, направленными на то, чтобы подольше задержать его в Толагае. Несомненно, это было лестно, но нисколько не помогало в поисках. И она была права насчет того, что смерть является совершенно бесполезной формой очищения. Если его приключениям в Сувраэле суждено иметь смысл, ему необходимо выжить.

Голатор Ласгия вскочила и потянула его за руку. Они поплавали в бассейне, а затем она провела его в дом, в самую красивую комнату, какую ему довелось видеть после отъезда с Замковой горы, и угостила завтраком из вяленой рыбы и фруктов. Спустя довольно долгое время женщина вдруг спросила:

— Ты действительно должен попасть в глубь материка?

— Туда меня ведет внутренняя потребность, — вновь ощутив ту же неловкость, что и накануне, пробормотал он.

— Очень хорошо. У нас в Толагае есть один негодяй, который частенько рискует ходить на внутренние земли через Кулагский проход, — по крайней мере, так он уверяет, — и, кажется, до сих пор жив и здоров. Ради кошелька с реалами он, без сомнения, согласится проводить тебя туда.

Его зовут Барджазид. Если ты так настаиваешь, я вызову его и попрошу помочь тебе.

Глава 4

Слово «негодяй» казалось самым подходящим определением для Барджазида. Это был тощий маленький человечек крайне непрезентабельного вида, в потрепанной одежде коричневого цвета и поношенных кожаных сандалиях, с древним ожерельем из разнокалиберных костей морского дракона на шее. Губы у него были тонкими, на дочерна обожженном солнцем пустыни лице лихорадочным блеском сверкали глаза. Он глядел на Деккерета оценивающе, словно мысленно взвешивал содержимое его кошелька.

— Если я возьму вас с собой, — глухим, но все же довольно сильным голосом заговорил Барджазид, — вы сначала подпишете документ, освобождающий меня от любой ответственности перед вашими наследниками в случае вашей смерти.

— У меня нет никаких наследников, — ответил Деккерет.

— Тогда перед родственниками. Я не желаю, чтобы ваш отец или ваша старшая сестра потащили меня в суд понтифексата за то, что вы погибли в пустыне.

— А разве вы уже погибли в пустыне?

Барджазид выпучил глаза.

— Абсурдный вопрос.

— Вы ходите в эту пустыню, — настаивал Деккерет, — и возвращаетесь живым. Так? Если вы знаете свое дело, то вернетесь живым и на этот раз, а следовательно, и я тоже. Я буду делать то, что делаете вы, и пойду туда, куда решите пойти вы. Если вы уцелеете, то и я уцелею тоже. Если я погибну, то вместе с вами, и мое семейство не сможет предъявить вам никаких претензий.

— Я могу противостоять силе похитителей снов, — ответил Барджазид. — Я это точно знаю, так как прошел уже много серьезных испытаний. Откуда вы знаете, что вам удастся так же успешно устоять против них?

Деккерет подлил себе еще чаю, который заварил Барджазид, — густого настоя из листьев, собранных с мощного куста, выросшего где-то на склоне поросшего травой песчаного бархана, оставшегося от одного из былых наступлений пустыни. Двое мужчин сидели друг против друга, скрестив ноги, на куче грязных одеял в заросшем плесенью подвале магазина, принадлежащего сыну брата Барджазида; судя по всему, будущий проводник принадлежал к большому семейному

клану. Деккерет задумчиво потягивал терпкий густой напиток.

— Кто такие похитители снов? — спросил он после долгой паузы.

— Точно не знаю.

— Может быть, меняющие форму?

Барджазид пожал плечами.

— Они не были столь любезны, чтобы сообщить мне свою родословную. Меняющие форму, гэйроги, врууны, люди… откуда мне знать? В сновидениях все голоса одинаковы. Конечно, в пустыне скрывается несколько племен меняющих форму, и некоторые из них причиняют нам большие неприятности. Возможно, наряду со способностью преобразовывать свои тела они обладают еще и умением проникать в сознание. А возможно, и нет.

— Если меняющие форму закрыли два из трех маршрутов, ведущих из Толагая в глубь страны, то, пожалуй, войскам короналя придется поработать.

— Это меня не касается.

— Меняющие форму — покоренная раса. Мы не должны позволять им нарушать обычный порядок жизни на Маджипуре.

— О том, что похитители снов относятся к ме-

таморфам, заговорили вы, — язвительно заметил Барджазид. — Лично я не придерживаюсь такого мнения. И вообще, неважно, кто такие эти похитители снов. Важно то, что из-за них земли за Кулагским проходом стали опасными для путешественников.

— Тогда зачем вы туда ходите?

— Я не имею обыкновения отвечать на вопросы, которые начинаются со слова «зачем». Я хожу туда потому, что у меня есть для этого причины. Но в отличие от других я возвращаюсь живым.

— И что, каждый, кто пытается преодолеть этот проход, погибает?

— Я в этом сомневаюсь. А вообще-то понятия не имею. Вне всякого сомнения, прежде чем о похитителях снов стало известно, погибли многие. Но и в лучшие времена пустыня была опасной. — Барджазид помешал ложечкой в чашке с чаем. Он, похоже, начал почему-то волноваться. — Если вы поедете со мной, то я постараюсь как можно лучше защищать вас. Но при этом никоим образом не гарантирую вашей безопасности. Именно поэтому я требую, чтобы вы дали мне юридическое освобождение от ответственности.

— Написать такую бумагу, — возразил Деккерет, — это все равно, что подписать самому себе

смертный приговор. Что в таком случае помешает вам прикончить меня, как только мы отойдем на десять миль от прохода, ограбить труп и свалить все на похитителей снов?

— Клянусь Повелительницей, я не убийца! И не вор!

— И все же бумага, в которой будет сказано, что, в случае моей смерти, вы не понесете никакой ответственности, может явиться чрезмерным соблазном даже для самого наичестнейшего человека. Разве я не прав?

В глазах Барджазида сверкнула ярость. Он взмахнул рукой, как будто хотел положить конец разговору.

— Что чрезмерно, так это ваша подозрительность! — воскликнул он, резко отодвинув чашку. — Если вы так боитесь меня, то найдите себе другого проводника.

Деккерет не двинулся с места.

— Прошу прощения за мои слова, — спокойно сказал он. — Но войдите в мое положение: приезжий молодой человек в отдаленной и опасной стране вынужден просить незнакомца помочь ему попасть в места, где, как всем известно, случаются невероятные вещи. Я должен быть осторожен.

— Тогда будьте по-настоящему осторожны. Садитесь на ближайшее судно, идущее в Стойен, и возвращайтесь к радостям жизни на Замковой горе.

— Я все-таки прошу вас взять меня с собой. За хорошую цену, но без каких-либо бумаг об отказе от ответственности за мою жизнь. Сколько вы хотите?

— Тридцать реалов, — заявил Барджазид.

Деккерет аж задохнулся от удивления. Плавание от Пилиплока до Толагая и то обошлось ему дешевле. Тридцать реалов! Человек, подобный Барджазиду, вряд ли мог заработать столько за целый год. Заплатить такую сумму Деккерет мог, только взяв деньги по аккредитиву. Первой мыслью было ответить благородным презрением и предложить десять, но он вовремя сообразил, что лишился права торговаться, настояв на отказе от письма, снимающего с проводника ответственность за его жизнь. Если он теперь станет спорить о цене, то Барджазид просто-напросто вообще откажется от переговоров.

Вот почему после минутного размышления он ответил:

— Значит, по рукам. Но никаких гарантийных писем.

Барджазид поднял на него кислый взгляд.

— Ладно. Раз вы так настаиваете, то обойдемся без писем.

— Как мы будем расплачиваться?

— Половина сейчас, а вторая половина утром в день отъезда.

— Десять сейчас, — возразил Деккерет, — десять утром в день отъезда и еще десять в день моего возвращения в Толагай.

— В таком случае треть той платы, которую я получаю за свои услуги, будет зависеть от того, уцелеете вы или нет. Не забудьте, что я не гарантировал вам этого.

— А вдруг вероятность моего выживания станет выше, если я отложу последнюю треть вознаграждения до возвращения?

— Все рыцари короналя отличаются надменностью, и люди, как правило, до поры до времени не обращают на нее внимания. Но мне кажется, что вы хватили через край. — Барджазид снова взмахнул рукой, как отрезал. — Мы слишком мало доверяем друг другу. Так что путешествовать вместе нам будет очень трудно.

— Я не хотел вас обидеть, — сказал Деккерет.

— Но тем не менее вы желаете, чтобы я положился на милость ваших родственников в том

случае, если вы погибнете, а сами, похоже, видите во мне обычного головореза или в лучшем случае грабителя и считаете необходимым организовать порядок расчета со мной так, чтобы у меня было как можно меньше побуждений убить. — Барджазид сплюнул. — Второе лицо надменности — это любезность, молодой рыцарь. Скандар — охотник на морских драконов, и тот обращался бы со мной более любезно. И я не искал службы у вас, имейте это в виду. И не стану унижаться ради того, чтобы помочь вам. Если вам будет угодно…

— Подождите.

— У меня есть и другие дела сегодня утром.

— Пятнадцать реалов сейчас, — сказал Деккерет, — и еще пятнадцать, когда мы выйдем в путь, как вы хотели. Идет?

— Невзирая на опасения, что я прикончу вас в пустыне?

— Я держался с излишней подозрительностью, чтобы не показаться чересчур наивным. Мое поведение было бестактным. Я согласен нанять вас проводником на ваших условиях.

Барджазид промолчал.

Деккерет вынул из кошелька три пятиреаловые монеты. Две — старой чеканки, с изображением понтифекса Пранкипина и лорда Конфалюма.

Третья была совершенно новенькой, свежеотчеканенной, и на ней Конфалюм выступал уже в качестве понтифекса, а обратную сторону украшал портрет лорда Престимиона. Барджазид с большим любопытством осмотрел новую монету.

— Я еще не видел таких, — сказал он. — Может быть, позвать моего племянника, чтобы он проверил, настоящая ли она?

— Ну это уж слишком! Вы что, принимаете меня за фальшивомонетчика? — взревел Деккерет, вскочив на ноги и угрожающе наклонившись над маленьким человечком. В висках стучало от ярости, и он был готов ударить Барджазида.

Но сразу же почувствовал, что тот не испугался. Барджазид не пошевелился, нет, он даже улыбнулся и взял две оставшиеся монеты из дрожавшей от ярости руки Деккерета.

— Значит, вам тоже не слишком нравятся необоснованные обвинения, а, молодой рыцарь? — рассмеялся Барджазид. — Тогда давайте договоримся. Вы не будете думать, что я убью вас, как только мы выйдем из Кулагского прохода, а я не стану проверять ваши монеты у менялы. Как? Согласны?

Деккерет устало кивнул.

— И все равно это опасная поездка, — продолжал Барджазид, — и я не стану заверять вас в ее благополучном исходе. Когда наступит время испытаний, многое будет зависеть от вашей силы духа.

— Значит, так тому и быть. Когда мы отправимся?

— В Пятый день, на закате. Мы выйдем из города через врата Пинитора. Вы знаете это место?

— Найду, — ответил Деккерет. — Что ж, в Пятый день на закате. — Он протянул руку маленькому человечку.

Глава 5

До Пятого дня оставалось еще трое суток. Но Деккерет не сожалел о задержке, поскольку она подарила ему еще три ночи с Голатор Ласгией. По крайней мере, он на это надеялся, но на деле случилось по-другому. Вечером после встречи с Барджазидом Деккерет не застал архирежиманда в конторе возле гавани, а ее помощники отказались принять от него письмо для своей начальницы. Пока не стемнело, он грустно бродил по жаркому городу, так и не встретив никого, с кем можно было бы поговорить, и в конце концов съел на ужин в своей гостинице что-то серое, по вкусу напоминающее песок, все еще продолжая надеяться, что Голатор Ласгия вдруг чудесным образом появится и уведет его с собой. Но она не ответила на его безмолвный призыв. Он забылся чутким, тревожным сном и, часто просыпаясь, вспоминал о ее гладкой коже, ее маленьких твердых грудях, ее голодном, жадном, ищущем рте. Ближе к утру его посетило сновидение, в котором она, Барджазид и несколько хьортов и вруунов исполняли какой-то сложный танец в полуразрушенном, без крыши, здании среди

песков, а потом видения покинули его, и он крепко проспал до полудня Лунного дня. Город в это время казался полностью вымершим, но когда свечерело и стало прохладнее, он снова пошел в контору архирежиманда, снова не застал ее и снова провел вечер точно так же бестолково, как и накануне. Укладываясь спать, он пылко обратился к Хозяйке Острова, умоляя, чтобы она прислала к нему Голатор Ласгию. Но исполнение таких пожеланий вовсе не входило в функции Повелительницы Снов, и все, что он получил этой ночью, это спокойное и приятное сновидение. Возможно, то было послание благословенной Повелительницы, но возможно, и нет: он видел себя в соломенной хижине на берегу Великого океана возле Тил-омона поедающим сладкие лиловые плоды, сок которых окрашивал щеки. Проснувшись, он обнаружил у дверей своей комнаты хьорта, одного из служащих архирежиманда, который передал приглашение от Голатор Ласгии. Тем вечером они пообедали вместе, а поздно ночью отправились к ней и там предавались любви с такой страстью, что их первая встреча могла бы показаться воплощением целомудрия. Деккерет не стал спрашивать ее, почему она отказывалась от встреч в две минувшие ночи, но

во время завтрака — они сидели на мягкой шкуре гихорна, запивая золотистым вином изысканные кушанья, оба энергичные и свежие, хотя ни на минуту не сомкнули глаз, — она сказала:

— Жаль, что я не смогла провести с тобой больше времени на этой неделе, но нам, по крайней мере, удалось разделить твою последнюю ночь. Теперь ты уйдешь в пустыню Украденных Снов со вкусом моего тела на губах. Удалось мне заставить тебя забыть всех других женщин?

— Ты сама знаешь ответ.

— Хорошо. Прекрасно. Тебе никогда больше не придется обнять женщину; но последняя оказалась лучшей из всех. Немногим, согласись, так везет.

— Выходит, ты настолько уверена, что я погибну в пустыне?

— Оттуда возвращались единицы. Шансов за то, что я вновь увижу тебя, очень мало.

Деккерет чуть заметно вздрогнул — не от страха, а оттого, что разгадал мотивы поведения Голатор Ласгии. Какое-то болезненное свойство души, очевидно, вынудило ее проявлять к нему пренебрежение в течение двух суток, чтобы на третью ночь оба смогли проявить больше пыла, так как она была уверена, что вскоре он погибнет,

и, видимо, испытывала особое удовольствие от сознания того, что станет его последней женщиной. Это соображение несколько охладило его. Если уж ему предстояло вскоре умереть, то ему было бы куда приятнее, если бы он провел с ней на две ночи больше, но, судя по всему, изящество мысленных построений этой женщины не позволяло ей опускаться до столь примитивных понятий. Он изысканнейшим образом распрощался с нею, не зная, встретятся ли они снова, не зная даже, желает ли этого сам, несмотря на всю ее красоту и искушенность в науке страсти нежной. Слишком много таинственных и опасных капризов дремало в этой женщине, ожидая своего часа.

Незадолго до заката Деккерет явился к вратам Пинитора на юго– восточной окраине города. Его нисколько не удивило бы, если бы Барджазид нарушил свое обещание; но нет, парящая лодка ожидала сразу же за изъеденной временем и ветрами песчаниковой аркой старинных ворот, а человечек стоял, прислонившись к боку машины. С ним были три спутника: вруун, скандар и стройный молодой человек с жестким взглядом — вероятно, сын Барджазида.

Барджазид чуть заметно кивнул, и гигантский

четверорукий скандар схватил два объемистых мешка, которые принес с собой Деккерет, и небрежным движением закинул их в багажник машины.

— Ее зовут Хаймак Гран, — сказал Барджазид, — она не может говорить, но весьма неглупа. Она служит мне уже много лет, с тех пор как я нашел ее почти что мертвую, онемевшую в пустыне. Вруун — Серифэйн Рейнаулион. Он частенько слишком много болтает, зато знает пустынные тропы лучше, чем любой другой житель этого города. — Деккерет небрежно махнул рукой маленькому многоногому существу. — С нами будет также мой сын Динитак, — закончил представление Барджазид. — Вы хорошо отдохнули, посвященный?

— Вполне, — ответил Деккерет, после бурной ночи проспавший бóльшую часть дня.

— Мы передвигаемся главным образом по ночам, а в жаркое время дня разбиваем лагерь. Насколько я понимаю, мне следует провести вас Кулагским проходом и через необитаемую область, известную как пустыня Украденных Снов, в пастбищный район вокруг Гизин-Кор, где вы зададите скотоводам интересующие вас вопросы. А затем обратно в Толагай. Я ничего не забыл?

— Все совершенно верно, — сказал Деккерет.

Барджазид стоял неподвижно, словно и не собирался садиться в парящую лодку. Деккерет нахмурился было, но сразу же сообразил, в чем дело. Он вынул из кошелька еще три пятиреаловые монеты — как и в первый раз, две отчеканенные при Пранкипине и третью, сияющую монету лорда Престимиона. Он вручил их Барджазиду, а тот щелчком подбросил вверх новую монету и перебросил ее сыну. Юноша подозрительно взглянул на яркую монету.

— Это новый корональ, — пояснил Барджазид. — Присмотрись к его лицу. Нам придется часто его видеть.

— Ему предстоит великолепное царствование, — сказал Деккерет. — Он превзойдет величием даже лорда Конфалюма. Волна нового процветания уже начала распространяться по северным континентам, а они и прежде совсем не бедствовали. Лорд Престимион — энергичный и решительный человек, имеющий честолюбивые планы.

Барджазид пожал плечами.

— События на северных континентах нас почти не затрагивают, и, в общем-то, процветание Алханроэля или Зимроэля вряд ли хоть как-то

отзовется на Сувраэле. Но мы рады, что Божество благословило нас еще одним великолепным короналем. Может быть, он когда-нибудь случайно вспомнит, что существует еще и южная земля, на которой тоже живут его подданные. Ну а теперь пора в путь.

Глава 6

Врата Пинитора обозначали четкую границу между городом и пустыней. С одной стороны раскинулся район приземистых, безликих, обнесенных стенами вилл, а с другой — за пределами городского периметра — лежала одна лишь бесплодная пустошь. Ничто не нарушало впечатление безжизненности равнины, кроме полосы широкого мощеного тракта, глубоко врезавшегося в неровности местности. Дорога, словно рана, медленно ползла вверх, к гребню горного хребта, окружавшего Толагай.

Жара стояла невыносимая. Ночью в пустыне было заметно холоднее, чем днем, но палящий зной по-прежнему ощущался. Хотя огромный сверкающий глаз солнца скрылся за горизонт, оранжевые пески излучали накопленное за день тепло, и воздух над ними мерцал и, казалось, шипел, словно тлеющие угли в камине. Дул сильный ветер; Деккерет заметил, что с наступлением темноты его направление изменилось на противоположное, и теперь он дул из сердца континента в сторону моря, но разницы при этом не было никакой: что береговой ветер, что морской

бриз — оба были одинаково иссушающими и не знали никакой пощады.

В ясной атмосфере пустыни свет звезд и лун казался необыкновенно ярким, а помимо них можно было заметить еще и жар, исходящий от земли, — странное призрачное зеленоватое сияние, неровно разбросанными пятнами истекавшее от откосов вдоль обочин тракта. Деккерет спросил, что это такое.

— Растения, — объяснил вруун. — Они испускают в темноте свет. Прикосновение к такому растению всегда очень болезненно, а зачастую бывает даже смертельным.

— Как я смогу узнать их при дневном свете?

— Они растут в расселинах скал и похожи на пучки измятой проволоки. Не все растения, которые так выглядят, опасны, но вы поступите правильно, если будете держаться подальше от любого из них.

— А также и любого другого, — вмешался в разговор Барджазид. — В этой пустыне растения хорошо защищаются, и порой самыми удивительными способами. Даже наш собственный сад и то каждый год преподносит нам какой-нибудь новый неприятный сюрприз.

Деккерет кивнул. Он, конечно, не собирался

прогуливаться в этих местах, но если уж ему вдруг пришлось бы так поступить, то следовало принять за правило ни к чему не прикасаться.

Старая парящая лодка на протяжении всей жаркой ночи медленно, с трудом, но без остановок ползла вверх по крутой дороге. Пассажиры мало разговаривали между собой. Женщина-скандар сидела за рулем, вруун Серифэйн Рейнаулион устроился рядом с нею и иногда делал замечания по поводу состояния дороги; двое Барджазидов молча расположились на заднем сиденье, предоставив Деккерету возможность с возрастающей тревогой рассматривать адский пейзаж. Беспощадный молот солнца измял, изувечил, исковеркал землю. Вся влага, которую принесла сюда зима, давно улетучилась, оставив в почве корявые трещины. Поверхность земли была вся рябая — это ветер непрерывно драл ее струями песка, — а редкие низкие и чахлые растения, несмотря на множество разновидностей, все казались кривобокими, замученными, скрюченными и узловатыми. К жаре Деккерет начал постепенно привыкать: она просто облекала, подобно коже, и спустя некоторое время любой человек мог смириться с этим. Но напоминающее о смерти уродство всего, что он созерцал, сухое,

равнодушное однообразие окружающего пейзажа смущали его душу. Пейзаж, вызывавший ненависть, явился для него совершенно новым явлением, существования которого он до сих пор даже не мог себе вообразить. Везде, где только ему приходилось бывать на Маджипуре, он видел только красоту. Он думал о своем родном городе Норморке с его извилистыми бульварами, прекрасной каменной стеной и нежным полуночным дождем. Вспоминал гигантский город Сти, расположенный чуть выше по склону Горы, где он как-то раз шел на рассвете через сад с деревьями ростом по колено и зелеными листьями, сверкавшими так, что слепило глаза. Он думал о Горном Морпине, этом переливающемся огнями всех цветов радуги чудо-городе, полном развлечений, примостившемся поблизости от невероятного сооружения — Замка короналей на вершине Горы. И о девственных лесных чащах Кинтора, и о блестящих белых башнях Ни-мойи, и об ароматных травах в лугах долины Глэйдж… «Как прекрасен этот мир, — думал Деккерет, — какое в нем множество чудес, и насколько ужасно то место, где я теперь оказался!»

Он говорил себе, что должен попытаться обнаружить красоту этой пустыни — в противном

случае вид ее парализует его дух. Может ли существовать красота в пагубной сухости, думал он, красота в угрожающей угловатости, красота в оспинах, красота в неопрятных растениях, сияющих по ночам бледно-зеленым жаром? Пусть шипы будут красивыми, пусть суровость будет красивой, пусть неприязненность будет красивой. «Ведь что такое красота, — спросил себя Деккерет, — если не полуосознанный отклик на тот предмет, который мы созерцаем? Почему луг считается более красивым, чем пустыня? Говорят, что красота скрыта в глазах наблюдателя; значит, нужно переучить твои глаза, Деккерет, чтобы уродство этой земли не погубило тебя».

Он попытался заставить себя любить пустыню. Он изгонял из своего сознания такие слова, как «суровая», «мрачная» и «отталкивающая», словно вырывал клыки у дикого зверя. Он то и дело напоминал себе, что следует увидеть в этом пейзаже покой и умиротворение. Он заставлял себя восхититься искореженными скальными обнажениями и кривыми клыками расщелин. Он искал прекрасное в запыленных истерзанных ветрами кустах. Он высматривал достойные уважения качества в маленьких зубастых ночных существах, которые порой перебегали дорогу. И,

по мере того как тянулась ночь, пустыня сначала стала казаться ему менее ненавистной, затем нейтральной, и наконец он почувствовал, что может увидеть в ней своеобразную красоту, а где-то за час до рассвета он вообще перестал думать о ней.

Утро наступило внезапно: поток оранжевого пламени обрушился на горную стену, окаймлявшую небосвод с запада, щупальца ярко-красного огня высунулись из-за противоположного края земли, и сразу же вслед за ними желтое лицо Солнца, в котором было больше бронзово-зеленого отсвета, чем в северных широтах, взлетело в небо, будто отвязавшийся воздушный шар. В момент этого поистине апокалиптического восхода Деккерет с изумлением поймал себя на том, что с острой болью вспоминает архирежиманда Голатор Ласгию, задаваясь вопросом, видит ли и она этот рассвет, а если да, то с кем, и, чтобы отогнать эту мысль, обратился к Барджазиду:

— Этой ночью не было никаких фантомов. Значит ли это, что здесь призраков нет?

— Настоящие неприятности начнутся за Проходом, — ответил маленький человек.

Пока солнце находилось невысоко над горизонтом, они продолжали путь. Динитак собрал

простой завтрак: сухари и кислое вино. Оглянувшись назад, Деккерет увидел впечатляющее зрелище: земля, уходя вниз, расстилалась перед ним, подобно огромному желтовато-коричневому переднику, открывая напоказ все свои сгибы, трещины и морщины; Толагай еле виднелся вдали как беспорядочное нагромождение кубиков, а дальше к северу раскинулось до самого горизонта необъятное море. На небе не было ни облачка, и его синева еще усиливалась в сравнении с терракотовой раскраской земли, так что казалось, будто над головой лежит второе море. Жара усиливалась. К середине утра зной стал уже почти невыносимым, но тем не менее женщина-скандар невозмутимо продолжала править вверх по склону горы. Время от времени Деккерет начинал дремать, но уснуть по-настоящему в тесноте машины было невозможно. Неужели они собирались ехать всю ночь, а потом еще и весь день? Он не задавал никаких вопросов. Но в тот момент, когда ощущения усталости и дискомфорта стали невыносимыми, Хаймак Гран резко повернула парящую лодку влево, на почти незаметное ответвление дороги, и, проехав еще немного, остановила машину.

— Первый дневной привал, — объявил Бар-

джазид.

Боковая дорога заканчивалась тупиком, упираясь в высокий скальный гребень, служивший естественным укрытием от солнца. Перед ним лежала широкая ровная песчаная площадка, закрытая в это время дня тенью; судя по всему, она постоянно использовалась путешественниками для стоянок. Возле самой скалы Деккерет разглядел темное пятно: там на поверхность загадочным образом просачивалась вода; не то чтобы это был настоящий родник, но и такой источник был очень важен и являлся спасением для изнуренных безжалостным жаром ужасной пустыни путников. Место было идеальным. Совершенно очевидно, что график первого дня поездки был рассчитан так, чтобы попасть сюда прежде, чем начнется по-настоящему убийственная дневная жара.

Хаймак Гран и младший Барджазид вытащили из одного из многочисленных багажников парящей лодки соломенные циновки и расстелили их на песке. Предложенная еда состояла из вяленого мяса, каких-то довольно сочных фруктов с терпким вкусом и теплого медового напитка, приготовленного по скандарскому рецепту. Перекусив, оба Барджазида, вруун и

женщина-скандар молча растянулись на циновках и немедленно погрузились в сон. Деккерет стоял один и ковырял в зубах, стараясь извлечь застрявшие волоконца мяса. Теперь, когда можно было поспать, у него пропало всякое желание делать это. Он медленно прошелся вдоль края песчаной площадки, разглядывая валявшиеся за границей тени сожженные солнцем отбросы, оставшиеся от предыдущих путников. Не было видно ни единой живой твари, и даже растения, казалось, стремились втянуть свои жалкие пропыленные чахлые стебли в землю. На юге к небу круто поднимались горы; до прохода не могло быть далеко. А потом? А потом?

Он попробовал уснуть, но в его мозгу теснились непрошеные видения. Голатор Ласгия парила над его циновкой так близко, что, казалось, он может схватить ее и притянуть к себе, но она ускользнула и затерялась в знойном мареве. В тысячный раз он видел себя в лесу у Граничий Кинтора; он гнался за добычей, целился, а потом его внезапно охватывала дрожь. Он стряхнул с себя этот мираж и обнаружил, что карабкается по огромной норморкской стене и его легкие полны восхитительным прохладным воздухом, но все это были не настоящие сновидения, а

лишь мечты, праздные грезы и мимолетные воспоминания; сон долго бежал от него, а когда наконец пришел, то оказался глубоким, кратким, лишенным сновидений.

Разбудил его какой-то странный шум: жужжание, пение, отдаленные звуки музыкальных инструментов, слабые, но отчетливые свидетельства движения большого каравана. Ему показалось, что он различает звяканье колокольчиков, глухие удары барабанов. Какое-то время он лежал неподвижно и прислушивался, пытаясь понять, что происходит. Затем сел и, моргая, осмотрелся. Опускались сумерки. Он проспал самую жаркую часть дня, и тени теперь падали с другой стороны. Четверо его спутников сворачивали циновки. Деккерет приложил руку к уху, стараясь определить, откуда идут звуки. Но они, казалось, доносились отовсюду или ниоткуда. Он вспомнил рассказ Голатор Ласгии о призраках пустыни, которые днем поют, сбивая путешественников с толку, уводя их с верной дороги своими разговорами и музыкой.

— Что это за звуки? — обратился он к Барджазиду.

— Какие звуки?

— Разве вы не слышите? Голоса, колокольчики,

шаги, разговоры множества путешественников?

Барджазид удивленно посмотрел на него.

— А, вы говорите о песнях пустыни.

— Призрачные песни?

— Может быть. Или действительно дальние отголоски звуков спускающихся с гор путников: грохот цепей, звон гонгов. Последнее более вероятно.

— Ни то ни другое не вероятно, — мрачно ответил Деккерет. — В мире, в котором я живу, не существует никаких призраков. Но на этой дороге нет никаких путников, кроме нас самих.

— Вы в этом уверены, посвященный?

— В чем? Что нет каравана или что не бывает призраков?

— И в том и в другом.

Динитак Барджазид, стоявший чуть поодаль, вмешался в разговор.

— Вы боитесь?

— Неизвестное всегда тревожит. Но пока что я испытываю больше любопытства, чем страха.

— Тогда я смогу удовлетворить ваше любопытство. Когда дневная жара начинает спадать, скалы и пески отдают тепло. Остывая, они сокращаются и при этом издают звуки. Те самые колокольчики и барабаны, которые вы слышите.

Никаких призраков здесь нет, — сказал юноша.

Старший Барджазид недовольно взмахнул рукой, и сын послушно отошел в сторону.

— Вы не хотели, чтобы он рассказал мне об этом, не так ли? — спросил Деккерет. — Вы, похоже, предпочитаете, чтобы я верил в то, что вокруг меня вьются призраки.

— Мне это совершенно безразлично, — усмехнулся Барджазид. — Вы вправе верить любому объяснению, если оно вас устраивает. Но ручаюсь вам, что по ту сторону Прохода вы встретите достаточно призраков, чтобы поверить в их реальность.

Глава 7

Весь вечер Звездного дня они продолжали подъем по дороге, извивавшейся по склону горы, и около полуночи добрались до Кулагского прохода. Воздух здесь был заметно прохладнее, так как они находились на высоте тысячи футов над уровнем моря, и резкий ветер приносил некоторое облегчение от жары. Проход представлял собой широкую и очень длинную брешь в стене гор; лишь в начале утра Солнечного дня они выбрались из ущелья и начали спуск к великой пустыне, занимавшей внутреннюю часть континента.

Вид, открывшийся впереди, совершенно ошеломил Деккерета. В ярком лунном свете он созерцал немыслимо однообразное пространство, по сравнению с которым страна, оставшаяся за горным хребтом, могла показаться похожей на цветущий сад. Та, другая пустыня была скалистой, а эта — песчаной; бескрайний океан дюн, среди которых время от времени проглядывали заплаты бурой земли, усыпанной окатанной галькой. Растительности тут почти не было; в дюнах не росло вообще ничего, а на жалких клочках зем-

ли с трудом боролись за жизнь жалкие чахлые крохотные кустики. И жара! Жара! Жара! Из раскинувшейся внизу необъятной темной чаши с неудержимой силой, словно взрывные волны, стремились вверх потоки опаляюще горячего, словно нагретого в адской печи воздуха, который стремился уничтожить все, что попадалось ему на пути. Он изумился тому, что где-то там, в этой печи, могли находиться тучные пастбища, где откармливалось огромное количество скота, и постарался вспомнить карту, которую видел в кабинете архирежиманда: скотоводческая территория представляла собой пояс, окружавший внутреннюю зону пустыни, и эта зона каким-то образом умудрилась протянуть руку сюда, за горловину Кулагского прохода. А на дальней стороне этой гигантской безжизненной ленты лежала другая — на ней росла изумрудная трава и паслись сытые животные; по крайней мере, он молил Божество, чтобы так оно было.

За утро они успели проделать изрядный путь вниз с хребта к центральному плато. В первых же солнечных лучах Деккерет заметил далеко внизу нечто странное: чернильно-черную овальную заплату, резко выделявшуюся на желтовато-коричневой груди пустыни, а когда они

подобрались поближе, стало ясно, что это нечто вроде оазиса; темная заплата превратилась в рощу стройных деревьев с длинными ветвями и крошечными фиолетовыми листьями. Здесь было место второй дневки. По следам было хорошо видно, где останавливались другие путешественники. Под деревьями скрывались какие-то древние развалины, а на поляне посреди рощи оказалось с полдюжины грубых строений из наваленных один на другой камней, прикрытых сверху старыми высохшими ветками. Сразу же за ними между деревьями пробегал солоноватый ручеек, заканчивавший свой путь в маленьком стоячем пруду с цветущей водой. А невдалеке находился второй пруд. Его, очевидно, питал подземный поток, так как вода здесь была очень чистой. Между этими прудами Деккерет увидел любопытное строение: семь каменных колонн с закругленными верхушками, высотой ему по пояс, расположенных по двойной дуге. Он обошел их вокруг.

— Работа меняющих форму, — сказал ему Барджазид.

— Алтарь метаморфов?

— Так считается. Известно, что меняющие форму часто посещают этот оазис. Мы иногда

находим здесь следы посещений пиуриваров: молитвенные палки, пучки перьев, маленькие изящные корзинки.

Деккерет не без тревоги посмотрел на деревья, как будто ожидал, что они в мгновение ока превратятся в толпу диких аборигенов. Ему редко приходилось иметь дело с исконными жителями Маджипура, этими побежденными и высланными из родных мест обитателями лесов. Его сведения о них ограничивались главным образом слухами и фантазиями, рожденными страхом, невежеством и чувством вины. Вне всякого сомнения, некогда они жили в больших городах — Алханроэль был буквально усеян их руинами, и в книгах Деккерет видел изображения наиболее известного из них — обширного каменного Велализиера, расположенного неподалеку от Лабиринта понтифекса; но все эти города погибли многие тысячи лет назад, а с прибытием людей и других рас на Маджипур аборигены-пиуривары оказались вытесненными в глухие места планеты, в основном в большую лесную резервацию в Зимроэле, к юго-востоку от Кинтора.

А воочию Деккерет видел метаморфов всего лишь только два или три раза. Это были хилые зеленоватые существа со странными гладкими,

лишенными черт лицами, достигшие высшего мастерства в искусстве мимикрии — им удавалось в считаные секунды полностью изменить весь облик и даже объем своего тела. Так что, судя по тому, что ему было известно, тайным метаморфом мог оказаться любой из его спутников — скажем, маленький вруун, а то и сам Барджазид.

— Но как могут меняющие форму или кто-то еще выжить в этой пустыне? — спросил он.

— Они умеют приспосабливаться.

— И много их здесь?

— Кто знает. Я сталкивался с несколькими рассеянными бандами по пятьдесят, а то и по семьдесят пять особей — по их собственным словам. Возможно, имеются и другие. А может быть, я каждый раз встречаю одних и тех же, только в другом обличье; ведь и такое возможно.

— Странные существа, — сказал Деккерет, бездумно поглаживая ладонью гладкий каменный купол, венчавший ближайшую из колонн алтаря. Барджазид поразительно быстрым, прямо-таки молниеносным выпадом схватил Деккерета за запястье и отвел его руку в сторону.

— Не прикасайтесь!

— Почему? — изумился Деккерет.

— Эти камни святые.

— Для вас?

— Для тех, кто их воздвиг, — строго ответил Барджазид. — Мы уважаем их. Мы почитаем волшебство, которое может в них скрываться. К тому же в этой земле никогда не следует допускать небрежностей, способных навлечь на тебя месть соседей.

Деккерет обвел удивленным взглядом маленького человечка, колонны, два пруда, окружавшие их изящные тонколистые деревья. Несмотря на жару, листочки трепетали. Он перевел взор за границы маленького оазиса, к скругленным ветрами гребням дюн, окружавших его, к пыльной ленте дороги, скрывавшейся на юге, в земле, полной тайн. Солнце быстро поднималось к зениту, и его жар был теперь подобен ужасному цепу, молотившему небо, землю, немногочисленных слабых путников, скитавшихся в этих страшных местах. Он оглянулся назад, на горы, через которые только что перевалил, на эту огромную зловещую стену, отрезавшую его от форпоста цивилизации, обосновавшегося на этом жарком континенте. Он испытывал здесь чувство пугающего одиночества, слабости и потерянности.

Появился Динитак Барджазид, шатавшийся

под тяжестью фляг, которые свалил чуть ли не на ноги Деккерету. Тот помог юноше наполнить их водой из чистого пруда; на эту работу потребовалось неожиданно много времени. Он попробовал воду: прохладная, прозрачная, со странным металлическим вкусом, не вызывающим, впрочем, неприятных ощущений. Динитак пояснил, что привкус воде придают растворенные минералы. Чтобы перенести все фляги в парящую лодку, потребовалось десять раз сходить туда и обратно. Юноша пояснил, что теперь они несколько дней не встретят ни одного источника.

Они позавтракали ставшей уже привычной для Деккерета грубой пищей, а потом, когда зной усилился до обычного днем яростного состояния, устроились на соломенных циновках, чтобы поспать. Деккерет отдыхал так уже третий день, и его организм начал привыкать к перемене ритма. Он закрыл глаза, поручил свою душу возлюбленной Хозяйке Острова, благословенной матери лорда Престимиона, и почти сразу же провалился в тяжелую дремоту.

На сей раз его посетили сновидения.

Он не видел снов уже очень давно — он даже забыл, когда это было в последний раз. Для Деккерета, как и для всех остальных обитателей

Маджипура, сновидения являлись одной из важнейших составляющих существования; по ночам они внушали спящим покой и уверенность, в них к разумным существам многочисленных рас приходили советы, разъяснения по поводу происходящего, порицания за дурные поступки и многое другое. Каждый был с детства обучен открывать свое сознание навстречу ночным посланиям, видеть и воспринимать сновидения, запоминать их во всех подробностях, чтобы утром иметь возможность обдумать увиденное. И в этих ночных посланиях всегда присутствовал образ доброжелательной Хозяйки Острова Сна, склонявшейся над спящими, помогавшей им вглядеться в собственные души. При помощи своих посланий Повелительница пребывала в почти постоянном прямом контакте с каждой из душ многих миллиардов разумных существ, населявших необъятный Маджипур.

В этом сне Деккерет видел себя идущим по гребню горного хребта, того самого — он точно знал это, — который они совсем недавно пересекли. Он был один; над головой висело неправдоподобно большое солнце, занимавшее чуть ли не половину небосвода, но жара при этом не казалась ужасающей. Обрыв, уходивший у него

из-под ног, был настолько крут, что он мог смотреть вертикально вниз, казалось, на сотни миль, а там находился ревущий дымящийся котел, беснующийся вулканический кратер, в котором чавкала и пузырилась алая магма. Это кипение подземных сил не пугало его, напротив, оно обладало какой-то назойливой привлекательностью, порождало в нем непривычную томительность; он испытывал странное влекущее желание погрузиться туда, нырнуть в клокочущие глубины, плавать в расплавленном сердце вулкана. Он начал бегом спускаться туда, перескакивая через камни и даже порой отрываясь от земли и проплывая над нею вниз, вдоль огромного склона, и, когда он приблизился к кратеру, ему показалось, что он различает в пульсирующей лаве человеческие лица. Лорд Престимион и понтифекс, Барджазид и Голатор Ласгия… А по краям смутно различались еще какие-то странные ускользающие образы — были ли то метаморфы? В жерле вулкана булькало варево из людских фигур. Деккерет бежал к ним, охваченный любовью. Он безмолвно кричал: «Возьмите меня к себе, вот он я, я иду к вам!» И когда он осознал, что большой белый диск, появившийся позади всех остальных, был ликом возлюбленной Хозяйки

Острова, в его душу вторглось глубокое и мощное счастье, так как он понял, что это было послание. Ведь прошло уже много месяцев с тех пор, как добрая Повелительница прикасалась к его спящему сознанию.

Одновременно спящий и бодрствующий, Деккерет всмотрелся в сновидение, ожидая его кульминации, встречи призрачного Деккерета с призрачной Повелительницей, за которым должен был последовать некий момент истины, открытие еще неведомого ему знания, ведущего к радости. Но в этот миг в его сон вторглось что-то неведомое, как будто опустилась завеса. Цвета исчезли; лица потускнели и расплылись; он все так же бежал вниз по крутому склону горы, но стал часто спотыкаться, у него подкашивались ноги, он то и дело натыкался на неровности и падал, обдирая локти и колени о горячие камни пустыни, сбивался с дороги, шел куда-то вбок, а не вниз, неспособный управлять собственным движением. Только что он пребывал на грани просветления, но каким-то образом оно удалилось от него за пределы досягаемости, и он чувствовал теперь лишь тревогу, приближение беды, даже шок. Экстаз, который, как ему только что казалось, обещало сновидение, бесследно

исчез.

Яркие цвета сменились всепоглощающей серостью, движение прекратилось, а сам он стоял, застыв, на крутом склоне и, не отрывая глаз, глядел вниз на умерший кратер; от этого зрелища его бросило в дрожь, он опустился наземь, сжавшись в комок, а потом вытянулся ничком и лежал так, содрогаясь от рыданий, пока не проснулся.

Он сел, моргая в отупении. В голове пульсировала боль, глаза были влажными, а в груди и плечах ощущалась давящая тяжесть. Нет, сны, даже самые устрашающие из них, никогда не оставляли такого гнетущего осадка в душе, такой тревоги и сумятицы. Был полдень, и ослепительное солнце висело высоко над верхушками деревьев. Рядом с ним лежали Хаймак Гран и вруун Серифэйн Рейнаулион, чуть подальше — Динитак Барджазид. Они, казалось, спокойно спали. Старшего Барджазида нигде не было видно. Деккерет вновь вытянулся, прижался лицом к теплому песку и попытался найти в этом прикосновении защиту от овладевшей им тревоги. Он знал, что в его сне что-то пошло не так; в него вторглась какая-то темная сила, похитившая из грез то доброе, что в них было, и оставившая ему боль взамен. Не это ли все, кто предостерегал его, называли призра-

ками пустыни? Похитителями снов? Деккерет сжался в тугой комок, как в недавнем сне. Он чувствовал себя осквернённым, словно кто-то грубо принудил его к чему-то дурному, и не мог не задуматься: неужели теперь, по мере того как они будут углубляться в пустыню, ему придется каждый раз во сне испытывать такое? А может быть, и нечто худшее?

Спустя некоторое время Деккерет вновь уснул. К нему приходили какие-то сны, невнятные полустертые обрывки, лишенные какого бы то ни было смысла. Он не стал обращать на них внимание. А когда он проснулся, день клонился к вечеру, и вокруг раздавались песни пустыни, призрачные песни; он слышал звон, отголоски человеческих разговоров, отдаленный смех. Ему казалось, что если бы он вообще обошелся сегодня без сна, то устал бы куда меньше.

Глава 8

Все остальные не показывали никаких признаков того, что во время сна их что-то тревожило. Они приветствовали проснувшегося Деккерета как обычно: огромная безмолвная женщина-скандар — никак, маленький вруун что-то любезно гудел и щебетал, сплетая и расплетая щупальца, два Барджазида ограничились сухими кивками. Может быть, они и знали, что их спутника посещали мучительные видения, но все равно ничего об этом не сказали. После еды старший Барджазид совещался с Серифэйном Рейнаулионом насчет дороги, по которой они должны были ехать этой ночью, а затем все вновь углубились в разгоняемую лунным светом ночь.

«Буду делать вид, что ничего не произошло, — решил Деккерет. — Я не позволю им узнать, что уязвим для этих фантомов».

Но его решению не суждено было воплотиться в жизнь. Когда парящая лодка проходила через участок, по-видимому некогда бывший дном давно пересохшего озера, из которого тысячами торчали странные серо-зеленые каменные горбы, Барджазид вдруг повернулся к нему и, прервав

долгое всеобщее молчание, спросил:

— Вы видели хорошие сны?

Деккерет понял, что его усталый вид не остался незамеченным.

— Был бы рад отдохнуть получше, — пробормотал он.

Темные блестящие глаза Барджазида смотрели прямо ему в лицо.

— Мой сын говорит, что вы стонали во сне, все время крутились и съеживались. Может быть, вы почувствовали прикосновение похитителей снов, посвященный?

— Я чувствовал присутствие в моем сне какой-то недружественной силы. А были это похитители снов или что-то другое — мне неизвестно.

— Не опишете ли вы свои ощущения?

— Может быть, Барджазид, вы еще и толкователь снов? — вспыхнул гневом Деккерет. — С какой стати я должен позволять вам копаться в моем сознании? Мои сны принадлежат только мне!

— Успокойтесь, успокойтесь, дорогой рыцарь. Я не намеревался вторгаться в ваши мысли.

— Тогда оставьте меня в покое.

— Я отвечаю за вашу безопасность. Если демоны этих мест уже начали покушения на ваш

дух, то в ваших собственных интересах сообщить мне об этом.

— Вы сказали, демоны?

— Демоны, призраки, фантомы, меняющие форму — совершенно неважно, — нетерпеливо сказал Барджазид. — Существа, которые охотятся на спящих путешественников. Они приходили к вам или нет?

— Сновидения не доставили мне радости.

— Прошу вас, расскажите, в какой форме это проявилось.

Деккерет медленно перевел дух.

— Я почувствовал, что ко мне пришло послание от Повелительницы, сон о мире и радости. Но постепенно его природа переменилась. Понимаете? Видение потемнело, стало хаотическим, утратило всю радость, и после сна мне стало гораздо хуже, чем было до него.

— Да-да, это те же самые признаки, — сочувственно кивая, провозгласил Барджазид. — Контакт на мысленном уровне, вторжение в сновидение, тревожащее наложение и откачка энергии.

— Своеобразный вампиризм? — предположил Деккерет. — Некие существа, скрывающиеся в этих пустошах и высасывающие жизненные

силы у неосторожных путешественников?

Барджазид улыбнулся.

— Вы продолжаете строить предположения. А я не измышляю никаких гипотез, посвященный.

— А вы сами ощущали их прикосновения во время сна?

Маленький человек как-то странно взглянул на Деккерета.

— Нет. Нет, никогда.

— Никогда? Неужели это значит, что вы невосприимчивы к этому воздействию?

— По-видимому, так.

— А ваш сын?

— С ним это несколько раз случалось. Правда, чрезвычайно редко, пожалуй, в одном случае из пятидесяти. Но все равно, выходит, что эта невосприимчивость не передается по наследству.

— А скандар? И вруун?

— Им тоже приходится с этим сталкиваться, — ответил Барджазид. — И тоже изредка. Им это кажется неприятным, но вполне терпимым.

— И все же от контакта с похитителями снов многие умирали.

— Есть разные предположения, — сказал Барджазид. — Большинство путешественников, проходивших этим путем за последние годы, со-

общали о странных сновидениях. Некоторые из них сбились с пути и не сумели выбраться из пустыни. Как знать, может быть, между пугающими снами и потерей ориентации существует связь.

— Вы очень осторожный человек, — заметил Деккерет. — Вы избегаете делать какие бы то ни было выводы.

— И смог дожить до достаточно преклонного возраста, в то время как многие более торопливые уже вернулись к Источнику Всего Сущего.

— Но разве, по-вашему, простое выживание является высшим возможным достижением?

Барджазид рассмеялся.

— Вы говорите, как и подобает настоящему рыцарю Замка! Нет, посвященный, я считаю, что жизнь существует не только для того, чтобы избегать смерти. Но выжить очень полезно, не так ли? Для тех, кто рассчитывает совершить большие дела, выживание является одной из основных задач. Мертвые не достигают цели.

Деккерет не поддержал эту тему. Кодексы ценностей посвященного рыцаря и такого человека, как Барджазид, вряд ли были сопоставимы; кроме того, в манере спора Барджазида имелось что-то коварное и скользкое, из-за чего Деккерет казался себе медлительным, вялым и неповоротливым,

а он терпеть не мог это ощущение. Он умолк на несколько секунд, а потом спросил:

— И что, по мере углубления в пустыню сны становятся хуже?

— Так мне дали понять, — отозвался Барджазид.

И все же, когда ночь растаяла и настало время разбивать лагерь, Деккерет почувствовал в себе готовность и даже желание еще раз схватиться с фантомами сна. На этот раз они устроили бивак прямо в пустыне, в низине, из которой непрекращающийся ветер унес почти весь песок, обнажив скальное основание. В сухом воздухе непрерывно слышалось странное потрескивание и шипение, как будто сила солнца вышибала из каменистого грунта частицы вещества, а ветер с готовностью подхватывал и разносил их. Когда все было готово к дневке, до полудня оставался всего один час. Деккерет спокойно улегся на своей соломенной циновке, готовый погрузиться в дремоту и без страха принять все, что могло последовать. Во время подготовки к посвящению в рыцари он, естественно, прошел тренировку на развитие храбрости в общепринятых значениях этого слова и, как предполагалось, должен был встречать любой вызов без боязни, но к настоящему

времени ему еще не удалось пройти настоящей проверки. На спокойном Маджипуре встретиться с таким вызовом было очень непросто, для этого нужно было отправляться в самые дикие части мира, поскольку в густонаселенных областях жизнь проходила тихо и безмятежно; поэтому Деккерет отправился за море, но первое же серьезное испытание в лесах Кинторской марки он провалил. Здесь ему давался другой шанс. Омерзительные сны, показанные ему, могли, как он думал, быть обещанием искупления.

Он закрыл глаза и отдался сну.

И вскоре сон пришел. Деккерет вновь находился в Толагае, но этот Толагай был странным образом преображен; явившийся ему город состоял из вилл, отделанных гладкими алебастровыми плитами, и густых зеленых садов, хотя жара была все так же тропически сильной. Он переходил из одного бульвара в другой, восхищаясь элегантностью архитектуры и красотой растительности. Одет он был в зеленый с золотом костюм — традиционное облачение придворных короналя, — и при встречах с жителями Толагая, вышедшими в сумерках на прогулку, он изящно кланялся им и обменивался с ними знаками Горящей Звезды; этот жест делали, складывая пальцы особым

образом, и служил он выражением почтения к власти короналя. Вот показалась стройная фигура прекрасной Голатор Ласгии. Она улыбнулась, взяла его под руку, повела его в какое-то место, где каскады фонтанов орошали воздух прохладной водяной пылью, и там они сбросили одежды и кинулись в бассейн, и плавали и ныряли в нем, и вышли обнаженные из душистого водоема, и пошли босыми ногами по мягкой земле в сад, где растения склоняли свои густо покрытые блестящими разлапистыми листьями ветви. Не говоря ни слова, она указала ему на темную аллею между двумя рядами тесно посаженных деревьев. Сама Голатор Ласгия шла впереди — неуловимая и дразнящая фигура — и сначала их разделяли какие-то дюймы, а затем расстояние стало постепенно увеличиваться до футов и ярдов. Ему казалось, что стоит протянуть руку, и он дотронется до нее, но в первый момент это сделать не удалось, и ему пришлось ускорить шаг, чтоб хотя бы не упустить ее из виду. Ее оливковая кожа мерцала в свете восходивших лун, и она часто оглядывалась, улыбалась, показывая сверкающие зубы, кивала ему, чтобы он поторопился. Но он не мог. Теперь их разделяла почти вся длина сада. С нарастающим отчаянием он устремился

к ней, но она уже таяла, уменьшалась, и вот он уже с трудом мог различать игру мышц под ее сияющей кожей, а помчавшись сломя голову по аллеям, он почувствовал, что температура принялась стремительно нарастать, влажная теплота воздуха начала неумолимо сменяться все более сухой жарой, ибо каким-то образом среди ночи внезапно взошло солнце и со всей силой обрушило свой безжалостный свет на его плечи. Деревья прямо на глазах поникали. Листья пожухли и стали опадать. Ему приходилось прилагать большие усилия, чтобы оставаться на ногах. Голатор Ласгия все еще продолжала улыбаться, все еще кивала ему, но она становилась все меньше и меньше и наконец превратилась в точку на горизонте, а солнце все поднималось, набирая силу, иссушая, сжигая все, на что падал его неумолимый взор. И вот уже прекрасный сад превратился в частокол изможденных голых древесных стволов, торчавший над мгновенно пересохшей почвой, которую непрерывно прорезали грубые корявые трещины. Он почувствовал ужасную жажду, но здесь не было ни капли воды, а потом он увидел фигуры, скрывавшиеся позади растрескавшихся и почерневших стволов деревьев, — это были метаморфы, субтильные

хитрые существа, которые не пытались непрерывно пребывать в какой-нибудь одной форме, но совершенно непостижимым образом мерцали и перетекали из образа в образ. Он попросил у них чего-нибудь попить и получил в ответ лишь негромкий смех. Он зашатался. Жестокий свет, пульсирующий в небесах, начал поджаривать его; он чувствовал, что его кожа начинает твердеть, похрустывать, шелушиться, трескаться. Еще немного, и ему предстояло превратиться в головешку. Что случилось с Голатор Ласгией? Где улыбавшиеся, кланявшиеся, складывавшие пальцы в знак Горящей Звезды горожане? Он больше не видел никакого сада. Он находился в пустыне и брел, спотыкаясь, с трудом удерживаясь на ногах, по песчаной равнине, где обжигали даже тени. Теперь в нем появился настоящий страх, поскольку он ощущал во сне боль, которую вызывали солнечные ожоги, и часть его души, наблюдавшая все это со стороны, все глубже погружалась в тревогу, ожидая, что сила сна вполне может оказаться настолько большой, чтобы причинить ему реальный физический урон. Ему приходилось слышать рассказы о таких вещах, о людях, которые погибали, поддавшись своим сновидениям, обладавшим неимоверной силой. Хотя жела-

ние прервать сновидение противоречило всем полученным за время подготовки к рыцарству навыкам, хотя он знал, что ему следует увидеть самые худшие ужасы, чтобы досконально понять их сущность, Деккерет начал подумывать о том, что ради безопасности ему следует проснуться… И уже почти сделал это, но сообразил, что таким образом проявит трусость, и приказал себе оставаться в мире видений, пусть даже это будет стоить ему жизни. Он стоял теперь в униженной позе, на коленях, посреди пламенных песков и со странной ясностью видел таинственных крошечных золотистых насекомых, которые, выстроившись в цепочку, шли к нему, преодолевая наметенные ветром песчаные заструги. Это были муравьи с уродливо раздутыми челюстями, и каждый из них в свою очередь взбирался на его тело и впивался в кожу жвалами, легонько кусал его и оставался висеть… И спустя несколько секунд тысячи крошечных тварей сплошь покрыли его кожу. Он принялся счищать их, но тщетно: их челюсти не разжимались, и головы, оторванные от крошечных тел, продолжали висеть на нем. Песок вокруг уже почернел от безголовых муравьиных туловищ, но они продолжали словно плащом покрывать его кожу, а он все энергичнее

стряхивал их с себя. Но, пока он делал движение, все новые и новые полчища муравьев взбирались по его ногам и впивались в него своими жвалами. Он уже устал от этой борьбы. В плаще из муравьев не так жарко, подумалось ему. Они оградили его от агрессивного светила, и хотя тоже терзали его тело, но не так яростно и болезненно, как солнечные лучи. Неужели этот сон никогда не закончится? Он попытался взять грезы под контроль, превратить колонну бегущих муравьев в ручей прохладной чистой воды, но это не помогло, и он позволил себе вернуться в кошмар и пополз на четвереньках по песку.

И постепенно до Деккерета дошло, что он уже не спит.

Ему не удалось заметить никакой границы, разделявшей сон и бодрствование. Но в конце концов он понял, что его глаза открыты и что два субъекта, пребывавшие в его сознании — Деккерет, видевший сны, и Деккерет, страдавший в этих снах, — слились воедино. Но он все еще находился в пустыне под ужасным полуденным солнцем. Совершенно обнаженный. По опухшей и покрытой волдырями коже ползали муравьи, покрывавшие до колен его ноги, — крошечные бледные создания, которые на самом деле вса-

живали свои крошечные челюсти в его плоть. Изумленный, он спросил себя, не провалился ли он в какой-то мир сновидения внутри сновидения, но нет, он был уверен, что это был реальный мир, подлинная пустыня, и он находился посреди нее. Он встал на ноги, обеими руками счистил с ног муравьев — как и во сне, они продолжали цепляться за него, даже жертвуя жизнями, — и осмотрелся в поисках лагеря.

Он не увидел его. Во сне он забрел на голую раскаленную сковороду открытой пустыни и заблудился. «Пусть это будет сон, — в отчаянии подумал он, — и пусть я очнусь от него в тени парящей лодки Барджазида». Но пробуждения не последовало. Деккерет понял теперь, каким образом люди погибали в пустыне Украденных Снов.

— Барджазид?!! — крикнул он. — Барджазид!!!

Глава 9

Ему ответило только эхо, отразившееся от отдаленных холмов. Он крикнул еще раз, два, три… и каждый раз слышал отзвук собственного голоса, но не слышал никакого ответа. Сколько времени он мог бы выдержать здесь? Час? Два? У него не было ни капли воды, никакого укрытия, даже клочка одежды. Ничто не защищало его голову от огромного сверкающего глаза солнца. Дневная жара была в самом разгаре. Пейзаж со всех сторон казался одинаковым: плоская неглубокая впадина, почти дочиста выметенная горячими ветрами. Он принялся искать свои следы, но почва здесь была твердой, каменистой, и ноги почти не оставляли на ней отпечатков. Лагерь мог находиться где-то невдалеке, скрываясь за какой-нибудь почти незаметной возвышенностью. Он еще раз позвал на помощь — и вновь откликнулось только эхо. Возможно, если бы ему удалось найти бархан, он смог бы укрыться в его тени и переждать таким образом жару, а с наступлением темноты отыскать лагерь по отсвету костра, но он не видел никаких барханов. Если бы здесь отыскался пригорок, с которого

открылся бы более широкий вид, то он поднялся бы на него и попытался бы высмотреть вдали стоянку своих спутников. Но и пригорков он не видел. «Что сделал бы в такой ситуации лорд Стиамот? — спросил он себя. — Или лорд Тимин, или еще кто-нибудь из великих воителей прошлого? Что собирается делать он сам, Деккерет? Совершенно дурацкая смерть — бесполезная, противная, постыдная…» Он крутился на месте, внимательно осматривая пустыню. Никаких следов, а идти, не имея понятия о направлении, не было никакого смысла. Он пожал плечами и уселся, выбрав место, где не было муравьев. Никаких мыслей относительно возможности спасения собственной жизни в голову не приходило.

Его организм не обладал никакими внутренними ресурсами, способными, невзирая ни на что, вывести его в безопасное место. Он заблудился во сне, и ему предстоит умереть именно так, как это предсказывала Голатор Ласгия, и ничего с этим нельзя поделать. Оставалась одна лишь сила духа: он должен умереть спокойно и разумно, без слез и гнева, без проклятий в адрес судьбы. Возможно, на это потребуется час. Возможно, меньше. Важно было лишь умереть достойно, поскольку, когда смерть неизбежна, нет никакого

смысла впадать в истерику.

Он сидел, ожидая наступления конца.

Но вместо смерти — то ли через десять минут, то ли через полчаса, а может быть, и через час, он не знал — перед ним оказался Серифэйн Рейнаулион. Вруун появился с востока, словно мираж; он медленно брел к Деккерету, с натугой таща на себе две фляги с водой и, оказавшись на расстоянии в сотню ярдов, замахал свободной парой щупалец.

— Эй, вы живы? — крикнул он.

— Более или менее. А вы настоящий или призрак?

— Самый настоящий. Мы искали вас почти полдня. — Плавным движением гибкой «руки» маленькое существо подняло одну из фляг и подало ее Деккерету. — Ну вот. Прополощите рот. Не глотайте сразу. Не глотайте. Вы настолько обезвожены, что можете погибнуть, если пожадничаете и выпьете слишком много.

Деккерет преодолел желание осушить флягу одним махом. Вруун был прав: чуть-чуть… еще чуть-чуть… по капельке… чтобы не было вреда. Он подержал воду во рту, дал ей впитаться в распухший язык и наконец позволил остаткам стечь в горло. Ах! Еще один осторожный глоток.

Еще один — теперь уже настоящий… У него слегка закружилась голова. Серифэйн Рейнаулион потянулся к фляге. Деккерет отодвинул его и отпил еще, потом налил немного воды на ладонь и смочил щеки и губы.

— Насколько мы далеко от лагеря? — спросил он наконец.

— В десяти минутах. Вам хватит сил, чтобы дойти, или мне вернуться за помощью?

— Я дойду.

— Тогда вперед.

Деккерет кивнул.

— Еще один совсем маленький глоток…

— Держите флягу. Пейте всякий раз, когда захотите. Если почувствуете слабость, скажите мне, и мы отдохнем. Но не забывайте, я не смогу нести вас.

Вруун медленно направился к невысокой гряде барханов, протянувшейся примерно в пяти сотнях ярдов к востоку. Неуверенно держась на ногах, пошатываясь, Деккерет последовал за ним и с удивлением увидел, что земля под ногами идет вверх. Гряда оказалась не настолько низкой, как ему показалось на первый взгляд; он понял, что его ввела в заблуждение игра яркого света. На самом деле барханы поднимались на два, а

то и три человеческих роста и вполне успешно скрывали от взгляда еще две гряды поменьше. Парящая лодка пряталась в тени дальней гряды.

В лагере оказался один Барджазид. Он смерил Деккерета взглядом, в котором явственно читалось не то презрение, не то раздражение.

— Вы что, решили прогуляться? — процедил он. — В полдень?

— Во сне. Похитители снов добрались до меня. Я был словно околдован. — Деккерета начала бить дрожь; система терморегуляции его тела перестала справляться с солнечным жаром. Он опустился на землю рядом с машиной и накинул на себя какую-то легкую одежду. — Когда я проснулся, то не увидел лагеря. Я был уверен, что умру.

— Еще полчаса, и так бы и случилось. Вы, должно быть, уже на две трети поджарились. Вам повезло, что мой мальчишка проснулся и увидел, что вас нет на месте.

Деккерет поплотнее завернулся в накидку.

— Значит, здесь погибают именно так? От полуденного приступа лунатизма?

— И так тоже.

— Я обязан вам жизнью.

— Вы обязаны мне жизнью с тех самых пор, как мы миновали Кулагский проход. Если бы вы

путешествовали в одиночку, то могли бы умереть уже пятьдесят раз. Но если уж благодарить, то благодарите врууна. Ведь именно он нашел вас.

Деккерет кивнул.

— А где ваш сын? И Хаймак Гран? Тоже ищут меня?

— Они уже возвращаются, — ответил Барджазид. И действительно, женщина-скандар и юноша появились спустя всего несколько секунд. Четверорукая женщина, ни на кого не глядя, сразу же улеглась на свою циновку.

Динитак Барджазид хитро улыбнулся Деккерету:

— Хорошо погуляли?

— Не особенно. Я сожалею о беспокойстве, которое причинил вам.

— Мы тоже.

— Возможно, мне следует теперь спать связанным.

— Или с тяжелым камнем на груди, — откликнулся Динитак. Он зевнул. — Постарайтесь оставаться на месте, по крайней мере до заката. Сможете?

— Надеюсь, — сказал Деккерет.

Но заснуть он не смог. Его кожа нестерпимо зудела от тысяч укусов насекомых и солнечных

ожогов, так что, несмотря даже на целебную мазь, которую ему дал Серифэйн Рейнаулион, он ощущал себя совершенно разбитым и жалким. В горле саднило, и казалось, что это ощущение нельзя будет унять никаким количеством воды, а глазные яблоки, судя по ощущениям, раздулись и пульсировали болью. Словно исследуя раздражающее воспаление, он снова и снова восстанавливал в памяти перенесенное им в пустыне испытание — сновидение, жара, жажда, осознание неизбежной смерти. Он пристрастно искал проявления трусости, но не нашел ни одного. Да, он испытывал тревогу, и гнев, и дискомфорт, но так и не вспомнил ни одного момента паники или страха. Хорошо. Хорошо. Худшей частью его сегодняшнего испытания, решил он, была не жара, не жажда и не опасность, а сон — темный и тревожный сон, сон, который снова начался с радости и в середине подвергся мрачной метаморфозе. Оказаться вытряхнутым из здравых умиротворяющих грез в нечто, наподобие «прижизненной смерти», думал он, гораздо хуже, чем погибнуть в пустыне, ибо смерть занимает всего лишь один миг, а сновидение оказывает влияние на все будущее время. И какое знание могли передавать эти мрачные

сувраэльские сны? Деккерет знал, что сновидения, приходящие от Повелительницы, нужно тщательно изучать и при необходимости прибегать к помощи толкователей, поскольку в них содержится информация, имеющая неоценимое значение для дальнейшей жизни. Но те сны, что посещали его, никак не могли быть посланиями с Острова Сна; судя по всему, их насылала какая-то иная, темная Сила, зловещая и угнетающая, которая больше брала, чем давала. Меняющие форму? Не исключено. Что, если какое-то из их племен сумело обманом заполучить в свое распоряжение одно из тех устройств, при помощи которых Хозяйка Острова связывается с разумами своих подданных? А затем метаморфы могли скрыться здесь, в знойном глубинном районе Сувраэля, и охотиться на неосторожных путешественников, похищая их души, выпивая их жизненные силы, осуществляя тайную и непостижимую месть тем, кто украл у них этот мир.

Когда тени стали удлиняться, Деккеретом начал наконец овладевать сон. Страшась повторного покушения на свою душу, он вступил в борьбу с ним: напрягал волю, стараясь держать глаза раскрытыми, вглядывался в постепенно темнеющую пустошь, прислушивался к жуткому

гулу и бормотанию песен пустыни… Но все же его истощенных сил не хватило. Он погрузился в неглубокую беспокойную дремоту; время от времени в нее вторгались сны, которые — он сознавал это — не были посланы ни Повелительницей, ни какой-то иной внешней силой, а являлись просто беспорядочными порождениями его утомленного сознания, осколками беспрецедентного происшествия, перепутанными с беспризорными невнятными образами. А затем кто-то легонько потряс его за плечо; судя по слабости прикосновения, это был вруун. Мысли Деккерета были туманными и медлительными. Он с трудом мог передвигаться. Его губы растрескались, воспаленная кожа на спине горела. Спустилась ночь, и его спутники уже вовсю трудились, сворачивая лагерь. Серифэйн Рейнаулион предложил Деккерету кружку какого-то сладкого, густого сине-зеленого сока, и он выпил его одним глотком.

— Пойдемте, — сказал вруун, — пора ехать дальше.

Глава 10

Облик пустыни снова изменился, и пейзаж стал более резким и грубым. Очевидно, здесь происходили большие землетрясения, причем не единожды, так как земля была изломана и исковеркана; мощные плиты скального основания пустыни под немыслимыми углами навалились один на другой, а у подножий низких полуразрушенных утесов разлеглись обширные осыпи. Сквозь этот хаос и разруху вел один-единственный проходимый путь — широкое русло давным-давно пересохшей реки, чье песчаное ложе изящно извивалось между раскатившимися по земле отбитыми головами утесов. Большая луна находилась в полной фазе и заливала эту кошмарную картину ярким, почти дневным светом. После многочасового путешествия по этому однообразному ландшафту — каждый отрезок пути здесь был настолько похож на предыдущий, что казалось, будто парящая лодка стоит на месте, — Деккерет повернулся к Барджазиду:

— И сколько нам еще ехать до Гизин-Кора?

— Эта долина отделяет пустыню от зоны пастбищ, — Барджазид указал на юго-запад, где русло

реки исчезало между двумя высокими скалистыми пиками, торчавшими над землей словно кинжалы. — За этим местом — оно называется Муннеракский перевал — климат становится совсем другим. Через дальнюю часть горного хребта по ночам с запада приходят морские туманы, и земля там зеленая и пригодная для выпаса скота. Завтра мы устроим лагерь на полпути к перевалу, а послезавтра пройдем через него. К вечеру Морского дня вы уже будете искать пристанище в Гизин-Коре.

— А вы? — поинтересовался Деккерет.

— У нас с сыном есть дела в других местах этого района. Мы возвратимся в Гизин-Кор за вами через… три дня? Или пять?

— Пяти дней мне должно хватить.

— Хорошо. А затем тронемся в обратный путь.

— Тем же самым маршрутом?

— А никакого другого нет, — сказал Барджазид. — Разве вам не объяснили в Толагае, что доступ в скотоводческие земли отрезан и осталась одна только эта дорога через пустыню? Но с какой стати вам бояться этого пути? Ведь сны не настолько ужасны — или я не прав? И если вы не станете впредь бродяжничать во сне, вам не будет угрожать никакая опасность.

Все это и впрямь звучало так, словно дело было проще простого. И Деккерет действительно чувствовал уверенность в том, что сможет благополучно завершить поездку; но вчерашнее сновидение было достаточно мучительным, и он без всякой радости ожидал того, что могло последовать дальше. Когда они стали лагерем на следующее утро, Деккерет никак не мог решиться отдаться сну. Целый час после того как все легли, он заставлял себя бодрствовать, прислушиваясь к металлическому звону голых камней, трескавшихся от полуденного жара, но в конце концов сон неожиданно навалился на его сознание подобно густому черному облаку и одолел его.

И сразу же к нему пришло сновидение, которое, как он знал с самого начала, должно было оказаться самым ужасным из всех.

Сначала возникла боль — резкий приступ, жестокие схватки, а затем у него в черепе внезапно что-то взорвалось, озарив все мучительно ярким светом, так, что он зарычал и обхватил голову руками. Однако ужасающая судорога быстро прошла, и он почувствовал рядом с собой Голатор Ласгию. Она утешала его, она поглаживала его по груди, она баюкала его и что-то напевала ему, и наконец он успокоился, открыл глаза, сел,

посмотрел вокруг и увидел, что находится не в пустыне и даже не в Сувраэле. Он и Голатор Ласгия были на какой-то прохладной лесной поляне среди гигантских деревьев с совершенно прямыми стволами, покрытыми желтой корой, возносивших свои кроны на умопомрачительную высоту. А рядом с ним, почти у ног, бурлил и ревел стремительный поток, стиснутый крутыми скальными лбами. За ручьем земля резко уходила вниз, открывая вид на отдаленную долину, а вдали возвышалась увенчанная снежной шапкой большая серая гора с зубчатыми, как пила, склонами, в которой Деккерет сразу же признал один из девяти пиков Граничий Кинтора.

— Нет, — сказал он, — я не хочу быть здесь.

Голатор Ласгия рассмеялась, и ее милый звонкий смех показался ему каким-то зловещим, подобным тем негромким звукам, которые пустыня издавала в сумерках.

— Но это сон, милый друг! Надо с благодарностью принимать все, что приходит в снах.

— Я буду сам управлять моими снами. Я не имею ни малейшего желания возвращаться к Граничьям Кинтора. Смотри, пейзаж меняется. Мы плывем по Зимру, приближаясь к большому изгибу реки. Видишь? Вон там, впереди, сверкает

Ни-мойя.

И действительно, он видел огромный город, белый на зеленом фоне поросших лесом холмов. Но Голатор Ласгия покачала головой.

— Здесь нет никакого города, любовь моя. Здесь только северный лес. Чувствуешь ветер? Слышишь песню потока? Вот, встань на колени, возьми с земли пригоршню опавшей хвои. Ни-мойя далеко отсюда, а мы приехали сюда на охоту.

— Прошу тебя, давай останемся в Ни-мойе.

— В другой раз, — возразила Голатор Ласгия.

Он не смог возобладать в этом споре. Волшебные башни Ни-мойи дрогнули, стали прозрачными и растворились в воздухе, а перед ним остались только деревья с желтой корой, холодный ветер, лесные звуки. Деккерет задрожал. Он был пленником этого сновидения, и у него не было пути для спасения.

И потом появились пять охотников в грубых черных накидках, небрежно сделали приветственные жесты уважения и принялись показывать ему оружие: толстую унылого вида трубу энергомета, и короткий сверкающий кинжал, и клинки подлиннее с резко расширяющимися, наподобие крючков, остриями. Он покачал головой,

и тогда один из охотников подошел к нему почти вплотную и усмехнулся, показав редкие зубы; из широкого рта несло запахом вяленой рыбы. Деккерет узнал лицо этой женщины-охотника и, охваченный стыдом, отвел взгляд, потому что именно она погибла возле Граничий Кинтора в тот день… казалось, это произошло тысячу тысяч лет назад. Если бы только ее здесь не было, думал он, этот сон можно было бы вытерпеть. Но то, что с ним происходило, было дьявольской пыткой, в которой его силой заставляли еще раз пройти через все случившееся.

— Возьми у нее оружие, — сказала Голатор Ласгия. — Ститмоев уже подняли, сейчас погонят, и нам нужно поторопиться.

— Я совершенно не хочу…

— Какая глупость, думать, что сны станут уважать твои желания! Сновидение — вот твой закон. Бери оружие.

Деккерет понял, что сопротивляться бесполезно. Холодными руками он взял клинки, энергомет и прицепил их к специальным крючкам на поясе. Охотники улыбнулись и что-то прорычали на резком, грубом северном диалекте. А потом они двинулись вдоль ручья, передвигаясь легкими летящими прыжками так, что казалось, будто они

прикасаются к земле лишь в одном шаге из пяти; и Деккерету тоже пришлось поневоле бежать вместе с ними, сначала неуклюже, а затем почти столь же изящными плывущими движениями. Голатор Ласгия бежала рядом с ним, легко выдерживая темп, ее темные волосы развевались, то и дело закрывая прядями лицо, глаза сияли от возбуждения. Вся группа повернула налево, в сердце леса, и развернулась в цепочку, которая в свою очередь растянулась и выгнулась вперед в форме полумесяца, чтобы не упустить добычу.

Добыча! Деккерет ясно видел трех покрытых ослепительно-белым мехом ститмоев, сверкающих в глубине леса словно фонари. Животные тревожно метались, почти непрерывно рыча; они знали о вторжении, но не были согласны уступить пришельцам свою территорию, — крупные звери — возможно, самые опасные из диких животных Маджипура — быстрые, мощные, хитрые, наводившие страх на северные земли. Деккерет вытянул из ножен кинжал. Убийство ститмоя из энергомета не могло иметь ничего общего со спортом; к тому же это оружие приводило в почти полную негодность ценнейший мех зверя. Настоящий охотник должен был подойти к зверю вплотную и прикончить его кинжалом, ну а при

необходимости можно было воспользоваться мачете с крючковатым острием.

Охотники повернулись к нему. Выберите одного, говорили они, выберите своего зверя. Деккерет кивнул. Средний, показал он. Они холодно улыбнулись в ответ. Что им могло быть известно такое, о чем они не говорили ему? И в тот раз они вели себя точно так же, даже не стараясь особо скрывать презрение, которое горцы испытывали к избалованным сыновьям вельмож, искавшим в их лесах опасных развлечений. А окончание этого пикника должно было оказаться ужасным. Деккерет поднял свой кинжал. Ститмои, которые в его сне нервно перебегали от дерева к дереву, были неправдоподобно громадными, с необъятно толстыми ляжками, и было ясно, что одному человеку, вооруженному лишь холодным оружием, не под силу расправиться с таким зверем, но у него не было пути для отступления — он знал, что обречен на любую судьбу, которую выберет его сон. А потом послышались громкие звуки охотничьих рожков, нанятые охотники заголосили, захлопали в ладоши и погнали добычу. Ститмои, встревоженные неожиданным шумом, пронзительным визгом и воем рожков, поднялись на дыбы, закружились, принялись, раскачиваясь

всем телом, драть кору деревьев когтями, а затем — скорее от раздражения, чем от страха, — пустились бежать.

Погоня началась.

Деккерет знал, что охотники разделяют животных, отгоняя двух подальше в стороны, чтобы дать ему верную возможность схватиться именно с тем, которого он выбрал. Но он не смотрел ни направо, ни налево. В сопровождении Голатор Ласгии и одного из охотников он мчался вперед, преследуя среднего ститмоя, который, треща валежником и круша молодые деревца, продирался через лес. Это была самая трудная часть охоты, так как, хотя люди и двигались быстрее, ститмой был в состоянии проломиться напрямую через самый густой подлесок и охотник вполне мог в суматохе погони потерять из виду свою жертву. Лес здесь был довольно редким, но ститмой стремился в крепь, и вскоре Деккерету пришлось раздвигать кусты, сгибать молодые деревья, обрубать хватавшие его за одежду лианы, чтобы только держать удаляющийся белый фантом в поле зрения. Он самозабвенно несся вперед, не глядя рубил мачете и продирался сквозь чащобу. Все это было до невозможности, ужасно знакомо, настолько совпадало со старой историей; особен-

но с того момента, когда он понял, что ститмой повернул назад, возвращаясь в уже покинутую ими часть леса, как будто собирался контратаковать…

С минуты на минуту все свершится; Деккерет из сна совершенно точно знал, когда взбешенное животное наткнется на редкозубую охотницу, схватит женщину гор мощными лапами и швырнет о ствол дерева, а он сам, Деккерет, не желая или будучи не в состоянии заставить себя остановиться, помчится дальше, оставив женщину лежать там, где она упала, так что когда приземистый толстомордый зверь-стервятник вылезет из норы и примется раздирать ее живот, рядом не окажется никого, кто сможет защитить ее… И только позднее, когда страсть погони уляжется и наступит время вернуться к раненой охотнице, он начнет сожалеть о своей черствости, о том, что позволил себе так увлечься охотой, что оказался способен пройти мимо своего упавшего спутника ради того, чтобы не упустить из виду добычу. И еще позже придет стыд, чувство вины, бесконечные самообвинения — да, он должен снова пройти через все это, лежа здесь, спящим, посреди невыносимо жаркой сувраэльской пустыни; а почему бы и нет?

Нет.

Нет, все оказалось вовсе не так просто, ибо язык сновидений сложен, и в густом тумане, внезапно опустившемся на лес, Деккерет увидел, как ститмой резко повернулся и схватил редкозубую женщину и швырнул ее, и она растянулась и лежала неподвижно, но вслед за этим женщина поднялась и выплюнула несколько окровавленных зубов и рассмеялась, и преследование продолжалось, пока вдруг события не вернулись к тому же самому моменту, но на сей раз ститмой, вырвавшийся из гущи леса, налетел на самого Деккерета, выбив у него из рук и кинжал, и мачете, и встал на дыбы, готовясь нанести смертельный удар. Но удара не последовало, и теперь уже Голатор Ласгия лежала на земле, и уже в ее тело вонзались убийственные когти, а Деккерет, бледный, безучастно взирал на все происходящее со стороны, не в силах пошевелиться… А потом жертва снова превратилась в охотницу с гор… а потом снова в Деккерета… а вслед за этим ее внезапно невероятным образом сменил старший Барджазид с худым лицом… а потом вновь там оказалась Голатор Ласгия. Деккерет, наблюдавший за всем этим, услышал за спиной голос:

— Что это может значить? Все мы являемся

должниками, и наш долг — смерть. Может быть, для вас было важнее догнать свою добычу.

Деккерет оглянулся. Голос принадлежал редкозубой охотнице. Его звук изумил и потряс Деккерета. Сновидение становилось все непонятнее и непонятнее, и он напряг разум, чтобы проникнуть в его тайны.

Он увидел, что рядом с ним на полутемной прохладной лесной поляне стоял Барджазид. Стервятник снова терзал охотницу.

— Так ли все это было на самом деле? — спросил Барджазид.

— Полагаю, что да. Я не видел этого.

— Что вы делали?

— Продолжал погоню. Я не хотел упустить зверя.

— Вы убили его?

— Да.

— А потом?

— Вернулся. И нашел ее. Вот в таком виде…

Деккерет указал рукой. Лесной стервятник, сопя, ковырялся во внутренностях женщины. Голатор Ласгия, с улыбкой скрестив руки на груди, стояла поблизости.

— А что было дальше?

— Подошли остальные. Они похоронили свою

спутницу. Мы освежевали ститмоя и вернулись в лагерь.

— А что было после этого? И потом? И спустя некоторое время?

— Кто вы такой? Почему вы спрашиваете меня об этом?

Перед Деккеретом мелькнуло мимолетное видение: клыки стервятника рвут его собственное тело.

— Вы чувствовали стыд? — продолжал расспросы Барджазид.

— Конечно. Я поставил развлечение выше человеческой жизни.

— Вы не могли знать о том, что она ранена.

— Я чувствовал это. Я видел это, но не позволил себе это заметить — вы понимаете? Я знал, что она ранена. Я прошел мимо.

— И кого это тревожит?

— Меня.

— А что, ее соплеменников это тревожило?

— Это тревожило меня.

— Ну и что? Ну и что из этого?

— Это имело значение для меня. А для них имеет значение другое.

— Вы чувствовали себя виновным?

— Конечно.

— Вы виновны. По молодости, по глупости, по наивности.

— И мой судья — вы?

— Конечно я, — ответил Барджазид. — Видите мое лицо? — Он ухватил себя за изрезанные морщинами, избитые солнцем и ветрами скулы и принялся дергать и тянуть до тех пор, пока загрубевшая, покрытая темным загаром кожа не начала рваться, и лицо, разорванное, словно ненужная маска, отлетело в сторону, открыв другое лицо, отвратительное, искаженное иронией лицо, лицо, изуродованное конвульсивным язвительным смехом, и это другое лицо было собственным лицом Деккерета.

Глава 11

Ощущение, которое испытал в этот момент Деккерет, было подобно удару молнии, пронзившей его череп от темени до позвоночника. Это была самая страшная боль, которую ему когда-либо пришлось испытать, внезапный неимоверно мучительный разряд, с чудовищной яростью пылавший в его мозгу. Он озарил зловещим заревом его мысли, и в мрачном свете этой вспышки он увидел самого себя, дурака, романтичного мальчишку, единственного изобретателя драмы, которая не вызвала больше ни у кого никаких волнений, автора трагедии, имевшего всего лишь одного зрителя, паладина, отправившегося на поиски очищения от греха, который вовсе не был грехом; разве что грехом потакания своим желаниям. И пребывая в апогее своей муки, Деккерет услышал вдали мерный звон большого гонга и сухой скрежещущий звук демонического смеха Барджазида, и тогда он резко дернулся всем телом, извернулся, сумев этим движением освободиться от сна, и повернулся, весь дрожа от потрясения, все еще ощущая разящий удар боли, хотя она стала проходить, как только последние

остатки кошмара покинули его.

Он попытался подняться на ноги, но почувствовал, что весь окутан густым, пахнувшим мускусом мехом, как будто ститмой из сна схватил его и с сокрушительной силой прижимает к груди. Мощные руки крепко держали его — четыре руки, сообразил он — и, поскольку Деккерет завершил свое странствие в мире снов, ему сразу удалось понять, что он находился в объятиях гигантской женщины-скандара Хаймак Гран. Возможно, он кричал и метался во сне, а когда поднялся на ноги, она решила, что он намерен совершить еще одну прогулку в сомнамбулическом состоянии, и сочла за лучшее вмешаться. Она обнимала его с такой силой, что трещали ребра.

— Все в порядке, — пробормотал он (это было нелегко, так как его лицо было прижато к мохнатой шкуре). — Я уже не сплю! Я никуда не уйду!

Тем не менее она все так же крепко держала его.

— Ты… мне больно…

Он напрягал все силы, чтобы набрать воздуха в легкие. Это огромное неуклюжее существо было в состоянии убить его своей материнской заботой. Деккерет толкался, даже бил свою няньку ногами, бодал головой. Судорожными движениями

ему удалось лишить ее равновесия, и они вместе повалились на песок, причем он оказался наверху. В последний момент Хаймак Гран разжала объятия, позволив Деккерету отскочить в сторону. Он приземлился на оба колена и покатился по песку; все тело болело, он плохо соображал… Но все же он не полностью потерял контроль над собой и, торопливо поднявшись, смог заметить с противоположной стороны парящей лодки Барджазида, который поспешно снял с головы какое-то устройство — изящный обруч, напоминавший корону, — и сунул его в кабину машины. Было заметно, что он суетится.

— Что это такое? — резко спросил Деккерет.

Барджазид казался необычно взволнованным.

— Ничего. Просто игрушка.

— Дайте мне посмотреть.

Барджазид взмахнул рукой, видимо, подавая сигнал. Деккерет краем глаза увидел, что Хаймак Гран поднялась на ноги и заторопилась вслед за ним, но, прежде чем неповоротливое существо смогло до него дотянуться, Деккерет увернулся и, стремглав обежав вокруг машины, добрался до Барджазида. Маленький человечек все еще возился со своим непонятным прибором. Рядом с Барджазидом Деккерет казался таким же

огромным, как скандар рядом с ним самим. Он стремительным выпадом поймал руку своего проводника и завернул за спину. Свободной рукой он выхватил из машины обруч и принялся рассматривать его.

Теперь уже проснулись все. Вруун, выпучив глаза, смотрел на происходящее, а молодой Динитак, вынув нож, очень мало отличавшийся от того, которым Деккерет был вооружен во сне, яростно уставился на него и потребовал:

— Отпустите моего отца!

Деккерет развернул Барджазида и закрылся им как щитом.

— Прикажите вашему сыну убрать оружие, — потребовал он.

Барджазид промолчал.

— Или он бросит оружие, или я разломаю эту штуку на кусочки. Что вы предпочтете?

Барджазид совершенно не своим, каким-то басовитым рычащим голосом произнес требуемые слова. Динитак отшвырнул нож так, что он воткнулся в песок почти у самых ног Деккерета, и тот, сделав шаг вперед, ступней отодвинул оружие подальше. Он покрутил аппаратом перед лицом Барджазида; изящная вещица была сделана из золота, блестящих кристаллов, среди

которых были драгоценные камни, и ценной кости, а все части были соединены между собой многочисленными проводами.

— Что это такое? — вновь настойчиво спросил Деккерет.

— Я уже сказал вам. Игрушка. Пожалуйста, отдайте ее мне, пока вы ее не сломали.

— Для чего она нужна?

— Она развлекает меня во время сна, — хрипло сказал Барджазид.

— Каким образом?

— Она изменяет мои сновидения и делает их более интересными и разнообразными.

Деккерет пристально взглянул ему в лицо.

— Если я надену ее, мои сны тоже станут интереснее?

— Вам это только повредит, посвященный.

— Расскажите мне, что она делает.

— Это очень трудно описать, — ответил Барджазид.

— А вы постарайтесь. Подыщите нужные слова. Каким образом вы появились в моем сне, Барджазид? Именно в той коллизии вам совершенно нечего было делать.

Маленький человек пожал плечами.

— Я был в вашем сне? — с деланой непринуж-

денностью спросил он. — Откуда мне знать, что происходит в ваших снах. Любой человек может попасть в чей угодно сон.

— Я думаю, что эта машина помогла вам проникнуть туда. А также, возможно, помогла узнать, что именно мне снится.

Барджазид мрачно молчал.

— Расскажите мне, как работает этот аппарат, — настойчиво попросил Деккерет, — или я на ваших глазах разотру его в порошок.

— Прошу вас…

Толстые сильные пальцы Деккерета нащупали одну из наиболее хрупких на вид частей устройства. Барджазид напрягся и затаил дыхание.

— Ну! — прикрикнул Деккерет.

— Вы… вы угадали. С ее помощью я могу входить в спящий разум.

— На самом деле? И где же вы взяли такую вещь?

— Это мое собственное изобретение. Идея, над которой я работал много лет.

— Наподобие машин Хозяйки Острова?

— Мой аппарат другой. Более мощный. Повелительница может только обращаться к умам; я же могу читать сны, формировать их образы, в значительной степени контролировать сознание

спящего человека.

— И это устройство является вашим собственным созданием. Оно не украдено с Острова, — констатировал Деккерет.

— Мое собственное, — пробормотал Барджазид.

Деккерета захлестнула волна ярости. Какое-то мгновение ему нестерпимо хотелось стиснуть кулак и раздавить аппарат Барджазида, а затем свернуть шею и ему самому. В его памяти сразу развернулись все полуправдивые высказывания Барджазида, и его умолчания, и явная ложь, вспомнилось, как Барджазид вмешивался в его сны, как он безжалостно изуродовал целительный отдых, который был так необходим Деккерету, как он изъял глубинный слой из предназначенного ему послания Повелительницы, которое несло истинный блаженный покой, и заменил его на страхи, мучения и неуверенность. Деккерет ощущал почти убийственный гнев: быть плененным, одураченным таким образом, оказаться во власти этого человека!.. Его сердце бешено колотилось, в горле пересохло, перед глазами стояла розовая пелена. Его запястье напряглось, сильнее завернув согнутую руку Барджазида, так что человечек ойкнул и заскулил.

Сильнее… еще сильнее… так, чтобы затрещало…

Нет.

Деккерет достиг какого-то внутреннего пика гнева, задержался на мгновение в этом состоянии, а затем позволил себе спуститься по противоположному склону в долину спокойствия. Он дождался, пока его зрение прояснится, дыхание восстановится, сердцебиение замрет. Он все так же держал Барджазида, пока не почувствовал себя совершенно спокойным. Тогда он выпустил человечка и толкнул его к парящей лодке; тот покачнулся и вынужден был опереться о выпуклый бок машины. Все краски сошли с лица Барджазида. Он осторожно потирал руку и глядел на Деккерета с выражением, которое, казалось, состояло из равных частей ужаса, боли и негодования.

А Деккерет аккуратно изучал странное устройство, легонько водя кончиками пальцев по его изящным и сложным частям. Затем приподнял его и сделал движение, словно намеревался надеть его себе на голову.

— Не надо! — без голоса выдохнул Барджазид.

— А в чем дело? Я что, могу повредить его?

— Наверняка повредите. И себе тоже.

Деккерет кивнул. Ему казалось, что Барджазид

не блефует, но выяснять это доподлинно ему пока что не хотелось.

Несколько секунд прошло в молчании.

— Значит, никаких банд меняющих форму, занимающихся кражей снов, в этой пустыне нет, или я не прав? — спросил Деккерет, прерывая паузу.

— Правы, — прошептал Барджазид.

— Только вы со своими тайными экспериментами на умах других путешественников. Да?

— Да.

— И вы довели их до смерти.

— Нет, — возразил Барджазид. — Я не желал никому смерти. Если они погибли, то из-за собственной тревоги, растерянности, из-за того, что впали в панику и убежали в опасные места… потому что они ходили во сне, так же как и вы…

— Но они умерли из-за того, что вы вмешивались в ход их мыслей.

— Разве можно быть уверенным в этом? Некоторые умерли, некоторые нет. Я совершенно не желал никому смерти. Вспомните, когда вы заблудились, мы бросились на поиски.

— Я нанял вас своим проводником и телохранителем, — сказал Деккерет. — А остальные были ни в чем не повинными незнакомцами, и вы

охотились на них издалека, не так ли?

Барджазид промолчал.

— Вы знали, что смерть этих людей явилась прямым следствием ваших опытов, и все же продолжали экспериментировать.

Барджазид пожал плечами.

— Как долго вы занимались этим?

— Несколько лет.

— И ради чего?

Барджазид упорно смотрел в сторону.

— Я сказал вам однажды, что никогда не отвечаю на подобные вопросы.

— Даже если я сломаю ваш аппарат?

— Вы все равно его сломаете.

— Ошибаетесь, — ответил Деккерет. — Вот. Берите.

— Что?

Деккерет протянул ему руку, держа на раскрытой ладони машину снов.

— Ну же, возьмите ее. И уберите подальше. Мне эта штука не нужна.

— И вы не собираетесь убивать меня? — растерянно спросил Барджазид.

— Разве я судья вам? Если я еще раз поймаю вас, когда вы будете воздействовать этим устройством на меня, то, скорее всего, действительно

убью. Но в любом другом случае не стану. Убийства не забавляют меня. У меня и так уже есть один тяжкий грех на душе. А вы нужны мне, чтобы я мог вернуться в Толагай, или, может быть, вы забыли об этом?

— Ну, конечно… Конечно, — пробормотал Барджазид. Казалось, милосердие Деккерета потрясло его до глубины души.

— А почему я должен желать убить вас? — совершенно серьезно спросил Деккерет.

— За вторжение в ваш разум… За искажение ваших сновидений…

— Ах!

— За то, что ваша жизнь была подвергнута опасности в пустыне.

— И это тоже.

— И все же вы не хотите отомстить?

Деккерет покачал головой.

— Вы позволили себе чрезмерную вольность в обращении с моей душой, и я был возмущен этим, но теперь гнев прошел и с этим покончено. Я не стану наказывать вас. Мы с вами заключили сделку, и я получил от вас кое-что, стоившее уплаченных мною денег, и это кое-что оказалось ценным для меня. — Он наклонился поближе к Барджазиду. — Я прибыл в Сувраэль, через край

полный сомнениями, внутренним разладом и чувством вины, — негромко и очень серьезно сказал он, — ища возможности очиститься через телесные страдания. Это было глупостью. Телесные страдания причиняют неудобства и укрепляют волю, но очень мало что дают раненому духу. Вы дали мне нечто другое, вы и ваша игрушка, копающаяся в мозгах. Вы истязали меня во сне, вы поднесли зеркало к моей душе, и я смог ясно увидеть себя. Барджазид, много ли из этого последнего сновидения вы сумели по-настоящему прочесть?

— Вы были в лесу, на севере…

— Да.

— Охотились там. Одного из ваших спутников… спутницу… ранил дикий зверь, да? Так?

— Продолжайте.

— И вы не обратили на нее внимания. Вы продолжили гнать зверя. А потом, когда вы вернулись, чтобы заняться ею, оказалось слишком поздно, и вы обвинили себя в смерти женщины. Я ощущал в вас большую вину. Я чувствовал, какая сильная аура окружала вас.

— Да, — сказал Деккерет. — Эту вину мне предстоит нести вечно. Но теперь для погибшей уже ничего нельзя сделать — скажете нет? — Он по-

чувствовал удивительное спокойствие. Он все еще не до конца понимал происшедшее и был уверен только в одном: во сне он наконец-то столкнулся лицом к лицу с реальностью события в Кинторском лесу, с истиной о том, что он сделал и чего не сделал, понял то, чего не мог выразить словами: безумие — подвергнуть себя пожизненному наказанию за один-единственный поступок, совершенный по небрежности, по необдуманности. Настало время отказаться от самобичевания и вернуться к нормальной жизни. Он уже осознал, что прощение началось. Он прибыл в Сувраэль в поисках очищения, и ему удалось так или иначе найти его. И этим он обязан Барджазиду.

— Может быть, мне удалось бы спасти ее, — обратился он к проводнику, — а может быть, и нет, но мой разум был в этот момент занят совсем другими мыслями, и я в своей неразумности прошел мимо, думая лишь о том, как убить зверя. Но не кажется ли вам, Барджазид, что валяться на земле и посыпать главу пеплом — это не путь к искуплению? Мертвые — мертвы. Я должен трудиться на благо живых. Так что разворачивайте летающую лодку, и двинем назад, в Толагай.

— А как же ваша инспекция пастбищ? Гизин-

Кор?

— Совершенно бессмысленное задание. Все эти недопоставки мяса и торговый дисбаланс уже не имеют никакого значения. Проблемы уже решены. Везите меня в Толагай.

— А дальше?

— Вы поедете со мной на Замковую гору. Покажете свою игрушку короналю.

— Нет! — в ужасе вскричал Барджазид. Впервые за все время знакомства Деккерет увидел его по-настоящему испуганным. — Умоляю вас…

— Отец! — вмешался Динитак.

Даже под ослепительными лучами полуденного солнца, заливавшими все вокруг, юноша, казалось, сам светился изнутри. На его лице безошибочно читалось выражение беспредельной гордости.

— Отец, поезжай с ним на Замковую гору. Пусть он покажет своим господам, что у нас тут есть.

Барджазид облизал губы.

— Я боюсь…

— Ничего не бойся. Это начало нашего времени.

Деккерет медленно обвел взглядом обоих: и внезапно потерявшего всю свою напористую наглость и оробевшего старика, и расцветшего в

мгновение ока гордого юношу. Он ощущал, что свершается историческое событие, что извечное равновесие могущественных сил нарушено и складывается некий новый порядок, но все это он пока что смутно угадывал, а не понимал, и лишь в одном был уверен: его жизненное предназначение и судьбы этих сынов пустыни теперь оказались неразрывно связанными, и машина для чтения снов, созданная Барджазидом, была той нитью, которая соединяла их жизни.

— А что будет со мной в Горном замке? — осипшим голосом спросил Барджазид.

— Не имею ни малейшего представления, — ответил Деккерет. — Может быть, вам отрубят голову и выставят ее на Башне лорда Симинэйва. А может быть, включат вас в число властителей Маджипура. Может случиться все, что угодно. Как я могу сейчас что-то обещать? — Деккерет понял, что его совершенно не волнует судьба Барджазида, что она ему безразлична, что он нисколько не гневается на этого жалкого и убогого маленького типа, осмелившегося копаться в человеческих умах… Напротив, он испытывает к нему своего рода абстрактную благодарность за то, что Барджазид помог ему избавиться от его собственных демонов. — Решить все это может только коро-

наль. Но в одном я уверен твердо: вы вместе со своим прибором поедете со мной на Гору. Вперед! Разворачивайте лодку — и поспешим в Толагай.

— Сейчас день… — пробормотал Барджазид. — Самая жара…

— Перетерпим. Ну же, заводите машину, да побыстрее! Нам нужно перехватить в Толагае судно, пока оно не ушло, и к тому же я хочу до отплытия успеть еще раз повидаться в городе с одной женщиной!

Глава 12

Эти события произошли в пору возмужания того, кому суждено было именоваться короналем лордом Деккеретом при понтифексе Престимионе. А юный Динитак Барджазид стал первым, кто из Субраэля управлял умами всех спящих Маджипура и получил титул Короля Снов.

Часть VI
Живописец и меняющий форму

Это уже приобрело характер непреодолимой тяги. Мысли Хиссуна идут теперь во множестве различных направлений, и Регистр памяти душ служит ключом к новому осознанию бескрайнего мира. У человека, живущего в Лабиринте, развивается специфическое ощущение внешнего мира как чего-то неопределенного и нереального, скорее простой совокупности названий, нежели реальных мест; для него материальным является только темный, овеваемый искусственным ветерком Лабиринт, а все остальное не более осязаемо, чем пар. Но Хиссун уже совершил путешествия на все континенты планеты, попробовал незнакомые и странные блюда, видел невероятные пейзажи, испытал немыслимую жару и страшный холод, и благодаря этому обрел понимание сложности мира, которым, как он подозревает, обладают очень немногие. Теперь он снова и снова возвращается в эту комнатку. Ему уже не приходится волноваться из-за поддельных пропусков — он стал постоянным посетителем и

теперь лишь раскланивается с охранниками при входе, а потом остается наедине с миллионами миллионов рассказов о прошлом Маджипура. Частенько ему хватает лишь минуты-другой, и он решает, что в записи не содержится ничего такого, что могло бы повести его дальше по дороге к знанию, и за утро он вызывает и отправляет обратно восемь, десять, дюжину капсул. Он уже доподлинно знает, что каждая живая душа заключает в себе вселенную; но не все вселенные одинаково интересны, так что те сведения, которые он мог бы получить от некоей персоны, всю жизнь подметавшей улицы Пилиплока, или другой, возносившей молитвы рядом с Хозяйкой Острова, не кажутся ему столь необходимыми. И потому он заказывает капсулы, отправляет их на место и просит прислать новые, раз за разом погружаясь в прошлое Маджипура… и каждый раз стремится открыть мир с новой, неведомой стороны. Он уже знает, что воспоминания даже короналей и понтифексов не всегда обеспечивают его интересной информацией. Но неожиданная находка может произойти в любой момент. Как, скажем, обнаружилась история человека, влюбившегося в метаморфа…

В темные леса западного континента из хру-

стальных городов Замковой горы живописца Териона Нисмайла привела пресыщенность совершенством. Всю свою жизнь он провел среди чудес Горы, странствовал по всем Пятидесяти Городам, как того требовал успех карьеры, каждые несколько лет меняя один изумительный ландшафт на другой. Его родным городом был Дундилмир, и на первых холстах он со страстью и импульсивной энергией юности запечатлел виды Пламенной долины. Следующие несколько лет он провел в изумительном Канзилейне, прославившемся своими говорящими статуями, а потом жил в величественном Сти, предместья которого раскинулись на три дня пути, в золотом Халанксе возле самых пределов Замка; пять лет он провел в самом Замке — был придворным живописцем у короналя лорда Трайма. Его картины высоко ценили за спокойное изящество и совершенство формы, способные в полной мере отразить великую красоту всех Пятидесяти Городов. Но красота таких мест спустя некоторое время начинает мертвить душу и парализует артистические наклонности. Когда Нисмайлу исполнилось сорок лет, он начал отождествлять совершенство с застоем, возненавидел самые знаменитые свои работы; дух его возопил о необ-

ходимости отказа от планомерности, потребовал глубоких и ярких перемен.

Кризис настиг его в садах Барьера Толингар — удивительного парка на равнине, раскинувшейся между Дундилмиром и Стипулом. Корональ обратился к нему с просьбой исполнить серию пейзажей с видами этих садов для украшения перголы, воздвигавшейся вдоль периметра Замка. Нисмайл с готовностью отправился в дальнее путешествие вниз по склонам огромной горы, объехал растянувшийся на сорок миль парк, выбрал подходящие виды и принялся за работу над первым холстом на мысе Казкас, откуда сад огромным симметричным зеленым свитком тянулся к горизонту. Парк он любил еще с детских лет. На всем Маджипуре не было более безмятежного, более упорядоченного места, ибо специально выведенные растения в садах Толингара всегда умели самостоятельно поддерживать форму. Ни один садовник никогда не подстригал эти кусты и деревья — они росли по собственной воле, в изящном равновесии и чередовании пород, определяя расстояние друг от друга, подавляя поблизости все сорняки и регулируя свой рост так, что первоначальный план посадки сохранялся в неприкосновенности. Когда они теряли

листья или считали нужным уронить отмершую ветку, почвенные ферменты быстро превращали отверженные части в полезный перегной. Этим садам было уже более ста лет — их основал корональ лорд Хэвилбоув. Его преемники лорд Канаба и лорд Сиррут продолжили и развили программу генетической модификации, управлявшую саморазвитием сада, а при нынешнем коронале лорде Трайме планирование парка было полностью завершено, и теперь ему предстояло навечно сохранить совершенство. Именно это совершенство и должен был запечатлеть Нисмайл.

Он встал перед девственно-чистым холстом, набрал полные легкие воздуха и приготовился перейти в состояние транса. Спустя мгновение его душа, сконцентрировавшаяся в погруженном в грезу сознании, должна была единым мгновенным прикосновением запечатлеть на психочувствительной ткани уникальное яркое видение пейзажа. Он еще раз взглянул на округлые плавные холмы, созданный искусством людей кустарник, изящно вырезанные листья, и на него накатила волна неуправляемой ярости, он задрожал всем телом, зашатался и чуть не упал. Раскинувшийся перед его взором неподвижный пейзаж, статичная, бесплодная

красота, весь этот безупречный и несравненный сад совершенно не нуждались в нем: рукотворная природа была столь же неизменяемой, как и живопись, и столь же безжизненной, застывшей в своих собственных безупречных ритмах до скончания времен.

Какой кошмар! Какая мерзость! Нисмайл зашатался и обхватил ладонями разрываемую внутренним грохотом голову. До него как сквозь вату донеслись негромкие удивленные возгласы спутников, а открыв глаза, он увидел, что все в ужасе и растерянности уставились на почерневший, покрывшийся пузырями холст.

Все сразу пришли в движение, а посреди суеты, застыв как статуя, стоял Нисмайл.

— Передайте лорду Трайму, что я не в состоянии выполнить его поручение, — абсолютно спокойным голосом сказал художник, когда к нему вернулся дар речи.

В тот же самый день он купил в Дундилмире все необходимое и отправился в долгое путешествие в равнинную часть материка, и дальше — в широкую жаркую долину тихой и вялой реки Ийянн; по ней он долго плыл к западному порту Алаизору, где спустя несколько недель сел на корабль, направлявшийся на Остров Сна, в Нуминор. Там

он пробыл месяц. Затем Нисмайл нашел место на корабле, перевозившем паломников, и переправился на Зимроэль, в Пилиплок. Он был уверен, что своей искусственной красотой, изяществом и ухоженностью Зимроэль не произведет на него угнетающего впечатления. На нем имелось всего лишь восемь или девять городов, и все они мало чем отличались от пограничных форпостов. А посреди материка располагались земли, на которых четыре тысячи лет назад лорд Стиамот расселил аборигенов Маджипура — метаморфов, после того как нанес им окончательное поражение. Человек, уставший от цивилизации, мог в такой обстановке обрести возрождение души.

Нисмайл рассчитывал, что Пилиплок окажется грязной дырой, но, к своему удивлению, увидел огромный древний город, выстроенный согласно непреложному геометрическому плану. Бесспорно, город был уродлив, но не тем освежающим образом, который был необходим для художника, и он отправился на речном судне вверх по Зимру. Он, не останавливаясь, проплыл мимо огромной Ни-мойи, которая славилась даже среди жителей другого континента, но в городе под названием Верф, поддавшись внезапному порыву, покинул судно и двинулся в нанятом фургоне в глубь рас-

положенных на юге лесов. Забравшись в дебри настолько далеко, что вокруг уже нельзя было рассмотреть никаких следов цивилизации, он остановился и на берегу быстрой речки построил хижину. Минуло уже три года, с тех пор, как он покинул Замковую гору. На протяжении всей своей поездки он пребывал в одиночестве, разговаривал с другими только в случае необходимости и совсем не рисовал.

Здесь Нисмайл почувствовал, что начинает исцеляться. Все в этих местах было незнакомо и прекрасно. На Замковой горе, где климат был искусственным, царила бесконечная нежная весна, ненастоящий воздух был свежим и чистым, а начало дождя можно было предсказать достаточно точно. Но сейчас он жил в сыром тропическом лесу, где похожая на губку почва мягко проминалась под ногами, где проплывали облака и наползали языки тумана, где с небес низвергались частые ливни, где все росло в полной анархии, хаотически смешиваясь и переплетаясь между собой, и до крайности не походило на чинный, аккуратный и симметричный Барьер Толингар. Он носил на себе минимум одежды, достаточный, только чтобы едва прикрыть тело, методом проб и ошибок выучил, какие корни, ягоды и побеги пригодны

для еды, и даже сконструировал и сплел из веток плотину и ловил возле нее темно-красных рыб, которые, сверкая на солнце чешуей, словно ракеты, неслись вверх по течению. Он часами гулял по густым джунглям, наслаждаясь не только их странной красотой, но еще и каким-то тревожным восхищением, которое испытывал всякий раз, пробираясь к своей лачуге. Он часто пел громким хрипловатым голосом, чего никогда не позволял себе на Замковой горе. Время от времени Нисмайл доставал холст, но каждый раз он оставался нетронутым. Он сочинял бессмысленные стихи, пышные вереницы строк, и распевал их перед аудиторией, состоявшей из стройных высоких деревьев и невообразимым образом переплетавшихся лиан. Порой он принимался раздумывать, как идут дела при дворе лорда Трайма, нанял ли корональ нового художника для оформления перголы, цветут ли халатинги вдоль дороги к Горному Морпину. Впрочем, такие мысли посещали его нечасто.

Он утратил счет времени, так что не знал, сколько недель — четыре, или пять, или, может быть, шесть — прошло до того момента, когда он увидел первого метаморфа.

Встреча произошла на заболоченном лугу в

двух милях вверх по течению от его обители. Нисмайл отправился туда искать сочные алые коренья-луковицы болотной лилии, из которых научился делать пюре и печь нечто, похожее на хлеб. Они росли глубоко, и, чтобы добраться до них, ему приходилось по плечо зарывать руку в жирную землю и в буквальном смысле слова ложиться лицом в грязь. Когда он в очередной раз выпрямился, зажав в кулаке скользкую луковицу, с которой капала вода, то с изумлением обнаружил в полутора десятках ярдов спокойно разглядывавшее его живое существо.

Он никогда еще не видел метаморфа. Аборигены Маджипура были навечно высланы с главного континента, Алханроэля, где Нисмайл провел все предшествующие годы своей жизни. Но он имел представление об их облике и был уверен, что встретил именно одного из меняющих форму: существо оказалось необыкновенно высокого роста, хрупким, с болезненно-серой кожей, узким лицом, на котором имелись пара посаженных очень близко к середине глаз и едва заметный нос, и упругими бледно-зелеными волосами. Из одежды на нем была только кожаная набедренная повязка, к которой был прицеплен короткий, острый с виду кинжал из какого-то черного,

отполированного, наверное очень твердого дерева. Метаморф стоял в странной позе, обвив одну хилую длинную ногу вокруг голени другой, и все равно в этом смешном, на человеческий взгляд, положении угадывалось мрачное достоинство. Впечатление, которое он производил, было одновременно и зловещим, и ласковым, и угрожающим, и комическим. Нисмайл решил, что пугаться не стоит.

— Привет, — спокойно сказал он. — Вы не против того, что я собираю здесь луковицы?

Метаморф промолчал.

— У меня здесь, ниже по течению, хижина. Меня зовут Терион Нисмайл. Раньше, когда я жил на Замковой горе, я был живописцем.

Метаморф окинул его величественным взглядом. По его лицу промелькнула четкая тень не понятого Нисмайлом выражения. Затем он повернулся и, изящно двигаясь, скользнул в джунгли, почти сразу же исчезнув из вида.

Нисмайл пожал плечами, опустился на колени и вновь принялся копаться в мокрой земле в поисках луковиц болотных лилий.

Спустя неделю или две он встретил другого метаморфа, а быть может, и того же самого. На сей раз это произошло, когда он обдирал кору

с лианы, чтобы сплести веревку и поставить капкан на билантуна. Абориген держался так же молчаливо; он, словно привидение, внезапно появился прямо перед Нисмайлом и, стоя в той же необычной позе на одной ноге, принялся его рассматривать. Нисмайл вторично попытался вовлечь существо в беседу, но при первых же его словах оно уплыло от него, будто призрак.

— Подождите! — крикнул Нисмайл. — Я хочу поговорить с вами! Я... — Но он уже был в лесу один.

Еще через несколько дней он собирал дрова и вновь заметил, что на него смотрят. На этот раз он не стал разглядывать своего посетителя, а сразу же обратился к метаморфу:

— Я поймал билантуна и собираюсь жарить его. У меня гораздо больше мяса, чем мне требуется. Вы не составите мне компанию?

Метаморф улыбнулся — во всяком случае, Нисмайл счел за улыбку загадочную тень, пробежавшую по лицу, хотя она вполне могла быть и проявлением иных эмоций — и, как будто в ответ, удивительным образом мгновенно изменился, превратившись в зеркальное изображение самого Нисмайла — коренастого и мускулистого человека с темными проницательными глаза-

ми и отросшими до плеч черными волосами. Нисмайл от удивления вздрогнул и захлопал глазами, но почти сразу же успокоился и улыбнулся, решив относиться к мимикрии как к одной из форм общения.

— Изумительно! — воскликнул он. — Я не смог уловить, когда вы это сделали! — Он сделал приглашающий жест. — Пойдемте. На то, чтобы приготовить билантуна, понадобится полтора часа, а мы сможем тем временем поговорить. Вы ведь понимаете наш язык, не так ли? Я не ошибаюсь? — Разговаривать с самим собой было чрезвычайно странно и забавно. — Может быть, вы что-нибудь расскажете: нет ли, например, где-нибудь поблизости деревни метаморфов?.. Пиуриваров, — быстро поправился он, припомнив, что именно так называли себя метаморфы. — Много ли пиуриваров тут поблизости, в джунглях? — Нисмайл снова сделал приглашающий жест. — Пойдемте в мою хижину и разведем огонь. А может, у вас найдется немного вина? Это, пожалуй, единственное, чего мне тут недостает: немного того хорошего крепкого густого вина, которое делают в Малдемаре. Возможно, мне и не придется его вновь попробовать, но ведь в Зимроэле тоже делают вино, правда? Ну как, скажете

что-нибудь, а? — Но метаморф ответил лишь гримасой, — или это была ухмылка? — которая странным образом резко исказила отражение лица Нисмайла; в следующий момент существо вернулось к своей собственной форме, а затем спокойной и плавной походкой удалилось.

Какое-то время Нисмайл всерьез надеялся, что его гость возвратится с бутылкой вина, но тот так и не появился. Любопытные существа, подумал он. Может быть, они гневаются, что он расположился на их территории? Или они надзирают за ним, опасаясь, что он своего рода первая ласточка надвигающейся волны людей-поселенцев? Как ни странно, он не чувствовал никакой угрозы. Метаморфов обычно считали опасными; конечно, они и на самом деле были беспокойными существами, чуждыми и непостижимыми. Повсюду ходило множество рассказов о набегах метаморфов на отдаленные человеческие поселения, и, без сомнения, меняющие форму питали и из поколения в поколение культивировали ожесточенную ненависть к тем, кто незваным явился в их мир, согнал их с обжитых земель и перевез в эти джунгли. Но при этом Нисмайл знал, что сам он является человеком доброй воли, что он никогда не причинял вреда другим, а просто-напросто

хотел, чтобы его оставили в покое и позволили жить своей собственной жизнью, и потому полагал, что внутреннее чутье позволит метаморфам понять, что он им не враг. Он хотел бы стать их другом. После своего продолжительного одиночества Нисмайл все больше и больше тосковал по возможности побеседовать с кем-нибудь, а общение с представителями этого странного народа могло оказаться очень полезным; возможно, он мог бы даже нарисовать кого-нибудь из них. В последнее время он начал подумывать о возвращении к искусству, о том, чтобы вновь испытать момент творческого экстаза, когда его душа преодолевала расстояние, отделявшее тело от психочувствительного холста, и закрепляла на нем те образы, которые был в состоянии создать он один. Действительно, он теперь сильно отличался от того постепенно становившегося все более и более несчастным человека, каким был на Замковой горе, и это различие должно было проявиться в его работе. В течение следующих нескольких дней он репетировал речи, призванные помочь ему завоевать доверие метаморфов, преодолеть их необъяснимую застенчивость и отчужденность, которые не позволяли установить какой-либо взаимный контакт. Придет время,

думал он, и они привыкнут к нему, они начнут разговаривать с ним, они примут его приглашение разделить трапезу, а затем, возможно, они согласятся позировать…

Но день проходил за днем, а он больше не видел метаморфов. Он бродил по лесу, с надеждой вглядываясь в чащу, в затянутые туманной дымкой проходы между деревьями, и не видел никого. Он решил, что слишком поторопился, стремясь установить с ними отношения, напугал их — конечно, самая естественная реакция для таких злокозненных чудовищ, как метаморфы! — и по прошествии некоторого времени он начал терять надежду на контакт с ними. Это его тревожило. Он не скучал без общения, пока оно не представлялось возможным, но теперь сознание того, что где-то неподалеку находятся разумные существа, разжигало в нем ощущение одиночества, которое было нелегко перенести.

Прошло уже несколько недель после его последней встречи с метаморфом. Душным жарким днем Нисмайл купался в прохладном глубоком пруду, образовавшемся возле естественной плотины — гряды валунов, перегородившей реку на полмили ниже его жилья, — и вдруг увидел бледную худощавую фигуру, быстро пробирав-

шуюся через плотную ограду из кустов с синими листьями. Он поспешно выбрался из воды, обдирая колени о камни.

— Подождите! — крикнул он. — Прошу вас, не бойтесь! Не уходите!

Фигура скрылась, но Нисмайл отчаянно вломился в подлесок и через несколько минут снова увидел это существо: оно стояло, небрежно прислонившись к стволу огромного дерева с ярко-красной корой.

Нисмайл резко остановился, пораженный: перед ним оказался не очередной (или тот же самый) метаморф, а женщина одной с ним, человеческой, расы: молодая, стройная и совершенно обнаженная, с густыми темно-рыжими волосами, узкими плечами, маленькой высокой грудью и яркими живыми глазами. Судя по виду, она совсем не боялась его, словно была неуязвимым лесным духом, которому вдруг захотелось поиграть с ним в догонялки.

Он стоял и рассматривал ее, вытаращив от удивления глаза, а она, окинув его безмятежным взглядом и звонко рассмеявшись, заговорила первой:

— Вы ободрались о ветки с головы до ног! Неужели вы совсем не умеете бегать по лесу?

— Я не хотел упустить вас.

— О, я не собиралась уходить далеко. Знаете, я долго следила за вами, прежде чем вы это заметили. Вы тот человек, который живет в хижине, верно?

— Да. А вы… Где вы живете?

— То тут, то там, — не задумываясь ответила женщина непринужденным тоном.

Он продолжал рассматривать ее. Красота женщины восхищала его, а полное отсутствие застенчивости приводило в изумление. Уж не галлюцинация ли это? Откуда она взялась? Что делает в этих вековечных джунглях одинокое и обнаженное человеческое существо?

Человеческое ли?

Конечно нет, догадался Нисмайл с внезапным острым приступом печали — словно ребенок, которому во сне дали сокровище, о котором он страстно мечтал, но лишь для того, чтобы он проснулся, ослепленный его блеском, и вновь окунулся в унылую действительность. Вспомнив, насколько легко метаморф смог предстать в его собственном обличье, Нисмайл осознал мрачную возможность: это всего лишь шутка, розыгрыш. Он пристально всматривался в гостью, стараясь обнаружить признаки ее принадлежности к

метаморфам: острые скулы, раскосые глаза, беззаботно-веселое выражение лица… Нет, она во всех отношениях походила на человека и только на человека. Но все же… Насколько неправдоподобной была встреча здесь с существом из расы людей, настолько вероятнее было то, что она была из меняющих форму, обманщицей — или обманщиком?..

Однако допускать такую возможность ему не хотелось. Он решил противопоставить вероятности обмана сознательную веру — в надежде на то, что таким образом увеличит шансы на превращение желаемого в действительное.

— Как вас зовут? — спросил он.

— Сэрайс. А вас?

— Нисмайл. Где вы живете?

— В лесу.

— Значит, где-то неподалеку есть человеческое поселение?

Она пожала плечами.

— Я живу одна. — Она подошла к нему — он почувствовал, как по мере ее приближения его мышцы напряглись, что-то резануло в животе, а на коже, похоже, выступила испарина, — и легонько прикоснулась кончиками пальцев к глубоким царапинам, которые оставили на его

груди и руках лианы и сучки, пока он продирался сквозь чащу. — Вам, наверное, больно?

— Немного. Нужно промыть их.

— Да. Давайте вернемся к пруду. Я знаю более удобную дорогу, чем та, которую вы выбрали. Идите за мной!

Сэрайс раздвинула стебли густого папоротника, скрывавшего узкую тропинку, и грациозно побежала вперед, а он бросился следом, не переставая восхищаться непринужденностью ее движений и игрой мышц на спине и ягодицах. Он погрузился в воду лишь на мгновение позже нее, и они начали плескаться рядом. Холодная вода мгновенно уняла жжение от царапин. Когда они вышли на берег, ему невыносимо захотелось притянуть ее к себе и заключить в объятия, но он не посмел. Они улеглись рядом на поросшем мхом берегу. В глазах женщины плясали коварные искорки.

— Моя хижина недалеко отсюда, — сказал он.

— Я знаю.

— Вы не хотели бы заглянуть в нее?

— Как-нибудь в другой раз, Нисмайл.

— Ну что ж. В другой так в другой…

— Откуда вы? — в свою очередь спросила она.

— Я родился на Замковой горе. Слышали? Я был

художником при дворе короналя. Но не таким, который кисточками накладывает краски на полотно. Нас называют еще психоживописцами. Говорят, что «психе» на каком-то из языков Старой Земли означало «душа». И я творил картины мыслями на специальном холсте, и… я мог бы показать это вам. Я мог бы нарисовать вас, Сэрайс. Я пристально всматриваюсь во что-нибудь, погружаю сущность увиденного в глубины своего сознания, а затем вхожу в своего рода транс, почти сон наяву, преобразовываю увиденное в некий образ и швыряю его на холст, запечатлеваю истинную суть единым всплеском… — Он приостановился. — Лучше всего я мог бы показать это, нарисовав вас.

Трудно было понять, слышала она его или нет.

— Нисмайл, разве вам не хочется обнять меня?

— Хочется. Очень хочется.

Густой бирюзовый мох, на котором они лежали, был подобен ковру. Сэрайс подвинулась ближе, и его рука потянулась было к ней, но повисла в воздухе — он на мгновение заколебался, поскольку все еще не избавился от ощущения, что она метаморф и всего лишь забавляется с ним некоей извращенной игрой с переменами облика. В душе его пробудилось наследие многотысячелетнего

страха и ненависти, и он испугался, что, прикоснувшись к ней, вдруг обнаружит липкую и противную на ощупь кожу (такой представлялась ему кожа метаморфов) или что в его объятиях она изменится и превратится в чуждое существо. А ее веки были сомкнуты, губы приоткрыты, и по ним нетерпеливо блуждал розовый язык: она ждала. Он с опаской опустил руку на ее грудь… Но плоть оказалась теплой и податливой, именно такой, какой — вспомнилось ему после многих лет одиночества — следовало быть плоти молодой женщины человеческой расы. Негромко вскрикнув, она теснее прижалась к нему, и он заключил ее в объятия. На мгновение в его сознании мелькнул образ метаморфа — угловатого, безносого, с длинными гибкими конечностями, — но он отчаянным усилием воли изгнал его из воображения и всем существом слился с гибким, сильным и жадным женским телом.

А потом они неподвижно лежали рядом, сплетя пальцы, и молчали. Они не пошевелились, даже когда прошел короткий ливень, и позволили быстрым резким струйкам дождя смыть пот с разгоряченной кожи. Открыв глаза, Нисмайл обнаружил, что женщина рассматривает его с нескрываемым любопытством.

— Я хочу нарисовать тебя, — сказал он.

— Нет.

— Не сейчас. Завтра. Ты придешь в мою хижину и…

— Нет.

— Я не пробовал рисовать уже несколько лет. Для меня очень важно начать снова. И я очень хочу нарисовать тебя.

— А я очень не хочу быть нарисованной, — возразила она.

— Прошу тебя.

— Нет, — мягко, но непреклонно ответила она и с этими словами откатилась в сторону и поднялась на ноги. — Рисуй джунгли. Рисуй пруд. Только не рисуй меня, Нисмайл, ладно? Договорились?

Он удрученно махнул рукой.

— А теперь я должна уйти, — сказала она.

— И ты не скажешь мне, где живешь?

— Я уже сказала. И тут и там. В лесу. Почему ты спрашиваешь об этом?

— Я хочу иметь возможность снова найти тебя. Знать, где тебя искать, если ты исчезнешь.

— Я знаю, где найти тебя, — ответила она. — Этого достаточно.

— А ты придешь завтра? В мою хижину?

— Наверное.

Он взял ее за руку и притянул к себе. Но теперь она воспротивилась и отодвинулась подальше. В его мозгу, возбужденном тайной, лихорадочно пульсировала кровь. Ведь фактически она не сказала ему ничего, кроме своего имени. Он никак не мог заставить себя поверить, что она подобно ему одиноко жила в джунглях, переходя с места на место, но притом сомневался, что мог за прошедшее время не заметить поблизости существования человеческого поселения. Так что наиболее вероятным объяснением оставалось то, что она была меняющим форму, по невесть какой причине решившим испытать приключение с человеком. И как он ни сопротивлялся этой мысли, прирожденная рациональность не позволяла ему полностью отказаться от нее. Но она выглядела человеком, она вела себя по-человечески, она воспринималась как человек. Насколько глубоко могли метаморфы преобразовывать себя? Его подмывало прямо спросить ее, верны ли его подозрения, но это было бы глупостью: она не ответила ни на один из его вопросов и уж конечно не станет отвечать на этот. Так что он решил оставить этот вопрос при себе.

Она мягко высвободила ладонь из его руки,

улыбнулась, изобразила губами воздушный поцелуй, шагнула к тропинке, проложенной среди высоких папоротников, и через несколько секунд исчезла из виду.

Нисмайл ждал в своей хижине весь следующий день. Она не пришла. Это почти не удивило его. Их встреча была мечтой, фантазией, интерлюдией вне времени и места. Он даже не ожидал когда-либо вновь увидеть ее. Ближе к вечеру он достал из своего мешка холст и установил его, решив изобразить открывающийся от дверей хижины вид леса, окрашенного сумеречным освещением в пурпур. Он долго присматривался к пейзажу, к стройным деревьям, вертикально вздымавшимся над придавленной к земле горизонтали густого низкорослого кустарника, густо усыпанного желтыми ягодами, но в конце концов тряхнул головой и убрал холст. В этом пейзаже не было ничего достойного запечатления средствами искусства. Утром он решил, что отправится мимо луга вверх по течению — туда, где из глубокой расселины в большой скале подобно мягким шипам торчали мясистые красные суккуленты. Возможно, тот пейзаж окажется более вдохновляющим.

Но утром он нашел причины для того, чтобы

отложить выход, а к полудню решил, что идти уже слишком поздно. Вместо этого он принялся возиться в своем небольшом садике, куда пересаживал из леса некоторые из тех кустов, плоды или побеги которых употреблял в пищу, и это заняло его на несколько часов. К концу работы по лесу молочной пеленой растекся туман. Он вошел в хижину, а спустя несколько минут в дверь постучали.

— Я уже перестал надеяться, — сказал он.

Лоб и брови Сэрайс были усыпаны каплями влаги. Туман, подумал он, а может быть, она танцевала по дороге.

— Я же обещала, что приду, — просто ответила она.

— Вчера.

— Вчера было вчера, — смеясь, возразила она и вынула из-под одежды бутылку. — Ты любишь вино? Я добыла немного. Мне пришлось далеко идти за ним. Вчера.

Это было молодое, бесцветное вино; оно играло, и пузырьки пощипывали язык. На бутылке не было никакого ярлыка, но Нисмайл решил, что это какое-то местное, зимроэльское, вино, неизвестное на Замковой горе. Они выпили его до конца, и Нисмайлу досталось больше — она сно-

ва и снова подливала ему в кубок. А когда вино закончилось, они выскользнули наружу, чтобы заняться любовью на прохладной влажной земле около ручья. Потом их обоих охватила дремота, а еще позже, в начале ночи, она разбудила его и полусонного отвела в хижину. Оставшуюся часть ночи они провели на неудобной кровати, тесно прижавшись друг к другу. Утром Сэрайс не выказала никакого намерения покинуть его. Они пошли к пруду, чтобы начать день с купания, потом снова любили друг друга на бирюзовом мху и снова купались. Затем женщина повела его к гигантскому дереву с красной корой, возле которого он впервые увидел ее, и указала на огромный, просто колоссальный — три или четыре ярда в поперечнике, — желтый плод, упавший с одной из огромных ветвей. Нисмайл с сомнением посмотрел на него. Он раскололся от удара, открыв алую мякоть и множество огромных блестящих черных семян.

— Двикка, — сообщила Сэрайс. — От нее мы опьянеем.

Она скинула накидку — больше на ней ничего не было, — сделала из нее мешок, сложила туда большие куски двикки, после чего они вернулись к хижине и почти до полудня ели. А потом до

самого вечера пели и веселились. На обед они поджарили несколько рыб, попавшихся в плетеный садок Нисмайла, а потом лежали рядом, держась за руки, и смотрели, как на землю спускалась ночь, и она задавала ему тысячи вопросов о его прошлой жизни, его живописи, его детстве, его путешествиях, о Замковой горе, о Пятидесяти Городах, о Шести Реках, о жизни при дворе короналя лорда Трайма, о Замке с неисчислимым множеством комнат.

Вопросы лились потоком; не успевал он ответить на предыдущий, как она уже задавала новый. Ее любопытство было неистощимо. И оно, судя по всему, служило еще и тому, чтобы подавить его собственный интерес, ибо, хотя он страстно желал разузнать что-нибудь — нет, не что-нибудь, а все — о ней, у него не было ни малейшего шанса задать вопрос (притом он сомневался, что она вообще захочет ему отвечать).

— Что мы будем делать завтра? — спросила она наконец.

Так они стали любовниками. В первые несколько дней они только и делали, что купались, обнимались и поедали дурманящие плоды двикки. Страх, что она исчезнет так же неожиданно, как и появилась, который Нисмайл испыты-

вал поначалу, начал постепенно оставлять его. Постепенно поток ее вопросов начал иссякать, но и несмотря на это, он решил не переходить в контратаку, предпочитая оставить ее тайны нераскрытыми.

И все же он не мог отрешиться от своей навязчивой идеи о том, что Сэрайс — метаморф, что ее красота ненастоящая, что за привлекательной внешностью кроется чудовищное чуждое обличье. Одна только мысль об этом угнетала его, особенно в те моменты, когда его руки блуждали по такой приятной на ощупь, гладкой, прохладной коже ее бедер и груди. Он должен был постоянно бороться со своими подозрениями, но так и не мог отделаться от них. В этой части Зимроэля не было никаких человеческих поселений, да и слишком неправдоподобным казалось, что эта девушка — да, она оказалась девственницей! — подобно ему самому выбрала отшельническую жизнь в столь отдаленных местах. Гораздо вероятнее, думал Нисмайл, что она родом отсюда, что она принадлежит к расе меняющих форму — а их числа никто не знает, — которые скользят по этим сырым лесам словно привидения. Когда она спала, он иногда подолгу наблюдал за ней при слабом свете звезд, чтобы

заметить, если она начнет терять человеческое обличье. Но она постоянно оставалась такой, какой он привык ее видеть. И все же, даже несмотря на это, он продолжал подозревать ее.

И все же, и все же… вовсе не в обычае метаморфов было искать общества человеческих существ или проявлять по отношению к ним малейшую теплоту. Для большинства людей, обитавших на Маджипуре, метаморфы были призраками давно прошедшей эпохи, существами нереальными, легендарными. С какой стати кто-то из аборигенов стал бы разыскивать Нисмайла в его уединении, предлагать ему себя, создавать настолько убедительную подделку любви и с таким рвением стремиться украсить его дни и оживить его ночи? В миг очередного приступа паранойи он представил себе, как Сэрайс в темноте возвращается к своему истинному облику и поднимается над ним, спящим, чтобы вонзить сверкающий кинжал ему в горло, мстя таким образом за преступления его предков. Но все фантазии такого рода были совершенной чепухой! Если бы местные метаморфы хотели убить его, то им не потребовалось бы прибегать к столь сложным методам.

Считать ее метаморфом было почти настолько

же абсурдно, насколько полагать, что она им не была.

Чтобы избавиться от тревожных мыслей, Нисмайл решил снова вернуться к искусству. В один необыкновенно ясный солнечный день он вместе с Сэрайс направился к скале с красными суккулентами, взяв с собой чистый холст. Она затаив дыхание наблюдала, как он готовился к работе.

— Неужели картина целиком и полностью создается в твоем сознании? — спросила она.

— Именно. Я мысленно воображаю ту или иную сцену, преобразовываю, перестраиваю и усиливаю ее, а затем… впрочем, ты все это увидишь.

— А ничего, что я буду смотреть? Не помешаю?

— Конечно нет.

— Но если на картину наложится чья-то еще мысль…

— Этого просто не может случиться. Холсты настроены только на меня.

Он прищурился, привычным движением сложил рамку из пальцев, отошел на несколько шагов в одну сторону, в другую… В горле у него пересохло и першило, руки дрожали. Прошло столько лет с тех пор, как он занимался этим в последний раз: сохранились ли его способности?

И навык? Он поправил холст и осторожно, не оставляя отпечатка, наложил на него мысленное изображение. Сцена была хороша! Яркие причудливые контрастные цветовые сочетания, неожиданные, можно сказать, вызывающие противопоставления элементов композиции, эта массивная скала, эти невероятные мясистые красные растения, увенчанные крошечными желтыми цветками, испещренный солнечными бликами лес… — да, да, это должно получиться, ему удастся передать и внешний вид, и сущность густой спутанной растительности джунглей, этого места, где меняются облики…

Он закрыл глаза… вошел в транс… затаил дыхание… А затем, резко выдохнув, перебросил сложившуюся в уме картину на холст.

Послышался негромкий удивленный возглас Сэрайс.

Нисмайл почувствовал, что все тело покрылось потом; он покачнулся и несколько раз глубоко вдохнул, но вскоре овладел собой и посмотрел на холст.

— Как красиво! — пробормотала Сэрайс.

Но он был потрясен тем, что увидел. Эти раздражающие диагонали… стертые и мутные цвета… тяжелое сальное небо, угрюмыми волнами

нависающее от самого горизонта… — все это нисколько не походило на тот пейзаж, который он намеревался запечатлеть. Картина получилась неприятная и тревожная, нисколько не похожая на прежние работы Териона Нисмайла, — мрачная и болезненная живопись, извращенная непреднамеренными диссонансами.

— Тебе не нравится? — спросила она.

— Это не то, что сложилось в моих мыслях.

— Все равно… какое чудо — сделать картину таким вот образом, да еще столь прекрасную…

— Ты считаешь ее прекрасной?

— Изумительной! А что, ты не согласен?

Нисмайл пристально взглянул на девушку. Это? Прекрасно? Он пытался понять, льстит ли она ему, либо совершенно не обладает художественным вкусом, либо искренне восхищается тем, что он сделал. Эта вымученная живопись, это мрачное и чуждое произведение…

Чуждое!

— Тебе не нравится, — сказала она. На сей раз это был не вопрос, а утверждение.

— Я не работал почти четыре года. Вероятно, мне следует начинать постепенно, не торопясь, и тогда все понемногу встанет на свои места…

— Я испортила твою картину, — сказала

Сэрайс.

— Ты? Не говори глупостей.

— Сюда примешалось мое сознание. Мое видение мира.

— Я же сказал тебе, что холсты настроены только на меня. Я могу находиться среди тысячной толпы, и это не повлияет на мою живопись.

— Но возможно, я отвлекла тебя, как-то вмешалась в твои мысли?

— Ерунда.

— Я немного прогуляюсь, а ты тем временем напиши другую картину.

— Нет, Сэрайс. И эта получилась отлично. Чем больше я смотрю на нее, тем больше она мне нравится. Знаешь что: давай пойдем домой, поплаваем, съедим двикки и займемся любовью. Как тебе такой план?

Он снял холст с подрамника и скатал его в трубочку. Но ее слова подействовали на него сильнее, чем он был готов признать. Вне всякого сомнения, в процесс его живописи вмешалось нечто странное. Что, если она все же сумела каким-то образом повлиять на него, если скрытая за очаровательной внешностью молодой женщины сущность души метаморфа каким-то образом отразилась в его собственной душе, окрасив им-

пульсы его сознания чуждым оттенком…

Они молча шли вдоль речки. А когда оказались на лугу, где росли болотные лилии и где Нисмайл впервые увидел метаморфа, он вдруг как бы со стороны услышал свой голос:

— Сэрайс, я должен у тебя кое-то спросить.

— Что?

Он не хотел задавать этого вопроса, но не мог сдержаться.

— Ты не человек, не так ли? На самом деле ты метаморф, правда?

Она посмотрела на него широко раскрытыми наивными глазами, ее щеки зарделись.

— Ты говоришь серьезно?

Он кивнул.

— Я — метаморф? — Она рассмеялась, но не очень убедительно. — Какая дикая мысль!

— Ответь мне, Сэрайс. Посмотри мне в глаза и ответь.

— Терион, отвечать на такой дурацкий вопрос просто глупо.

— Прошу тебя.

— Ты хочешь, чтобы я доказала, что я человек? Но как мне это сделать?

— Я хочу, чтобы ты сказала мне, что являешься человеком. Или же кем-нибудь еще.

— Я человек, — сказала она.

— И я могу этому верить?

— Это уже твое дело. Ты просил, чтобы я ответила, и я ответила. — Ее глаза сияли радостным блеском. — Разве я кажусь не человеком? Разве я веду себя не по-человечески? Я похожа на подделку?

— Возможно, я не в состоянии уловить разницу.

— А почему ты решил, что я метаморф?

— Потому что в этих джунглях живут только метаморфы. По– моему, логично. Даже несмотря на то… даже… — Нисмайл замялся. — Ладно, хватит. Я получил ответ на свой вопрос. Это было действительно глупо с моей стороны. Оставим эту тему. Ладно?

— Какой-то ты странный! Ты, наверное, рассердился на меня. Ты считаешь, что я испортила твою картину.

— Это не так.

— Ты не умеешь врать, Терион.

— Хорошо. Что-то — не знаю что — испортило мою картину. У меня получилось совсем не то, что я представлял.

— Тогда нарисуй другую.

— Так и сделаю. Позволь мне нарисовать тебя,

Сэрайс.

— Я уже говорила тебе: не хочу.

— Но мне это нужно. Я должен увидеть, что происходит в моей собственной душе, и единственный способ выяснить это…

— Нарисуй двикковое дерево, Терион. Нарисуй хижину.

— Но почему бы мне не нарисовать тебя?

— Это будет мне неприятно.

— Ты все время крутишься вокруг да около. Ну что может быть в живописи такого…

— Пожалуйста, Терион.

— Ты боишься, что я увижу тебя и представлю на холсте в таком виде, который тебе не понравится? Я прав? Что, нарисовав тебя, я получу другой ответ на мой вопрос?

— Ну, пожалуйста…

— Позволь мне нарисовать тебя.

— Нет.

— Объясни почему.

— Я не могу, — беспомощно сказала она.

— Тогда ты не можешь отказаться. — Он принялся доставать холст из мешка. — Прямо сейчас, здесь, на лугу. Ну же, Сэрайс. Встань около ручья. Это займет всего несколько минут…

— Нет, Терион.

— Сэрайс, если ты любишь меня, то не станешь больше отказываться.

Это была неуклюжая попытка шантажа, и он сам устыдился своих слов. А Сэрайс они возмутили: Нисмайл увидел в ее глазах жесткий блеск, которого никогда не замечал прежде. Они долго и напряженно смотрели друг на друга. Наконец Сэрайс холодно, без выражения, произнесла:

— Не здесь, Терион. В хижине. Раз ты настаиваешь, я позволю тебе нарисовать меня там.

За весь оставшийся путь оба не проронили ни слова.

Нисмайл уже и рад был бы отказаться от своего решения. Он силой вынудил ее согласиться и почти жалел о том, что не может отступить с выигранной позиции. Но возврата к легким гармоничным отношениям первых дней быть уже не могло, и он должен был получить так необходимые ему ответы. Чувствуя себя неловко и скованно, он начал готовить холст.

— Где мне встать? — спросила она.

— Где угодно. Над ручьем. Возле хижины.

Ссутулившись, шаркая ногами, она поплелась к хижине. Нисмайл кивнул и, ощущая на душе неимоверную тяжесть, начал готовиться к входу в транс. Сэрайс с негодованием смотрела на него.

В глазах у нее стояли слезы.

— Я люблю тебя, — во весь голос прокричал Нисмайл. Последнее, что он успел увидеть, прежде чем веки его сомкнулись, была внезапная перемена, произошедшая с Сэрайс: ее сутулость исчезла, плечи расправились, глаза ярко вспыхнули, на губах заиграла улыбка…

Когда спустя несколько секунд он открыл глаза, картина была готова, а Сэрайс робко смотрела на него, стоя в дверях хижины.

— Ну как? — спросила она.

— Взгляни сама.

Она подошла и встала рядом. Но не успела она поднять глаза на свой портрет, как Нисмайл крепко обнял ее за плечи. Она вздрогнула всем телом и прижалась к нему.

На картине на хаотическом беспредметном фоне из неправильных форм красных оранжевых и розовых пятен была изображена женщина с человеческими глазами, но ртом и носом метаморфа.

— Теперь ты узнал то, что хотел? — спокойно спросила она.

— Это тебя я видел там, на лугу? И еще два раза?

— Да.

— Но почему?..

— Ты заинтересовал меня, Терион. Мне захотелось узнать о тебе как можно больше. Я никогда не встречала никого, сколько-нибудь похожего на тебя.

— Я все еще не могу поверить, — прошептал он.

Она указала на картину.

— Тогда поверь этому, Терион.

— Нет. Нет.

— Ты получил ответ.

— Но я же знаю, что ты человек. Живопись лжет.

— Нет, Терион.

— Тогда докажи мне! Изменись! Прямо сейчас. — Он выпустил ее и отступил на шаг назад. — Ну же. Изменись! Ради меня!

Сэрайс окинула его печальным взглядом. И внезапно, без какого-либо уловимого перехода — как и когда-то давным-давно, — превратилась в точную копию его самого: последнее доказательство, безмолвный ответ. Нисмайл почувствовал, что у него задергалась щека, но продолжал не мигая наблюдать за ней, и она снова изменилась, превратившись на сей раз в нечто ужасающее и чудовищное — в кошмарное серое рябое су-

щество, похожее на воздушный шар, с дряблой кожей, глазами как блюдца и крючковатым черным клювом; а потом она приняла облик высокого метаморфа с невыразительным, лишенным черт лицом… И наконец снова превратилась в Сэрайс, юную женщину с ниспадающими на плечи и вдоль спины темно-рыжими волосами, тонкими руками, полными сильными бедрами.

— Нет, — сказал он. — Не так. Не нужно больше подделок.

Она снова стала метаморфом.

Он кивнул.

— Да. Так лучше. Такой и оставайся. Так красивее.

— Ты сказал, красивее, Терион?

— Да, ты красивая. Вот такая. В своем собственном облике. Обман всегда уродлив.

Он взял ее за руку и увидел на ней шесть пальцев, очень длинных, лишенных ногтей и заметных суставов. Кожа у нее была шелковистой и чуть глянцевой — нисколько не неприятной, как он ожидал. Нисмайл слегка погладил руками тонкое, почти бесплотное тело женщины. Она оставалась неподвижной.

— Теперь я должна уйти, — сказала она наконец.

— Останься. Живи здесь, со мной.

— Даже теперь?

— Даже теперь. В своем настоящем облике.

— Ты все еще хочешь меня?

— Очень, — ответил он. — Ну как, останешься?

— Когда я впервые пришла к тебе, — заговорила она, — то хотела лишь посмотреть на тебя, изучить поближе, позабавиться, посмеяться, возможно даже поиздеваться над тобой. Ты враг, Терион. Ваша раса, должно быть, навсегда останется враждебной и чуждой нам. Но когда мы стали жить вместе, я увидела, что нет никакой причины ненавидеть тебя. Не всех людей вообще, а тебя — отдельного человека. Ты меня понимаешь? — Из уст чуждого существа звучал голос Сэрайс. Как странно, как похоже на сон… — И я захотела остаться с тобой, — продолжала она. — Сделать эту игру вечной. Но забаве пришел конец. И несмотря ни на что, я все так же хочу остаться с тобой.

— Ну так оставайся, Сэрайс.

— Только если ты на самом деле этого хочешь.

— Я уже сказал тебе.

— Ты не боишься меня?

— Нет.

— Нарисуй меня снова. Терион. Подтверди свои

слова живописью. Пусть картина покажет мне твою любовь, Терион, и тогда я останусь.

Снова и снова, день за днем, Нисмайл рисовал ее, пока не использовал все имевшиеся холсты. Все портреты он развесил по стенам хижины: Сэрайс возле двиккового дерева, Сэрайс на лугу, Сэрайс, полускрытая густым вечерним туманом, Сэрайс в сумерках, зеленоватая на фиолетовом. Он попытался изготовить новые холсты, но у него ничего не получилось. Впрочем, это теперь не имело значения. Они стали совершать длинные прогулки вдоль многочисленных ручьев и речек, забирались в отдаленные части леса, и она показывала ему деревья, цветы и обитателей джунглей: зубастых ящериц, золотых земляных червей и мрачных тяжелых аморфиботов, спавших целыми днями на дне илистых озер. Они мало разговаривали друг с другом: время вопросов и ответов миновало и в словах больше не было необходимости.

Так день шел за днем, неделя за неделей… в этой стране, где не было времен года, трудно было наблюдать ход времени. Возможно, прошел месяц, а возможно, и все шесть. Они не встречали никого. В джунглях было полно метаморфов, сказала она ему, но они держались на расстоянии, и

она надеялась, что их навсегда оставят в покое.

Однажды под вечер, когда шел проливной дождь, он отправился проверить ловушки, а возвратившись через час, сразу же почувствовал неладное. Из хижины вышли четыре метаморфа. Он был уверен, что Сэрайс среди них, но не мог отличить ее от остальных.

— Подождите! — крикнул, когда они двинулись к лесу, и побежал следом. — Что вам нужно от нее? Отпустите ее! Сэрайс? Сэрайс?!! Кто они такие? Чего они хотят?

Один из метаморфов чуть замедлил шаг, и художник увидел девушку с темно-рыжими волосами, но это продолжалось лишь мгновение, и вновь четыре метаморфа удалялись от него, скользя подобно призракам среди деревьев. Дождь припустил сильнее, наползла густая полоса тумана, и уже невозможно было разглядеть что-либо в нескольких ярдах. Нисмайл остановился на краю поляны, напряженно вслушиваясь, пытаясь уловить хоть какие-нибудь звуки, кроме грохота дождя и плеска ручья. То ему казалось, что он слышал плач, то — крик боли, но это могли быть и случайные лесные шумы. В непроницаемой пелене густого молочно-белого тумана не было никакой надежды догнать метаморфов.

Он больше не видел ни Сэрайс, ни какого-либо другого метаморфа. Некоторое время он ожидал, что вот-вот натолкнется в лесу на меняющих форму и они убьют его своими блестящими деревянными кинжалами, поскольку теперь одиночество стало для него невыносимым. Но ничего не происходило, и когда он наконец понял, что остался в своего рода карантине, отрезанный не только от Сэрайс — если она все еще жива, — но и всего народа метаморфов, он не смог дольше оставаться на поляне возле ручья. Он свернул в рулон все портреты Сэрайс, тщательно разобрал свою хижину и отправился в длительное и рискованное путешествие — назад, к цивилизации. За неделю до своего пятидесятого дня рождения он достиг подножия Замковой горы. Как выяснилось, пока он отсутствовал, лорд Трайм стал понтифексом, а новый корональ, лорд Вильдивар, не испытывал большой симпатии к искусствам. Нисмайл арендовал в Сти студию на берегу реки и снова занялся живописью. Теперь он работал только по памяти, изображая мрачные и тревожные сцены из жизни джунглей, и часто где-то на среднем плане можно было разглядеть фигуры метаморфов. Такого рода работы вряд ли могли завоевать популярность в таком веселом и

несколько легкомысленном мире, как Маджипур, и на первых порах покупателей у Нисмайла было немного. Но спустя непродолжительное время его картины поразили воображение герцога Квирайна, уставшего от солнечной ясности и совершенных пропорций. Благодаря патронажу герцога работы Нисмайла вновь вошли в моду в высшем свете, и на склоне лет художника все его новые работы раскупались мгновенно.

Ему очень многие подражали, но никто не достиг успеха; его имя постоянно было на устах критиков и биографов.

— Ваши картины настолько сумбурны и странны, — сказал ему один ученый. — Неужели вы изобрели какой-то способ, благодаря которому можете переносить на холст свои сновидения?

— Я работаю только по памяти, — отрезал Нисмайл.

— Осмелюсь предположить, что в вашей памяти скрыто нечто болезненное.

— Ни в малейшей степени, — ответил Нисмайл. — Вся моя работа преследует единственную цель: попытаться вернуть время радости, время любви, самый счастливый и драгоценный период моей жизни. — Говоря это, он смотрел мимо собеседника, вглядываясь в стелив-

шуюся вдали пелену тумана, густого и мягкого, как шерсть; туман бесшумно растекался между могучими стволами высоких стройных деревьев, связанных между собой запутанной сетью лиан.

Часть VII
Преступление и наказание

Эта история словно вернула Хиссуна обратно, к первому посещению архива. Еще один лесной роман: отношения между человеком и нечеловеком — и все почти так же, как было у Тесме и гэйрога. Однако сходство исключительно поверхностное — уж больно разными были люди, да и обстоятельства оказались совсем несхожими. Хиссун покидает Регистр памяти душ с ощущением, что в общем и целом он понимает Териона Нисмайла. Как ему удалось выяснить, некоторые из работ живописца до сих пор можно увидеть в галереях замка лорда Валентина. Но метаморфы все так же остаются для него тайной; возможно, столь же великой, какой они были и для Нисмайла. Он проверяет каталог в поисках записей воспоминаний метаморфов и без всякого удивления выясняет, что таковых в нем не имеется. То ли меняющие форму отказывались оставлять свои воспоминания, то ли аппараты не были способны воспринимать эманацию их разумов, а может быть, их записи просто-напросто не разрешалось

хранить? Хиссун этого не знает и едва ли когда-нибудь узнает. Со временем, говорит он себе, все вопросы получат ответы. А пока что ему необходимо прояснить для себя еще очень многое. Например, деятельность Короля Снов — об этом ему почти ничего не известно. На протяжении тысячи с лишним лет основной обязанностью потомков Барджазида было терзать мысли спящих преступников. Как это происходит? Хиссун обшаривает архив, и вскоре удача благосклонно предоставляет ему запись поставившего себя вне закона человека, сухо поименованного как торговец из города Сти…

Совершить убийство оказалось удивительно легко. Маленький Глейм стоял перед открытым окном крохотной комнаты на верхнем этаже таверны в Вугеле, где у них с Халигомом была назначена встреча. Халигом расположился возле кушетки. Переговоры не ладились. Халигом попросил Глейма подумать еще раз.

— Вы тратите впустую мое и свое время, — пожал плечами Глейм. — Я не слышу от вас никаких разумных доводов.

В этот момент Халигому показалось, что Глейм и только Глейм стоял между ним и той спокойной жизнью, которую он, по собственному глубокому

убеждению, заслужил, что Глейм был его врагом, его Немезидой, его гонителем. Халигом неторопливо подошел к ничего не подозревавшему собеседнику и внезапным плавным движением перекинул его через подоконник.

На лице Глейма появилось изумленное выражение. Удивительно долгое мгновение он висел в воздухе, как будто что-то поддерживало его, а затем полетел в стремительную реку, протекавшую под самой стеной таверны, почти без всплеска упал в воду и сразу же был увлечен течением в сторону отдаленных предгорий Замковой горы. Спустя несколько мгновений его уже невозможно было разглядеть.

Халигом посмотрел на свои ладони, как будто увидел их впервые, как будто они только что выросли на его запястьях. Он не мог поверить, что они сделали то, что сделали. Он снова увидел себя идущим к Глейму; снова увидел изумленное лицо Глейма, повисшего в воздухе; снова увидел Глейма, исчезавшего в темной реке. Вероятно, Глейм был уже мертв. Если же нет, то должен был умереть через минуту-другую. Халигом знал, что его рано или поздно найдут на каменистой отмели где-нибудь возле Канзилейна или Перимора и так или иначе определят, что это торговец

из Гимкандэйла, пропавший неделю или десять дней тому назад. Но неужели у кого-нибудь найдутся основания подозревать, что он был убит? Убийство — весьма редкое преступление. Он мог упасть в воду. Он мог спрыгнуть туда. Даже если кому-то удастся доказать — одно Божество ведает как, — что жизнь Глейма оборвана насильственным способом, то все равно, разве удастся им обнаружить, что Сигмар Халигом, прибывший из города Сти, выбросил его из окна таверны в Вугеле? Этого не может быть, убеждал себя Халигом. Но слова не могли изменить истинной сути ситуации, которая состояла в том, что Глейм убит, а Халигом стал его убийцей.

Убийцей? Это новое звание удивило Халигома. Он прибыл сюда не для того, чтобы убить Глейма, а лишь для переговоров с ним. Но переговоры не задались с самого начала. Глейм, маленький въедливый человечек, наотрез отказался признавать свою ответственность за поставку дефектного оборудования и заявил, что, судя по всему, вина лежит на приемщиках Халигома. Он отказался не только платить, но даже проявить хоть какое-то понимание и сочувствие относительно трудностей, возникших по его вине в финансовых делах Халигома. И пока Глейм произносил свою

речь — мягкий, но непреклонный отказ, — он, казалось, все больше раздувался от важности, пока его фигура не заполнила собой буквально весь горизонт. Все в нем было неприятно Халигому, и он желал лишь избавиться от мерзкого человечка, чего бы ему это ни стоило. Если бы он приостановился, чтобы подумать о своем поступке и его последствиях, он, конечно, не стал бы выбрасывать Глейма из окна, ибо Халигом ни в коей мере не испытывал тяги к насилию. Но он не сделал ни того ни другого, и теперь Глейм был мертв, а жизнь Халигома кардинальным образом изменилась: за какую-то секунду он из Халигома — коммерсанта, торговавшего точными инструментами, превратился в Халигома-убийцу. Как неожиданно! Как странно! Как ужасно!

И что теперь будет?

Халигом почувствовал озноб; его затрясло, как от холода, и в то же время он весь покрылся потом, а в горле пересохло. Он закрыл окно и опустился на кушетку. Он понятия не имел о том, что нужно сделать дальше. Пойти и сообщить о происшедшем имперским чиновникам? Признаться, сдаться властям и отправиться в тюрьму — или где там держат преступников? Он совершенно не был готов ни к какому действию.

Ему доводилось читать предания глубокой старины, древние мифы и сказки, старые истории о преступлениях и карах, но, насколько ему было известно, об убийствах давно уже забыли, и пути их расследования, равно как и способы искупления, наверное, напрочь исчезли из памяти, рассыпались в прах. Он ощущал себя доисторическим человеком, первобытным существом. В известной истории о морском капитане, возглавлявшем в давно минувшие дни злополучную экспедицию, намеревавшуюся пересечь Великий океан, рассказывалось о том, как он выбросил за борт сошедшего с ума члена экипажа, после того как тот убил кого-то еще. Такие рассказы всегда казались Халигому неправдоподобными и дикими. Но теперь он с бездумной легкостью сам превратил себя в такую же легендарную фигуру, в монстра, отнимающего человеческие жизни. Ему никогда уже не вернуться к прежнему состоянию.

Первое, что необходимо сейчас сделать, это выбраться из таверны. Если кто-нибудь видел падение Глейма — что, впрочем, маловероятно, так как таверна стояла на самом краю обрыва над рекой, а Глейм выпал через обращенное к реке окно и был сразу же подхвачен стремительным

потоком, — то не имело никакого смысла сидеть здесь, дожидаясь появления стражи. Он быстро упаковал свой чемоданчик, убедился, что ничего из вещей Глейма в комнате не осталось, и спустился вниз. За столом портье сидел хьорт.

— Я хотел бы рассчитаться, — сказал Халигом, вынув несколько крон.

Ему захотелось немного поболтать с портье, но он подавил это желание. Это был самый неподходящий момент для остроумных замечаний, которые могли бы отпечататься в памяти хьорта. «Расплачивайся по счету и поскорее убирайся», — мысленно приказал себе Халигом. Мог ли хьорт знать, что приезжий из Сти принимал в своей комнате посетителя? Пусть так, но хьорт наверняка скоро забудет об этом, да и о самом приезжем из Сти тоже, если не возникнет повода особо запомнить постояльца. Портье быстро подсчитал сумму, Халигом пододвинул к нему несколько монет, хьорт заученно произнес: «Прошу вас снова посетить нас», Халигом так же механически что-то ответил — и вот он уже оказался на улице и бодрым шагом удаляется от реки. Со стороны Горы дул довольно сильный приятный ветер. Солнечный свет был ярким и теплым.

Халигом уже несколько лет не бывал в Вуге-

ле и в другое время с удовольствием потратил бы несколько часов на посещение знаменитой площади, украшенной драгоценными камнями, или изучение прославленных фресок, изготовленных психоживописцами, и других местных чудес. Но сейчас был неподходящий момент для осмотра каких-либо достопримечательностей. Он поспешил на вокзал и купил билет до Сти. И, пока он ехал от города к городу, огибая Замковую гору, в его душе все глубже укоренялись страх, неуверенность, вина и стыд.

При виде знакомых предместий Сти он испытал некоторое облегчение. Быть дома означало быть в безопасности. И по мере того, как он все дальше углублялся в этот гигантский город, он чувствовал себя все спокойнее и уютнее. Мощная река, давшая название городу, стремительно неслась с высот Горы. Здесь на милю протянулись гладкие светлые фасады Дома-на-набережной, сорок этажей которого, казалось, пытались соперничать с возносившейся неподалеку колоссальной стеной Замковой горы. Здесь были мост Кинникена, Башня Тимина, Поле Великих Костей. Дом! Сверхъестественная жизненная сила и мощь Сти, вливавшаяся в него, пока он добирался от центрального вокзала до своего пригородного

района, в чрезвычайной степени успокоили его. Вне всякого сомнения, здесь, в крупнейшем городе Маджипура — еще сильнее разросшемся за последнее время благодаря покровительству своего уроженца, ставшего теперь короналем лордом Кинникеном, — Халигом был в полной безопасности от мрачных последствий — какими бы они ни были — непостижимого поступка, словно в приступе лунатизма совершенного им в Вугеле.

Он расцеловал жену, двух юных дочерей и крепыша сына. Они, похоже, сразу же заметили его усталость и напряжение, так как с первых же минут начали вести себя с подчеркнутой деликатностью, словно он во время поездки обрел какую-то неестественную хрупкость. Они подали ему шлепанцы, принесли вино и трубку, старались предугадать любое его желание, всем своим видом излучая любовь и доброжелательность; они не задавали ему никаких вопросов о том, как прошла поездка, а развлекали его местными сплетнями. И только после обеда он заставил себя произнести:

— С Глеймом, похоже, удалось обо всем договориться. Так что есть основания надеяться на лучшее. — И сам почти поверил в свои слова.

Можно ли связать это убийство с его персоной, если он будет сохранять полнейшее спокойствие по этому поводу? Он был почти уверен, что свидетелей не было. Власти без всякого труда смогут установить, что они с Глеймом решили встретиться в Вугеле — на нейтральной почве, — чтобы обсудить деловые разногласия, но что это доказывало? «Да, я видел его в такой-то и такой-то таверне около реки, — мог сказать Халигом. — Мы позавтракали вместе, изрядно выпили, достигли согласия по всем вопросам, а затем я ушел. Должен сказать, что, когда мы распрощались, он нетвердо держался на ногах». И бедняга Глейм, одурманенный и разгоряченный чересчур крепким для него добрым малдемарским вином, вероятно, слишком далеко высунулся из окна; возможно, он хотел получше рассмотреть каких-нибудь элегантных господ, проплывавших в лодке по реке… Нет, нет, пусть все предположения они делают сами, прервал ход своих мыслей Халигом. «Мы встретились за завтраком, пришли к соглашению, а потом я ушел», — и ни слова больше. Ну и кто сможет доказать, что события происходили иначе?

На следующий день он возвратился в контору и занялся своими делами, как будто в Вугеле не

случилось ничего необычного. Он не мог позволить себе такой роскоши, как размышления о своем преступлении. Положение его было шатко, угроза банкротства представлялась весьма реальной, он перерасходовал кредиты, доверие к нему со стороны партнеров, как это ни печально, продолжало падать. И все, все это — дело рук Глейма! Стоит только один раз отправить дрянной товар, и, как бы безупречно ты себя ни вел в прошлом и в дальнейшем, страдать из-за этого придется долго. Он не получил никакой компенсации от Глейма, а теперь полностью лишился всякой надежды на возмещение ущерба. Оставался единственный путь спасения: самоотверженной работой попытаться вернуть себе доверие тех, кого он издавна снабжал точными инструментами, и при этом приложить все силы к тому, чтобы успокоить кредиторов до тех пор, пока положение не выправится.

Но избавиться от мыслей о Глейме оказалось не так-то просто. На протяжении нескольких следующих дней его имя звучало чуть ли не ежечасно, и Халигом был вынужден внимательно следить за собой, чтобы как-нибудь неосторожно себя не выдать. Все, с кем он имел торговые дела, казалось, понимали, что Глейм пытался оставить

Халигома в дураках, и все старались так или иначе выказать сочувствие пострадавшему от этого обмана. Само по себе это действовало ободряюще и было даже приятно. Но ситуация, когда каждый разговор в конечном счете сводился к Глейму — к несправедливости Глейма, мстительности Глейма, скаредности Глейма, — постоянно выводила Халигома из равновесия. Это имя действовало на него, как спусковой механизм на тетиву арбалета. «Глейм!» — и он замирал на месте. «Глейм!» — и его щека начинала дергаться. «Глейм!» — и он резким движением прятал за спину руки, как будто от них по-прежнему исходил запах мертвеца. Как-то в минуту крайней усталости ему представилось, как он говорит одному из клиентов: «Знаете, а ведь это я убил его! Я столкнул его из окна, когда мы встретились в Вугеле…» Как легко эти слова могли бы сорваться с его губ, позволь он только себе расслабиться!

Он подумывал о том, что следует совершить паломничество на Остров Сна и очистить этим свою душу. Возможно, позже, но не теперь: он должен посвятить все свои силы и время торговым делам, в противном случае его фирму ждет неминуемая гибель, а его семья окажется в нищете. Он думал также и о том, чтобы сдаться властям и попытать-

ся договориться с ними как-нибудь так, чтобы ему позволили искупить вину за преступление без прекращения коммерческой деятельности. Может быть, это было бы и хорошо — хотя что хорошего он мог позволить себе теперь? И разве власти с легкостью пойдут на это? В конце концов он не стал делать ничего и только постарался выбросить убийство из головы. В течение недели или дней десяти у него это действительно получалось. А затем начались сны.

Первый из них Халигом увидел в Звездный день второй недели лета и сразу же понял, что это послание, причем самого мрачного и угрожающего рода. Ночь уже шла к концу — было время самого глубокого сна, когда сознание полностью отрешается от забот минувшего дня, но еще не настраивается на встречу рассвета. Халигом обнаружил, что идет по полю, усеянному блестящими и скользкими желтыми зубами, вминавшимися под его ногами в землю. Воздух противно пах болотом и был неприятного серого оттенка; с неба свисали тягучие ленты какой-то сырой мясистой пакости, они то и дело задевали его щеки и руки, оставляя липкие следы, обжигая дергающей болью. В ушах звенело от резкой напряженной тишины зловещего послания — этот звон словно

бы говорил, что мир взят на туго, чересчур туго натянутые поводья, — и кроме того, откуда-то издалека доносился еле слышный, но отчетливый издевательский смех. С неба лился невыносимо яркий, опаляющий свет. До него вдруг дошло, что наклонная равнина под ногами — это чей-то рот… Скорее всего одного из тех отвратительных чудовищных плотоядных цветов из отдаленного Зимроэля, которые он когда-то видел на выставке диковинок в павильоне, выстроенном лордом Кинникеном. Но те цветы были диаметром лишь в три или четыре ярда, а этот по размерам посоперничал бы с целым пригородом… Халигом со всех ног побежал прочь от его дьявольского жерла, но его усилий хватало лишь на то, чтобы не соскользнуть вниз, в усеянную беспощадными зубами пасть.

Значит, вот как это будет, подумал он, на мгновение отрешаясь от сновидения и мрачно рассматривая его как бы со стороны. Это лишь первое послание; отныне и всегда меня будет мучить Король Снов.

Он не мог никак и никуда укрыться от ужаса происходящего. У зубов были глаза, и глаза эти были глазами Глейма… Халигом карабкался вверх по склону, соскальзывал, потел… вот он

рванулся вперед и сорвался, и скатился на край этих безжалостных зубов, и они ухватили его за руку… А когда ему все же удалось подняться на ноги, он увидел, что окровавленная кисть принадлежит вовсе не ему, но превратилась в маленькую бледную руку Глейма и выглядит на его запястье совершенно чуждо. И снова Халигом упал, и снова зубы вцепились в него, и снова с его телом произошла кошмарная перемена… и снова, и снова, и снова это повторялось… И он бежал вверх, рыдая и стеная — наполовину Глейм, наполовину Халигом, — пока не вырвался из сна и не обнаружил, что сидит на постели, дрожа всем телом, и словно спасательный круг стискивает бедро изумленной супруги.

— Что ты делаешь? — пробормотала она. — Мне больно. В чем дело? Что случилось?

— Сон… Кошмарный…

— Послание? — спросила она. — Да, наверное, послание. Я, кажется, улавливаю его оттенок в запахе твоего пота. О, Сигмар, что же все-таки случилось?

Халигом продолжал дрожать с головы до ног.

— Съел что-нибудь не то. Наверное, мясо морского дракона… Оно сразу показалось мне слишком пересушенным, слишком старым…

Нетвердо держась на ногах, он поднялся с кровати и налил себе немного вина. Выпитое помогло ему успокоиться. Жена вытерла ему вспотевший лоб, долго гладила и обнимала его, пока он не расслабился немного, но все равно не решился снова заснуть и лежал с открытыми глазами до самого рассвета, глядя в серый полумрак. Король Снов! Так вот что должно было стать его карой. Перспективы отнюдь не радужные. Он всегда считал Короля Снов сказочным персонажем, придуманным для устрашения непослушных детей. Да-да, в народе говорили, что он живет в Субраэле, что в семействе Барджазидов этот титул передается по наследству, что Король и его приближенные по ночам просеивают мысли спящих в поисках прегрешений и, находя недостойные души, подвергают их мучениям. Но так ли все на самом деле? Никто из знакомых Халигома не получал послания от Короля Снов. Однажды ему самому показалось, что пришедшее к нему видение — это послание от Хозяйки Острова, но он не был уверен в этом; к тому же он знал, что оно должно было быть совсем не похожим на то, которое явилось ему. Было хорошо известно, что послания Повелительницы отличаются обобщенностью. Король Снов, как

считалось, мог причинять реальную боль; но был ли Король Снов в состоянии на самом деле контролировать десятки миллиардов разумных существ, населявших планету, из которых далеко не все вели добродетельную жизнь?

«Возможно, это всего лишь расстройство желудка», — пытался успокоить себя Халигом.

Две следующие ночи прошли спокойно, и он разрешил себе поверить в то, что его сон был всего лишь не более чем случайностью, аномалией. В конце концов, Король действительно может оказаться персонажем из сказки. Но во Второй день он вновь получил послание — усомниться в этом было просто невозможно.

Тот же самый негромкий звенящий звук. Тот же жестокий ослепляющий свет… Многочисленные образы Глейма; смех, отзывающийся эхом со всех сторон; растягивающаяся и сжимающаяся ткань космоса; мучительное головокружение, вовлекающее его дух в ужасающую круговерть. Халигом заскулил. Он зарылся лицом в подушку так, что еле-еле мог дышать. При этом он не осмеливался проснуться, так как знал, что в этом случае не сможет скрыть свое состояние от жены, а она наверняка предложит ему пойти к толковательнице снов, на что он решиться никак не

мог. Любая толковательница, если только, конечно, она не выманивает деньги у посетителей бессовестным обманом, сразу же поймет, что с ее душой соединилась душа преступника, — и что тогда будет с ним? Поэтому он вытерпел этот кошмар до конца и только тогда проснулся и лежал, дрожа, не в силах пошевелить ни рукой, ни ногой, пока не рассвело.

Таков был кошмар Второго дня. А в Четвертый день было еще хуже. Халигом вдруг взлетел высоко в воздух, и опустился вниз, и оказался наколотым на вершину Замковой горы — острую, как копье, и холодную, как лед, и лежал там нескончаемо долгие часы, и все это время птицы гихорны с лицами Глейма раздирали его живот и поливали кровоточащие раны блестящими на солнце каплями помета. В ночь Пятого дня он спал довольно сносно, хотя и оставался все время в напряжении, ожидая прихода сновидений, Звездный день тоже не принес никаких посланий, а в Солнечный день он обнаружил себя плавающим в океанах комковатой крови, и при этом у него выпадали зубы, а пальцы превращались в полоски расползавшегося прямо на глазах теста; Лунный день и Второй день подарили ему хотя и чуть более умеренные, но все же ужасные

кошмары, а утром Морского дня жена сказала:

— Твои кошмары продолжаются до сих пор. Сигмар, что ты сделал?

— Сделал? Ровным счетом ничего!

— Я чувствую, что тебя каждую ночь посещают послания.

Он пожал плечами.

— Силы, управляющие нами, допустили какую-то ошибку — это непременно случается время от времени, — и сны, предназначенные мальчишке-хулигану из Пендивэйна, пришли к торговцу точными инструментами, живущему в Сти. Рано или поздно они обнаружат ошибку и оставят меня в покое.

— А если они этого не сделают? — Она искоса окинула его проницательным взглядом. — И если эти сны на самом деле предназначены тебе?

Не могла ли она знать правду? — подумал он. Ей было известно, что он поехал в Вугел для переговоров с Глеймом; возможно, хотя в это трудно поверить, ей удалось узнать, что Глейм так и не вернулся из этой поездки домой, в Гимкандэйл, ну а теперь ее муж получает послания от Короля Снов: она могла без всякого труда довести эту цепочку фактов до логического заключения. Могло ли такое произойти? И если да, то как она

поступит? Выдаст собственного мужа? Хотя она любила его, но все же вполне могла пойти на это, так как, покрывая убийцу, она рисковала навлечь гнев Короля Снов и на собственную голову.

— Если эти сны не прекратятся, — сказал он, — я обращусь к чиновникам понтифекса с просьбой о защите от несправедливости.

Конечно, он не собирался искать защиты у властей. Вместо этого он попытался вступить в схватку со своими снами и смирить их, чтобы не возбуждать никаких подозрений в спавшей подле него женщине. Перед тем как лечь в постель он сосредоточился и приказал себе сохранять спокойствие, равнодушно принимать любые видения, какие только могут прийти к нему, воспринимать их как не более чем фантазии, порожденные встревоженной душой, а не как факты, с которыми необходимо бороться. И все же, обнаружив, что бредет через алое море огня, время от времени погружаясь в пламя по щиколотку, он не смог сдержать крик; а когда из его плоти, прорывая кожу, вдруг стали расти иглы, так что он стал похож на манкулейна, этого зверя жарких стран, к которому невозможно прикоснуться не уколовшись, он заскулил во сне и запросил пощады; когда же он прогуливался по

прекрасным садам лорда Хэвилбоува на Барьере Толингар и безупречные кусты вокруг него превратились в волосатые уродливые предметы или существа с угрожающе оскаленными зубами, он расплакался и покрылся густым липким потом — матрац еще долго хранил его запах. Жена больше ни о чем его не спрашивала, а лишь подолгу наблюдала за ним с тревогой в глазах. Ему казалось, что на языке у нее постоянно вертится вопрос: как долго еще он намерен допускать это насилие над своей душой?

Халигом перестал справляться с делами. Кредиторы все сильнее донимали его; изготовители инструментов стали требовать авансы под поставки товара, клиенты засыпали его жалобами, и они скапливались на столе в конторе, словно кучи увядающих осенних листьев. Он, скрываясь от знакомых, рылся в библиотеках в поисках материалов о Короле Снов и его власти, словно подцепил какую-то малоизвестную болезнь и пытался найти всевозможные сведения о ней, без которых не могло быть надежды на излечение. Но информация оказалась скудной и крайне примитивной: Король был одной из четырех Сил, или Властей, составлявших систему управления Маджипуром, и по своему рангу не уступал пон-

тифексу, короналю и Хозяйке Острова. Вот уже в течение сотен лет его основная задача состояла в наказании виновных.

«Но ведь суда не было!» — мысленно воскликнул Халигом, хотя понимал, что суд в данном случае не имеет ровным счетом никакого значения. Король, несомненно, тоже знал об этом. И, по мере того как ужасные сновидения продолжали посещать Халигома, изматывая его душу, раздирая его нервы на тоненькие болезненные ниточки, он все яснее видел, что у него нет никакой надежды в попытках противоборства этим посланиям. Его жизни в Сти пришел конец. Один момент затмения, один несдержанный порыв — и он превратил себя в изгоя, обреченного на скитания по необъятным просторам планеты в поисках места, где можно было бы скрыться.

— Мне нужно отдохнуть, — заявил он жене. — Я отправлюсь в другие страны на месяц-другой; наверное, это поможет мне восстановить душевный покой.

Он отозвал сына в сторону — уже не юношу, но мужчину, вполне способного справиться с серьезным делом, — и передал тому все дела, за какой-нибудь час растолковав ему те законы, на познание которых ему самому потребовалось

потратить полжизни. После чего, взяв с собой очень небольшую сумму наличными — все, что он мог позволить себе изъять из оскудевшего бюджета, — он занял место в салоне третьего класса парящей повозки и покинул свой великолепный город, направившись куда глаза глядят. Оказалось, что конечный пункт маршрута повозки — Норморк, один из Городов Склона, кольцом охватывавших нижнюю часть Замковой горы. Во время поездки он решил никогда больше не называться своим настоящим именем и из Сигмара Халигома превратился в Миклана Форба. Но удастся ли с помощью этой хитрости обмануть Короля Снов?

Похоже, что удалось. Машина лениво ползла по склону Замковой горы через Нижний Санбрейк, плато Бибирун, Барьер Толингар, и каждую ночь, ложась спать в очередной гостинице, он со страхом стискивал подушку, но все сны, посещавшие его, были лишь обычными видениями утомленного и встревоженного человека, лишенными той болезненной напряженности, которая отличала послания Короля. Он с удовольствием отметил, что сады Барьера Толингар были тщательно распланированы и содержались в образцовом порядке — они нисколько не походили

на отвратительные пустоши, являвшиеся ему по ночам. Халигом начал понемногу успокаиваться. Он сравнил реальные сады с теми, что видел во сне, и с удивлением обнаружил, что, прежде чем преобразовать прекрасный вид в кошмарную декорацию, Король представил ему детальное и точное изображение садов. Но он никогда прежде их не видел и сделал вывод, что послание направляло ему в мозг целый массив данных, невзирая на то, были они знакомы ему или нет, при том что в обычных снах человек видит, пусть даже в необычном образе, то, что присутствует в его памяти.

Это послужило ответом на беспокоивший его вопрос. Он не знал, что делает Король: то ли он, находясь на другом конце планеты, высвобождает фрагменты темных глубин его подсознания, то ли, наоборот, внедряет в его разум образы, сотворенные какой-то неведомой простому смертному силой. Судя по всему, последняя догадка была ближе к истине. Но следующий вопрос. Кошмары явно были предназначены специально для Сигмара Халигома, сформированы знатоками своего дела с совершенно определенной целью — пробуждать и укреплять его персональные страхи. Чтобы справиться с такой работой, на

Сувраэле должен был иметься многочисленный персонал. Но это означало, что он находится под пристальным наблюдением и попытка скрыться обречена на провал. Поэтому он предпочел думать, что у Короля и его помощников имеется набор стандартных кошмаров — устрашающие зубы, сальные испражнения мерзких птиц, море огня… — которые безлично и механически в определенном порядке направляются каждому преступнику. Возможно, даже сейчас какие-нибудь ужасные фантомы витают над его пустой подушкой в Сти.

Оставив в стороне Дундилмир и Стипул, он наконец приблизился к Норморку, обнесенному неприступной стеной мрачному городу, взгромоздившемуся на огромные клыки Норморкского хребта. До сих пор он не сознавал отчетливо той мысли, что Норморк с его укреплениями, сложенными из циклопических глыб черного камня, обладает всеми качествами, которые требуются от убежища: защищенный, безопасный, неприступный. Но, конечно, даже стены Норморка не могли воспрепятствовать мстительным выпадам Короля Снов, понял он.

Сделанные из великолепно отполированного черного дерева, скрепленного коваными

железными полосами, врата Деккерета — проделанный в стене глаз высотой в пятьдесят футов, являвшийся единственной брешью в укреплениях, — как всегда, стояли открытыми настежь. Халигом предпочел бы увидеть их закрытыми и запертыми на все три замка, но этого не могло быть, так как лорд Деккерет, построивший эти врата на тридцатый год своего счастливого правления, постановил декретом, что они могут быть закрыты лишь при возникновении угрозы миру, а в эти дни весь Маджипур — за исключением одной лишь смятенной души бывшего Сигмара Халигома, принявшего имя Миклана Форба, — процветал под умелым управлением лорда Кинникена и понтифекса Тимина. Под именем Форба он нашел дешевое жилье в ближней к Горе части города, над которой второй стеной неизмеримой высоты возносился склон с обителью короналя на вершине.

Под тем же именем он устроился на работу в команду, которая ежедневно обходила городскую стену и выпалывала крепкий, похожий на проволоку сорняк, норовивший угнездиться между уложенными один на другой, не скрепленными никаким раствором камнями. Под именем Форба он каждую ночь ложился спать, со страхом

ожидая прихода кошмара, но посещавшие его на протяжении многих недель сновидения были всего лишь туманными и бессмысленными сонными грезами, какие может видеть любой. Девять месяцев он жил в Норморке, не смея радоваться тому, что скрылся от карающей руки, протянутой с Субраэля, и, как выяснилось, не зря: однажды ночью после прекрасного ужина с бутылкой изумительного темно-красного банниканниклольского вина он улегся в постель, впервые за время, начавшееся намного раньше его роковой встречи с Глеймом, ощущая себя совершенно счастливым. Но едва он погрузился в сон, пришло новое послание от Короля. Своим отравленным жалом оно пронзило его душу и истерзало ее омерзительными видениями деформирующейся плоти и потоков слизи. Когда сон закончился, он проснулся и заплакал, ибо убедился, что надолго скрыться от преследующей его Силы невозможно.

И все же как Миклан Форб он обрел целых девять месяцев покоя. На те небольшие деньги, которые ему удалось скопить за это время, он купил билет в расположенный еще ниже по склону Амблеморн, где стал Деграйлом Гиталином и зарабатывал десять крон в неделю, будучи

птицеловом в имении местного принца. Здесь он получил еще пять месяцев свободы от мучений — до той ночи, когда сон навалился на него полнейшей тишиной и ослепительным светом, а посреди этого безмолвного сияющего жестоким блеском мира возвышалась перегородившая всю вселенную арка из лишенных орбит глаз… и все эти глаза смотрели только на него.

Он спустился по реке Глэйдж к Макропросопосу, где под именем Огворна Брилла мирно прожил еще месяц, прежде чем его настиг кошмарный сон: кристаллы раскаленного добела металла словно волосы росли в его горле.

Он присоединился к каравану, отправлявшемуся через засушливые пустыни в расположенный в глубине континента торговый город Сайсивондэйл. Путешествие было рассчитано на одиннадцать недель. Король Снов нашел его на седьмую неделю и заставил с криком выбежать из палатки, вломиться в гущу каких-то сухих и твердых кустов и кататься среди них по земле. На сей раз, однако, это был не сон… Вырвавшись наконец из цепких зарослей, он обнаружил, что весь изранен: тут и там была с мясом содрана кожа, он распух от ожогов ядовитых шипов. Пришлось нести его на руках в ближайшую

деревню, где ему оказали помощь. Попутчики догадались о том, что его преследует Король Снов, и, не пожелав иметь такое соседство, оставили его в этой деревне. В конечном счете он все-таки сам добрался до Сайсивондэйла — скучного и бесцветного поселения, настолько не похожего на прекрасные города Замковой горы, что каждое утро, выходя на улицу, он не мог сдержать слез. Тем не менее он без всяких осложнений провел там шесть месяцев. Затем сны возобновились и погнали его на запад, через девять городов, давая ему то месяц передышки там, то шесть недель тут. Сменив множество имен, он добрался наконец до Алаизора — крупнейшего портового города, где под именем Бадрила Маганорна спокойно провел целый год, разделывая рыбу на рыночной пристани. Отгоняя дурные предчувствия, он позволил себе надеяться, что Король наконец-то наигрался с ним, и даже подумывал о возвращении к прежней жизни в Сти, который покинул уже около четырех лет тому назад. Неужели столь многих лет наказания за непреднамеренное, почти случайное преступление недостаточно?

Оказалось, что недостаточно. Только начался второй год жизни Халигома в Алаизоре, как голову его заполнило знакомое зловещее гудение,

свидетельствующее о приближении послания, и на него обрушилось сновидение, по сравнению с которым все предыдущие можно было воспринимать как детские праздничные представления. Все происходило в суровой пустыне Сувраэля… Сам он стоял на зубчатом утесе и смотрел на иссохшую искореженную прогалину среди сигуповых деревьев, на расстояние в десятки миль испускавших ядовитые эманации, смертельные для всего живого, даже для неосторожных птиц и насекомых, пролетавших над толстыми свисающими к земле ветвями. Там, в долине, он разглядел свою жену и детей: они спокойно шли в сторону смертоносных деревьев… Он побежал к ним по вязкому, словно патока, песку, а деревья покачивались и звали к себе, и его близкие вошли в окружавшее лес темное облако, и упали, и больше он их не видел… Но он все так же бежал вперед, пока сам не оказался в запретных пределах. Он молил о смерти, но испарения деревьев не действовали на него, единственного из всех живых существ. Деревья в этом ужасном лесу стояли на изрядном расстоянии одно от другого, и между ними не росло ничего — ни кустов, ни лиан, ни единого клочка мха на земле — лишь множество уродливых безлистных деревьев,

словно редкий забор, поставленный кем-то посреди пустоты. Больше в его сновидении ничего не было, но на том, что он увидел, лежала печать ужаса, далеко превосходящего все чудовищные видения, посещавшие его прежде… И этот кошмар все тянулся и тянулся, и Халигом блуждал, одинокий и несчастный, среди этих бесплодных деревьев, словно в душной пустоте… А когда он проснулся, то увидел в зеркале, что его лицо покрылось морщинами, кожа обвисла, а веки подергиваются, — как будто полночь от рассвета отделяла добрая дюжина лет.

Он потерпел сокрушительное поражение. Бежать — бесполезно, скрываться — тщетно. Вся его оставшаяся жизнь принадлежит Королю Снов. У него не осталось больше сил на то, чтобы снова и снова начинать жизнь сначала, выдумывать себе новые имена и прятаться в бесполезных убежищах.

Когда лучи рассвета изгнали из его души видение ужасного леса, он, спотыкаясь, заторопился к Храму Хозяйки Острова, венчавшему Алаизорские холмы, и попросил позволения совершить паломничество на Остров Сна. Он назвался своим настоящим именем — Сигмар Халигом. Чего ради ему было теперь скрываться?

Как и все желающие, он получил разрешение и спустя непродолжительное время среди множества других, стремившихся поклониться Повелительнице Снов, уже плыл в Нуминор, порт на северо-восточном берегу острова. Все время, пока он плыл по морю, его посещали послания; одни раздражали и смущали его, воздействие нескольких было просто ужасающим, но когда он, дрожа всем телом и обливаясь слезами, просыпался, рядом оказывались другие паломники, которые помогали ему успокоиться. К тому же так или иначе, но теперь, когда он препоручил свою жизнь Повелительнице, сновидения, даже худшие из них, лишились большей части своего значения. Главный ущерб, наносимый посланиями — это он уже понял, — состоит в разрушении повседневного порядка жизни, в осознании невозможности сопротивляться чуждым пугающим образам. Но у Халигома не было больше той жизни, которую можно было бы разрушить, — так какое значение теперь имело то, что, открывая глаза поутру, он дрожал от страха?

Он не был больше ни торговцем точными инструментами, ни борцом с сорняками, ни птицеловом — он стал никем и ничем и не имел собственного «я», нуждавшегося в защите от

нападений противника. И наконец среди потока посланий на него снизошел странный, своеобразный покой.

В Нуминоре он был препровожден на террасу Оценки — внешний, самый низкий ярус Острова, где, как он был уверен, ему предстояло провести весь остаток жизни. Повелительница допускала паломников в глубь Острова постепенно, шаг за шагом, согласно темпу их видимого ей одной внутреннего прогресса, и тот, чья душа была запятнана убийством, мог навсегда остаться на окраине святого места, выполняя какие-нибудь грязные и неприятные работы. Но это его нисколько не страшило. Он хотел всего лишь укрыться от посланий Короля и надеялся, что рано или поздно окажется под защитой Повелительницы и будет забыт своим преследователем с Субраэля.

Облаченный в мягкие, бесформенные одежды паломника, он шесть лет трудился садовником на наиболее удаленной от центра Острова террасе. Его волосы поседели, спина сгорбилась; он научился отличать мельчайшие ростки сорняков от проклюнувшихся над землей стебельков цветов. Первое время послания мучили его каждый месяц или два, а затем стали появляться все реже

и реже. Хотя они так и не прекратились, он с каждым разом переносил их все легче и легче, словно приступы боли в старой, полузажившей ране. Иногда он вспоминал о своей семье, которая, несомненно, давно считала его погибшим. Он думал также о Глейме, повисшем в воздухе с выражением крайнего изумления на лице и с этим изумленным выражением канувшем в вечность. А существовал ли когда-нибудь такой человек и действительно ли он, Халигом, убил его? Произошедшее казалось ему теперь нереальным, все случилось так безумно давно… Халигом не чувствовал никакой вины за преступление, в самом факте которого он все чаще и чаще сомневался. Но он помнил деловые переговоры, перешедшие в ссору, и высокомерный отказ другого торговца увидеть возникшие по его вине трудности, грозившие Халигому разорением, и момент слепого гнева, когда он ринулся на своего врага. «Да-да, все было именно так, — думал Халигом, — и Глейм и я, мы оба лишились жизней во время этой мгновенной вспышки гнева».

Халигом добросовестно выполнял все, что от него требовалось: предавался медитациям, посещал толковательниц снов (здесь такие визиты были обязательными) — ни одна из них ни разу

не сказала ни слова по поводу его посланий — и получал указания от служителей храмов. Весной седьмого года он был призван на следующий ярус Острова — террасу Вступления — и провел там много месяцев; паломники приходили и уходили, поднимались наверх, на террасу Зеркал, а он по-прежнему оставался здесь. Он почти не разговаривал с другими, не обзаводился друзьями и смиренно воспринимал послания, которые все так же продолжали посещать его, хотя достаточно редко и нерегулярно.

На третий год своего пребывания на террасе Вступления он заметил в столовой низенького хилого человека средних лет, со странно знакомым взглядом, устремленным в его сторону. Целых две недели новичок не сводил глаз с Халигома. В конце концов Халигом не смог сдержать любопытства, принялся осторожно расспрашивать окружающих и выяснил, что этого человека зовут Говиран Глейм.

Он ожидал чего-нибудь подобного. Улучив первую же свободную минуту, Халигом подошел к нему.

— Вы не согласитесь ответить на мой вопрос?

— Если смогу.

— Скажите, вы уроженец города Гимкандэйла,

что на Замковой горе?

— Да, — ответил Говиран Глейм. — А вы из Сти?

— Да, — признался Халигом.

На некоторое время оба затихли. Затем Халигом нарушил молчание.

— Значит, это вы преследовали меня все эти годы?

— Нет, что вы! Ни в коей мере.

— Значит, то, что мы оба оказались здесь, просто совпадение?

— Я думаю, что никаких случайных совпадений вообще не бывает, — сказал Говиран Глейм. — Но я не предпринимал никаких шагов для того, чтобы попасть туда, где вы находитесь.

— Вы знаете, кто я такой и что я сделал?

— Да.

— И чего же вы хотите от меня? — спросил Халигом.

— Хочу? Чего я хочу? — Глаза Глейма, маленькие, темные и сверкающие, такие же, как и у его давно погибшего отца, в упор смотрели на Халигома. — Чего я хочу? Расскажите мне, что случилось в Вугеле.

— Давайте прогуляемся, — предложил Халигом.

Они прошли сквозь свежеподстриженную живую изгородь из сине-зеленых кустов в сад цветущих алабандинов; Халигом постоянно прореживал их саженцы, чтобы цветы были крупнее. И здесь, среди благоухающих клумб, Халигом спокойным, ровным голосом описал те события, о которых не говорил никогда и никому и которые стали уже почти нереальными для него самого: встреча, ссора, окно, река… Во время этого рассказа лицо Говирана Глейма не отражало ровным счетом ничего, хотя Халигом не сводил с него глаз, пытаясь отгадать намерения этого человека.

Завершив свой тяжелый рассказ, Халигом замер в ожидании реакции. Но реакции не последовало.

— И что же случилось с вами потом? — спросил Глейм после долгой паузы. — Почему вы исчезли?

— Король Снов истерзал мою душу жестокими посланиями и довел до таких мучений, что я спрятался в Норморке, а когда он отыскал меня там, я продолжал скрываться, перебегая с места на место, и наконец в качестве паломника прибыл на Остров.

— И Король все еще преследует вас?

— Время от времени меня посещают послания, — ответил Халигом и покачал головой. — Но они бесполезны. Я страдал, я принес покаяние, но все бессмысленно, поскольку я не чувствую никакой вины за свое преступление. Это был момент безумия, и я тысячи и тысячи раз желал, чтобы этого никогда не случилось, но я не могу принять на себя никакой ответственности за смерть вашего отца: он довел меня до безумия, я толкнул его, и он упал, но этот поступок не имел ни малейшей связи со всеми остальными перипетиями моей жизни и потому это не было моим действием.

— Значит, случившееся вы воспринимаете именно так?

— Да, именно так. И все эти годы мучительных снов — что хорошего они принесли? Если бы я воздержался от убийства, боясь мщения Короля, вся система наказания была бы оправдана; но я не думал ни о чем, и уж конечно, не о Короле Снов, и потому считаю кодекс, согласно которому был наказан, бесполезным. Точно так же было и с моим паломничеством: я прибыл сюда не столько для того, чтобы искупить вину, сколько для того, чтобы скрыться от Короля и его посланий, и, предполагаю, это мне почти что удалось. Но ни мое искупление, ни мои страдания не возвратят к

жизни вашего отца, так что вся эта головоломка, как оказалось, не имеет решения. Действуйте! Прикончите меня, и покончим с этим.

— Прикончить вас? — удивился Глейм.

— А разве не таково ваше намерение?

— Я был совсем мальчишкой, когда мой отец исчез. Сейчас я уже немолод, а вы совсем старик, и вся эта история давно осталась в прошлом. Я хотел лишь узнать правду о его смерти, и теперь я ее знаю. Зачем мне убивать вас? Если бы это возвратило моего отца к жизни, то, возможно, был бы какой-то смысл… Но, как вы сами только что сказали, это невозможно. Я не испытываю никакого гнева по отношению к вам и не имею ни малейшего желания терпеть мучения по вине Короля. Для меня эта система является действенным средством устрашения.

— Вы действительно не собираетесь меня убивать? — Халигом остолбенел от изумления.

— Нисколько.

— Ну да, конечно же, я понимаю. Зачем вам убивать меня? Смерть могла бы избавить меня от жизни, которая превратилась в бесконечное наказание.

— Неужели вы это так воспринимаете? — снова удивился Глейм.

— Да, вы приговариваете меня к жизни.

— Но ваше наказание давно закончилось! Теперь на вас лежит благодать Повелительницы. Через смерть моего отца вы нашли свой путь к ней!

Халигом не мог понять, то ли собеседник дразнил его, то ли говорил серьезно.

— Вы видите на мне благодать? — растерянно спросил он.

— Да.

Халигом потряс головой.

— Остров и все, что на нем есть, ничего не значат для меня. Я прибыл сюда только для того, чтобы удрать от преследования Короля. Я наконец нашел укрытие, и это все, что мне нужно.

Глейм не мигая смотрел ему в лицо.

— Вы обманываете себя, — возразил он секунду спустя и сразу же ушел, оставив Халигома обескураженным и растерянным.

Могло ли это быть? Он получил очищение от своего преступления и не понял этого? Он решил, что если этой ночью к нему придет послание от Короля, а это могло быть, так как страшные видения не посещали его уже почти год, то он пойдет на край террасы Оценки и бросится в море. Он действительно получил послание, но оно пришло

от Повелительницы — успокоительная нежная греза, в которой его призывали перейти выше, на террасу Зеркал. Он думал, что неверно понял послание, сомневался в том, что вообще может получить такое предложение, но толковательница снов утром велела ему не медля отправляться на расположенную на следующем уступе светлую террасу, ибо наступило время следующей стадии его паломничества.

Часть VIII
Среди толкователей снов

Хиссун все чаще обнаруживает, что одно приключение требует разъяснений, которые можно найти в других. Покончив с мрачным, но поучительным рассказом убийцы Сигмара Халигома, он намного лучше представляет себе деяния Короля Снов, но о толкователях снов — посредниках между мирами сновидений и бодрствования — он знает крайне мало. Ему еще не приходилось иметь с ними дела; он воспринимает посещающие его сновидения скорее как театральные представления, нежели как руководство в жизни. Он знает, что это находится в противоречии с одной из главных традиций духовного существования мира, но многое из того, что он делает и думает, точно так же вступает в противоречие с многими из подобных традиций. Он таков, каков есть: уличный мальчишка из Лабиринта, хорошо знающий этот мир, но не испытывающий большого желания следовать по проторенным путям.

В Зимроэле жила или живет известная толко-

вательница снов по имени Тизана; Хиссун видел ее во время посещения второй коронации лорда Валентина. Эта жирная старуха из города Фалкинкипа, вероятно, сыграла какую-то роль в восстановлении истинной сущности лорда Валентина. Хиссун ничего не знает об этом, но до сих пор испытывает некоторое беспокойство при воспоминании о пронизывающем взгляде старухи, ее мощной и исполненной жизненной силы индивидуальности. Почему-то она заинтересовалась мальчишкой: он не забыл, как стоял рядом с нею, ощущая себя придавленным близостью этой огромной фигуры, и надеялся, что ей не придет в голову фантазия обнять его и прижать к своей необъятной груди, так как в этом случае она, несомненно, раздавит бедного ребенка. «А вот и еще один маленький заблудший принц!» — воскликнула она тогда. Что это могло означать? Толкователи снов могли бы разъяснить Хиссуну эти слова, но он не идет к ним. А не могла ли Тизана оставить свою запись в Регистре памяти душ? Он проверяет архив. Есть! Он вызывает капсулу и почти сразу же обнаруживает, что запись была сделана около пятидесяти лет назад, когда Тизана только-только начала познавать свое ремесло, и других, более поздних, воспоминаний она

не оставила. Хиссун уже готов отправить запись обратно. Но какая-то эманация души Тизаны все же успевает коснуться его разума. От нее все же можно будет что-то узнать, решает он, вновь надевает шлем, который отложил было в сторону, и позволяет неистовой душе молодой Тизаны войти в свое сознание.

В день накануне Испытания Тизаны с самого утра внезапно начался дождь, и все выбежали из общинного дома, чтобы посмотреть на него: и новички, и послушники, и выпускники, и наставники, и даже старая Верховная толковательница Инуэльда собственной персоной. Здесь, в пустыне, занимавшей почти всю Велализиерскую равнину, дожди были большой редкостью. Тизана выскочила вместе с остальными и стояла, глядя на огромные кристально чистые капли, косо слетавшие к земле из единственного темно-серого облака, обрамленного черной каймой, которое парило, как привязанное, над высоким шпилем общинного дома. Капли с отчетливым звуком ударялись о пересохшую песчаную почву, оставляя на бледно-красноватой поверхности темные пятна, разделенные между собой странно большими промежутками. Новички, послушники, выпускники и даже наставники, отбросив

плащи, резвились под дождем.

— Первый более чем за год, — сказал кто-то.

— Предзнаменование, — пробормотала Фрейлис, выпускница и ближайшая подруга Тизаны в общинном доме. — Ты легко пройдешь Испытание.

— Ты на самом деле веришь в такие вещи?

— Я верю в то, что стоит всегда искать сначала хорошие предзнаменования и только потом плохие, — весело откликнулась Фрейлис.

— Полезное правило для толкователя снов, — воскликнула Тизана, и они обе рассмеялись.

Фрейлис дернула Тизану за руку.

— Пойдем со мной, потанцуем!

Тизана покачала головой. Она стояла под навесом, и Фрейлис тщетно пыталась вытащить ее под дождь. Тизана была высокой, ширококостной и крупной, и хрупкая маленькая Фрейлис казалась рядом с нею легкой как птичка. Танцы под дождем нынче не привлекали Тизану. Завтра должна была наступить кульминация всех семи лет ее обучения. Она до сих пор не имела ни малейшего понятия о том, что представляет собой этот ритуал, но тем не менее была заранее уверена, что ее признают недостойной и с позором отошлют обратно в глухой, провинциальный

родной городишко. Страхи и дурные предчувствия лежали на ее душе, словно свинцовые гири, а танцевать в такое время казалось непростительным легкомыслием.

— Нет, ты только посмотри, — звонко выкрикнула Фрейлис. — Верховная тоже здесь!

Действительно, даже почтенная Инуэльда вышла под дождь и величественно приплясывала посреди двора: изможденная седовласая старуха с изрезанной бесчисленными глубокими морщинами кожей выделывала нетвердыми ногами па какого-то, по-видимому, изысканного танца, притопывала, ходила по кругу, раскидывая в стороны тощие руки и исступленно запрокидывая к небу лицо. Глядя на старуху, Тизана не смогла сдержать улыбку. А Верховная, которая сама неотрывно наблюдала за Тизаной, скрывавшейся под портиком (правда, та не замечала ее пристального взгляда), чуть заметно усмехнулась и поманила девушку к себе, словно подзывала грустного ребенка, не желающего присоединиться к общей игре. Но Верховная прошла Испытание так давно, что, судя по всему, напрочь забыла, с каким страхом сама ожидала его. Вне всякого сомнения, она была просто неспособна понять ту мрачную озабоченность, которую вызывали у

Тизаны мысли о завтрашнем дне. Сделав просительный жест, Тизана повернулась и ушла в дом. Снаружи доносился резкий грохот мощного ливня, вдруг сменившийся пронзительной тишиной. Странная маленькая буря закончилась.

Пригнув голову, чтобы пройти под низенькой аркой, сложенной из правильных блоков синего камня, Тизана вошла в свою келью и на мгновение прислонилась к неровной неоштукатуренной стене, чтобы хоть немного снять напряжение. Келья была крошечной: в ней помещались только топчан, бадья для умывания, шкафчик для одежды, рабочий стол и небольшой книжный шкаф — и крепкое, полное, здоровое тело девчонки с фермы, которой еще совсем недавно была Тизана, почти полностью занимало оставшееся свободное место.

Но она уже много времени прожила в этой тесноте, которая, как ни странно, оказывала на нее успокаивающее действие, равно как и принятый в общинном доме непререкаемый порядок, предусматривавший ежедневные учебные занятия, ручной труд, выслушивание наставлений и — с тех пор как она достигла ранга выпускницы — обучение новичков. Когда начался ливень, Тизана готовила сонное вино; этому делу она на

протяжении вот уже двух лет ежедневно посвящала час по утрам и сейчас вернулась к своему занятию, радуясь его сложности. В столь тревожный день ей очень важно было чем-нибудь занять свои мысли и внимание.

Все сонное вино, используемое на Маджипуре, изготавливалось именно здесь, в Велализиере, послушницами и выпускницами общинного дома. Вообще-то для этой работы требовались более тонкие и проворные пальцы, чем у Тизаны, но она все равно до тонкостей овладела этим искусством. Перед нею были аккуратно разложены небольшие баночки с травами, крохотными серыми листочками муорны, сочными корнями веджлы, сушеными ягодами сизерила и прочими ингредиентами — девять и двадцать, как принято было исчислять их количество, — вызывавшими состояние транса, в котором и осуществлялось восприятие и истолкование сновидений. Тизана растирала и смешивала компоненты — это необходимо было делать в раз и навсегда строго определенном порядке, в противном случае химические реакции пойдут не так, как надо, — а затем нагревала порошки на огне, чтобы они спеклись, один за другим растворяла их в спирте и вливала отмеренные дозы спиртового раство-

ра в вино. Благодаря сосредоточенной работе девушка вскоре забыла о своих тревогах и даже развеселилась.

Увлеченная своим занятием, она не сразу услышала негромкое дыхание за спиной.

— Фрейлис?

— Ничего, что я пришла? Я тебе не помешаю?

— Конечно нет. Я уже почти закончила. Они все еще танцуют?

— Нет, все уже разошлись по своим делам. Солнце снова жарит.

Тизана аккуратно перелила темное густое вино в бутылку и взболтала ее.

— В Фалкинкипе, где я выросла, климат тоже жаркий и сухой. Однако мы не бросаем все дела и не бежим скакать на улицу, как только закапает дождь.

— В Фалкинкипе, — ответила Фрейлис, — люди принимают все как должное. Они нисколько не удивятся, увидев скандара с одиннадцатью руками. Если даже сам понтифекс приедет в город и начнет разгуливать по главной площади на руках, ему все равно не удастся собрать толпу.

— О? А я и не знала, что ты бывала там!

— Однажды, еще девочкой. Мой отец намеревался устроить там скотоводческую ферму. Но у

него не хватило на это характера, и спустя год с небольшим мы вернулись в Тил-омон. Но с тех пор он всегда говорил о жителях Фалкинкипа как о людях чрезвычайно медлительных, рассудительных и бесстрастных.

— И что, я тоже такая? — не без ехидства спросила Тизана.

— Ты… ты необыкновенно уравновешенная.

— Тогда почему я так волнуюсь насчет завтра?

Маленькая женщина опустилась на колени перед Тизаной и взяла обе ее руки в ладони.

— Тебе совершенно не о чем беспокоиться, — мягко сказала она.

— Неизвестность всегда пугает.

— Это всего лишь экзамен, Тизана!

— Последний экзамен. Что, если я провалю его? Что, если у меня обнаружится какой-нибудь ужасный недостаток в характере, из-за которого я окажусь совершенно непригодна в толковательницы?

— Ну и что тогда? — поинтересовалась Фрейлис.

— Как что? Ведь это будет означать, что я потратила впустую семь лет. Мне придется как дуре брести обратно в Фалкинкип — без профессии, без каких-либо навыков — и провести оставшую-

ся часть жизни, разгребая навоз на чьей-нибудь ферме.

— Если Испытание покажет, что ты не сможешь стать толковательницей, то тебе нужно будет отнестись к этому философски, — наставительно заметила Фрейлис. — Ты сама знаешь, что мы не можем позволить кому попало свободно рыться в людских мозгах. Ну и помимо всего прочего, ты не можешь быть непригодной, и Испытание не должно составить для тебя никакой проблемы, так что я не понимаю, почему ты так трепыхаешься из-за него.

— Потому что не имею ни малейшего представления о том, что будет.

— Ну, скорее всего, они просто поговорят с тобой. Они дадут тебе вина, заглянут в твое сознание, увидят, какая ты сильная, мудрая и хорошая, выведут тебя из транса, а потом Верховная обнимет тебя и скажет, что ты прошла Испытание. И на этом все закончится.

— Ты уверена? Может быть, тебе что-то известно?

— Это просто разумные предположения, только и всего.

Тизана пожала плечами.

— А я слышала другие предположения. Что они

делают нечто такое, из-за чего ты оказываешься лицом к лицу с самым худшим поступком своей жизни. Или чем-то таким, чего ты больше всего на свете боишься. Или тем, что ты ужасно не хочешь позволить другим узнать о себе. Разве ты не слышала таких историй?

— Слышала.

— И что, если бы завтра было твое Испытание, разве тебя это нисколько не тревожило бы?

— Все это только догадки, Тизана. Никто не знает, что такое Испытание на самом деле, кроме тех, кто выдержал его.

— И тех, кто не выдержал.

— А ты знаешь кого-нибудь, кто не прошел бы Испытание?

— Ну… мне кажется…

Фрейлис улыбнулась.

— Я подозреваю, что они прощаются со школой гораздо раньше, чем становятся выпускниками. Даже не успевают стать послушниками. — Она выпрямилась и принялась перебирать склянки с травами на столе Тизаны. — Став толковательницей снов, ты собираешься вернуться в Фалкинкип?

— Рассчитываю.

— Ты так его любишь?

— Это мой дом.

— Тизана, но ведь мир так велик. Ты могла бы поехать в Ни-мойю, или Пилиплок, или остаться здесь, на Алханроэле, могла бы поселиться на Замковой горе, даже…

— Меня устроит и Фалкинкип, — ответила Тизана. — Я люблю пыльные дороги. Люблю сухие буро-коричневые холмы. Я не видела их больше семи лет. И в Фалкинкипе нужны толкователи снов. В больших городах их много. Любой толкователь хочет устроиться в Ни-мойе или Сти, верно? А я все же предпочитаю Фалкинкип.

— Тебя, наверное, ждет там возлюбленный? — хитро прищурившись, полюбопытствовала Фрейлис.

Тизана фыркнула.

— Вряд ли! Через семь лет?

— У меня был любовник в Тил-омоне. Мы собирались пожениться, построить лодку, обойти под парусом вокруг всего Зимроэля — на это потребовалось бы три или четыре года, а затем, возможно, подняться по реке до Ни-мойи, поселиться там и открыть лавку в Паутинной галерее.

Эти слова поразили Тизану. За все время, пока она была знакома с Фрейлис, та никогда еще не говорила о таких вещах.

— И что же случилось?

— Я получила послание, в котором мне приказывали стать толковательницей снов, — негромко сказала Фрейлис. — Я спросила его, как он отнесется к этому. Знаешь, я даже не была уверена, что поступлю так, как мне велела Повелительница, но хотела узнать, что думает по этому поводу он, и в тот же момент, когда сказала ему, еще не дожидаясь его слов, узнала ответ. Он был ошеломлен, казался обескураженным и немного сердитым, как будто это должно было воспрепятствовать его планам. Конечно, так и должно было бы получиться. Он сказал, что мне следует дать ему день-другой, чтобы все обдумать. Это была наша последняя встреча. Потом его друг рассказал мне, что той же ночью он получил послание, в котором ему посоветовали отправиться в Пидруид, и утром уехал. Позднее он женился на своей бывшей возлюбленной, с которой встретился там, и, полагаю, они до сих пор мечтают о постройке лодки и плавании вокруг Зимроэля. Ну а я повиновалась посланию, отправилась в паломничество и прибыла сюда. С тех пор я нахожусь здесь, а в следующем месяце закончу обучение и, если все пойдет хорошо, на будущий год стану полноправной толкователь-

ницей, поеду в Ни-мойю и открою заведение на Большом базаре.

— Бедная Фрейлис!

— Не нужно меня жалеть, Тизана. С какой стороны ни взгляни, я оказалась в выигрыше. Его поступок немного задел меня, но лишь на первых порах. Он ничего собой не представлял, и я рано или поздно должна была это выяснить. Ну и мы все равно со временем расстались бы, только по-другому. Сейчас я смогу стать толковательницей и служить Божеству, а в противном случае я не была бы нужна никому вообще. Понимаешь?

— Понимаю.

— К тому же на самом деле я вовсе не хочу быть чьей-нибудь женой.

— Я тоже, — сказала Тизана. Она внимательно понюхала свежеприготовленное вино, сочла запах подходящим и начала убирать стол, плотно закрывая склянки и расставляя их в строгом порядке. Фрейлис такая добрая, думала она, такая нежная и ласковая, такая понимающая. Воплощенная женственность. Тизана не могла найти в себе ни одной из этих черт. Если уж на то пошло, ее душа была скорее мужской (как она ее себе воображала) — толстокожей, грубоватой, тяжелой, крепкой, способной выдерживать лю-

бое напряжение, но не слишком гибкой и уж, конечно, нечувствительной к нюансам и деликатным материям. На самом деле мужчины были не такими — это Тизана тоже знала, — они были даже тоньше и чувствительнее, чем женщины. И все равно в ее представлении имелась какая-то нелицеприятная истина, ну а Тизана была всегда слишком крупной, слишком угловатой, слишком здравомыслящей для того, чтобы ее можно воспринимать как настоящую женщину.

Тогда как Фрейлис, невысокая, хрупкая, с подвижной, как ртуть, душой и мыслями, перепархивавшими с предмета на предмет с легкостью колибри, принадлежала к совсем другому типу. И Фрейлис, думала Тизана, будет превосходной толковательницей снов: она будет интуитивно проникать в глубины разума тех, кто придет к ней за истолкованием, и сможет выбрать наилучший способ для того, чтобы изложить каждому самое важное, то, что тому на самом деле будет необходимо узнать. Хозяйка Острова и Король Снов, посещая умы спящих, часто говорили невнятно и загадочно, и задача толковательницы состояла в том, чтобы служить посредницей между этими великими властителями и миллиардами обитателей планеты, расшифровывая и истолковывая

их наставительные послания. Это налагало устрашающую ответственность. Толковательница снов могла направить жизнь человека в нужное русло и могла, наоборот, разрушить ее. У Фрейлис эта работа должна была хорошо получаться: она точно знала, когда следует быть строгой, когда легкомысленной, когда необходимы утешение и тепло. Откуда она могла узнать все это? Наверняка из обстоятельств своей собственной жизни, из испытания горем, разочарованием, отверженностью и поражением. Даже не зная многих подробностей прошлого Фрейлис, Тизана ясно видела в холодных серых глазах стройной женщины бесценное знание, и это знание должно было значить для выбранной ею профессии куда больше, чем любые приемы и уловки, которым ее обучали в общинном доме. Тизана питала серьезные сомнения в собственной пригодности к специальности толковательницы снов, поскольку она сумела пропускать мимо себя ту сумятицу страстей, которая сформировала мир Фрейлис. Ее жизнь была слишком спокойной, слишком простой, слишком — как это сказала Фрейлис? — уравновешенной. Образ жизни в Фалкинкипе был достаточно простым: подъем с рассветом, и за работу, потом еда, снова работа,

развлечения, а потом сытые и утомленные люди шли спать. Никаких бурь, никаких переворотов, никаких чрезмерных амбиций, которые вели бы к большим крушениям. И, не испытав никакой настоящей боли, как могла она рассчитывать верно понимать страдания тех, кто их испытывал? Тизана подумала о Фрейлис и о ее неверном возлюбленном, предавшем ее при первой же возможности из-за того, что ее не оформленные еще планы не слишком точно совпадали с его намерениями, а затем задумалась о своих собственных мимолетных сельских романах, если их можно было так назвать, таких легких, таких случайных; это была просто форма общения двоих людей, бездумно проводивших вместе некоторое время, а затем так же бездумно расставшихся, не испытывая никакой боли, никаких страданий. Даже занятия любовью, которые считались обязательным условием общения, были самым тривиальным делом, простым развитием сближения двух здоровых людей и состояли из соприкосновения, легкого слияния тел, непродолжительных покачиваний и подергиваний, вздохов и стонов, быстрого содрогания удовольствия, а затем расслабления и расставания. И ничего больше. Тизане удалось, неведомо как,

проскользнуть по жизни без душевных травм. Она не испытывала потрясений, ее не бросали. Так какую же ценность она может представлять для других? Их тревоги и конфликты будут бессмысленными для нее. И, думала она, наверное Испытание страшит ее именно тем, что наставники наконец-то разглядят ее душу и увидят, насколько непригодна она для того, чтобы быть толковательницей — ведь она настолько простодушна и невинна, — что они все же раскроют ее обман. Какая ирония заключена в том, что она сейчас тревожится о своей бестревожной жизни! Она заметила, что руки дрожат, подняла их над столом и уставилась на них: крестьянские лапы, дурацкие огромные грубые толстопалые руки, а дрожат, как нежные листочки на ветру. Фрейлис, увидев движение Тизаны, потянулась к ней и взяла ее кисти в свои крохотные ладошки; она едва смогла обхватить их своими тонкими хрупкими пальчиками.

— Успокойся! — страстным шепотом приказала она. — Для волнения нет никаких причин!

Тизана кивнула.

— Который теперь час?

— Тебе пора уже отправляться к своим новичкам, а мне заниматься своими наблюдениями.

— Да. Да. Ну и отлично, покончим с этим.

— Увидимся позже. За обедом. А ночью я разделю с тобой сновидения, ладно?

— Да, — ответила Тизана. — Мне очень этого хочется.

Они вышли из кельи, и Тизана торопливо направилась через внутренний двор к классным комнатам: в одной из них ее ждала дюжина новичков. От недавно прошедшего дождя не осталось и следа: жгучее солнце пустыни почти сразу же обратило в пар каждую попавшую на землю каплю. К полудню даже ящерицы прятались в укрытия. Когда она уже подходила к дальнему крылу монастыря, ей встретилась старшая наставница Вандуна, женщина из Пилиплока, почти столь же древняя, как и Верховная. Тизана улыбнулась ей и хотела было пройти мимо, но наставница остановилась и подозвала ее к себе.

— Ну что, завтра твой день?

— Боюсь, что да.

— Тебе сказали, кто будет проводить твое Испытание?

— Мне не сказали ничего, — не скрывая горечи, откликнулась Тизана, — и предоставили мне догадываться о том, что и как будет.

— Так и должно быть, — сказала Вандуна. — Не-

уверенность полезна для души.

— Легко вам говорить, — сквозь зубы пробормотала Тизана, дождавшись, впрочем, когда старуха отбрела немного в сторону. А будет ли она сама когда-нибудь относиться к кандидатам на Испытание с таким вот веселым равнодушием, мелькнула у нее мысль, если она сама пройдет его и останется наставницей. Возможно. Вполне возможно. Это возрастные изменения, благодаря которым каждый переходит на другую сторону стены, думала она, вспоминая, как некогда, будучи ребенком, она клялась, что, когда станет взрослой, всегда будет понимать особые проблемы детей и никогда не станет обращаться с младшими с той ненамеренной жестокостью, с которой сталкиваются все дети, общаясь с легкомысленными взрослыми. Она не забыла этой клятвы, но пятнадцать или двадцать лет спустя просто забыла, что из себя представляло это особое состояние детства, и сомневалась, что, несмотря на искренность своего обещания, выказывала в общении с детьми достаточно чуткости. Так же, скорее всего, будет и с этим.

Она вошла в классную комнату. Обучение в общинном доме проводили, главным образом, наставницы, которые были толковательницами

высшей квалификации, добровольно удалявшиеся на несколько лет от практики, чтобы передать свое умение учащимся, но им помогали и выпускницы, прошедшие уже весь курс обучения и готовившиеся к прохождению последнего Испытания. Главный смысл их занятий с новичками заключался в получении навыков общения с людьми. Тизана вела занятия по изготовлению сонного вина, теории посланий и социальной гармонии. Когда она заняла место за столом, новички посмотрели на нее с почтительным страхом. Что они могли знать о ее тревогах и опасениях? Для них она была посвященной высокого ранга и находилась лишь на ступеньку или две ниже самой Верховной толковательницы Инуэльды. Она уже овладела всеми навыками, которые они с таким трудом постигали. И если они вообще что-то знали об Испытании, то для них это было всего лишь неясное темное облако, чуть проглядывающее из-за отдаленного горизонта, имеющее к их сиюминутным интересам не больше касательства, чем старость и смерть.

— Вчера, — начала Тизана, сделав глубокий вдох и пытаясь заставить себя казаться холодной и уверенной — оракулом, источником мудрости, — мы говорили о роли Короля Снов

в регулировании общественных взаимоотношений на Маджипуре. Мелиара, ты затронула проблему частой недоброжелательности образов в посланиях Короля и подвергла сомнению одно из основных этических положений социальной системы — наказание через сны. Я хотела бы сегодня рассмотреть эту проблему поглубже. Представим себе некоего гипотетического человека — скажем, охотника на морских драконов из Пилиплока, — который в мгновение чрезвычайного внутреннего напряжения совершает акт непреднамеренного, но серьезного насилия против такого же члена команды, и…

Ее речь текла плавно; слова следовали одно за другим, аккуратно скрепленные, как звенья цепи. Новички записывали, хмурились, качали головами и еще торопливее двигали стилосами. Тизана помнила свои первые месяцы в школе, когда при мысли о бесконечном количестве предметов, которые предстояло изучить, ее охватывало чувство, близкое к отчаянию; она должна была познать не только методы истолкования снов, но и разнообразнейшие бесчисленные вспомогательные концепции и тонкости. Она никак не ожидала, что ей предстоит погрузиться в столь бездонное море знаний, как, вероятно,

этого не ожидал ни один из новичков до или после нее. Но, конечно, Тизана мало задумывалась о тех трудностях, которые возникнут перед ней, когда она станет толковательницей снов. Она никогда не волновалась раньше времени — это просто не было свойственно ее характеру, — пока к ней не приблизилось вплотную Испытание. Однажды, семь лет назад, ее посетило послание Повелительницы, в котором было сказано, что ей надлежит покинуть свою ферму и стать толковательницей снов. Она без малейшего сомнения повиновалась, заняла денег, совершила дальнее паломничество на Остров Сна за предварительными указаниями, а затем, согласно полученной инструкции, отправилась в Велализиер, чтобы поселиться в общинном доме. Она переправилась через бескрайнее море и добралась по суше до этой отдаленной от всего жалкой пустыни, где прожила последние четыре года. Никогда она не испытывала сомнений, никогда не колебалась.

Но ей пришлось столько всего выучить! Неимоверное множество деталей взаимоотношений толковательницы с клиентами, профессиональная этика, обязанности, трудности, ловушки… Методы смешивания вина и слияния разумов… Способы изложения толкования в умеренно

неоднозначных выражениях… И сами сны! Их типы, значения, подтексты! Семь разновидностей обманных снов и девять поучительных снов, сны-приказы, сны-запреты, три вида снов, возвышающих спящего в собственных глазах; сны, предписывающие критически посмотреть на себя; сны, требующие отвлечься от собственной персоны; одиннадцать видов мучительных снов, пять видов счастливых снов, сны о прерванном путешествии, сны о борьбе, сны о хороших мечтах, сны о дурных мечтах, сны о чрезмерности амбиций, тринадцать видов снов о благодати — Тизана выучила их все, накрепко запечатлев весь этот список в своем мозгу так же, как там на всю жизнь запечатлелись алфавит и таблица умножения, глубоко и пристрастно проанализировала каждую разновидность сновидения во время запрограммированного сна, продолжавшегося из месяца в месяц, и теперь могла прямо признаться самой себе, что была уже знатоком, посвященной, что она достигла всего, что эти глядевшие на нее широко раскрытыми глазами наивные юницы только намеревались познать, и все же, несмотря на это, завтрашнее Испытание могло полностью покончить с нею; а вот этого ни одна из них не могла постигнуть.

Или могли? Урок подошел к концу, и Тизана на несколько секунд задержалась за своим столом, отрешенно перебирая бумаги, пока новички выходили из класса. Одна из них, пухлая светловолосая юная коротышка, прибывшая из одного из Сторожевых Городов Замковой горы, на мгновение приостановилась перед нею — как и большинство женщин и даже многие мужчины, рядом с Тизаной она казалась маленькой, — посмотрела своей наставнице в лицо, легонько, словно крылышко мотылька, прикоснулась кончиками пальцев к ее запястью и застенчиво прошептала:

— Вот увидите, у вас завтра все пройдет легко. Я уверена в этом. — Девушка улыбнулась, ее щеки ярко вспыхнули, она отвернулась и поспешно вышла из класса.

Выходит, они знали, по крайней мере некоторые из них. Это благословение оставалось с Тизаной, словно свет свечи, весь оставшийся день. Это был долгий тоскливый день, полный работ, от которых она не могла уклониться, хотя, конечно, предпочла бы уйти одна в пустыню и погулять там, вместо того чтобы заниматься всеми этими делами. Но существовали обязательные ритуалы — одни из них было необходимо

исполнять, а при других присутствовать, — и обязанность копать котлован под фундамент новой часовни Повелительницы, и занятия с еще одним классом новичков, затем непродолжительное время перед ужином, когда можно было побыть в одиночестве, и наконец, на закате, ужин. К тому времени Тизане казалось, что утренний дождь случился несколько недель тому назад, а может быть, и вовсе приснился ей.

Ужин оказался непростым делом. У нее почти не было аппетита — неслыханное для нее состояние. Столовая была полна теплом и жизненной силой общинного дома; слышались веселые громкие голоса, пересказывавшие сплетни, то и дело раздавались взрывы смеха, порой звучало нестройное пение, а Тизана сидела посреди всего этого, как будто замурованная в невидимый кристалл. Старшие женщины сознательно не подавали виду, что им известно о ее завтрашнем Испытании, тогда как молодые, стараясь следовать их примеру, все же не могли удержаться от того, чтобы украдкой не бросать на нее быстрые взгляды; так тайком осматривают человека, которому внезапно стало известно о том, что ему предназначено принять на себя некое тяжкое и исключительное бремя. Тизана не могла точ-

но понять, что было хуже: то ли ненавязчивое притворство наставниц и выпускниц, то ли с трудом скрываемое любопытство послушниц и новичков. Она вяло ковырялась в своей тарелке, а Фрейлис ругала ее, как будто она была ребенком, и уговаривала, что завтра ей понадобятся силы. В конце концов Тизана не выдержала и рассмеялась.

— Сил у меня вполне хватит на дюжину Испытаний, — сообщила она, похлопав себя по внушительному животу.

— Все равно, — не отступала Фрейлис. — Ешь.

— Я не могу. Я слишком нервничаю.

Со стороны, где на возвышении стоял стол Верховной толковательницы, послышалось ритмичное звяканье ложки о стакан. Инуэльда поднялась с места; видимо, она намеревалась что-то объявить.

— Сохрани меня, Повелительница! — в испуге пробормотала Тизана. — Она что, собирается сказать всем о моем Испытании?

— Нет, это насчет нового короналя, — успокоила ее Фрейлис. — Под вечер прибыли новости.

— Какого такого нового короналя?

— Который сменил лорда Тиевераса. А тот стал понтифексом. Где ты была все это время? Уже

пять недель…

— …И, конечно, прошедший сегодня утром дождь был знаком добрых новостей и новой весенней поры, — говорила Инуэльда.

Тизана заставила себя вслушаться в слова старухи.

— Я получила сегодня сообщение, которое касается всех вас. Мы снова имеем короналя! Понтифекс Тиеверас выбрал себе в преемники Малибора Бомбифэйлского, который нынешним вечером в Горном замке займет его место на троне Конфалюма!

Раздались приветственные крики, кто-то принялся стучать по столу, и все присутствовавшие принялись делать знаки Горящей Звезды. Тизана, почти не владея собой, как лунатик, делала все то же, что и другие. Новый корональ? Да– да, как же она об этом забыла, старый понтифекс умер несколько месяцев назад, а теперь государственное колесо совершило новый оборот: лорд Тиеверас стал понтифексом, и в тот же день на вершине Замковой горы появился новый обитатель.

— Малибор! Лорд Малибор! Да здравствует корональ! — кричала она вместе со всеми, и все же это было нереальным и незначительным

для нее. Новый корональ? Еще одно имя в длинном, бесконечно длинном списке. Что ж, счастья лорду Малибору, кем бы он ни был, и пусть Божество окажет ему благосклонное попечение: теперь ему предстоит много хлопот. Но Тизана почти не думала о нем. Каждый новый правитель начинал свое царствование с празднеств. Она помнила, как еще маленькой девочкой напилась огненно-красного вина; это случилось, когда скончался прославленный Кинникен, лорд Оссиер спустился под землю, в Лабиринт понтифекса, а Тиеверас поднялся на Замковую гору. И теперь лорд Тиеверас стал понтифексом, и кто-то новый стал короналем, и однажды, без сомнения, Тизана услышит, что этот Малибор переселится в Лабиринт, а на трон взойдет новый нетерпеливый молодой корональ. Хотя эти события, конечно же, должны были иметь огромнейшее значение, Тизану нынче ни в малейшей степени не интересовало имя нового короналя: Малибор или Тиеверас, Оссиер или Кинникен. Единственное, что она знала о Замковой горе, было то, что она находилась далеко отсюда, за тысячи миль; впрочем, с таким же успехом она могла и вовсе не существовать. Предстоящее Испытание поднималось сейчас в ее жизни на гораздо большую

высоту, нежели Гора. Овладевший ею навязчивый страх перед Испытанием затмил все, рядом с ним все другие события обратились в бесплотные тени. Она знала, что ведет себя глупо. Это было похоже на неуправляемое усиление чувствительности, наступающее у больного человека, когда ему кажется, что вся вселенная сконцентрировалась вокруг точки боли в его мозгу, позади левого глаза, или же колики в кишках, и ничто иное не имеет никакого значения. Лорд Малибор? Она сможет отпраздновать его возвышение в какое-нибудь другое время.

— Знаешь что, — решительно сказала Фрейлис, — давай пойдем в твою комнату.

Тизана кивнула. Сегодня вечером столовая была неподходящим для нее местом. Ощущая, что все глаза прикованы к ней, она, чуть пошатываясь, прошла мимо столов и вышла во тьму. Сухой горячий ветер скреб по коже и, казалось, задевал ее нервы, словно они были обнажены. Когда они добрались до кельи Тизаны, Фрейлис зажгла свечи и мягким движением усадила Тизану на кровать. Из шкафчика она достала два бокала, а из-под платья извлекла маленькую фляжку.

— Что это? — удивилась Тизана.

— Вино. Чтобы ты смогла расслабиться.

— Сонное вино?

— А почему бы и нет?

— Но мы не… — нахмурилась Тизана.

— А мы и не станем заниматься толкованием. Это только для того, чтобы помочь тебе расслабиться, помочь нам сблизиться, чтобы я смогла поделиться с тобой своей силой. Ну же! Давай! — Она разлила густое темное вино в бокалы и вложила один Тизане в руку. — Выпей. Выпей это, Тизана.

Тизана машинально повиновалась. Фрейлис быстро выпила свое вино и начала раздеваться. Тизана смотрела на нее, широко раскрыв глаза от изумления. У нее никогда еще не было любовных отношений с женщинами. И неужели Фрейлис сегодня захотела от нее именно этого? Почему? Это ошибка, думала Тизана. Накануне моего Испытания напиться сонного вина, разделить постель с Фрейлис…

— Разденься, — шепнула Фрейлис.

— Что ты хочешь делать?

— Разделить с тобой сны, дурочка. Как мы договаривались. И ничего, кроме этого. Допивай вино и снимай одежду!

Фрейлис уже разделась. Ее тело было почти детским: худое, с тонкими прямыми руками и

ногами, бледной чистой кожей и маленькой девичьей грудью. Тизана, повинуясь, сбросила одежду прямо на пол. Ее смущало обилие собственной плоти, мощные руки, толстые колонны голеней и бедер. Во время истолкования сновидений и толковательница, и пришедший за истолкованиями всегда были обнажены, и каждая толковательница быстро переставала смущаться собственной наготы, но сегодня все было иным, интимным, личным. Фрейлис плеснула в бокалы еще немного вина. Тизана без возражений выпила. Тогда Фрейлис обхватила пальцами запястья Тизаны, опустилась перед нею на колени, взглянула ей прямо в глаза и сказала тоном, одновременно нежным и презрительным:

— Ты, здоровая дура! Ты должна перестать дергаться по поводу завтрашнего дня! Испытание — это ничто. Ничто. — Она погасила свечи и легла рядом с Тизаной. — Спи спокойно. Хороших сновидений. — Фрейлис прижалась своими чуть наметившимися грудками к необъятной груди подруги, но лежала неподвижно и спустя несколько секунд заснула.

Значит, им не предстояло стать любовницами. Тизана почувствовала облегчение. Возможно, в другое время — почему бы и нет? — но сейчас был

совершенно неподходящий момент для таких авантюр.

Тизана закрыла глаза и обняла Фрейлис, как обнимала бы спящего ребенка. Вино согрело ее и пробудило волнение, но совсем не то, какое владело ею прежде. Сонное вино служило для того, чтобы раскрывать одно сознание другому, и Тизана остро чувствовала присутствие души Фрейлис рядом с собой, но это вовсе не было истолкованием сновидений; они не сделали упражнений, помогающих сосредоточиться, при помощи которых достигался полный союз. От Фрейлис исходила только мощная неоформленная аура, содержавшая покой, любовь и энергию. Она была сильной, гораздо более сильной, чем можно было подумать, глядя на ее хрупкое тельце, и, по мере того как сонное вино все глубже впитывалось в кровь Тизаны, та ощущала все больший уют и спокойствие от близости другой женщины. На нее медленно нисходила дремота. И все равно она продолжала тревожиться по поводу Испытания, волновалась по поводу того, что могли подумать другие при виде того, что они ушли вместе так рано вечером, по поводу того, что они нарушили правила, выпив вино, которое разрешалось использовать только по прямому

назначению… Ощущения вины, стыда и страха еще некоторое время продолжали обуревать ее душу. Но постепенно она успокоилась и заснула. Привычным глазом толковательницы она следила за своими сновидениями, но они представляли собой всего лишь бессвязную череду бесформенных, загадочных смутных образов, пустынный горизонт, озаренный неопределенным и отдаленным жаром, на фоне которого вдруг мелькнул лик Повелительницы, хотя, может быть, это была Верховная толковательница Инуэльда или Фрейлис, или, скорее всего, это был лишь блик теплого, такого утешительного света. А затем наступил рассвет, и в пустыне, как всегда, завопила птица — Тизана до сих пор не знала какая, — возвещая наступление нового дня.

Тизана заморгала и села. Она была одна. Фрейлис убрала свечи, вымыла бокалы и оставила записку на столе. Нет, не записку, а рисунок. Зигзаг молнии — символ Короля Снов, — заключенный в треугольник, вписанный в другой треугольник — знак Хозяйки Острова; все это помещалось в сердечке, окруженном солнечным кругом с множеством длинных лучей: напоминание о любви и пожелание хорошего настроения.

— Тизана!

Она подошла к двери. Там стояла старая наставница Вандуна.

— Уже пора? — спросила Тизана.

— Уже давно пора. Солнце взошло двадцать минут назад. Ты готова?

— Да, — ответила Тизана. Она чувствовала странное спокойствие — даже смешно, после бесконечной недели, полной страхов. Но теперь, когда наступил решающий момент, на страхи не оставалось времени. Теперь должно было свершиться то, что предписано судьбой, и если во время Испытания ее сочтут недостойной, то что ж, чему быть, того не миновать; что ни случится, все будет к лучшему.

Она прошла следом за Вандуной через внутренний двор, мимо огородика, а затем они вышли из ограды общинного дома. Навстречу попалось несколько человек, но никто не стал заговаривать с ними. Под небом, окрашенным в цвет морской волны, цвет раннего утра, они молча шли по земле пустыни, покрытой твердой запекшейся на солнце коркой. Тизана сдерживала шаг, чтобы держаться прямо за спиной старухи. Они шли сначала на восток, а потом повернули на юг — ей казалось, что они идут уже многие мили, долгие часы, — не обменявшись ни единым сло-

вом. Наконец посреди пустынного ландшафта стали угадываться отдаленные руины Велализиера, древнего города метаморфов, обширной, населенной призраками страны развалин, места разрушенных замыслов и низвергнутого величия, имевшего тысячи и тысячи лет от роду и давно проклятого и покинутого своими создателями. Тизане показалось, что она поняла. Испытание будет заключаться в том, что ее на весь день оставят здесь, в руинах, скитаться среди призраков. Но неужели это могло быть? Такая ребяческая, такая примитивная проверка? Она нисколько не боялась призраков. Кроме того, если наставники хотели напугать ее, лучше было попробовать устроить это ночью. Днем Велализиер был всего лишь местностью, пересеченной множеством невысоких пригорков и канав, насыпей, в которых угадывались древние стены, холмы обрушившихся храмов, кочки упавших колонн, песчаные барханы, образовавшиеся на месте пирамид.

В конце концов они вышли к сравнительно хорошо сохранившемуся месту, напоминавшему амфитеатр: многочисленные ярусы каменных сидений, расположенных концентрическими незамкнутыми кольцами. Внизу посредине сто-

ял каменный стол, на котором Тизана увидела бутылку и один бокал, а рядом с ним несколько каменных скамеек. Так вот оно, место Испытания!

И теперь, поняла Тизана, она и старая Вандуна выпьют вино, лягут вместе на ровной песчаной площадке, Вандуна прочтет все ее мысли, и, когда они поднимутся, наставница будет знать, стоит ли включать Тизану из Фалкинкипа в список толковательниц снов.

Но и тут она ошиблась.

— Это сонное вино, — сказала Вандуна, указав на бутылку. — Я покину тебя. Выпей вина, сколько тебе захочется, загляни к себе в душу. Проведи свое Испытание.

— Я?

Вандуна улыбнулась.

— А кто еще сможет как следует проверить тебя? Ну же, пей. Я вернусь, когда придет время.

Старая наставница кивнула ей и, без дальнейших разговоров, удалилась. В голове Тизаны сразу же зароилось множество вопросов, но она сдерживалась и не стала задавать их, так как поняла, что Испытание уже началось и что первая часть его заключалась в том, что ответы на все вопросы она должна была искать самостоятельно. В

растерянности она провожала взглядом Вандуну, а та вошла в узкий проем в стене амфитеатра и скрылась из виду. Теперь она не слышала ни звука, даже шагов наставницы. На нее навалилась всепоглощающая тишина пустого города; ей показалось, что песок негромко гудит. Тизана сначала нахмурилась, потом улыбнулась, рассмеялась — на смех ответило отдаленное эхо. Ну и шутку сыграли с нею! Придумай сама себе Испытание, вот это да! Заставить ее трястись от страха, а затем вывести в руины и приказать устроить все самостоятельно! Какой простор для тех, кто со страхом и нетерпением ожидает решения своей участи, какой простор для сотворения призраков в своей собственной душе.

Но каким образом…

Тизана пожала плечами. Налила вина, выпила. Очень сладкое, наверное, вино другого года. Бутыль была большой. Ну что ж, я тоже немаленькая тетка. Она во второй раз наполнила бокал. В животе у нее было пусто, и она почти сразу же почувствовала, как вино зашумело у нее в голове. Все же она выпила третий бокал.

Солнце быстро поднималось по небосклону. Вот его край показался над амфитеатром.

— Тизана! — выкрикнула она. И сама же отве-

тила на свой зов: — Да, Тизана здесь!

Снова рассмеялась. Выпила еще.

Она никогда еще не пила сонное вино в одиночестве. Оно всегда употреблялось в присутствии кого-нибудь другого — или в процессе толкования сна, или вместе с наставницей. Пить его наедине с собой было все равно, что задавать вопросы своему отражению в зеркале. Она чувствовала себя в замешательстве, словно стояла между двумя зеркалами и смотрела, как ее образ умножается в них до бесконечности.

— Тизана, — сказала она вслух, — это твое Испытание. Ты готова к тому, чтобы стать толковательницей снов?

И сама себе ответила:

— Я училась четыре года, а перед тем отдала еще три года паломничеству на Остров. Я знаю семь видов обманных сновидений, девять видов поучительных сновидений, сновидения призывающие, сновидения…

— Очень хорошо. Можешь пропустить все это. Готова ли ты к тому, чтобы стать толковательницей снов?

— Я знаю, как смешивать вино и как пить его.

— Отвечай на вопрос. Готова к тому, чтобы стать толковательницей снов?

— Я очень уравновешенна. У меня спокойный дух.

— Ты уклоняешься от вопроса.

— Я сильна и здорова. У меня почти нет дурных мыслей. Я желаю служить Божеству.

— А как насчет службы твоим ближним, всем разумным существам?

— Служить им — значит служить Божеству.

— Очень изящно сформулировано. Кто подсказал тебе эту мысль, Тизана?

— Она только что пришла ко мне. Могу я выпить еще вина?

— Как хочешь.

— Спасибо, — поблагодарила Тизана и выпила. У нее кружилась голова, но она все же не чувствовала себя пьяной; в вине не было мистической силы, соединяющей разумы, она была одна, и она бодрствовала. — А какой следующий вопрос? — спросила она.

— Ты еще не ответила на первый.

— Задайте следующий.

— Существует только один вопрос, Тизана. Готова ли ты к тому, чтобы стать толковательницей снов? Сможешь ли ты привнести покой в души тех, кто придет к тебе?

— Я попытаюсь.

— Это твой ответ?

— Да, — подтвердила Тизана. — Таков мой ответ. Отпустите меня на свободу и позвольте попробовать. У меня только добрые намерения. Я владею нужными навыками и имею желание помогать другим. К тому же Повелительница приказала мне стать толковательницей снов.

— Ты будешь ложиться со всеми, кому понадобится твоя помощь? С людьми, и гэйрогами, и скандарами, и лииименами, и вруунами, и представителями всех других рас этого мира?

— Со всеми, — откликнулась она.

— Ты будешь освобождать их от владеющих ими страхов и растерянности?

— Если смогу.

— Ты готова к тому, чтобы стать толковательницей снов?

— Позвольте мне попробовать, и тогда мы узнаем это, — попросила Тизана.

— Это кажется справедливым, — сказала Тизана-экзаменатор. — У меня больше вопросов нет.

Она вылила в бокал остатки вина и выпила. А потом она сидела молча, неподвижно, а солнце двигалось к зениту и жара все усиливалась. Она была совершенно спокойна, не испытывала ни нетерпения, ни неудобства. Она могла бы

просидеть так весь день и всю ночь, если бы потребовалось. Ей показалось, что прошел час или немного больше, а затем внезапно, без каких-либо звуков, перед нею появилась Вандуна.

— Твое Испытание закончилось? — мягко спросила старуха.

— Да.

— Ну и как?

— Я выдержала его, — ответила Тизана.

Вандуна улыбнулась.

— Конечно. Я была уверена, что так и будет. А теперь пойдем. Нам нужно поговорить с Верховной и подумать о твоем будущем, толковательница Тизана.

Они возвращались в общинный дом так же молча, как и покидали его; помимо всего прочего, разговаривать во время быстрой ходьбы по ежеминутно усиливавшейся жаре было достаточно трудно. Когда они вышли из области руин, время уже близилось к полудню. Новички и послушницы, работавшие в полях, собирались отправиться на обед. Они вопросительно смотрели на Тизану, и Тизана отвечала им широкой уверенной улыбкой.

Когда Тизана подходила к входу в главное здание монастыря, оттуда как бы случайно по-

явилась Фрейлис и взволнованно взглянула на подругу.

— Ну?

Тизана улыбнулась. Ей хотелось сказать: «Все это пустое, шутка, формальность, простой ритуал, настоящее Испытание прошло намного раньше». Но Фрейлис должна была сама узнать обо всем этом. Теперь их на какое-то время разделила непреодолимая пропасть, поскольку Тизана уже была толковательницей снов, а Фрейлис все еще оставалась простой выпускницей. И поэтому Тизана сказала лишь одну коротенькую фразу:

— Все хорошо.

— Какое счастье! Какое счастье! О, милая Тизана! Я так рада за тебя!

— Спасибо тебе за помощь, — очень серьезно сказала Тизана.

Внутренний двор внезапно пересекла тень. Тизана подняла глаза. По небу плыло маленькое черное облако, очень похожее на вчерашнее, наверняка какой-то заблудший клочок, оторвавшийся от штормовой тучи над отдаленным побережьем. Потом оно повисло, как будто зацепилось за шпиль общинного дома, и, словно отомкнулся некий замок, на землю посыпались крупные тяжелые капли.

— Смотри! — воскликнула Тизана. — Снова пошел дождь! Ну, Фрейлис! Давай танцевать!

Часть IX
Воровка из Ни-мойи

К исходу седьмого года после возвращения лорда Валентина на престол в Лабиринт приходит известие о том, что кораль намерен вскоре посетить подземный город. От этой новости у Хиссуна начинает резко колотиться сердце и пересыхает во рту. Удастся ли ему увидеть кораля? Вспомнит ли его лорд Валентин? Кораль однажды лично позаботился о том, чтобы его доставили аж в самый Горный замок на церемонию его повторной коронации; несомненно, кораль подумает о нем, конечно, лорд Валентин не забыл мальчишку, который…

Скорее всего, нет, решает Хиссун. Его волнение спадает, холодный рациональный рассудок снова поддается управлению. Если ему удастся хотя бы краешком глаза увидеть лорда Валентина во время визита, это уже можно считать редкостной удачей, ну а если лорд Валентин вспомнит, кто он такой, это нужно будет считать настоящим чудом. Наверняка кораль в Лабиринте не увидится ни с кем, кроме верховных министров

понтифекса. Говорят, что он отправился в великое паломничество и направляется в Алаизор, а оттуда на Остров, чтобы навестить свою мать, и остановка в Лабиринте обязательна на таком маршруте. Но Хиссун знает, что коронали не слишком-то любят гостить в Лабиринте; такие посещения неприятно напоминают им о том жилье, которое дожидается, когда придет их время пересесть на старший трон. И он знает также, что понтифекс Тиеверас — это существо-призрак, скорее мертвый, чем живой, запертый в своем коконе систем жизнеобеспечения, погруженный в неведомые никому грезы, неспособный к разумной человеческой речи, более символ, нежели человек; ему следовало сойти в могилу уже несколько лет тому назад, но в нем поддерживают жизнь для того, чтобы продлить время пребывания лорда Валентина в качестве короналя. Это прекрасно для лорда Валентина и, несомненно, для Маджипура, думает Хиссун, хотя вовсе не так хорошо для старика Тиевераса. Но такие вопросы не его ума дело. Он возвращается в Регистр памяти душ, продолжая праздно размышлять о предстоящем визите короналя, и совершенно бездумно заказывает новую капсулу. Когда она приходит, он видит, что запись сделана кем-то из обитате-

лей Ни-мойи и начинается так неинтересно, что Хиссун готов уже отправить ее обратно. Но он желает получить представление о крупнейшем городе другого континента. Ради знакомства с Ни-мойей он позволяет себе погрузиться в жизнь ничем не примечательной содержательницы лавки — и очень скоро перестает испытывать хоть малейшее сожаление по этому поводу.

Глава 1

Мать Иньянны всю жизнь была хозяйкой магазина в Велатисе, как и мать матери Иньянны, и было похоже, что такая же судьба ждет и Иньянну. Ни ее мать, ни мать ее матери не казались особенно обиженными на такую жизнь, но Иньянна, став в девятнадцать лет единоличной хозяйкой магазина, воспринимала его как тяжкое бремя, как горб, невыносимо давящий на спину. Она часто мечтала о том, чтобы продать его и отправиться на поиски счастья в какой-нибудь другой город, подальше отсюда. Например, в Пилиплок, или Пидруид, или даже далеко на север, в великую столицу Ни-мойю, красоту которой, как говорили, даже представить себе невозможно, если не видел ее воочию.

Но времена были не самыми лучшими, дела шли неважно, и Иньянна не видела на горизонте никаких покупателей на свой магазин. Кроме того, он составлял смысл жизни вот уже нескольких поколений ее семейства, и, несмотря на всю ее ненависть, отказаться от него было совсем непросто. Вот почему она каждое утро поднималась на рассвете, выходила на небольшую выложенную

каменными плитками террасу, чтобы окунуться в каменный чан с дождевой водой, которую собирала специально для купания, а затем одевалась, завтракала вяленой рыбой, запивая ее вином, и спускалась вниз, чтобы открыть магазин. Там она торговала всем на свете: и отрезами тканей, и глиняными горшками, доставлявшимися с южного побережья, и специями, и консервированными фруктами, и вином в кувшинах, и острыми нарабальскими ножами, и дорогим деликатесным мясом морских драконов, и сверкающими филигранью фонарями, сделанными в Тил-омоне, и множеством других вещей. В Велатисе имелось множество точно таких же магазинов, и ни один из них не мог похвалиться большими доходами. После смерти матери Иньянна сама вела торговые книги, следила за инвентарем, подметала пол, начищала прилавки, заполняла правительственные декларации, получала разрешения — и донельзя устала от всего этого. Но какие у нее могли быть другие жизненные перспективы? Девчонке-простолюдинке, живущей в городе, прилепившемся к склону горного хребта в дождливом районе второстепенного материка, не имело смысла всерьез надеяться на то, что за следующие шестьдесят или семьдесят лет что-ни-

будь может измениться.

Среди ее покупателей людей было немного. В течение многих десятилетий в этой части Велатиса селились, главным образом, хьорты и лиимены; тут было также довольно много метаморфов, поскольку Пиурифэйн, территория, на которой обитали метаморфы, располагалась к северу от города, по другую сторону горного хребта, и множество меняющих форму мало-помалу просочились в Велатис. Она доброжелательно встречала всех покупателей, даже метаморфов, с которыми, как правило, общаться было очень нелегко. Единственная вещь, о которой Иньянна сожалела, обслуживая своих клиентов, состояла в том, что ей очень мало приходилось общаться с представителями ее собственной расы, и потому, хотя она выглядела совсем юной, была высокой, стройной и привлекательной, с красиво вьющимися рыжими волосами и прекрасными зелеными глазами, поклонников у нее было мало, а такого мужчину, с которым ей захотелось бы прожить жизнь, она и вовсе пока не встретила. Если бы ей удалось разделить с кем-нибудь заботы о магазине, это значительно облегчило бы ей работу. С другой стороны, это стоило бы ей значительной части ее свободы, в том числе и

свободы мечтать о времени, когда она больше не будет содержать магазин в Велатисе.

Однажды после полуденного ливня в магазин вошли двое незнакомых людей, первые клиенты за несколько часов. Один из них, коротенький и толстый, больше походил на чурбак, чем на человека, а второй был, напротив, длинным, бледным и изможденным, с костистым лицом, на котором отовсюду торчали не только кости, но и, казалось бы, несвойственные человеческому лицу шипы и углы; этот напоминал какого-то хищного обитателя гор. Оба были одеты в белые туники из плотной ткани с ярко-оранжевыми поясами — в Велатисе считали, что так одеваются в великих городах севера — и, войдя в магазин, окинули полки быстрыми презрительными взглядами людей, привыкших покупать товары куда более высокого качества.

— Имею ли я удовольствие видеть перед собой Иньянну Форлану? — спросил коротышка.

— Да.

Он посмотрел в лист бумаги, который держал в руке.

— Дочь Форланы Хайорн, которая была дочерью Хайорн Иньянны?

— Да, это именно я и есть. Могу ли я спросить…

— Наконец-то! — в голос воскликнул длинный. — Какое же это было долгое и тоскливое путешествие! Если бы вы только знали, как долго мы искали вас! По реке до Кинтора, а оттуда обходным путем в Дюлорн и через эти омерзительные горы — кстати, здесь когда-нибудь прекращаются дожди? — а потом от дома к дому, от магазина к магазину через весь Велатис, приставая с вопросами то к одному, то к другому…

— И я именно тот человек, которого вы разыскиваете?

— Если вы сможете подтвердить свою родословную, то да.

Иньянна пожала плечами.

— У меня есть документы. Но какие у вас дела ко мне?

— Мы должны представиться, — спохватился коротышка. — Меня зовут Везан Ормус, а моего коллегу Стейг; мы из Ни-мойи, чиновники канцелярии наследственных дел администрации его величества понтифекса Тиевераса. — Везан Ормус раскрыл богато украшенную кожаную папку, извлек из нее пачку бумаг, бегло и целеустремленно пролистал их и продолжил: — У матери вашей матери была старшая сестра, некая Салин Иньянна, которая в двадцать третьем году понти-

фексата Кинникена при коронале лорде Оссиере поселилась в городе Ни-мойе, где вышла замуж за Хельмиота Гавоуна, троюродного брата герцога.

Иньянна подняла на него безучастный взгляд.

— Я ничего не знаю об этих людях.

— И неудивительно, — откликнулся Стейг. — С тех пор сменились два поколения. И, несомненно, обе ветви семейства поддерживали между собой не слишком тесный контакт, особенно если вспомнить о разделявших их расстояниях и разнице в материальном и общественном положении.

— Моя бабушка никогда ничего не говорила о каких-либо богатых родственниках в Ни-мойе, — сказала Иньянна.

Везан Ормус снова порылся в бумагах и откашлялся.

— Возможно, у нее были на то какие-то свои причины. Однако вот как обстояло дело. У Хельмиота Гавоуна и Салин Иньянны родились трое детей, и старшая дочь унаследовала семейное состояние. Она умерла молодой, погибла в результате несчастного случая на охоте, и имение отошло к ее единственному сыну Гавоуну Диламейну, который остался бездетным и умер на десятый год понтифексата Тиевераса, то есть де-

вять лет назад. С тех пор собственность считалась выморочной, хотя поиски законных наследников продолжались. Три года назад выяснилось…

— Вы хотите сказать, что я являюсь их наследницей?

— Именно так, — вкрадчивым голосом подтвердил Стейг, сопроводив свои слова широкой улыбкой, от которой, казалось, кости чуть не проткнули кожу на щеках.

Иньянна, которая уже давно поняла, к чему клонится весь этот рассказ, не могла оправиться от изумления. Ее ноги подкосились, губы пересохли; в замешательстве она взмахнула рукой и опрокинула дорогую алханроэльскую вазу, которая упала на пол и разбилась.

— И что же, предполагается, я должна унаследовать? — чрезмерно сухо спросила она, смущенная тем, что утратила контроль над собой.

— Огромный дом, известный как Ниссиморнский окоем, на северном берегу Зимра в Ни-мойе и три поместья в долине Стейч; все сданы в аренду и приносят доход, — ответил Стейг.

— Мы поздравляем вас, — сказал Везан Ормус.

— А я поздравляю вас, — ответила Иньянна. — У вас получилась прекрасная шутка. Спасибо за то, что вы развлекли меня, а теперь, если вы

не пожелаете что-либо купить, то прошу вас позволить мне вернуться к моей бухгалтерии, поскольку налоги…

— Вы не доверяете нам, — заметил Везан Ормус, — и, конечно, совершенно правы. Мы явились, рассказали историю, которая может показаться фантастической, и вам, естественно, трудно воспринять наши слова. Но вот, смотрите: мы из Ни-мойи. Неужели мы потащились бы в Велатис, за тысячи миль, ради того, чтобы подшутить над хозяйкой магазина? Вот… посмотрите сюда… — Он взмахнул пачкой бумаг и положил их на прилавок перед Иньянной. Та дрожащими руками принялась перебирать их. Рисунок особняка — потрясающе! — множество документов с титулами, генеалогическими таблицами и бумаги с печатями понтифекса, на которых написано ее имя…

Она подняла глаза; голова кружилась, мысли смешались.

— И что я должна теперь делать? — проговорила она слабым дрожащим голосом.

— Выполнить ряд обычных в таких случаях процедур, — ответил Стейг. — Вы должны предъявить официальное подтверждение того, что вы на самом деле являетесь Иньянной Форланой, а

затем подписать документы о том, что согласны уплатить прогрессивные налоги с накопленных за эти годы доходов, как только вступите во владение, уплатить пошлину за передачу титула и кое-что еще. Мы можем сделать все это за вас.

— И какова же пошлина?

— Несколько реалов.

Ее глаза широко раскрылись. Это была изрядная сумма.

— Я смогу ее заплатить, когда вступлю во владение?

— К сожалению, нет, — сказал Везан Ормус. — Вы не сможете получить титул до уплаты пошлины, а доступ к доходам от имения получите только после того, как примете титул, так что…

— Неприятная формальность, — сказал Стейг, — но в общем-то пустяковая в свете открывающихся перспектив.

Глава 2

Оказалось, что пошлина составляет около двадцати реалов. Это была огромная сумма для Иньянны, почти все ее сбережения. Но из документов она узнала, что одни только сельскохозяйственные угодья приносят до девятисот реалов в год, а помимо них имелись еще и другие источники доходов: арендная плата за использование помещений особняка, платежи за причалы на набережной…

Везан Ормус и Стейг оказали ей чрезвычайно полезную помощь. Она закрыла магазин — торговля все равно шла неважно, — и до самого вечера они сидели втроем за небольшим столиком наверху, и она заполняла формы, подписывала какие-то обязательства, а они скрепляли ее подпись внушительного вида печатями администрации понтифекса. А потом она устроила праздник: отвела своих посетителей в таверну, находившуюся у подножия холма, чтобы выпить вина. Стейг настаивал, что должен заплатить первым, отодвинул ее руку, бросил на стойку полкроны и потребовал большую бутылку лучшего пидруидского пальмового вина. У Иньянны

захватило дух при виде такой расточительности — обычно она пила что-нибудь попроще, — но сразу же вспомнила, насколько она разбогатела, и, когда бутылка опустела, сама заказала еще одну.

В таверне было много народу; в основном хьорты да несколько гэйрогов. Бюрократы с севера, судя по всему, чувствовали себя неловко среди всех этих так не похожих на людей существ и время от времени глубокомысленно прикрывали пальцами носы, словно хотели загородиться от запаха чуждой плоти. Иньянна, чтобы вернуть их в непринужденное настроение, снова и снова принималась благодарить их за то, что они, несмотря на бесчисленные трудности, все же разыскали ее в такой дыре, как Велатис.

— Но это наша работа! — возразил Везан Ормус. — Все мы, обитатели этого мира, должны служить Божеству, играя свои скромные роли в большой сложной пьесе повседневности. Земля лежала в праздности, большой дом стоял неиспользованный, наследница жила серой, скучной жизнью, пребывая в неведении. Справедливость требовала, чтобы этот непорядок был устранен. А честь исправления положения выпала нам.

— Все равно, — не согласилась Иньянна. Она

раскраснелась от вина и почти кокетливо склонялась то к одному, то к другому мужчине, словно заигрывала с ними. — Вы претерпели большие трудности ради меня, и я всегда буду в долгу перед вами. Могу я купить вам еще вина?

Когда они наконец покинули таверну, уже совсем стемнело. В небе висело несколько лун, и горы, окружавшие город — оскаленные клыки огромного Гонгарского хребта, — в холодном сиянии казались ледяными столпами. Иньянна увидела, что ее посетители повернули в направлении гостиницы, расположенной на площади Деккерета, и, не слишком хорошо соображая из-за выпитого, предложила им переночевать у нее. Но, по-видимому, предложение не вызвало у чиновников никакого восторга, они, похоже, даже немного насторожились и вежливо и бесстрастно попрощались с нею у дверей гостиницы. Чуть пошатываясь, Иньянна взобралась по круто поднимавшейся вверх длинной улице к своему дому и вышла на террасу, чтобы подышать ночным воздухом. У нее кружилась голова. Слишком много вина, слишком много разговоров, слишком много потрясающих новостей! Она смотрела сверху на свой город, на ряды маленьких обнесенных оштукатуренными стенами домиков

с крышами из каменных плит, спускавшихся к чаше водохранилища, на неровные полосы чахлых скверов, на немногочисленные площади и особняки, на обветшавший замок герцога, оседлавший восточный отрог горного хребта, на шоссе, опоясывавшее город; сразу за ним вздымались высокие мрачные горы, на боках которых, как свежие раны, темнели провалы мраморных карьеров — все это она видела из своего гнезда на вершине холма. Прощайте! Она не думала ни о красоте своего города, ни о его уродстве. Это было всего лишь тихое, влажное, унылое, холодное — донельзя обыкновенное — место, известное своим прекрасным мрамором и умелыми каменщиками и, пожалуй, ничем больше; провинциальный город на провинциальном континенте. Она была уверена, что судьбой ей предназначено провести здесь всю жизнь. Но теперь, теперь, когда в эту жизнь внезапно вторглись чудеса, ей казалось невыносимым пробыть здесь хотя бы лишний час, когда ее ждет великолепная, блистательная Ни-мойя. Ни-мойя, Ни-мойя, Ни-мойя!

Она почти не спала этой ночью. Утром она встретилась с Везаном Ормусом и Стейгом в конторе нотариуса, прилепившейся к задней

стене банка, и передала им небольшой мешок с затертыми монетами; бóльшая часть их была старыми, некоторые очень старыми, с профилями Кинникена, Тимина и Оссиера, а одна монета относилась даже к царствованию великого Конфалюма, трудно было даже сказать, сколько ей сотен лет. Взамен она получила единственный лист бумаги: расписку в получении двадцати реалов, которые были предназначены для уплаты пошлины. Другие документы, как ей объяснили, они должны взять с собой, чтобы должным образом подписать и утвердить. Но они пришлют ей все, как только оформление будет завершено, и после этого она сможет отправиться в Ни-мойю, чтобы вступить во владение собственностью.

— Когда я поселюсь в своих владениях, — величественно вымолвила она, — прошу вас в первый же месяц приехать ко мне, поохотиться и отдохнуть.

— О нет, — мягко, но непреклонно возразил Везан Ормус. — Это было бы неприлично с нашей стороны: слишком разное у нас общественное положение с обитателями Ниссиморнского окоема. Но мы понимаем ваши чувства и благодарны вам за приглашение.

Иньянна предложила им пообедать.

— Нет, — ответил Стейг, — нам уже пора отправляться. — Он сказал, что они должны были установить контакт еще с несколькими наследниками, провести действия по утверждению завещаний в Нарабале, Тил-омоне и Пидруиде; что пройдет еще много месяцев, прежде чем они снова увидят свои дома и своих жен в Ни-мойе. Означало ли это, спросила она, внезапно встревожившись, что до окончания их поездки ее документы так и останутся лежать без движения.

— Ни в коей мере, — успокоил ее Стейг. — Мы отправим ваши документы в Ни-мойю с курьером сегодня же вечером. Оформление документов начнется безотлагательно. Вы должны получить известие из нашего департамента через… ну, пожалуй, семь, самое большее, девять недель.

Она проводила их до гостиницы, подождала снаружи, пока они укладывали вещи, смотрела, как они садились в летающую лодку, и махала им вслед, пока машина не свернула на шоссе, ведущее к юго-западному побережью; затем она вернулась в магазин и возобновила торговлю. За всю вторую половину дня у нее было всего два покупателя. Один купил на восемь мерок гвоздей, а второй попросил три ярда фальшивого атласа по

шестьдесят мерок за ярд, так что вся выручка от дневной торговли составила меньше двух крон, но это ничего не значило. Скоро, совсем скоро она разбогатеет.

Прошел месяц, а из Ни-мойи не было никаких вестей. Второй месяц — и все такая же тишина.

Терпение, благодаря которому Иньянна продержалась в Велатисе девятнадцать лет, было терпением отчаяния, безнадежного смирения. Но теперь, когда перед нею замаячили грандиозные перемены, терпение иссякло. Она волновалась, она расхаживала взад-вперед по комнатам, она зачеркивала числа на календаре. Лето с его практически ежедневными дождями подошло к концу, сменившись сухой свежей осенью, окрасившей в пламенно-алый цвет листья деревьев в лесах предгорья. Ни слова. Начались тяжелые зимние ливни, которые принесли с собой массы сырого воздуха, прорывающиеся на юг из долины Зимра через страну метаморфов и сталкивающиеся с резкими горными ветрами. На высотах Гонгара белели снежные шапки, по улицам Велатиса текли мутные ручьи. Ни-мойя все так же молчала, а Иньянна вспоминала о своих двадцати реалах, и к страху, все глубже забиравшемуся в ее душу, начинало примешиваться раздражение.

Она отметила свой двадцатый день рождения в одиночестве, горестно потягивая прокисшее вино и пытаясь представить себе, какое чувство она будет испытывать, распоряжаясь доходами от Ниссиморнского окоема. Почему все так затянулось? Без сомнения, Везан Ормус и Стейг должным образом отправили документы в департамент, офис понтифекса; но столь же несомненно, сейчас ее бумаги лежали на каком-нибудь пыльном столе, ожидая, пока их переложат на другой стол, в то время как сады ее имения зарастали сорняками.

Накануне Зимнего дня Иньянна решила отправиться в Ни-мойю и лично проследить за ходом дела.

Поездка должна была обойтись очень дорого, а Иньянна уже лишилась всех своих сбережений. Чтобы добыть деньги, она заложила магазин семейству хьортов. Они уплатили ей десять реалов. Погасить ее долг они имели право, распродавая ее запасы, и если бы они успели вернуть свои деньги до ее возвращения, то должны были продолжать вести торговлю, выплачивая ей аренду. Контракт был составлен целиком и полностью в пользу хьортов, но Иньянну это не тревожило: она знала, хотя и не говорила никому, что нико-

гда больше не увидит ни свой магазин, ни этих хьортов, ни Велатис и что единственной вещью, интересовавшей ее, были деньги, с которыми она смогла бы добраться до Ни-мойи.

Это было нешуточное путешествие. Прямой путь из Велатиса в Ни-мойю пролегал через Пиурифэйн, область, принадлежавшую меняющим форму, куда никто не заходил без крайней необходимости. Так что ей надлежало сделать огромный крюк: на запад через перевал Стиамота, затем по длинной широкой долине, именовавшейся ущельем Дюлорн, по правую сторону которой на сотни миль тянулся огромный, в милю высотой, почти отвесный Велатисский уступ. Город Дюлорн лежал почти точно на середине предстоявшего ей пути, и оттуда нужно было одолеть еще половину колоссального материка Зимроэля, сначала по суше, а потом на речном судне до Ни-мойи. Но Иньянна видела в предстоящей поездке только великолепное приключение и не думала о том, как долго она может продлиться. Она никогда еще не выезжала из города; лишь однажды, когда ей было десять лет, мать, на радостях от успешной торговли, отправила ее на месяц в теплые края, на юг от Гонгарских гор. Другие города, которые она видела только

на картинках, были для нее столь же далеки и неправдоподобны, как и другие планеты. Ее мать однажды была на побережье, в Тил-омоне, и рассказывала, что это был край вечного мягкого лета, где ласковый солнечный свет походил на золотое вино. А мать ее матери была даже в Нарабале, где тропический воздух был влажным и тяжелым и лип к телу, словно мокрая одежда. Но прочие города — Пидруид, Пилиплок, Дюлорн, Ни-мойя и все остальные — являлись для нее только именами, понятие океана с трудом вмещалось в ее воображение, а поверить в то, что где-то за загадочным океаном имелся другой континент с тысячами миллионов обитателей, где имелся десяток огромных городов против каждого города Зимроэля, где посреди пустыни находилось загадочное подземное логовище, именуемое Лабиринтом, в котором скрывался от мира понтифекс, где вздымалась к небу гора высотой в тридцать миль, на вершине которой обитал корональ и весь его королевский двор, она до сих пор до конца не могла. От мыслей о таких вещах в горле у нее начинало першить, а в ушах звенело. Устрашающий и непостижимый Маджипур был слишком уж большой конфетой для того, чтобы проглотить ее одним большим

глотком; но и разгрызать ее постепенно, небольшими кусочками по миле-другой, для человека, который никогда не покидал пределов Велатиса, тоже было немыслимо трудной задачей.

Так, Иньянна с изумлением отметила перемены в климате, когда большая многоместная летающая лодка миновала перевал и спустилась на равнину, раскинувшуюся к западу от гор. Там все еще стояла зима — дни были короткими, солнечный свет бледным и зеленоватым, — но ветер был теплым и плотным, почти весенним, и в воздухе чувствовался приятный острый запах конца зимы. Она с удивлением обнаружила, что почва здесь мягкая, рассыпчатая и упругая, совершенно непохожая на твердую глину, сверкавшую бесчисленными мелкими и крупными камнями, на которой стоял ее дом, и что в этих местах земля имела удивительный ярко-красный оттенок. И растения с мясистыми глянцевыми листьями были незнакомы ей, и птицы здесь носили непривычные оперения, и поселения, попадавшиеся вдоль шоссе, жили открыто и были полны воздуха; эти деревни ничуть не напоминали темный тяжеловесный серый Велатис, их непохожие друг на друга маленькие деревянные домики, украшенные причудливой резьбой, си-

яли яркими всплесками желтого, синего и алого цветов. Для нее было также до ужаса непривычно не видеть со всех сторон горы, как в Велатисе, угнездившемся на груди Гонгарского хребта, но сейчас она оказалась в широченной впадине, лежавшей между горами и отдаленной прибрежной полосой, и когда взглянула на запад, то увидела перед собой почти пугающую ничем не ограниченную перспективу, полого уходившую вниз, сливавшуюся с бесконечно далеким горизонтом. С другой стороны от дороги, на севере, вздымался казавшийся бесконечным Откос Велатиса, противоположная Велатису сторона горной цепи, но даже и горы здесь были незнакомыми: цельный монолитный мрачный вертикальный барьер, из которого лишь изредка торчали, грозя небесам, острые пики. Но, описывая направленную на север кривую, они в конечном счете выехали из впадины, и почва снова изменилась — они достигли верхнего конца ущелья Дюлорн. Здесь было много гипса, холмистая низменность была от него белой, как будто покрытой изморозью. Камень казался жутковатым: на изломе он показывал рисунок, очень похожий на паутину, и сверкал таинственным холодным блеском. В школе она узнала, что из этого минерала был

построен весь город Дюлорн; ей показывали там картинки с изображением изящных шпилей, арок и прозрачных фасадов, сверкавших подобно холодному огню в дневном свете. Она всегда воспринимала это как легенду, наподобие сказок о Старой Земле, с которой, как считалось, некогда сорвались на поиски счастья люди, отдаленные предки ее соплеменников. Но однажды, в конце зимы, Иньянна увидела предместья настоящего города Дюлорна и поняла, что эта легенда вовсе не являлась плодом воображения. Дюлорн оказался гораздо более красив и странен, чем она была способна вообразить. Он, казалось, сиял своим собственным внутренним светом, тогда как свет солнца, преломляемый, расщепляемый и отражаемый бесчисленными углами и изгибами высоких причудливых зданий, сияющими потоками затоплял улицы.

Так вот каков был этот город! Рядом с ним, думала Иньянна, Велатис следовало считать грязным болотом. Она могла бы остаться здесь на месяц, на год, навсегда и ходить из улицы в улицу, рассматривать башни и мосты, глядеть в витрины невероятных магазинов, ослеплявшие изысканными дорогими товарами, так не похожие на ее собственную жалкую лавчонку. Эти

орды людей, покрытых чешуей, со змеиными языками — город принадлежал гэйрогам, миллионам квазирептилий, среди которых лишь изредка попадались представители иных рас, — перемещавшихся с такой целеустремленностью, занимаясь какими-то работами, незнакомыми простой горянке… эти светящиеся, мигающие разноцветные рекламы знаменитого Непрерывного цирка Дюлорна… эти элегантные рестораны, гостиницы, парки — все это привело Иньянну в благоговейное оцепенение. Конечно же, на Маджипуре не могло быть ничего, что сравнилось бы с этим местом! И все же она не раз слышала, что Ни-мойя гораздо больше, а Сти, город на Замковой горе, больше их обоих; а ведь были еще и знаменитый Пилиплок, и порт Алаизор, и… множество, множество других городов!

Но она пробыла в Дюлорне всего лишь полдня — пока из летающей лодки высаживались пассажиры, выгружался багаж, освободившиеся места занимали новые пассажиры, а машину проверяли перед выходом на следующий этап маршрута. Она не понимала толком, идет время или стоит. Днем позже, когда машина уже давно двигалась на восток через леса, раскинувшиеся между Дюлорном и Мазадоном, она обнаружила,

что совершенно не уверена, видела ли она на самом деле Дюлорн, или он ей только пригрезился.

Ежедневно перед нею открывались новые чудеса — места, где воздух был фиолетовым, деревья величиной с целые холмы, чащи поющих папоротников… Затем на смену лесам пришла длинная череда унылых неразличимых городов — Кинтион, Мазадон, Тагобар и еще какие-то… Пассажиры выходили, доехав куда им нужно, на их места садились новые, водители сменялись через каждые девятьсот миль, и одна только Иньянна продолжала путь, огибая всю огромную страну, разглядывая мир. Глаза и мозги у нее уже затуманились и отказывались воспринимать то и дело появлявшиеся перед нею новые и новые виды. А вскоре ей предстояло увидеть гейзеры, и горячие озера, и прочие чудеса, порожденные подземным жаром; все это находилось подле Кинтора, крупнейшего из городов, расположенных в глубине континента, где Иньянне предстояло пересесть на судно и преодолеть последний отрезок своего пути в Ни-мойю по воде. Здесь с северо-запада тек Зимр, река огромная, как море; не всегда можно было рассмотреть ее противоположный берег. В Велатисе Иньянна видела только быстрые и узкие горные речки и никак не

могла предположить, что на свете может существовать такое гигантское плавно извивающееся темноводное чудовище, коим являлся Зимр.

И несколько недель грудь этого чудовища качала Иньянну, которая проплыла мимо Верфа, Стройна, Лагомандино и еще пятидесяти городов, названия которых она не слышала прежде и не стала пытаться запомнить теперь. Судно, на котором она плыла, стало всем ее миром. Климат в долине Зимра был очень мягким, сезоны сменялись почти незаметно; здесь легко можно было утратить ощущение хода времени. Можно было подумать, что стоит весна, хотя она знала, что на самом деле уже близится к концу лето, поскольку ее поездка тянется уже почти полгода. Возможно, путешествию предстояло никогда не закончиться; возможно, теперь ее судьба заключалась в том, чтобы плыть по течению с места на место, не испытывая никаких чувств, нигде не причаливая к земле… Все шло своим чередом. Она начала забывать себя. Где-то существовал принадлежавший когда-то ей магазин, где-то существовало большое состояние, которое будет принадлежать ей, где-то существовала молодая женщина по имени Иньянна Форлана, прибывшая из Велатиса, но, пока она плыла по бесконечному Маджипуру, все

это утратило образы и превратилось в простое бесформенное движение.

И вот в один прекрасный день в сотый раз на берегу Зимра — на обоих берегах — появился какой-то новый город, и пассажиры судна внезапно заволновались, кинулись к бортам и принялись вглядываться в туманную даль. Иньянна услышала возгласы: «Ни-мойя! Ни-мойя!» — и поняла, что ее путешествие подошло к концу, что ее странствия закончены, что она прибыла в свой настоящий дом, чтобы обрести свои неотъемлемые права.

Глава 3

Она была достаточно разумна и сознавала, что пытаться понять Ни-мойю в первый же день столь же глупо, как и считать звезды. Это была столица, в двадцать, если не больше, раз превышавшая размерами Велатис, растянувшаяся на сотни миль по обоим берегам огромного Зимра, и — она ощущала это — можно было провести здесь всю жизнь и все равно продолжать путаться в улицах и площадях города-гиганта. Ну и прекрасно. Она не позволила себе ни благоговения, ни потрясения от огромности и чрезмерности всего, что видела вокруг. Ей предстояло одолевать этот город постепенно, шаг за шагом. И в этом спокойном решении было начало преобразования в истинную жительницу Ни-мойи.

Но все же первый шаг ей еще только предстояло сделать. Судно причалило к, как ей показалось, южному берегу Зимра. Вцепившись в свой чемоданчик, Иньянна переводила глаза с одного берега на другой, каждый раз изумляясь колоссальной массе воды — Зимр принимал здесь в себя сразу несколько крупнейших притоков и расширялся до неимоверной величины, — и виде-

ла города на каждом берегу. Который из них был Ни-мойей? Где располагаются представительства понтифексата? Как ей найти свои поместья и особняк? Светящиеся надписи указывали, откуда отправляются паромы, но их назначением были места, именовавшиеся Гимбелук и Истмой, Стрелейн и Стрэнд-Виста; Иньянна решила, что все это предместья. Зато о пароме в Ни-мойю нигде не было ни слова, так как все эти места и составляли Ни-мойю.

— Ты заблудилась? — раздался у нее за спиной тонкий резкий голос. Иньянна обернулась и увидела девушку, которая плыла на судне вместе с нею, на два-три года моложе, чем она, с пестрым от косметики лицом и жидковатыми волосами, вызывающе окрашенными в лавандовый цвет. Слишком гордая, а может быть, слишком застенчивая для того, чтобы принимать помощь от нее — она сама не могла решить, какое чувство превалировало, — Иньянна резко мотнула головой и отвернулась, почувствовав при этом, как ее щеки вспыхнули.

— За билетными кассами есть справочная установка, — сказала девушка ей в спину и исчезла в толпе.

Иньянна встала в хвост очереди, скопившейся

возле справочной установки, и спустя некоторое время получила возможность засунуть голову в коробку переговорного устройства.

— Слушаю вас, — послышался приятный голос.

— Представительство понтифекса. Бюро утверждения завещаний, — без запинки проговорила Иньянна.

— В списках нет такого бюро.

Иньянна нахмурилась.

— Тогда представительство понтифекса.

— Стрелейн, Родамаунтский бульвар, 853.

Испытывая не совсем понятную тревогу, она купила билет на паром до Стрелейна: одна крона двадцать мерок. У нее теперь оставалось ровно два реала; этого должно было хватить на несколько недель жизни в этом городе, где все, похоже, очень дорого. А что потом? А потом я поселюсь в Ниссиморнском окоеме, бодро сказала она себе и перешагнула с причала на паром. Но мысль о том, почему адрес Бюро утверждения завещаний мог оказаться не внесенным в список учреждений, не выходила у нее из головы.

День уже клонился к вечеру. Паром, испуская хриплый свист, плавно отошел от причала. Иньянна вцепилась в поручни и с удивлением вглядывалась в город, раскинувшийся на далеком

берегу. Сверкающие белые башни с плоскими крышами постепенно, ярусами, взбирались на нежно-зеленые холмы, ограничивавшие горизонт на севере. Возле широкого трапа, ведущего на нижние палубы, располагался стенд с картой. Стрелейн оказался центральным районом города и располагался прямо напротив пристани, от которой отошел паром, — это и был Ниссиморн. Чиновники понтифексата сказали ей, что ее особняк находился на северном берегу и назывался Ниссиморнским окоемом потому, что из него открывался вид именно на Ниссиморн; значит, он должен быть именно в Стрелейне, возможно где-то в районе леса, покрывавшего берег на северо-востоке. Гимбелук, западный пригород, отделялся от Стрелейна безымянным притоком, через который было перекинуто множество мостов; Истмой лежал на востоке; с юга впадала река Стейч, почти такая же большая, как Зимр, и города по его берегам назывались…

— Ты здесь первый раз? — Это вновь оказалась девушка с бледно-сиреневыми волосами.

Иньянна нервно улыбнулась.

— Да. Я из Велатиса. Деревенщина, можно сказать.

— Похоже, что ты боишься меня.

— Я? Неужели?

— Я тебя не укушу. И даже не стану тебя обманывать. Меня зовут Лилойв. Я воровка с Большого базара.

— Ты сказала– воровка?

— Это почтенная профессия в Ни-мойе. Хотя муниципалитет и не выдает нам лицензий, но все же не слишком вмешивается в наши дела. Ну а у нас есть свои собственные порядки, как в любой утвержденной гильдии. Я была в Лагомандино, продавала краденое моему дяде. А ты что, считаешь себя слишком хорошей для того, чтобы разговаривать со мной, или просто очень застенчивая?

— Ни то и ни другое, — ответила Иньянна. — Но я очень долго путешествовала одна и отвыкла от разговоров с людьми. Я задумалась. — Она заставила себя улыбнуться. — А ты на самом деле воровка?

— Да. Но не карманница. Очень уж у тебя встревоженный вид! И все же как тебя зовут?

— Иньянна Форлана.

— Красивое имя. Я никогда еще не встречала ни одной Иньянны. И ты проехала аж от Велатиса до самой Ни-мойи? Зачем?

— Чтобы получить наследство, — прямо отве-

тила Иньянна. — Собственность внука сестры моей бабушки. Поместье на северном берегу, известное как Ниссиморнский окоем…

Лилойв захихикала, попыталась сдержать смех, отчего ее щеки раздулись, закашлялась и хлопнула себя ладонью по губам в приступе неудержимого смеха. Но она все же смогла почти сразу же пересилить себя, и насмешка на ее лице сменилась жалостью.

— Если это так, то, значит, ты принадлежишь к семейству герцога, и я должна просить у тебя прощения за то, что так нахально разговаривала с тобой.

— Семейству герцога? Нет, конечно нет. С чего ты это взяла?

— Ниссиморнский окоем принадлежит Калейну, младшему брату герцога.

Иньянна покачала головой.

— Нет. Сестре моей бабушки…

— Бедняжка, да шарить по твоим карманам нет никакого смысла. Кто-то уже успел их обчистить!

Иньянна прижала к груди чемоданчик.

— Нет, — заметив ее смятение, поправилась Лилойв. — Вероятнее, что ты тронутая, раз считаешь, что унаследовала Ниссиморнский окоем.

— Я видела бумаги с печатью администрации понтифекса. Два человека из Ни-мойи лично доставили их в Велатис. Я, возможно, не слишком прыткая деревенская девчонка, но все же не дура, чтобы решиться на такую поездку, не имея серьезных доказательств. Да, у меня были подозрения, но я видела документы. Я уплатила пошлину за право наследования титула! Это стоило двадцать реалов, но бумаги были в полном порядке!

— И куда ты собираешься идти, когда попадешь в Стрелейн?

— Я не думала об этом… Наверное, в гостиницу…

— Побереги свои кроны. Они тебе еще потребуются. Устроишься у нас, на базаре. А утром поговори с имперскими прокторами. А вдруг они смогут помочь тебе вернуть хотя бы часть потерянного?

Глава 4

Мысль о том, что она оказалась жертвой мошенников, с самого начала жила в сознании Иньянны, словно басовитый гул, чуть слышно пробивающийся сквозь звуки прекрасной музыки, но она не желала слышать этот гул, и даже теперь, когда он сменился оглушительным ревом, она заставила себя верить в свое счастье. Эта невзрачная маленькая базарная девчонка, по ее собственному признанию, профессиональная воровка, несомненно обладала чрезмерно развитой недоверчивостью, как это и должно быть свойственно тому, кто живет, противопоставляя свой ум враждебной вселенной, и потому видела мошенничество и недоброжелательность повсюду, возможно, даже там, где их и близко не было. Иньянна знала, легковерие могло вовлечь ее в ужасную ошибку, но было бессмысленно начинать жаловаться, когда еще ничего не началось. Ведь могло же в конце концов оказаться, что она все-таки имела какое-то отношение к фамилии герцога, а может быть, Лилойв напутала насчет владельцев Ниссиморнского окоема. Ну а если она и в самом деле прибыла в Ни-мойю,

поддавшись на обман, и все ее последние кроны истрачены без толку, то, по крайней мере, она находилась теперь в Ни-мойе, а не в Велатисе, и это само по себе было причиной для радости.

Когда паром приблизился к причалу Стрелейна, Иньянна смогла получить первое представление о центре Ни-мойи вблизи. Ослепительно-белые башни стояли почти у самого края воды, поднимаясь к небу так резко и круто, что казались неустойчивыми, и было трудно понять, почему они не сваливались в реку. Начало темнеть. Повсюду зажигались огни. Иньянна взирала на великолепие города со спокойствием лунатика. Я пришла домой, раз за разом повторяла она себе. Я дома, этот город — мой дом, я чувствую, что попала домой. И все равно она следила за тем, чтобы не отстать от Лилойв, когда они через толпу местных жителей пробирались с пристани на улицу.

У ворот речного вокзала стояли три огромных металлических птицы со сверкавшими — наверное, из драгоценных камней — глазами: гихорн с распахнутыми широкими крыльями, большой глупый длинноногий хазенмарл и еще одна (Иньянна такой не знала) с огромным, изогнутым наподобие серпа клювом, под которым свисала кожистая сумка. Механические фигуры медлен-

но двигались, покачивая головами, взмахивая крыльями.

— Эмблемы города, — не дожидаясь вопроса, объяснила Лилойв. — Ты будешь встречать этих дурацких истуканов повсюду! И у всех вместо глаз будут драгоценные камни.

— И никто их не украдет?

— Хотела бы я набраться смелости на это. Я могла бы легко забраться туда и выковырять их. Но говорят, что за этим последует тысяча лет непрерывных бедствий. Метаморфы снова восстанут и прогонят нас, башни обрушатся, ну и тому подобная чепуха.

— Но раз ты не веришь в эти легенды, то почему бы не украсть камни?

Лилойв фыркнула.

— А кто их купит? Любой барыга сразу же поймет, откуда они и раз уж всем известно, что на них наложено проклятие, то вора будет ждать бездна неприятностей, а Король Снов примется терзать твою голову до тех пор, пока ты не взвоешь. Пусть лучше у меня будет полный карман осколков цветного стакана, чем глаза птиц Ни-мойи. Ну вот, садись! — Она открыла дверь маленькой летающей лодки-такси, стоявшей неподалеку от вокзала, подтолкнула Иньянну на сиденье,

сама шлепнулась рядом, бойко отстучала код на клавиатуре, и машина тронулась с места. — Мы можем поблагодарить твоего благородного родственника за эту поездку, — заявила она.

— Что-что?

— Калейна, брата герцога. Я указала его платежный код. Его номер выкрали месяц назад, и многие из нас теперь ездят бесплатно, то есть за его счет. Конечно, когда придут счета, канцлер изменит код, но до тех пор… понимаешь?

— Я, наверное, очень наивна, — сказала Иньянна. — Я все еще верю в то, что Повелительница и Король видят наши грехи, когда мы спим, и посылают сновидения помешать таким вещам.

— На такую веру все и рассчитано, — ответила Лилойв. — Вот убей кого-нибудь, и наверняка получишь послание от Короля Снов; в этом не может быть сомнений. Но сколько народу живет на Маджипуре? Восемнадцать миллиардов? Тридцать? Пятьдесят? И что, у Короля найдется время, чтобы насылать карающие сны на каждого, кто обманом бесплатно проедется в летающей лодке? Думаешь, это возможно?

— Ну…

— Или даже на тех, кто выманивает деньги, взимая пошлину за не принадлежащие людям

дворцы?

Щеки Иньянны вспыхнули, и она отвернулась.

— Куда мы едем? — глухим голосом спросила она.

— Уже приехали. Остановка Большой базар. Прошу на выход!

Иньянна следом за Лилойв вышла на широкую площадь, ограниченную с трех сторон высокими башнями, а с четвертой — приземистым зданием, к которому вело множество длинных низеньких ступеней. Сотни, а может быть, и тысячи людей в изящных белых нимойских туниках поспешно проходили туда и сюда через широкую пасть здания, арку которого украшал резной горельеф — те же самые три символические птицы с драгоценными камнями в глазах.

— Это Пидруидские врата, — сказала Лилойв, — один из тринадцати входов. Сам базар занимает пятнадцать квадратных миль. Знаешь, он немного похож на Лабиринт, хотя, конечно, не уходит так глубоко под землю, разве что ниже уровня улиц. Он пронизывает весь город, его части соединяются через разные дома, через проходы под улицами; можно сказать, что это город в городе. Мои предки жили здесь сотни лет. Мы потомственные воры. Без нас у владельцев лавок было

бы много неприятностей.

— Я была в Велатисе хозяйкой лавки. У нас там нет воров, и, по-моему, никто и никогда не желал, чтобы они появились, — сухо заметила Иньянна, когда они влились в толпу, продвигавшуюся по широким низким ступеням к воротам Великого базара.

— Здесь все по-другому, — возразила Лилойв.

Базар простирался во все стороны — сложнейший лабиринт ярко освещенных узких галерей, проходов, туннелей и галерей, разделявшихся и подразделявшихся на бесчисленное множество крошечных кабинок. Над головами тянулось цельное полотнище желтой ткани, испускавшей яркое сияние благодаря собственному люминесцентному свечению. Это зрелище изумляло Иньянну больше, чем все остальное, что она успела увидеть в Ни-мойе, так как она в своем магазине иногда торговала такой тканью — по три реала за рулон, а одного рулона хватало для того, чтобы украсить разве что небольшую комнату; ее душа пришла в смятение от мысли о пятнадцати квадратных милях светящейся ткани, и Иньянна, несмотря на свои навыки, никак не могла вычислить в уме ее стоимость. Ай да Ни-мойя! Такие крайности можно было выдержать, только имея

хорошее чувство юмора.

Они все дальше углублялись в базар. Каждый закоулок казался Иньянне неотличимым от другого; везде было одинаково шумно, независимо от того, чем там торговали. По сторонам теснились одна к другой лавки с фарфором, тканями, столовыми приборами, одеждой, фруктами, мясом, овощами, деликатесами; где-то сконцентрировались винные лавки, в другом месте остро пахло пряностями, потом по сторонам заблестели в многочисленных витринах драгоценные камни, и повсюду стояли торговцы с жареными сосисками, и торговцы с жареной рыбой, и торговцы иной едой и лакомствами. Ну а Лилойв, похоже, всегда точно знала, куда идти от той или иной развилки и в который из неисчислимых совершенно одинаковых переулков нужно сворачивать, чтобы попасть к известной ей одной цели. Она двигалась стремительно и уверенно и лишь несколько раз приостановилась, чтобы раздобыть себе обед, ловко прихватив балыковое полено с одного прилавка да бутылку вина с другого. Несколько продавцов заметили ее действия, но лишь улыбнулись и промолчали.

— Неужели это не волнует их? — изумилась Иньянна.

— Они знают меня. Но я уже сказала тебе, что нас, воров, здесь высоко ценят. Мы нужны.

— Очень жаль, но я этого не понимаю.

— Видишь ли, мы поддерживаем порядок на базаре. Здесь не ворует никто, кроме нас, а мы берем только, что нам нужно, зато разгоняем любителей. Ну что могло бы здесь твориться, если бы каждый десятый набивал себе карманы тем, что лежит в кошельках у остальных девяти? Но мы ходим среди них, заполняя наши собственные кошельки, а также останавливая лишних. Нас знают. Понимаешь? Наша добыча — это своего рода налог на торговцев или жалованье, которое они уплачивают нам за то, что мы контролируем толпы, которые непрерывно толкутся здесь. Эй, ты! А ну, прекрати! — Последние слова были обращены не к Иньянне, а к мальчишке лет двенадцати, темноволосому, щуплому и гибкому, как угорь, который перебирал охотничьи ножи, выставленные в большом ведре. Молниеносным движением Лилойв поймала мальчишку за руку и одновременно совершенно непостижимым образом ухватила за извивавшееся щупальце какого-то врууна, ростом не больше мальчика, стоявшего в тени в нескольких футах. Иньянна слышала, как Лилойв что-то негромко говорила

им, улавливала жесткий тон, но не могла понять ни единого слова. Спустя несколько секунд все закончилось, и вруун с мальчишкой поспешно бросились прочь и канули в толпе.

— И что это было? — спросила Иньянна.

— Они воровали ножи, мальчишка передавал их врууну. Я велела им немедленно убраться с базара и пригрозила, что если они не послушаются, то мои братья запекут врууна в его собственном панцире и заставят мальчишку съесть.

— Неужели они сделали бы это?

— Конечно нет. Это значило бы обречь себя всю жизнь смотреть не самые приятные сны. Но они поняли свою ошибку. Здесь крадут только те воры, которые имеют на это право. Можно сказать, что мы заменяем здесь прокторов. Мы необходимы. А вот тут я живу. Милости прошу в гости.

Глава 5

Лилойв обитала под землей в комнате со стенами из покрытого грязно-белой штукатуркой камня, входившей в анфиладу из семи или восьми таких же комнат, расположенную под тем рядом Великого базара, который занимали торговцы сырами и маслом. В подземные жилища нужно было спускаться через люк по веревочной лестнице. В тот самый миг, когда голова Иньянны опустилась ниже уровня пола, весь шум и безумие базара остались позади, и единственным напоминанием о том, что находится наверху, был несильный, но неистребимый запах красного стойензарского сыра, проникавший даже через каменные стены.

— Вот наша берлога, — объявила Лилойв. Она запела быструю ритмичную мелодию, и тут же из дальних помещений появились люди — потасканного вида люди с ловкими движениями, в большинстве низкорослые и тощие; каждый из них, как и Лилойв, казался сделанным из второсортного человеческого материала. — Мои братья Сидоун и Ханоун, — представила их Лилойв. — Моя сестра Медилл Фаруйн. Мои двоюродные

братья Авейн, Амейн и Атейн. А это мой дядя Агурмоль, глава нашего клана. Дядя, это Иньянна Форлана, из Велатиса; двое странствующих жуликов впарили ей за двадцать реалов Ниссиморнский окоем. Я встретила ее на речном судне. Она будет жить с нами и станет воровкой.

У Иньянны перехватило горло.

— Я…

Агурмоль с величественным видом Хозяйки Острова, раздающей благословения, сделал изысканный и подчеркнуто официальный жест.

— Теперь ты одна из нас. Ты сможешь носить мужскую одежду?

— Думаю, что смогу, — оторопела Иньянна, — но я не пони…

— У меня есть младший брат, приписанный к нашей гильдии. Он живет в Авендройне среди меняющих форму; его не видели в Ни-мойе уже несколько лет. Ты назовешься его именем, и это будет куда проще, чем устраивать тебе вступление в гильдию. Дай мне руку.

Она безропотно позволила ему взять свою ладонь своими влажными мягкими пальцами. Он посмотрел ей в глаза и сказал низким выразительным голосом:

— Твоя настоящая жизнь только начинается.

Все, что было прежде, это всего лишь сны. Теперь ты воровка, вернее, вор в Ни-мойе, и твое имя Кулибгай. — И добавил, подмигнув: — Двадцать реалов — не слишком высокая цена за Нисси-морнский окоем.

— Это была только пошлина за регистрацию, — сказала Иньянна. — Они заявили мне, что я унаследовала этот дом после сестры матери моей матери.

— Если это верно, то ты должна будешь устроить для нас грандиозный пир, как только вступишь во владение, чтобы отблагодарить за гостеприимство. Согласна? — Агурмоль беспечно рассмеялся. — Авейн! Вина для твоего дяди Кулибгая! Сидоун, Ханоун, подберите ему подходящую одежду! Эй, кто-нибудь, музыку! Кто хочет потанцевать? Ну-ка, дадим жизни! Медилл, приготовь кровать для гостя!

Маленький человечек беззаботно крутился, весело выкрикивая приказания. Иньянна, заразившись его неистовой энергией, выпила бокал вина, позволила примерить на себя тунику одного из братьев Лилойв. При этом она старалась не задумываться о посторонних вещах, чтобы запомнить поток имен, которые ей поминутно называли. В комнату стал набиваться народ — в

основном люди, три хьорта с серыми пухлыми лицами и, к изумлению Иньянны, пара стройных молчаливых метаморфов. Хотя она, пока вела торговлю, привыкла иметь дело с меняющими форму, но все же никак не ожидала, что Лилойв и ее семейство фактически разделяют кров с этими таинственными аборигенами. Хотя возможно, что воры, как и метаморфы, считались на Маджипуре отверженными и потому с готовностью тянулись друг к другу.

Импровизированный праздник в ее честь продолжался несколько часов. Воры, казалось, были рады оказать ей покровительство, все по очереди подходили к ней, предлагая какие-то пустяковые услуги, забавляя ее байками и сплетнями из местной жизни. Для Иньянны, предки которой на протяжении длинной череды поколений были лавочниками, воры являлись естественными врагами. Но все же эти люди, хотя и были, по ее мнению, жалкими изгоями, казались ей приветливыми, дружелюбными и открытыми; к тому же они были единственными союзниками в той борьбе, которую ей предстояло вести против огромного и безразличного города. Иньянна не испытывала никакого желания осваивать их профессию, но она прекрасно понимала, что судь-

ба могла поступить с ней и хуже, чем заставить прибиться к родственникам Лилойв.

Она спала беспокойно, видела во сне нечто отрывочное и беспредметное и несколько раз просыпалась, не в состоянии понять, где же она находилась. Но в конце концов усталость сломила ее, и она погрузилась в глубокий сон. Обычно она пробуждалась на рассвете, но в этой пещерной обители рассвет был чужаком, так что, проснувшись, она не могла даже представить, какое сейчас время суток.

— Ты, похоже, ужасно устала? — улыбнулась ей Лилойв.

— Я спала слишком долго?

— Ты спала до тех пор, пока не проснулась. Я думаю, что ты проспала не больше и не меньше, чем было нужно. А тебе как кажется?

Иньянна посмотрела вокруг и увидела следы вечеринки — пустые бутылки, грязную посуду, забытые кем-то предметы одежды — но никого, кроме них, в комнате не было. Они на утреннем обходе, объяснила Лилойв. Она показала Иньянне, где можно умыться и одеться, а затем они поднялись на поверхность и очутились в кипучем водовороте базара. Днем жизнь здесь бурлила так же, как и накануне вечером, но в

обычном свете все здесь казалось не столь волшебным, не столь переполненным и бурлящим, атмосфера была не столь заряженной энергией, как при электрическом освещении: то, что вчера вечером казалось Иньянне загадочной самостоятельной вселенной, сегодня было всего-навсего переполненным народом обширным торговым центром. Они приостановились лишь у трех-четырех прилавков, чтобы тайком прихватить чего-нибудь себе на завтрак. Лилойв нахально принималась закусывать, отойдя всего на несколько шагов от обворованной лавчонки, и призывала смущенную и колеблющуюся Иньянну следовать ее примеру. А затем, пробравшись через невероятно запутанный лабиринт, в котором, Иньянна была полностью уверена, она никогда не сможет почувствовать себя хозяйкой, они неожиданно оказались на свежем чистом воздухе надземного мира.

— Мы вышли из Пилиплокских врат, — сказал Лилойв. — Отсюда до понтифексата рукой подать.

Прогулка действительно оказалась короткой, но Иньянна все равно была ошеломлена, ибо за каждым углом ей открывались все новые и новые чудеса. Один уходивший вдаль прекрасный

бульвар был весь залит ослепительным светом, словно под тротуаром пряталось второе солнце. Этот бульвар, сказала Лилойв, так и назывался — Хрустальный бульвар, поскольку он днем и ночью сверкал ослепительными огнями, испускаемыми специальными отражателями, которые автоматически поворачивались, чтобы иметь наилучшую ориентацию. В конце другой улицы, уходившей вниз по склону холма на восток, туда, где Зимр делал крутой изгиб, она разглядела здание, которое могло быть только дворцом герцога Ни-мойи. Ее изумила также стройная стела из отполированного камня, возвышавшаяся на широком постаменте, — даже издалека было ясно, насколько грандиозно это сооружение, окруженное парком, подобным зеленому ковру. Еще один поворот, и Иньянна увидела нечто, похожее на аккуратнейшим образом вытканный гигантский — в милю длиной — кокон какого-то невероятного насекомого, висящий над широченным проспектом.

— Паутинная галерея, — объяснила Лилойв, — здесь богачи покупают свои цацки. Может, и ты когда-нибудь выкинешь здесь ведро-другое реалов. Но это будет не сегодня. Мы уже пришли. Вот Родамаунтский бульвар, и вскоре мы точно

выясним все, что касается твоего наследства.

Улица изгибалась плавной дугой, вдоль одной ее стороны бок о бок высились совершенно одинаковые башни с плоскими фасадами, а по другой чередовались высокие и приземистые дома. Судя по всему, это были правительственные учреждения. Строгость архитектурного ансамбля привела Иньянну в замешательство; одна она могла бы бродить по улице хоть целый день, не смея открыть хоть одну дверь, но Лилойв, задав несколько решительных вопросов, быстро разобралась, что где находится, и потащила Иньянну в глубину клубка извилистых коридоров, едва ли менее запутанных, чем Большой базар. Вскоре они уже сидели на деревянной скамье в большом и ярко освещенном зале для дожидающихся приема и смотрели на табло под потолком, на котором высвечивались имена посетителей, которых приглашали войти. Через какие-нибудь полчаса там появилось имя Иньянны.

— Это бюро утверждения завещаний? — спросила она свою спутницу, пока они шли к двери.

— Скорее всего, такого просто нет, — ответила Лилойв. — Здесь сидят прокторы. Они, пожалуй, единственные, кто, возможно, в силах тебе помочь.

Хьорт со строгим пухлым лицом и выпученными, как у всех своих сородичей, глазами спросил, какая у них проблема, и Иньянна, поначалу запинаясь, постепенно разговорилась и рассказала всю свою историю: незнакомцы из Ни-мойи, поразительный рассказ о грандиозном наследстве, документы, печати администрации понтифекса, двадцать реалов, уплаченных в качестве пошлины. Она рассказывала, а хьорт все сильнее и сильнее горбился за своим столом, стискивал челюсти и немыслимым образом вращал своими огромными вытаращенными глазами в разные стороны. Когда она умолкла, он взял у нее из рук квитанцию об уплате пошлины, глубокомысленно пощупал толстыми пальцами имперскую печать, стоявшую на ней, и уныло сообщил:

— Вы уже девятнадцатая. В этом году в Ни-мойе побывало уже восемнадцать претендентов на Ниссиморнский окоем. Но, боюсь, их будет больше. Намного больше.

— Девятнадцатая?

— Насколько мне известно. Возможно, были и другие, но они не стали извещать прокторов о мошенничестве.

— О мошенничестве… — бездумно повторила Иньянна. — Но возможно ли такое? Они показали

мне документы, генеалогическое древо, бумаги с моим именем… Неужели они совершили путешествие от Ни-мойи до Велатиса лишь затем, чтобы выманить у меня двадцать реалов?

— Нет, конечно, они ехали не только ради вас, — ответил хьорт. — Вероятно, три или четыре наследника Ниссиморнского окоема нашлись в Велатисе, пятеро в Нарабале, семь в Тил-омоне, дюжина в Пидруиде… Видите ли, генеалогию нескольких десятков людей узнать совсем не трудно. И подделать документы, и заполнить бланки. Получить двадцать реалов от одного, тридцать от другого — вам не кажется, что на эти деньги можно неплохо жить, если только не слишком задерживаться на одном месте?

— Но ведь этого же не может быть! Это противозаконно!

— Да, — устало согласился хьорт.

— И Король Снов…

— Строго накажет их, можете не сомневаться в этом. И мы, конечно, не замедлим строго наказать их, как только обнаружим. Вы могли бы оказать нам большую помощь, подробно описав их внешность и манеры.

— А мои двадцать реалов?

Хьорт пожал плечами.

— Есть какая-нибудь надежда на то, что смогу получить их обратно? — требовательно спросила Иньянна.

— Никакой.

— Это значит, что я лишилась всего, что у меня было!

— От имени его величества я выражаю вам мое искреннее и глубокое сочувствие, — сказал хьорт, и на этом аудиенция закончилась.

— Отведи меня к Ниссиморнскому окоему! — потребовала Иньянна у своей спутницы, когда они с Лилойв вышли наружу.

— Но ты, конечно же, не веришь…

— Что этот дом принадлежит мне? Нет, конечно нет. Но я хочу его увидеть! Я хочу знать, как выглядит дом, который мне продали за мои двадцать реалов!

— Ну зачем терзать себя?

— Прошу тебя, — настаивала Иньянна.

— Ну что ж, — сдалась Лилойв.

Она взмахом руки подозвала летающую лодку и набрала на пульте адрес. Широко раскрыв глаза, Иньянна изумленно смотрела по сторонам, пока машина несла их по благородным проспектам Ни-мойи. Под теплыми лучами полуденного солнца все, казалось, купалось в свете, и город сиял,

но не морозным блеском прозрачного Дюлорна, а переливающимся, пульсирующим, прямо-таки чувственным блеском, отражавшимся от каждой гладко оштукатуренной стены, заливавшим улицы. Лилойв рассказывала о наиболее интересных местах, мимо которых они проезжали.

— Это Музей миров, — сказала она, указывая на огромную архитектурную композицию, увенчанную диадемой из угловатых стеклянных куполов. — Здесь хранятся сокровища с тысячи планет, есть даже несколько вещей со Старой Земли. А это Палата колдовства, тоже своего рода музей, посвященный волшебству и сновидениям. Я никогда там не бывала. А там — смотри, видишь, спереди три птицы? Городской дворец, где живет мэр. — Машина начала снижаться по склону к реке. — Там находятся плавучие рестораны, — сказала она, обведя рукой полгоризонта. — Их девять, и каждый как небольшой остров. Говорят, что там можно попробовать блюда из каждой области Маджипура. Когда-нибудь мы в них побываем, во всех девяти, правда?

— Блажен, кто верует, — печально улыбнулась Иньянна.

— Выше нос! У нас с тобой вся жизнь впереди, а воровская жизнь совсем не плоха, — тараторила

Лилойв. — Я собираюсь со временем пройтись по всем улицам Ни-мойи, и ты сможешь пойти со мной. Знаешь, в Гимбелуке — это за городом, в холмах — есть Парк Сказочных Зверей, которых уже совсем не осталось в природе: всякие там сигимойны, галвары, димилайоны, ну и еще всякая всячина. А еще есть Дом Оперы, там играет муниципальный оркестр — ты слышала о нашем оркестре? Тысяча инструментов, ничего подобного нет нигде во вселенной. А еще есть… Ну вот, мы приехали!

Они вышли из летающей лодки. Иньянна увидела, что они находились на набережной. Перед нею лежал Зимр, великая река, столь широкая в этом месте, что она могла разглядеть лишь смутную зеленую полоску — это был Ниссиморн — на горизонте. А совсем рядом от нее, слева, высилась ограда из металлических пик в два человеческих роста высотой, расставленных на восемь-десять футов одна от другой и соединенных между собой тонкой, почти невидимой сетью, издававшей басовитое зловещее жужжание. А за оградой находился сад поразительной красоты с изящными низенькими кустами, усыпанными золотыми, бирюзовыми, алыми цветами, и газонами, так низко и ровно подстриженными, что

казалось, будто на земле раскатан изумрудный ковер. Дальше начинался пригорок, на вершине которого, на выступавшей из земли скале, возвышался огромный особняк с белыми, как было принято в Ни-мойе, стенами, казавшийся воплощением воздушной легкости, характерной для нимойского архитектурного стиля, с портиками, которые, казалось, плыли в воздухе, и балконами, немыслимо далеко выступавшими из стен. Не считая дворца самого герцога, который был виден неподалеку, лишь немного ниже по реке, Ниссиморнский окоем показался Иньянне самым красивым отдельно стоявшим зданием, которое она увидела во всей Ни-мойе за то недолгое время, что пробыла здесь. И вот об этом она думала, как о наследстве от своей двоюродной бабушки?! Ею овладел безудержный смех. Она вдруг пустилась бежать вдоль ограды, время от времени приостанавливаясь, чтобы рассмотреть домину с разных точек, и продолжала хохотать, как будто кто-то сообщил ей величайшую истину во вселенной, ту истину, в которой содержался ключ к тайнам всех остальных истин, а такая всеобъемлющая истина должна, несомненно, вызвать смех. Лилойв поспешила за ней. Она окликала свою новую подругу, просила ее подождать, но та

неслась вперед, будто в нее вселились бесы. Наконец она оказалась перед главными воротами, по сторонам которых возвышались, внушительно сложив все свои руки на груди, два одетых в безупречно белые ливреи стражника-скандара, самых огромных из всех, каких ей доводилось видеть. Иньянна продолжала хохотать. Скандары нахмурились. Лилойв, догнав наконец Иньянну, дернула ее за руку и шепнула, что им лучше уйти и не нарываться на неприятности.

— Подожди, — ответила Иньянна, которой в конце концов удалось смирить свой смех. Она подошла к скандарам. — Вы служите у Калейна Нимойского?

Гигантские существа взглянули на нее, как на пустое место, и ничего не ответили.

— Передайте вашему господину, — продолжала она, ничуть не задетая этим, — что Иньянна Велатисская была здесь, видела дом и передает свои сожаления, что не сможет прийти к обеду. Заранее благодарю вас.

— Пойдем! — яростно прошипела ей в ухо Лилойв.

Безразличие на волосатых лицах огромных стражников начало уступать место гневу. Иньянна сделала им изящный прощальный жест,

снова расхохоталась, махнула рукой Лилойв; они вместе отбежали к летающей лодке, и Лилойв тоже присоединилась к истерическому веселью подруги.

Глава 6

Прошло много времени, прежде чем Иньянна снова увидела солнце Ни-мойи, ибо она начала в подземельях Большого базара новую жизнь, жизнь воровки. Сначала она нисколько не хотела браться за ту «работу», которой занимались Лилойв и ее родственники. Но практические соображения вскоре вынудили ее отказаться от тонкостей этики. Она не имела никакой возможности вернуться в Велатис; к тому же теперь, после того как она получила первое, пусть даже очень ограниченное, представление о Ни-мойе, у нее не было и такого желания. Там ее ничего не ждало, кроме давно уже опостылевшей жизни мелкой торговки клеем и гвоздями, фальшивым атласом и фонарями из Тил-омона. Но для того чтобы остаться в Ни-мойе, тем не менее требовались деньги. Она не владела никакой профессией, кроме торговли, а о том, чтобы без капитала открыть здесь хоть самую захудалую лавчонку, нечего было и думать. Со дня на день ее скудные средства должны были закончиться. Она не могла отвергнуть доброжелательного предложения своих новых друзей, у нее просто

не было иного выхода — они предлагали ей присоединиться к своему обществу; а ведь прибиться к какому-либо другому было очень нелегко, ну а в одиночку выжить было просто почти невозможно. Ко всему прочему, теперь, убедившись, что все ее сбережения оказались отнятыми у нее говорливыми пройдохами, она уже не так неприемлемо относилась к тому, чтобы включиться в воровскую жизнь, невзирая даже на то, что она была совершенно чужда ее натуре. Так что девушка надела на себя мужскую тунику (рост позволял ей это) и, держась немного неуклюже — чего, впрочем, вполне хватило для того, чтобы сделать обман, который никто не собирался раскрывать, достаточно правдоподобным, — под именем Кулибгая, брата мастера-вора Агурмоля, вступила в гильдию воров.

Лилойв сделалась ее наставницей. Иньянна три дня ходила следом за нею по базару, пристально наблюдая, как девушка с лиловыми волосами тут и там прихватывала что-нибудь. Порой она воровала грубо, почти не таясь, как, например, в том случае, когда она схватила висевший неподалеку от входа в лавку плащ и скрылась с ним в толпе. Порой она демонстрировала известную ловкость рук, когда нужно было стащить что-нибудь из

ведра с товаром или прямо с прилавка. Ну а иногда использовался и довольно сложный обман: например, заговорить с мальчишкой-рассыльным, отвлечь его внимание обещанием поцелуев или даже чего-то побольше, пока сообщник убегает с его тележкой, полной товаров. В то же время в ее обязанности входило отваживать посторонних воров. Иньянне приходилось видеть, как Лилойв делает это: дважды или трижды за день — хватает нарушителя конвенции за руку, прожигает его яростным взглядом, произносит свистящим резким шепотом несколько слов, — и каждый раз инциденты заканчивались одинаково: испуг на лице, торопливые извинения и немедленное отступление. Иньянна спрашивала себя: сможет ли она когда-нибудь набраться храбрости, чтобы сделать то же самое? Это казалось ей более трудным делом, чем воровство, хотя она не была уверена и в том, что сможет заставить себя украсть.

На четвертый день Лилойв дала ей первое задание:

— Принеси мне бутылку драконьего молока и две бутылки золотого пилиплокского вина.

— Но они же стоят, наверное, по реалу за штуку! — ошарашенно воскликнула Иньянна.

— Совершенно верно.

— Позволь мне начать с сосисок.

— Дорогие вина тырить ничуть не труднее, — наставительно заметила Лилойв, — но куда выгоднее.

— Я не готова.

— Тебе только так кажется. Ты видела, как это делается, и сможешь сделать то же самое. Твои страхи совершенно пустые. У тебя душа вора, Иньянна!

— Как ты можешь так говорить… — возмутилась Иньянна.

— Спокойно, спокойно! Я же сделала тебе комплимент.

Иньянна кивнула.

— И все равно я думаю, что ты ошибаешься.

— А я думаю, что ты недооцениваешь себя, — сказала Лилойв. — В твоем характере есть качества, которые лучше видны со стороны. В тот день, когда мы посетили Ниссиморнский окоем, я кое-что увидела. А теперь иди, притарань мне бутылку пилиплокского золотого и бутылку драконьего молока, и не надо больше болтовни. Если тебе суждено когда-нибудь стать настоящей воровкой в нашей гильдии, то начинай сегодня.

Деваться было некуда. Но не было никакой

причины рисковать, отправляясь на первое дело в одиночку. Иньянна попросила Атейна, кузена Лилойв, проводить ее, и они вместе отправились в винные ряды, расположенные в переулке Оссиера, — два молодых ничем не примечательных нимойских парня, пришедших купить чего-нибудь для веселья. Иньянной овладело странное спокойствие. Она запретила себе думать о каких бы то ни было посторонних вещах, таких как мораль, право собственности или страх перед наказанием; имело значение только задание, которое нужно было выполнить, обычная воровская работа. Некогда она содержала магазин, а теперь обворовывала магазины, и было совершенно бесполезно усложнять ситуацию философствованием и колебаниями.

За винным прилавком стоял гэйрог: ледяные никогда не мигающие глаза, глянцевая чешуйчатая кожа, извивающиеся мясистые волосы. Иньянна, сделав голос погрубее, принялась расспрашивать, сколько стоит фляжка драконьего молока, бутылка и двойная бутыль. Атейн тем временем копался в дешевых красных винах из глубинных провинций материка. Гэйрог назвал цены. Иньянна сделала вид, что шокирована. Гэйрог пожал плечами. Иньянна подняла бутылку,

разглядела бледно-голубую жидкость на просвет и нахмурилась.

— Оно гораздо темнее, чем обычно, — заявила она.

— Год на год не приходится. И дракон на дракона.

— Вообще-то считается, что такие вещи должны быть одинаковыми.

— Зато действие у них всегда одно и то же, — ответил гэйрог и изобразил что-то наподобие ухмылки; это выражение плохо вязалось с холодными застывшими чертами лица, похожего на морду пресмыкающегося. — Всего лишь несколько глотков, дружище, и вам всю ночь удержу не будет!

— Дайте-ка мне немного подумать, — заявила Иньянна. — Реал — это приличные деньги, независимо от того, насколько у меня усилится потенция. Хотя, впрочем, я и так не жалуюсь.

Эти слова были сигналом для Атейна.

— Вот это мазадонское пойло, — удивленно спросил он у продавца, — оно что, на самом деле стоит по три кроны за двойную? Я уверен, что еще на прошлой неделе его продавали за две.

— Покупайте за две, если найдете, — равнодушно ответил гэйрог.

Атейн нахмурился, потянулся, чтобы поставить бутылку назад на полку, споткнулся, взмахнул руками и повалил полряда фляжек. Гэйрог зашипел от гнева. Атейн начал хрипло, заплетающимся языком просить извинения, неуклюже попытался поставить бутылки на место и сбил еще несколько штук. Гэйрог с возмущенными воплями кинулся к витрине. Они с Атейном, мешая друг другу, принялись в четыре руки наводить порядок, и в тот же миг Иньянна засунула бутылку драконьего молока под тунику, отправила туда же бутылку пилиплокского золотого и, громко объявив: «Пойду приценюсь у других», — вышла из лавки. Вот и все. Она заставила себя удержаться и не броситься бежать, хотя ее щеки пылали и она была уверена, что все прохожие знают, что она воровка, и что другие лавочники этого ряда вот-вот кинутся за ней, и что обворованный гэйрог уже обнаружил пропажу и пустился в погоню. Но, несмотря на все опасения, она спокойно дошла до угла, повернула налево, попала в ряд с косметикой и духами, прошла его насквозь и наконец добралась до ряда масла и сыра, где ее ожидала Лилойв.

— Забери их! — потребовала Иньянна. — Они прожгли дыры в моих сиськах.

— Хорошо сделано, — похвалила Лилойв. — Сегодня вечером мы выпьем золотого за тебя.

— А драконье молоко?

— Оставь его себе, — сказала Лилойв. — Выпьешь его с Калейном в ту ночь, когда он пригласит тебя поужинать в Ниссиморнском окоеме.

Половину той ночи Иньянна лежала с открытыми глазами, боясь уснуть, ибо со сном должны были прийти сновидения, а они наверняка принесут с собой наказание. Вино было выпито, но бутылка драконьего молока лежала у нее под подушкой, и она испытывала сильное, почти непреодолимое желание выскользнуть ночью и возвратить ее гэйрогу. В ее душе беспокойно шевелилась длиннющая — в столетия длиной — череда предков-лавочников. Воровка, думала она, воровка, воровка, я стала воровкой в Нимойе. Какое право было у меня брать все это? То же самое право, ответила она себе, по которому те двое украли мои двадцать реалов? Но какое отношение к этому имел гэйрог? Они обворовали меня, а я воспользуюсь их поступком для обоснования своего права украсть у него, а он украдет у кого-нибудь еще, так к чему же это приведет? Да разве может общество выдержать такое состояние? Прости меня, Повелительница, молча

молила она. Король Снов истерзает мою душу. Но в конце концов она все же уснула — не могла же она бодрствовать вечно, — и сновидения, посетившие ее, говорили о красоте и величии; во сне ее душа, покинув тело, скользила низко над землей по прекрасным проспектам Ни-мойи, мимо Хрустального бульвара, Музея миров, Паутинной галереи к Ниссиморнскому окоему, а там брат герцога взял ее под руку. Сновидение изумило ее, так как никоим образом не походило на сон-наказание. Где же мораль? Где нормы поведения? Это противоречило всему, во что она верила. Так, может быть, таково было ее жизненное предназначение — стать воровкой. Все, что происходило в течение минувшего года, постепенно подводило ее к этому. Стало быть, не исключено, что в том, чтобы она стала тем, кем стала, проявилась воля Божества. Иньянна улыбнулась в темноте. Какой цинизм! Но чему быть, того не миновать. Она не станет бороться с судьбой.

Глава 7

Она воровала часто, она воровала ловко. За первым, заставившим ее пережить столько страхов, упражнением в воровстве без всякого перерыва последовали новые и новые опыты. Она свободно бродила по Большому базару, иногда с сообщниками, иногда в одиночку, и хватала все, что подворачивалось под руку. Все получалось настолько легко, что, казалось, почти не походило на преступление. Базар всегда был переполнен; говорили, что число жителей Ни-мойи приближалось к тридцати миллионам, и казалось, что все они одновременно находились на базаре. По нему постоянно протекал мощный людской поток. Торговцы, измученные вопросами, спорами, посредниками, инспекторами, были невнимательны. Так что плавать по реке, состоявшей из существ множества различных рас, и хватать все, что плохо лежит, было совсем нетрудно.

Добыча в основном шла на продажу. Профессиональный вор имел право сохранять небольшую часть присвоенного для себя, так что почти все продукты употреблялись в пищу, но чуть ли не все остальное изначально предполагалось для

немедленной перепродажи. Этим занимались, главным образом, хьорты, обитавшие вместе с семейством Агурмоля. Их было трое — Бийорк, Ханк и Мозинхунт, — и они являлись важной частью всеохватывающей системы сбыта краденого. Хьорты служили началом цепочки, по которой воровская добыча быстро уходила с базара в оптовую торговлю, где товары зачастую покупали те же самые торговцы, у которых они были украдены. Иньянна быстро усвоила, что пользуется спросом в торговле, а также ради чего не стоит утруждаться.

Поскольку Иньянна была новенькой в Нимойе, у нее поначалу все получалось довольно легко. Не все торговцы Великого базара были готовы спокойно мириться с существованием гильдии воров, и некоторые из них, знавшие в лицо Лилойв, Атейна, Сидоуна и других членов семейства, выставляли их из лавок, как только они появлялись там. Но молодой человек, называвшийся Кулибгаем, был еще неизвестен на базаре, так что Иньянна имела возможность обчистить почти бесконечное количество лавок в разных концах гигантского торжища, прежде чем жертвы запомнят ее облик.

Опасность при ее работе исходила не столько

от торговцев, сколько от воров, принадлежавших к другим семействам. Они тоже не знали ее, а их наметанные взгляды выявляли новую воровку быстрее, чем она успевала заметить, что за ней наблюдают. Поэтому за первые десять дней Иньянну трижды останавливали воры из иных кланов. В первый раз она ужасно испугалась, почувствовав жесткую хватку чужой руки на своем запястье, но ей удалось сохранить спокойствие.

— Вы нарушаете конвенцию, — совершенно ровным голосом сказала она, твердо глядя в незнакомое лицо. — Я Кулибгай, брат Агурмоля.

Известие о появлении на базаре нового представителя уважаемого клана разнеслось молниеносно, и после третьего объяснения Иньянну никто больше не беспокоил. Зато отлавливать чужаков самостоятельно оказалось очень трудно. Сначала она не имела никакого представления о том, как отличить зарегистрированных воров от самодеятельных, и опасалась схватить за руку представителя одного из тех родов, которые промышляли на базаре еще со времен лорда Кинникена. Прошло всего несколько дней, и она научилась безошибочно замечать действия воров, но если рядом с нею не было никого из ветеранов клана Агурмоля, с которым она могла

бы посоветоваться, то она не предпринимала никаких действий. Мало-помалу она запомнила многих представителей гильдии, относившихся к другим семействам, но все же почти каждый день замечала какую-нибудь незнакомую фигуру, подозрительно перебиравшую товары на прилавках, и наконец, прожив на базаре несколько недель, почувствовала, что пора действовать. Если она наткнется на законного вора, то всегда сможет попросить прощения; но сущность системы заключалась в том, что местные воры были не только ворами, но и полицейскими, и она четко понимала, что не справляется со второй частью своих обязанностей. Первой ее жертвой оказалась какая-то грязная девчонка, пытавшаяся украсть овощи; Иньянна едва успела произнести несколько слов, как девчонка бросила свою жалкую добычу и в страхе пустилась бежать. Следующий оказался ветераном гильдии, к тому же отдаленно связанным с Агурмолем, который дружелюбно объяснил Иньянне ее ошибку. А третий пойманный, промышлявший незаконно, но не испугавшийся, осыпал Иньянну градом проклятий и угроз. В ответ на это Иньянна совершенно спокойно соврала, что за ними сейчас наблюдают еще семеро воров из гильдии, которые немедлен-

но вмешаются в случае малейшего осложнения. После этого она уже не чувствовала никакой растерянности и действовала свободно и уверенно всякий раз, когда считала это необходимым.

И, за исключением ночи после первой попытки, она не испытывала никаких угрызений совести. Она с детства усвоила, что грех неизбежно повлечет за собой месть Короля Снов — мучительные кошмары, душевная лихорадка всякий раз, когда она закроет глаза, — но Король или не считал это мелкое воровство грехом, или он и его приближенные были настолько заняты более серьезными преступниками, что не имели времени для того, чтобы взяться за нее. Но, так или иначе, Король не присылал ей никаких посланий. Иногда она видела его во сне — старого жестокого людоеда, рассылающего кошмары из выжженных зноем пустынь Сувраэля, — но в этом не было ничего необычного: Король время от времени являлся каждому, и это почти ничего не значило. Иногда Иньянна видела в снах благословенную Хозяйку Острова, добрую мать короналя лорда Малибора, и ей казалось, что милая немолодая женщина печально качает головой, словно хочет сказать, что она горестно разочарована своим ребенком Иньянной. Но ведь

именно Повелительница должна была настоятельно предостерегать тех, кто сошел с верного жизненного пути, а она, казалось, не намеревалась говорить ничего определенного. И, не имея должного морального наставления, Иньянна быстро нашла удобную точку зрения на свою новую профессию: это не преступление, а просто перераспределение имущества. В конце концов, никто, казалось, от этого сильно не страдал.

Спустя некоторое время она взяла себе в любовники Сидоуна, старшего брат Лилойв. Он был мал ростом — заметно меньше Иньянны — и настолько костляв, что обниматься с ним было не совсем обычным занятием, но оказался ласковым и задумчивым человеком, прекрасно играл на карманной арфе и пел чистым легким тенором старинные баллады. Иньянна все чаще выходила с ним на промысел и радовалась тому, что обрела его общество. В подземелье клана Агурмоля была сделана перестановка, и теперь они могли проводить ночи вместе. Лилойв и другие воры, казалось, радовались такому развитию событий.

В компании Сидоуна она все дальше и дальше углублялась в огромный город. Они столь удачно действовали вместе, что частенько успевали выполнить план — глава клана каждый день

составлял планы для всех своих родственников — к часу или двум дня, так что большая часть дня оставалась у них свободной, ибо превышать квоту не разрешалось: негласный общественный договор Большого базара разрешал ворам безнаказанно брать достаточно ограниченное количество товаров. И у Иньянны появилась возможность совершать экскурсии в изумительные предместья Ни-мойи. Одним из ее любимых мест стал Парк Сказочных Зверей, расположенный в холмистом пригороде Гимбелук, где она могла бродить среди животных других эпох, вытесненных из исконных мест обитания развитием цивилизации. Здесь она видела таких диковинных зверей, как с трудом ковылявшие шаткой походкой димильоны, хрупкие длинноногие листоеды вдвое выше самого крупного скандара, легко, словно танцуя, бегавшие сигимойны, имевшие с обоих концов туловища обросшие густым мехом хвосты, и неуклюжие птицы зампидуны с огромными клювами; их огромные стаи некогда затмевали небо над Ни-мойей, а теперь эти птицы существовали только в парке, да еще в качестве одной из официальных эмблем города. Всякий раз, когда одно из этих существ проходило поблизости, откуда-то из земли доносились

голоса, сообщавшие зрителям его название и рассказывавшие о месте его первоначального обитания; это было неведомое волшебство, секреты которого, вероятно, были утрачены еще в незапамятные времена. В парке были также прекрасные уединенные поляны, где Иньянна и Сидоун могли гулять, взявшись за руки. Они почти не разговаривали, ибо Сидоун был очень молчаливым человеком. А порой они садились на лодку и отравлялись плавать по Зимру, переправлялись на ниссиморнский берег или же поднимались по течению Стейча, по которому, если плыть достаточно долго, можно было попасть на запретную территорию меняющих форму. Но для этого требовалось несколько недель, а они добирались лишь до небольшой рыбацкой деревушки, населенной лииименами, где покупали свежепойманную рыбу и устраивали пикники на берегу, плавали и загорали. Иногда, безлунными ночами, они ходили на Хрустальный бульвар, где автоматически поворачивавшиеся отражатели кидали в разные стороны пучки ослепительного света, и благоговейно взирали на витрины магазинов крупнейших торговых компаний Маджипура; протянувшиеся вдоль тротуаров выставки дорогих товаров, столь величествен-

ные и пышно оформленные, что даже у самого смелого вора не хватало духу совершить попытку украсть что-нибудь оттуда. А еще они довольно часто обедали в одном из плавучих ресторанов и обычно брали с собой Лилойв, так как эти места нравились ей больше всего в городе. Каждый остров был миниатюрной копией какой-нибудь отдаленной части планеты; здесь высаживались произраставшие в тех местах растения, среди которых прогуливались обитавшие там животные, и подавались особые блюда и вина. В ресторане, представлявшем ветреный Пилиплок, те, у кого было достаточно денег, ели мясо морского дракона, на острове сырого Нарабаля подавали прекрасные фрукты и сочные папоротники; а еще был ресторан великого города Сти, что на Замковой горе, и ресторан Стойена, и ресторан Пидруида, и ресторан Тил-омона — но не было ресторана Велатиса (Иньянна ничуть не удивилась этому), не было ресторана Илиривойна, столицы меняющих форму, хотя этот город вполне заслуживал своего острова, не было ресторана выжженного яростным южным солнцем Толагая, что на Субраэле, ибо Толагай и Илиривойн были такими местами, о которых большая часть населения Маджипура не любила думать, а Велатис

просто не заслуживал внимания.

Однако из всех мест, которые Иньянна посещала вместе с Сидоуном во время своего досуга, самым любимым была Паутинная галерея. В этой огромной, в милю длиной, галерее, висевшей высоко над широким проспектом, находились самые прекрасные магазины Ни-мойи, что означало: лучшие на всем Зимроэле, лучшие на всей планете, не считая, пожалуй, только великих городов Замковой горы. Направляясь туда, Иньянна и Сидоун надевали лучшие свои одежды, добытые в самых дорогих лавках Великого базара; конечно, они не шли ни в какое сравнение с тем, что носили аристократы, но сильно отличались в лучшую сторону от их повседневных одеяний. Иньянна любила снимать мужские костюмы, которые ей приходилось носить в ее роли вора Кулибгая, одеваться в облегающие пурпурные и зеленые платья и распускать свои длинные рыжие волосы. Еле заметно опираясь кончиками пальцев на руку Сидоуна, она шествовала по галерее и, развлекаясь про себя милыми фантазиями, разглядывала монокли из драгоценных камней, маски из перьев, сверкающие амулеты и металлические безделушки, купить которые могли, вероятно, лишь два-три десятка представителей

родов высшей аристократии, по– настоящему богатые люди. Она знала, что у нее никогда не будет ни одной из этих вещиц, ибо существование вора, который воровал настолько успешно, чтобы позволить себе такую роскошь, представляло бы опасность для стабильности Великого базара, но ей было просто приятно разглядывать сокровища Паутинной галереи и притворяться покупательницей.

Именно во время одной из таких прогулок по Паутинной галерее орбита жизни Иньянны пересеклась с орбитой жизни Калейна, брата герцога.

Глава 8

Конечно, она не имела никакого понятия о том, к чему все это приведет. Ей казалось, что она ведет лишь легкий невинный флирт, являвшийся частью тех приятных вымыслов, благодаря которым посещения галереи доставляли ей такое удовольствие. Был очень теплый вечер последних дней лета, и она надела одно из самых легких своих платьев, из почти прозрачной ткани, даже тоньше, чем та паутина, из которой была соткана галерея. Они с Сидоуном находились в магазине, торговавшем резными изделиями из кости дракона, любуясь изумительными шедеврами — каждый из них мог поместиться на ногте большого пальца, — созданными неким скандаром, капитаном речного судна, огромные руки которого соединяли между собой тончайшие костяные пластинки так, что не было заметно ни единого шва, когда туда вошли четверо мужчин, в которых по одежде можно было угадать очень знатных людей. Сидоун сразу же скрылся в самом темном углу, так как прекрасно знал, что его одежда, стрижка его волос и его манеры сразу покажут, что он не ровня вновь прибывшим. Но

Иньянна, сознавая, что формы тела и холодный взгляд ее зеленых глаз отлично возмещают все изъяны в умении держаться, смело осталась возле прилавка.

— Если вы купите это, то считайте, что вам повезло, — заметил один из вновь пришедших, взглянув на вещицу, которую она держала в руке.

— Я еще не решила, — безмятежно откликнулась Иньянна.

— Можно мне тоже посмотреть?

Она осторожно положила безделушку на ладонь мужчине, одновременно позволив себе вызывающе глянуть ему в глаза. Он улыбнулся, но тем не менее сосредоточился на костяной игрушке, представлявшей собой глобус Маджипура, сложенный из множества отполированных до шелковистой гладкости кусочков кости.

— Сколько? — посмотрев несколько секунд на вещицу, обратился он к хозяину.

— Это подарок, — ответил стройный строгого вида гэйрог, стоявший за прилавком.

— Ну что ж. А я передарю эту штучку вам, — сказал дворянин, вновь вложив безделушку в руку изумленной Иньянны. Его улыбка стала теплее. — Вы из этого города? — спокойно спро-

сил он.

— Я живу на Стрелке, — ответила Иньянна.

— Вы часто обедаете на Нарабальском острове?

— Когда бывает настроение.

— Прекрасно. Не собираетесь ли вы туда завтра вечером, к закату? Там будет один человек, который будет рад познакомиться с вами.

Скрывая замешательство, Иньянна поклонилась. Дворянин поклонился в ответ и отвернулся; он купил три резные безделушки, небрежно бросил на прилавок кошелек, туго набитый монетами, а затем все четверо ушли. Иньянна, пребывая в изумлении, рассматривала драгоценную игрушку.

— Эта штука стоит дюжину реалов! Продай ее обратно хозяину! — прошептал неслышно возникший из тени Сидоун.

— Нет, — тоже шепотом ответила она. — Кто был этот человек? — обратилась она к хозяину.

— Вы не знакомы с ним?

— Я не стала бы спрашивать у вас его имя, если бы знала его.

— Ну, конечно, конечно… — Гэйрог издал несколько негромких шипящих звуков. — Это Дюранд Ливолк, гофмейстер герцога.

— А остальные?

— Двое — это приближенные слуги герцога, а третий — друг Калейна, брата герцога.

— А-а, — почти равнодушным тоном протянула Иньянна. — Вы можете подвесить это на цепочку? — спросила она, протянув хозяину глобус.

— Подождите несколько секунд.

— А цепь будет стоить столько же, сколько и само изделие?

Гэйрог смерил ее долгим оценивающим взглядом.

— Цепочка служит только приложением к изделию, — сказал он наконец, — а так как изделие было подарено, то и цепочка тоже будет подарком. — Он ловко прицепил к костяному глобусу тонкую золотую цепочку, упаковал безделушку в блестящую коробочку и заклеил кусочком липкой ленты.

— С цепью по меньшей мере двадцать реалов! — ошарашенно пробормотал Сидоун, когда они вышли. — Иньянна, смело заходи в любой другой магазин и требуй эту цену.

— Это был подарок, — холодно ответила она. — Я надену его завтра вечером, когда поеду обедать на Нарабальский остров.

Она не могла пойти на обед в том же платье,

которое было на ней накануне, а поиски другого, столь же дорогого и простого на вид, в лавках Великого базара потребовали от нее на следующий день двух часов прилежной работы. Но в конце ей все же удалось найти такое, которое, почти не скрывая наготы, тем не менее придавало телу загадочность, и именно в нем она отправилась на Нарабальский остров, а на груди у нее висел костяной глобус.

В ресторане ей не потребовалось называть свое имя. Как только она сошла с парома, ее встретил мрачный и напыщенный вруун в герцогской ливрее, который проводил ее через пышные заросли похожих на виноград вьющихся растений и папоротников к укрытой ветвями ароматных растений уединенной беседке, отгороженной от предназначенной для рядовой публики части ресторана плотной живой изгородью. Там, сидя за столом из сияющего полированного дерева ночной красавицы, над которым низко нависала лиана, толстый волосатый стебель которой был густо усыпан огромными шаровидными синими цветами, ее ждали трое — Дюранд Ливолк, тот самый, который подарил ей драгоценный костяной глобус, изящная женщина с темными волосами, такими же гладкими и блестящими, как сто-

лешница, и еще один мужчина, примерно вдвое старше Иньянны, хрупкого сложения, изящно построенного, с тонкими напряженно сжатыми губами и мягкими чертами лица. Все трое были одеты с таким великолепием, что Иньянна мысленно съежилась, представив себе, как же убого она должна выглядеть со стороны. Дюранд Ливолк не спеша, но быстро поднялся с места и сделал несколько шагов навстречу Иньянне.

— Вы сегодня кажетесь еще прекраснее, чем вчера. Прошу, знакомьтесь. Мою спутницу зовут леди Тисиорна. А это…

Худощавый поднялся на ноги.

— Я Калейн Нимойский, — просто сказал он мягким, чуть хриплым голосом.

Иньянна почувствовала смущение, но лишь на несколько секунд. Она-то думала, что понравилась гофмейстеру герцога и он пригласил ее для себя, а теперь поняла, что Дюранд Ливолк просто-напросто хотел предложить ее брату герцога. От этой мысли в ней на мгновение вспыхнуло негодование, впрочем оно тут же угасло. Стоит ли возмущаться? Разве у многих молодых женщин Ни-мойи была возможность пообедать на Нарабальском острове в обществе брата герцога? Если кто-то подумает, что ею воспользовались, — ну

и что из того?

А лично она постарается в ответ тоже воспользоваться выпавшим на ее долю шансом.

Для нее было приготовлено место рядом с Калейном. Она села, и тот же самый вруун немедленно притащил поднос с бокалами, в которые были налиты какие-то незнакомые ей напитки, блестевшие разными цветами, переливавшиеся и, казалось, светившиеся. Она взяла бокал наугад; его содержимое имело аромат горного тумана, а сделав глоток, она сразу же почувствовала, что ее щеки и уши начали покалывать микроскопические иголочки. Послышался негромкий шум дождя, поливавшего широкие глянцевые листья деревьев и лиан, но не на обедающих. Богатая тропическая растительность этого острова — Иньянна уже знала это — поддерживалась частыми искусственными ливнями, имитировавшими климат Нарабаля.

— У вас есть здесь любимые блюда? — спросил Калейн.

— Я предпочла бы, чтобы вы заказали для меня что-нибудь на ваш вкус.

— Как вам будет угодно. Судя по вашему акценту, вы не из Ни-мойи.

— Из Велатиса, — ответила она. — Я приехала

сюда только в прошлом году.

— Мудрый поступок, — заметил Дуранд Ливолк. — И что же подвигло вас на это?

Иньянна рассмеялась.

— Думаю, что лучше расскажу эту историю в другой раз, если выдастся такая возможность.

— Ваш акцент очарователен, — сказал Калейн. — Мы нечасто видим здесь обитателей Велатиса. Это на самом деле красивый город?

— Я бы так не сказала, мой господин.

— Он разместился в самом сердце Гонгарских гор… Наверное, эти огромные вершины, возвышающиеся со всех сторон, очень красивы.

— Вполне возможно. Но одни приезжают куда-то издалека, чтобы восхищаться пейзажами, а другие проводят среди них всю свою жизнь. Возможно, даже Ни-мойя рано или поздно начинает казаться скучной тому, кто вырос здесь.

— И где вы живете? — спросила Тисиорна.

— В Стрелейне, — ответила Иньянна. А затем, почувствовав неудержимое желание созорничать — видимо, потому, что выпитое спиртное уже начало действовать на нее, — добавила: — На Большом базаре.

— На Большом базаре? — удивленно откликнулся Дюранд Ливолк.

— Да. Под рядом торговцев сыром.

— И по какой же причине вы решили поселиться именно там? — продолжала допытываться Тисиорна.

— О, — беззаботно ответила Иньянна, — конечно для того, чтобы быть поближе к рабочему месту.

— В ряду торговцев сыром? — сказала Тисиорна, в ее голосе явственно прозвучал ужас.

— Вы не поняли меня. Я работаю на базаре, но не торгую. Я воровка.

Слово, сорвавшееся с ее языка, произвело эффект молнии, ударившей в горную вершину. Иньянна заметила, как Калейн изумленно взглянул на Дюранда Ливолка, а тот ответил ему таким же обескураженным взглядом и немного изменился в лице. Но она сидела за столом с аристократами, которые воистину по-аристократически умели владеть собой. Калейн первым оправился от удивления.

— Я всегда был уверен, что для этой профессии требуется дарование, ловкость и сообразительность. — Он прикоснулся своим бокалом к бокалу Иньянны. — Я приветствую вас, воровка, которая прямо говорит о том, чем она занимается. В этом видна честность, которой очень недостает

многим другим.

Вновь появился вруун, на сей раз он принес большую фарфоровую чашу с бледно-голубыми с белыми пятнами ягодами, казавшимися восковыми. Иньянна знала, что это токка, очень любимая нарабальцами. Говорили, что она заставляет кровь бежать быстрее и разжигает страсть. Она взяла из чаши несколько ягод; Тисиорна кончиками пальцев выудила одну, Дюранд Ливолк взял почти полную горсть, а Калейн еще больше. Иньянна заметила, что брат герцога ел ягоды вместе с семечками; она слышала, что это усиливает их действие. Тисиорна семечки выплюнула — Дюранд Ливолк криво усмехнулся, заметив это. Иньянна решила не следовать примеру Тисиорны.

Затем последовали разные вина, и приготовленная с пряностями рыба, и устрицы, плавающие в собственном соку, и блюдо с какими-то неведомыми ей мелкими разноцветными грибами мягких пастельных оттенков, и увенчал все целиком зажаренный ароматный окорок огромного билантуна — такие водятся лишь в лесах к востоку от Нарабаля, сказал Калейн. Иньянна ела, пробуя понемногу от каждого блюда. Ей казалось, что так будет разумнее. Через некоторое время

появились несколько скандаров-жонглеров; они принялись выделывать непередаваемые чудеса с факелами, ножами и топорами, а все четверо обедающих от души аплодировали им. Калейн бросил нескладным с виду четвероруким артистам сверкающую монету — пять реалов, с изумлением сообразила Иньянна. Потом снова пошел дождь, и на них точно так же не попало ни капли, потом принесли другие напитки, после чего Дюранд Ливолк и Тисиорна с изысканной учтивостью попрощались и ушли, оставив Калейна и Иньянну наедине в туманном полумраке.

— И вы на самом деле воровка? — спросил Калейн.

— На самом деле. Но этим я занимаюсь недавно. В Велатисе у меня был магазин.

— А затем?

— Я лишилась его, попавшись на обман, — ответила она. — Оказалась без гроша в Ни-мойе, мне нужно было чем-то заняться, и я присоединилась к ворам, которые показались мне разумными и доброжелательными людьми.

— А сейчас вы попали к куда более крупным ворам, — сказал Калейн. — Это не тревожит вас?

— Значит, вы считаете себя вором?

— Я занимаю высокое положение только бла-

годаря случайности рождения. Я не работаю, разве что изредка помогаю брату, когда ему что-то нужно. Я живу в великолепии, недоступном человеческому воображению. Ничего этого я не заслужил. Вы видели мой дом?

— Я очень хорошо его знаю. Конечно, снаружи.

— А не согласились бы вы этой ночью осмотреть его изнутри?

В голове Иньянны промелькнула мысль о Сидоуне, ожидавшем ее в комнате с белеными стенами под рядом торговцев сыром.

— Охотно, — сказала она. — А когда я увижу его, то расскажу вам небольшую историю обо мне самой, о Ниссиморнском окоеме и о том, почему я оказалась в Ни-мойе.

— Уверен, что это будет чрезвычайно интересно. Ну что, пойдемте?

— Да, — согласилась Иньянна. — Но, надеюсь, вам не составит труда сначала ненадолго завезти меня на Большой базар?

— У нас впереди целая ночь, — сказал Калейн. — Нам некуда торопиться.

Появился одетый в ливрею вруун и, светя под ноги фонарем, проводил их через похожий на джунгли сад к причалу, возле которого ожидал частный паром. На нем они переправились в

город, где их встретила летающая лодка, и вскоре Иньянна оказалась на площади перед Пидруидскими вратами.

— Я вернусь через несколько минут, — шепнула она и, похожая на привидение в своем тончайшем облегающем платье, стремительно углубилась в толпу, которая даже в этот час все еще заполняла базар. Спустилась в подземное логово. Воры, собравшись вокруг стола, играли в какую-то игру со стеклянными фишками и костями из черного дерева. Они сразу же заметили ее и приветствовали ее великолепное появление, но она ответила только быстрой напряженной улыбкой и отвела Сидоуна в сторону.

— Я снова ухожу и не вернусь сегодня ночью, — чуть слышно сказала она. — Ты простишь меня?

— Не каждой женщине удается поразить воображение гофмейстера герцога.

— Не гофмейстера герцога, — ответила она, — а брата герцога. — Она легко прикоснулась губами к губам Сидоуна, а тот стоял, выпучив остекленевшие от неожиданности глаза. — Давай поедем завтра в Парк Сказочных Зверей, а, Сидоун?

Она еще раз поцеловала его, пробежала в свою спальню и вынула из-под подушки бутылку драконьего молока, которая лежала там уже

несколько месяцев. В центральной комнате она остановилась возле игорного стола, склонилась к Лилойв и показала ей бутылку. Глаза Лилойв широко раскрылись.

— Помнишь, для чего я его храню? — подмигнув, спросила Иньянна. — Ты сказала, чтобы я выпила его с Калейном, когда отправлюсь в Ниссиморнский кругозор. Ну вот…

Лилойв раскрыла и закрыла рот, не в силах вымолвить ни слова. Иньянна еще раз подмигнула, поцеловала ее и вышла.

Той же ночью, много позже, достав бутылку с драконьим молоком и подав ее брату герцога, она внезапно почувствовала почти панический страх: а не могла ли она совершить грубейшее нарушение этикета, предложив ему афродизиак и таким образом намекнув на то, что он может потребоваться партнеру. Но, судя по виду Калейна, его это нисколько не задело. Наоборот, он, казалось, был тронут ее подарком (хотя, возможно, искусно притворился) и устроил целое представление, торжественно наливая голубое молоко в специальные чашечки из тончайшего, почти прозрачного фарфора, и, как будто выполняя какой-то высочайший обряд, вложил одну чашечку ей в руку, а вторую высоко поднял в привет-

ственном жесте. Иньянна впервые попробовала драконье молоко; оно имело резкий и странный вкус, она не сразу решилась проглотить его, но все же справилась с собой, протолкнула его в глотку и почти сразу же почувствовала, как ее бедра налились теплом. Калейн улыбнулся. Они находились в Зале окон Ниссиморнского окоема, где вместо стен было множество огромных листов стекла, вставленных в золотые рамы, сквозь которые открывался круговой обзор на пристани Ни-мойи и отдаленный южный берег реки. Калейн коснулся выключателя. Огромное окно мгновенно стало непрозрачным, а из пола бесшумно поднялась большая круглая кровать. Он взял Иньянну за руку и подвел к ложу.

Глава 9

Надеяться занять положение постоянной любовницы брата герцога было чрезмерно высокой амбицией для воровки с Великого базара. Иньянна не питала никаких иллюзий по поводу своих отношений с Калейном. Несомненно, Дюранд Ливолк выбрал ее за одну только внешность, за красивые глаза, густые яркие волосы, возможно, за манеру держаться. Калейн, хотя, конечно, ожидал, что она окажется несколько ближе к его классу, очевидно, нашел кое-что заманчивое в том, чтобы сблизиться с женщиной из самых низов общества, и в результате она получила прекрасный вечер на Нарабальском острове и ночь в Ниссиморнском окоеме. Это была прекрасная интерлюдия в ее мечтах, а утром ей предстояло возвратиться на Большой базар с воспоминаниями, которые она будет хранить всю жизнь, и с этим ничего нельзя было поделать.

Но все вышло не так.

Они совсем не спали той ночью — интересно, это было результатом действия драконьего молока, думала она, или таким он был всегда? — и на рассвете они нагишом отправились гулять

по огромному дому, и хозяин показывал ей свои сокровища, а когда они завтракали на веранде, выходившей в сад, он предложил ей устроить днем пикник в его собственном парке в Истмой. Значит, приключение не должно было ограничиться одной ночью? Она задумалась было, не стоит ли ей послать Сидоуну на базар сообщение о том, что она не вернется и днем, но сразу же поняла, что Сидоуну не нужно ничего говорить. Он сделает из ее молчания верный вывод. Она не хотела причинять ему боли, но, с другой стороны, их связывали друг с другом лишь обоюдные удовольствия. Теперь она оказалась вовлечена в одно из крупнейших событий своей жизни, и когда вернется на Большой базар, то вернется не ради Сидоуна, а просто потому, что приключение закончится.

Она провела с Калейном следующие шесть дней. Днем они плавали по реке в его роскошной яхте, или гуляли, взявшись за руки, по парку герцога, где обитало много таких же зверей, которыми она любовалась в Парке Сказочных Зверей, или просто лежали на веранде Ниссиморнского окоема, следя за тем, как солнце проплывает над материком от Пилиплока к Пидруиду. А по ночам они кутили, пировали то на одном, то на другом

из плавучих островов, то в доме какого-то знатного семейства, а однажды даже во дворце самого герцога. Герцог очень мало походил на Калейна: он был намного крупнее и намного старше, с грубоватыми манерами и держался так, словно смертельно устал. Все же он сумел быть чрезвычайно любезным с Иньянной, обращался к ней с величайшим почтением и серьезностью и ни разу не заставил ее почувствовать себя уличной девкой, которую знатный вельможа подцепил на базаре. Иньянна проплывала сквозь все эти события с ощущением почти равнодушного приятия их, какое, бывало, испытывала в снах. Она знала, что демонстрировать вельможам преклонение перед ними глупо, что такое поведение может произвести лишь отталкивающее впечатление. Притворяться, что она одного с ними ранга и равна по образованности и светскости, было бы еще хуже. Но она сумела держаться скромно без униженности, достойно без хвастовства, и это, казалось, было то, что нужно. Спустя всего лишь несколько дней ей уже казалось естественным сидеть за одним столом с сановниками, которые недавно возвратились с Замковой горы со свежими сплетнями насчет короналя лорда Малибора и его придворных, или же вспоминали,

как охотились в северных марках вместе с понтифексом Тиеверасом, когда тот был короналем при Оссиере, или делились впечатлениями от бесед во Внутреннем храме с Хозяйкой Острова Сна. Находясь в обществе сильных мира сего, она почувствовала такую уверенность в себе, что если бы кто-либо из них обратился к ней с вопросом: «А вы, госпожа, чем занимались в последние месяцы?», то она, нисколько не колеблясь, ответила бы: «Воровала на Большом базаре», как она сделала в первый вечер на Нарабальском острове. Но вопрос не возникал: на этом уровне общества, поняла она, никто никогда не проявлял праздного любопытства к другим, а предоставлял всем возможность обнародовать свои биографии в той степени и с той точки зрения, какую они предпочитали.

И потому, когда на седьмой день Калейн велел ей приготовиться к возвращению на базар, она не стала спрашивать его, перестало ли ему нравиться ее общество или она просто надоела ему. Он выбрал ее себе в спутницы на время, теперь это время закончилось, и так тому и быть. А она никогда не забудет эту неделю.

Хотя, конечно, возвращение в логово воров было для нее ударом. Роскошная летающая лодка

довезла ее от Ниссиморнского окоема до Пилиплокских врат Большого базара, и слуга Калейна вложил ей в руки коробочку с теми драгоценностями, которые Калейн дарил ей в течение этой недели, их недели. Потом машина ушла, а Иньянна спустилась в потный хаос базара, и это было подобно пробуждению от редкого волшебного сновидения. Когда она проходила по переполненным, как всегда, торговым рядам, ее не окликнул ни единый человек, так как на базаре ее знали в облике хилого и нескладного мужчины Кулибгая, а сейчас на ней была женская одежда. Она молча скользила сквозь бурлящие толпы, продолжая все еще ощущать вокруг себя ауру аристократизма, которая, однако, с каждой секундой таяла, уступая место набиравшим силу чувствам подавленности и утраты, ибо теперь ей стало окончательно ясно, что сон закончился и она заново вступила в действительность.

Сегодня вечером Калейн должен был обедать с прибывшим с визитом герцогом Мазадонским, а завтра вместе с гостями отправится на рыбалку — вернее будет сказать, в рыбацкую экспедицию — по реке Стейч, а послезавтра… Нет, этого она не знала, зато знала точно, что она послезавтра будет воровать кружева, склянки духов и отре-

зы ткани. В ее глазах вскипели было слезы, но она сдержала их, строго сказав себе, что это все глупость, что она должна не оплакивать свое возвращение из Ниссиморнского окоема, а скорее радоваться тому, что была вознаграждена неделей пребывания там.

В обиталище клана оказались только хьорт Бийорк и один из метаморфов. Когда Иньянна вошла, они просто кивнули, как будто не видели ее всего лишь несколько часов. Она прошла в свою комнату и сразу же переоделась в костюм Кулибгая. Но она не смогла заставить себя так же в один миг вернуться к воровству. Она аккуратно поставила коробочку с драгоценностями и дорогими сувенирами, подарками Калейна, под кровать. Продав их, она смогла бы выручить такие деньги, с которыми можно было бы года два, а то и больше, не воровать, но она не собиралась расставаться даже с самой никчемной из этих безделушек. Выйду на базар завтра, решила она. Ну а сейчас она легла ничком на кровать, которую ей предстояло снова разделить с Сидоуном, а когда вновь подступили слезы, она позволила им свободно течь и через некоторое время поднялась, чувствуя себя почти успокоившейся, умылась и стала ждать появления остальных.

Сидоун приветствовал ее с достоинством дворянина. Он не стал задавать никаких вопросов по поводу ее приключения, не выказал ни намека на недовольство, никаких хитрых инсинуаций, а просто улыбнулся, взял ее под руку, сказал, что рад ее возвращению, предложил ей алханроэльского вина, которое только что украл, и рассказал пару историй о событиях, произошедших на базаре за время ее отсутствия. Она подумала, не помешает ли ему знание о том, что последним человеком, касавшимся ее тела, был брат герцога, заниматься с нею любовью, но нет, когда они оказались в постели, он нежно, но решительно взял ее, и его нескладное костлявое тело так же тепло и ласково, как и прежде, качалось на ней. На следующий день, совершив положенный обход базара, они вместе поехали в Парк Сказочных Зверей и впервые увидели там госсимоля из долины Глэйдж — тело этого зверя был таким тонким, что его было почти невозможно разглядеть в лесу, — они следили за ним, пока он не исчез, слившись с окружающим пейзажем, и смеялись, как будто не разлучались вовсе.

Другие воры в течение нескольких дней поглядывали на Иньянну с некоторым страхом, поскольку они знали, где она была и что она мог-

ла там делать, и это пребывание в высших сферах наложило на нее отпечаток чуждости. Но одна только Лилойв однажды осмелилась прямо заговорить с ней об этом, бросив как бы мимоходом:

— И что же он увидел в тебе?

— Откуда я знаю? Это все было как во сне.

— Я думаю, что это было справедливо.

— Что ты имеешь в виду?

— То, что тебя обманули, пообещав Ниссиморнский окоем, и то, что произошло, явилось возмещением для тебя. Ну что, видишь, что Божество уравновешивает добро и зло? — Лилойв рассмеялась. — Ты ведь получила обратно те двадцать реалов, на которые тебя нагрели те двое кидал?

Действительно получила, согласилась Иньянна. Но она скоро обнаружила, что долг был выплачен еще не полностью. Утром в Звездный день, пробираясь между ларьками менял и подхватывая то тут, то там по монете-другой, она почувствовала, как кто-то схватил ее за запястье. Какой еще дурак-вор нашелся, подумала она, не узнали меня, что ли, и хотят выпроводить с базара? Но это оказалась Лилойв; девушка была совсем не похожа на себя: ее щеки ярко пылали от волнения, а глаза, казалось, готовы были вы-

скочить из орбит.

— Быстро бросай все и беги домой! — крикнула она.

— Что случилось?

— За тобой приехали два врууна. Тебя вызывает Калейн, и они говорят, что ты должна упаковать все свои вещи, потому что никогда больше не вернешься на Большой базар.

Глава 10

Вот так Иньянна Форлана Велатисская, бывшая воровка, поселилась в Ниссиморнском окоеме как постоянная любовница Калейна Нимойского. Калейн не дал ей никаких объяснений, а она не стала требовать их. Он хотел, чтобы она была рядом, и этого было вполне достаточно. В течение первых нескольких недель она все еще каждое утро ожидала приказа приготовиться к возвращению на базар, но этого не происходило, и через некоторое время она почти забыла об этих опасениях. Куда бы Калейн ни ездил, он брал ее с собой: охотиться на гихорнов в болотах Зимра, в сверкающий Дюлорн, где они целую неделю смотрели представления в Непрерывном цирке, в Кинтор на Фестиваль гейзеров, даже в таинственный дождливый Пиурифэйн, чтобы ознакомиться с бытием сокрытой от большинства обитателей Маджипура родины меняющих форму. Эта женщина, проведшая первые двадцать лет своей жизни в захудалом Велатисе, начала принимать как должное то, что она путешествует почти как корональ, совершающий великое паломничество, сидя бок о бок с братом правящего герцога.

Но она никогда не утрачивала перспективного видения, позволявшего ей сознавать всю иронию и даже несообразность тех странных перемен, которые произошли в ее жизни.

И при этом она не испытала чрезмерного удивления, даже когда оказалась за столом рядом с самим короналем. Лорд Малибор прибыл в Ни-мойю с официальным визитом. Обычай и здравый смысл требовали от правящего монарха совершать такие поездки по западному континенту каждые восемь или десять лет, чтобы тем самым показать жителям Зимроэля, что они значат для него ничуть не меньше, чем обитатели его родного Алханроэля. Герцог устроил положенный такому высокому гостю банкет, и Иньянна была посажена за верхний стол. По правую руку от нее сидел корональ, по левую Калейн, с другой стороны от лорда Малибора расположились герцог и герцогиня. Конечно, в школе Иньянна заучивала имена великих короналей прошлого, Стиамота, Конфалюма, Престимиона, Деккерета и многих других, а ее мать часто вспоминала о том, что именно в самый день ее рождения в Велатис пришло известие о кончине понтифекса Оссиера, и о том, что лорд Тиеверас, унаследовавший верховный престол,

выбрал новым короналем некоего Малибора, жителя Бомбифэйла. А вскоре появились новые монеты, изображавшие этого самого лорда Малибора, человека с тяжелым лицом, широко расставленными глазами и большими бровями. Но все равно все эти годы она в глубине души продолжала испытывать некоторые сомнения по поводу реальности существования таких людей, как коронали и понтифексы, а сейчас ее локоть находился всего в нескольких дюймах от локтя лорда Малибора, и она изумлялась только тому, насколько этот высокий и массивный человек в одеянии имперских — зеленого и золотого — цветов походил на изображение на монетах. Она не думала, что эти чеканные портреты окажутся настолько точными.

Она ожидала, что корональ будет говорить только о государственных делах. На самом деле лорд Малибор говорил, главным образом, об охоте, о том, как он ездил в некое отдаленное место, чтобы убить какое-то редкое животное, а в другое, почти недоступное гиблое место за головой еще одного опасного и умело скрывающегося зверя, и так далее, и так далее; о том, что он пристроил к Замку новое крыло, где будет хранить все свои трофеи.

— Я уверен, — говорил ей корональ, — что через год или два вы с Калейном посетите меня в Замке. Зал Трофеев к тому времени будет полностью готов. Вы наверняка с удовольствием посмотрите на его экспонаты, там будет множество чучел, изготовленных искуснейшими таксидермистами из всех городов Горы.

Иньянна действительно мечтала побывать в Замке лорда Малибора. Огромный дом, традиционная обитель короналей, был легендарным местом, порой являвшимся в снах всем жителям Маджипура, и она не могла вообразить ничего более замечательного, чем подняться на самую вершину Замковой горы и побродить по бесчисленным комнатам этого древнего — тысячи и тысячи лет — здания. Но одержимость лорда Малибора убийством живых существ ей претила. Когда он рассказывал о том, как убивал аморфиботов и гхалваров, сигимойнов и ститмоев, о том, сколько сил ему пришлось затратить для того, чтобы прикончить того или иного зверя, Иньянна вспоминала о нимойском Парке Сказочных Зверей, где по приказу гораздо менее кровожадного короналя те же самые животные издавна находились под защитой и бережной опекой, а это приводило ей на память тихого тощего Сидоу-

на, который так часто бывал с нею в этом парке и негромко и нежно играл там на своей карманной арфе. Она не хотела думать о Сидоуне, к которому испытывала какую-то смешанную с виной привязанность, хотя и не была ничем ему обязана, и она также не хотела слушать похвальбу о том, как убивают редких животных ради того, чтобы головы смогли украсить Зал Трофеев лорда Малибора. Тем не менее она смогла с должной вежливостью выслушать кровавые рассказы короналя и даже сделала два-три любезных замечания.

Когда перед рассветом они вернулись в Ниссиморнский окоем и собирались отправиться в постель, Калейн сказал ей:

— Корональ намеревается теперь отправиться на охоту за морскими драконами. Он ищет зверя, известного как дракон лорда Кинникена. Его удалось однажды наблюдать достаточно долго, чтобы прикинуть размер, и тогда его длину оценили в более чем триста футов.

Иньянна, усталая и невеселая, пожала плечами. Морские драконы, по крайней мере, еще не стали редкими, и, если короналю удастся загарпунить нескольких, причины для печали все же не будет.

— А в его Зале Трофеев хватит места для драко-

на такой величины?

— Думаю, что голова и крылья поместятся. Но у него не много шансов получить этот трофей. Дракона Кинникена видели всего четыре раза, начиная со времен самого лорда Кинникена; он не показывался уже семьдесят лет. Но если он не найдет этого, то подцепит какого-нибудь другого. Или утонет, пытаясь подцепить.

— А что, такая опасность действительно есть?

Калейн кивнул.

— Охота на драконов очень опасное занятие. Он поступил бы куда умнее, если бы не брался за нее. Но он уже охотился почти на все, что движется на суше. К тому же еще ни один корональ не выходил в море на судне охотников за драконами, так что его не удастся отговорить от этого. Мы уезжаем в Пилиплок в конце недели.

— Мы?

— Лорд Малибор попросил меня составить ему компанию на охоте, — с кривой улыбкой сказал он. — По правде говоря, он хотел взять с собой герцога, но брат отговорился множеством государственных обязанностей. Так что он пригласил меня. А от такого приглашения так просто не откажешься.

— Ты возьмешь меня? — спросила Иньянна.

— Общество женщин не предусматривалось.

— А-а… — чуть слышно выдохнула она. И спустя секунду-другую спросила спокойным голосом: — Как долго ты собираешься отсутствовать?

— Охота обычно продолжается три месяца, весь сезон южных ветров. А еще нужно добраться до Пилиплока, обеспечить ремонт судна и вернуться домой… на это потребуется шесть или семь месяцев. Я вернусь домой к весне.

— Понятно…

Калейн подошел к ней и прижал ее к себе.

— Это будет самая долгая разлука из всех, которые когда-либо будут в нашей жизни. Я клянусь тебе.

Она хотела сказать: не можешь ли ты найти какой-нибудь предлог, чтобы отказаться? Или же: нельзя ли мне как-то поехать с тобой? Но она знала, что это будет бесполезно и противно тому этикету, который управлял жизнью Калейна. Поэтому Иньянна не стала ни сетовать, ни протестовать, ни упрашивать. Она крепко обняла Калейна, и они целовались до самого восхода солнца.

Накануне отъезда в порт Пилиплок, служивший главной гаванью кораблей охотников за драконами, Калейн попросил ее прийти к нему в

кабинет, расположенный на верхнем этаже Ниссиморнского окоема, где предложил ей подписать документ, состоявший из толстой пачки листов.

— Что это такое? — спросила Иньянна, не прикасаясь к бумагам.

— Наш брачный контракт.

— Это жестокая шутка, мой господин.

— Это не шутка, Иньянна. Совсем не шутка.

— Но…

— Я собирался поговорить с тобой о женитьбе этой зимой, но тут невесть откуда взялись эти проклятые драконы и совсем не оставили мне времени. Так что я решил немного поторопить события. Ты для меня не случайная любовница, и этот документ узаконит нашу любовь.

— А разве нашей любви требуются какие-нибудь законы?

Калейн, прищурившись, глянул ей в лицо.

— Я оказался втянут в опасное и безрассудное приключение. Надеюсь, что оно закончится благополучно, но, находясь в море, я не буду властен над своей судьбой. Как моя любовница ты не имеешь никаких законных прав на наследование. Как моя жена…

Иньянна на некоторое время лишилась дара речи.

— Если опасность настолько велика, то откажись от этого плавания, мой господин! — наконец с трудом выговорила она.

— Ты же знаешь, что это невозможно. Я вынужден пойти на этот риск. И поэтому обязан подумать о тебе. Подпиши это, Иньянна.

Она долго смотрела на документ, вернее, на стопку листов, лежавшую на столе. Перед ее глазами все расплывалось, и она не могла прочесть ни слова в том тексте, который, вероятно, являлся шедевром каллиграфии. Жена Калейна? Это словосочетание казалось ей чуть ли не чудовищным, оно нарушало все правила приличия, выходило за любые мыслимые границы. И все же… все же…

Он ждал, глядя на нее. И она не смогла отказаться.

Утром он со свитой короналя отбыл в Пилиплок, и весь этот день Иньянна растерянно, бездумно бродила по комнатам и коридорам Ниссиморнского окоема. Тем же вечером герцог заботливо пригласил ее на обед, на следующий день Дюранд Ливолк и его дама составили ей компанию в поездке в ресторан Пидруидского острова, куда только что доставили партию вина из плодов огненной пальмы. Приглашения следовали одно

за другим, она постоянно находилась в вихре светской жизни. Так минуло несколько месяцев. Зима перевалила за половину. И тогда пришло известие о том, что огромный морской дракон напал на судно лорда Малибора и отправил его на дно Внутреннего моря. Лорд Малибор погиб, и все, кто был с ним, тоже, а короналем был назван некий Вориакс. И в соответствии с волей Калейна его вдова Иньянна Форлана стала единоличной хозяйкой большого имения, известного под названием Ниссиморнсого окоема.

Глава 11

Когда срок траура закончился и Иньянна получила возможность общения с внешним миром, она вызвала одного из своих управляющих и распорядилась передать довольно крупные суммы денег на Большой базар для вора Агурмоля и всех членов его семейства. Только так Иньянна могла показать этим людям, что она их не забыла.

— Постарайтесь точно запомнить, что они скажут, когда вы вручите им деньги, — приказала она слуге, втайне надеясь услышать несколько теплых слов о том времени, когда она была одной из них. Но, вернувшись, слуга сообщил, что никто не сказал ничего достойного запоминания — они просто удивлялись и благодарили госпожу Иньянну — за исключением одного человека по имени Сидоун, который отказался от подарка и его так и не удалось уговорить принять его. Иньянна печально улыбнулась и велела раздать причитавшиеся Сидоуну двадцать реалов детям на улицах. Она ни разу больше не вспоминала вслух о ворах с Большого базара, не имела с ними никаких контактов и даже никогда не появлялась в тех местах.

Спустя несколько лет, во время одного из посещений магазинов Паутинной галереи, госпожа Иньянна заметила в одном из своих любимых магазинчиков, торговавшем резными изделиями из кости морского дракона, двоих мужчин подозрительного вида. По их поведению и взглядам, которыми они обменивались, Иньянна безошибочно определила, что это воры, намеревавшиеся устроить суматоху, чтобы под шумок ограбить магазин. Присмотревшись пристальнее, она поняла, что ей уже приходилось сталкиваться с ними. Один из них был толстым коротышкой с квадратной физиономией, а другой, напротив, был высок ростом, тощ, и лицо у него было вытянутое, костлявое и очень бледное. Иньянна подала знак своим телохранителям, и те бесшумно придвинулись к этой парочке.

— Один из вас Стейг, а другой назывался Везаном Ормусом, — ледяным голосом сказала Иньянна, — но я забыла, кто есть кто. С другой стороны, я очень хорошо помню другие детали нашего знакомства.

Воры испуганно переглянулись.

— Госпожа изволит ошибаться, — угодливым тоном ответил высокий. — Меня зовут Элакон Мири, а имя моего друга — Тсануз.

— Возможно, сегодня ваши имена звучат так. Но несколько лет назад вы посетили Велатис именно под этими именами. Я вижу, что вы перешли от мошенничества к воровству. Скажите-ка мне вот что: сколько наследников Ниссиморнского окоема вам удалось найти до того, как эта игра вам наскучила?

В глазах воров появилась откровенная паника. Они, казалось, решали, не стоит ли им попытаться прорваться мимо телохранителей Иньянны к двери, но, видимо, поняли, что делать этого не стоит: быстро разобравшиеся в ситуации охранники Паутинной галереи уже собрались перед входом в магазин.

— Уверяю вас, госпожа, мы всего лишь честные торговцы, — дрожа всем телом, проговорил коротышка.

— Вы всего лишь неисправимые негодяи, — отрезала Иньянна. — Попробуйте-ка только отрицать это, и я позабочусь о том, чтобы вас отправили на каторгу в Сувраэль!

— Госпожа…

— Говорите правду! — потребовала Иньянна.

— Мы признаем свою вину, — стуча зубами, ответил длинный. — Но это было давно. Если мы причинили вам ущерб, то мы готовы все полно-

стью возместить.

— Причинили мне ущерб? — Иньянна громко рассмеялась. — Наоборот, вы оказали мне самую большую из всех возможных услуг. Лично я испытываю к вам только благодарность. Знайте, что я была Иньянной Форланой, мелкой лавочницей из Велатиса, у которой вы обманом выманили двадцать реалов, а теперь я госпожа Иньянна Нимойская, владелица Ниссиморнского окоема. И так получилось потому, что Божество защищает слабых и обращает зло в добро. — Она подозвала стражников галереи. — Передайте этих двоих имперским прокторам и скажите, что я смогу позднее предъявить доказательства их виновности, но сейчас прошу для них милосердного наказания: трехмесячных исправительных работ на строительстве дорог или чего-нибудь в этом роде. А потом, думаю, мне следует взять вас обоих к себе на службу. Вы никчемные жулики, но не дураки, так что лучше держать вас под рукой и следить за вами, чем отпустить вас на свободу и позволить снова обирать неосторожных простаков. — Она махнула рукой, и мошенников увели.

Иньянна повернулась к хозяину магазина.

— Сожалею, что пришлось отвлечься, — сказала она, как будто ничего не произошло. — Вернемся

к нашим делам. Вы говорите, что эти резные медальоны с эмблемами города стоят по двенадцать реалов за штуку… А что вы скажете о тридцати реалах за все три и, пожалуй, еще и этого маленького резного билантуна в придачу…

Часть X
Вориакс и Валентин

Из всех судеб, к которым Хиссуну удалось прикоснуться в Регистре памяти душ, судьба Иньянны Форланы является, пожалуй, самой близкой его сердцу. Частично потому, что эта женщина жила в совсем недавние времена, может быть, жива до сих пор, и потому мир, в котором она обитала, кажется ему не столь чуждым, как миры живописца, или капитана, или Тесме Нарабальской. Но главная причина, по которой Хиссун чувствует внутреннее родство с бывшей лавочницей из Велатиса, — то, что она начала фактически почти с нуля, лишилась даже того немногого, что у нее было, и все же, невзирая ни на что, смогла достичь власти, величия и, подозревает Хиссун, меры в достигнутом. Он понимает, что Божество помогает тем, кто сам прилагает силы для своего спасения, и Иньянна кажется ему очень похожей на него самого в этом смысле. Конечно, ей сопутствовала удача — она в нужный момент попалась на глаза нужным людям, ей помогли в труднейший период ее

путешествия, — но разве человек не кует свое счастье собственноручно? Хиссун, оказавшийся в нужном месте, когда несколько лет назад — как давно! — лорд Валентин в своих странствиях добрался до Лабиринта, верит в это. Он задумывается, какие еще неожиданности и чудеса судьба приготовила для него в своей заначке и как он может своими силами повлиять на нее, чтобы достичь чего-нибудь получше, чем секретарская работа в Лабиринте, которая так долго была его уделом. Ему уже почти восемнадцать, и он считает, что слишком стар для того, чтобы начать дорогу к величию. Но он тут же напоминает себе, что Иньянна в его возрасте торговала глиняными горшками и разматывала отрезы ткани в захудалой лавчонке на захудалой окраине захудалого Велатиса, а потом унаследовала Ниссиморнский окоем. Он не знает, что его может ожидать в будущем. Но все же лорд Валентин может в любой момент послать за ним — лорд Валентин прибыл в Лабиринт уже неделю назад и поселился в роскошных палатах, которые держат специально для тех случаев, когда корональ посещает резиденцию понтифекса, — лорд Валентин может вызвать его к себе и сказать: «Хиссун, ты достаточно прослужил в этой душной дыре.

А с сегодняшнего дня ты будешь жить рядом со мной, в Горном замке!»

Да, в любой момент. Но Хиссун не получил никаких посланий от короналя и не надеется получить их в будущем. Это милая фантазия, но он не станет терзать себя несбыточными надеждами. Он продолжает заниматься своей постылой работой и вновь переживает в это время все то, что узнал в Регистре памяти душ. Спустя всего лишь день или два после погружения в жизнь воровки из Ни-мойи он возвращается в Регистр и с самой величайшей смелостью, которую ему когда-либо приходилось проявлять, запрашивает каталог архива, есть ли там запись души лорда Валентина. Он знает, что это наглость, что он рискованно испытывает судьбу; Хиссун не удивится, если вокруг замигают огни, зазвенят звонки, и в комнатку влетят вооруженные охранники, чтобы схватить зарвавшегося молодого выскочку, который, не имея на то ни малейшего права, пытается проникать в мысли и душу самого короналя. Его гораздо больше удивляет то, что следует за его нахальным запросом: машина просто сообщает ему, что единственная доступная запись лорда Валентина сделана давно, еще в пору его ранней молодости. Хиссун, ощущая

себя полным бесстыдником, тем не менее без колебаний набирает код на клавиатуре.

Они были очень похожи, эти двое молодых людей — черноволосые, чернобородые, высокие и крепкие, с темными блестящими глазами, широкими плечами и легким налетом властности во взоре, — так что любой сразу угадал бы, что перед ним братья. Но была между ними и разница. Один был уже мужчиной, а другой в значительной степени еще оставался юношей, и это было видно не только по более редкой недавно отпущенной бороде и гладкой коже лица, но и по теплому, веселому и даже игривому взгляду. Старший был более серьезным, более строгим на вид, более властным, как будто на нем лежали какие-то важнейшие обязанности, оставившие свою метку. И это впечатление было в общем-то верным, ибо он был Вориаксом Халанкским, старшим сыном верховного канцлера Дамиандейна, и с его малых лет на Замковой горе говорили, что когда-нибудь он наверняка станет короналем.

Конечно, были и такие, кто говорили то же самое про его младшего брата Валентина, — что он прекрасный многообещающий юноша, имеющий все задатки для того, чтобы стать правителем. Но Валентин не питал никаких иллюзий по поводу

таких комплиментов. Вориакс был старше на восемь лет, и вне всякого сомнения, если кому-то из них и было суждено обосноваться в Замке, эта честь должна была принадлежать Вориаксу. Конечно, и Вориакс не имел никаких гарантий насчет своей избранности в качестве наследника престола; это было лишь распространенное убеждение. Дамиандейн, их отец, был одним из ближайших советников лорда Тиевераса, и в то время его тоже считали более чем вероятным кандидатом на престол короналя. Но лорд Тиеверас, став понтифексом, спустился с Горы в город Бомбифэйл и назвал своим преемником Малибора. Никто этого совершенно не ожидал, поскольку Малибор был обыкновенным губернатором провинции, человек с грубыми манерами, и куда больше интересовался охотой и спортом, чем проблемами управления. Валентин тогда еще не появился на свет, но Вориакс сказал ему, что их отец ни разу ни словом не выдал своего разочарования или недовольства тем, что трон достался другому. Это, возможно, было наилучшим признаком того, что он был его достоин.

Валентин иногда думал, сможет ли Вориакс держаться так же благородно, если корона Горящей Звезды в конце концов пройдет мимо него.

И достанется какому-нибудь другому знатному принцу Горы — скажем, Элидату Морволскому, или Тунигорну, или Стазилейну, или даже ему самому, Валентину. Как же это будет странно! Иногда Валентин тайком произносил эти имена вслух, чтобы прислушаться к их звучанию: лорд Стазилейн, лорд Элидат, лорд Тунигорн. Даже лорд Валентин! Но это были всего лишь фантазии, праздная бессмысленная забава. Валентин не имел никакого желания переступить дорогу своему брату, да и вероятности такого исхода, можно сказать, не было. Разве что в результате невообразимой шутки Божества или столь же невероятной прихоти лорда Малибора. Вориакс был предназначен к тому, чтобы принять правление, когда лорду Малибору придет пора стать понтифексом, и знание этого предназначения наложило свой отпечаток на душу Вориакса и сказывалось в его поведении и манерах.

Но сейчас тонкие проблемы придворной жизни мало занимали мысли Валентина. Они с братом на отдыхе путешествовали по нижней части Замковой горы — эта поездка долго откладывалась, поскольку годом раньше, во время поездки с другом Элидатом в карликовом лесу ниже Амблеморна, у Валентина случился очень тяжелый

перелом ноги, и лишь недавно его здоровье восстановилось в достаточной степени для того, чтобы он смог вновь отправиться в дальнюю дорогу. Они с Вориаксом постепенно спускались вниз по склонам неправдоподобно огромной горы, совершая замечательную, грандиозную экспедицию. Возможно, для Валентина это были последние длительные каникулы перед вступлением в мир взрослых отношений, мир с другими правами и обязанностями. Ему уже исполнилось семнадцать, так что он принадлежал к той группе принцев, из которой выбирались коронали, и был вынужден старательно изучать все, что связано с методами управления, чтобы быть готовым к тому, что выбор падет на него.

И поэтому он вместе с Вориаксом — тот с радостью бросил свои дела, чтобы помочь брату отпраздновать обретение здоровья, — покинул фамильное поместье в Халанксе и отправился в расположенный неподалеку Горный Морпин, город удовольствий, чтобы покататься на горках и поплавать по силовым туннелям. Валентин настаивал также на том, чтобы, для проверки состояния своей выздоровевшей ноги, покататься на зеркальном катке, и на лице Вориакса мелькнула лишь чуть заметная тень неуверенности.

Вероятно, он сомневался в том, что Валентин сможет справиться с таким упражнением, но был слишком тактичен, для того чтобы высказать свое сомнение вслух. Но когда они вышли на каток, Вориакс держался совсем рядом с Валентином. Это невыносимо походило на опеку; стоило Валентину сделать несколько шагов, как Вориакс двигался следом за ним, словно привязанный. В конце концов Валентин не выдержал.

— Брат, ты боишься падения?

— Это не исключено.

— Тогда почему же ты стоишь так близко? Ведь это ты боишься упасть! — Валентин рассмеялся. — Не волнуйся, я всегда успею тебя поддержать.

— Ты всегда был очень заботлив, братец, — откликнулся Вориакс. А затем зеркала вспыхнули ярким блеском, каток начал вращаться и изгибаться, доска, на которой он стоял, сама собой сдвинулась с места, и для шуток не осталось времени.

Валентин и на самом деле некоторое время ощущал неуверенность, поскольку зеркальный каток мало подходил для инвалидов, а у него после травмы осталась небольшая, но очень сильно раздражавшая его хромота, нарушавшая

координацию движений. Впрочем, ему очень быстро удалось уловить ритм, он довольно легко удерживал равновесие на самых крутых и неожиданных виражах и, проносясь в очередной раз мимо Вориакса, заметил, что выражение беспокойства покинуло лицо его брата. Все же этот небольшой эпизод дал Валентину много почвы для размышлений во время их с Вориаксом путешествия вниз по склону Горы сначала в Тентаг, на фестиваль танцующего дерева, затем в Эртсуд-Гранд, Минимул и дальше, мимо Гимкандэйла в Фурибл, чтобы наблюдать там за брачными полетами каменных птиц. Пока они дожидались начала движения зеркал, Вориакс был не только встревоженным любящим опекуном, в нем также можно было заметить некоторую снисходительность и готовность одернуть младшего. Забота старшего брата о его безопасности казалась Валентину одним из способов, какими Вориакс может проявить свою власть над ним, и Валентину, стоявшему на пороге полной возмужалости, это нисколько не нравилось. Но он понимал, что взаимоотношения между братьями лишь отчасти представляют собой любовь, а отчасти войну, и потому хранил раздражение при себе.

Из Фурибла они проехали через Восточный Бим-

бак и Западный Бимбак, задержавшись в каждом из городов, чтобы постоять перед колоссальными, с милю вышиной, башнями-близнецами, рядом с которыми даже самый надменный хвастун ощущал себя ничтожным муравьем, а выйдя из Восточного Бимбака, выбрали путь, ведущий к Амблеморну, где дюжина стремительных горных потоков, собираясь воедино, образовывала Глэйдж, величайшую реку континента. Неподалеку от Амблеморна, немного выше его по склону, находилось небольшое, поперечником в несколько миль, плато с каменно-твердой белесой меловой почвой. Деревья, которые в других местах затмевали кронами небо, здесь представляли собой жалкую поросль высотой едва ли в человеческий рост, со стволами не толще девичьей руки. Именно в этом карликовом лесу Валентина подстерегла беда, когда он чересчур быстро гнал своего скакуна через заросли, где предательские корни, не в силах глубоко проникнуть в землю, змеясь, ползли по земле. Скакун оступился, Валентин свалился наземь, и его нога застряла между двумя стройными, но чрезвычайно крепкими деревьями, стволы которых в течение нескольких сот лет накапливали прочность, а далее последовали долгие месяцы мучительных болей и

печали, на протяжении которых кости медленно срастались; неповторимый год молодости был безвозвратно потерян. Зачем они возвратились сюда? Вориакс бродил по удивительному лесу, как будто искал надежно спрятанное сокровище. Наконец он повернулся к Валентину.

— Это место кажется мне зачарованным.

— Все очень просто. Корни деревьев не могут проникнуть в глубь этой никчемной серой земли и цепляются за нее где и как могут; ведь это же Замковая гора, где растет все, что способно существовать, но даже и здесь они живут впроголодь, и…

— Это я понимаю, — с холодком в голосе ответил Вориакс. — Я не имел в виду, что здесь на самом деле колдовали, а только хотел сказать, что это место производит такое впечатление. Да целый легион колдунов-вруунов не смог бы создать ничего настолько уродливого. И все же я рад, что мне наконец удалось здесь побывать. Ну что, поскачем?

— Какие тонкие у тебя подходы, Вориакс.

— Подходы? Я не понимаю…

— Ты предполагаешь, что я решусь повторно пересечь заросли, из-за которых чуть не остался одноногим.

Румяное лицо Вориакса покраснело еще сильнее.

— Я не думаю, что ты снова упадешь.

— Конечно нет. Но ты считаешь: я могу думать, что упаду, а ты всегда верил в то, что лучший способ преодолеть страх состоит в том, чтобы пойти навстречу тому, что тебя пугает, и потому ты подводишь меня к тому, чтобы предпринять повторный заезд через лес и тем самым выжечь, словно каленым железом, любое мельчайшее опасение, которое может порождать во мне этот лес. Это полностью противоречит тому, что ты делал, когда мы катались на зеркальном катке, но преследует ту же самую цель. Скажешь, не так?

— Я совершенно не понимаю, что ты хочешь сказать, — солидно ответил Вориакс. — Ты что, подцепил лихорадку?

— Нисколько. Так что, устроим гонки?

— Думаю, что нет.

Валентин, расстроенный, с силой стукнул кулаком о кулак.

— Но ведь ты же сам только что это предложил!

— Я предложил поехать дальше, — ответил Вориакс. — Но мне кажется, что тебя переполняет какой-то таинственный гнев и вызов, ты обви-

няешь меня в том, что я выдумываю какие-то подходы для того, чтобы управлять тобой, хотя у меня и в мыслях нет ничего подобного. Если мы поедем через лес, когда ты пребываешь в таком настроении, то ты наверняка снова упадешь и, скорее всего, сломаешь вторую ногу. Так что лучше поедем-ка в Амблеморн.

— Вориакс…

— Ну?

— Я хочу проехать через лес. — Валентин пристально уставился в глаза брату. — Ты поедешь со мной или предпочтешь подождать здесь?

— Я предпочту поехать с тобой.

— Тогда скажи мне, чтобы я был осторожен и глядел на землю, чтобы скакун не споткнулся о корень.

На щеках Вориакса заиграли желваки; он глубоко вздохнул, сдерживая раздражение.

— Ты не ребенок. Я не собираюсь говорить тебе такие вещи. Кроме того, если бы я считал, что ты нуждаешься в подобных советах, то отказался бы считать тебя своим братом и послал бы куда подальше.

Он дал шенкеля скакуну и неистово погнал животное по узкой тропинке между карликовыми деревьями.

Мгновение спустя Валентин последовал за ним. Он тоже подгонял животное, стараясь сократить расстояние, отделявшее его от брата. Дорога была плохой; то и дело ему попадались на глаза препятствия столь же угрожающего вида, как то, на котором он покалечился, когда ехал здесь же с Элидатом, но сейчас его скакун устойчиво держался на ногах, очевидно, хорошо видел дорогу, и седоку почти не нужно было дергать за узду. Хотя память о падении была еще ярка в его памяти, Валентин не чувствовал никакого страха, только своего рода повышенную настороженность: он твердо знал, что если снова упадет, то последствия будут далеко не столь печальными. Он думал, не слишком ли он горячится в общении с Вориаксом. Возможно, он чрезмерно чувствителен и раздражителен, чересчур торопится защититься от мнимого покровительства со стороны старшего брата. В конце концов, Вориакс учился на правителя всего мира и потому, вероятно, не мог не стремиться взять на себя ответственность за всех и каждого, а в особенности за своего младшего брата. Валентин решил постараться проявлять поменьше рвения в защите своей независимости.

Они благополучно миновали лес и въехали в

старейший из городов Замковой горы, древнее поселение, где узкие извилистые улицы сплетались в запутанные лабиринты, а стены, сложенные из дикого камня, плотно оплетали одеревеневшие от старости виноградные лозы. Это отсюда двенадцать тысяч лет назад началось завоевание Горы — первые смелые, порой безрассудные вылазки на холодные, почти лишенные воздуха откосы тридцатимильного нароста на боку Маджипура. Тому, кто провел всю жизнь в Пятидесяти Городах с их вечной ароматной весенней порой, теперь было трудно представить себе то время, когда Гора была голой и непригодной для жизни. Но Валентин хорошо знал историю пионеров, карабкавшихся вверх по титаническим склонам, волоча за собой машины, которые дали великой горе тепло и воздух. Они за несколько столетий превратили ее в царство волшебной красоты. Лорд Стиамот восемь тысяч лет назад увенчал вершину небольшим поселением; а оно, претерпев невероятные превращения, превратилось в огромный непостижимый Замок, где сегодня обитал лорд Малибор. Они с Вориаксом постояли в благоговении перед монументом в Амблеморне, на котором красовалась лаконичная надпись:

ВСЕ, ЧТО ВЫШЕ ЭТОГО МЕСТА,

НЕКОГДА БЫЛО БЕЗЖИЗНЕННЫМ

Стелу из полированного черного велатисского мрамора окружал сад из прекрасных халатинговых деревьев, круглый год украшенных темно-красными и золотыми цветами.

Вориакс и Валентин пробыли в Амблеморне два дня и две ночи, а затем спустились по долине Глэйджа в расположенное в стороне от больших дорог поселение под названием Гизельдорн. Здесь, на краю огромного густого леса, обосновалось несколько тысяч людей, решивших покинуть большие города; они мало общались со своими соседями и жили в шатрах, сделанных из черного войлока, который сами валяли из шерсти диких блавов, обитавших на тучных луговых пастбищах возле реки. Поговаривали, что все они были ведьмами и колдунами, что кое-кто из них принадлежал к той части непокорного племени метаморфов, которой удалось в древности избежать изгнания из Алханроэля; они, чтобы избежать подобной участи, непрерывно пребывали в человеческом облике. Правда, Валентин подозревал, что все эти люди просто не нашли себе места в мире торговли и конкуренции, который представлял собой Маджипур, и прибыли сюда, чтобы жить по-своему среди себе подобных.

Уже вечерело, когда они с Вориаксом поднялись на холм, с которого разглядели лес Гизельдорн и скопище черных шатров перед ним. Лес казался неприветливым — он состоял в основном из приземистых пингловых деревьев с необхватными стволами, из которых под острыми углами торчали толстые ветви. Сцепляясь и переплетаясь с ветвями соседних деревьев, они образовывали плотный навес, сквозь который даже в самый яркий день не могли пробиться солнечные лучи. И поселение тоже не манило к себе. Стоявшие поодаль один от другого десятигранные шатры напоминали гигантских насекомых странной формы, остановившихся на мгновение перед тем, как продолжить свое неудержимое шествие по просторам, красоты которых не оказывали на них ни малейшего воздействия. Валентин давно испытывал сильное любопытство по поводу Гизельдорна и его обитателей, но сейчас, когда он попал сюда, ему с каждой минутой все меньше хотелось проникать в его тайны.

Он взглянул на Вориакса и увидел на лице брата те же самые сомнения.

— Ну что будем делать? — спросил Валентин.

— Думаю, разобьем лагерь на ближней опушке леса. А утром отправимся в деревню и посмотрим,

как нас примут.

— Они что, могут напасть на нас?

— Напасть? В этом я очень сомневаюсь. Мне кажется, что они еще более миролюбивы, чем все остальные жители Маджипура. Но зачем навязываться тем, кто не хочет иметь с нами дела? Почему бы не уважить их уединение? — Вориакс указал берег напоминавшей полумесяц излучины реки. — Что ты скажешь насчет того, чтобы сегодня расположиться там?

Они спешились, привязали скакунов, чтобы те могли пастись, распаковали свои мешки, набрали на обед сочных вкусных побегов и отправились на поиски дров для костра.

— Как ты думаешь, если бы лорд Малибор гнался через этот лес за каким-нибудь редким животным, стал бы он думать об уважении к уединению жителей Гизельдорна? — вдруг спросил Валентин.

— Когда лорд Малибор преследует добычу, его ничто не остановит.

— Именно. Такая мысль просто не могла бы прийти ему в голову. Я думаю, Вориакс, что ты будешь намного лучшим короналем, чем лорд Малибор.

— Не болтай глупостей.

— Это не глупость. Это вполне разумное мнение. Все согласны с тем, что лорд Малибор груб и беспечен. А когда наступит твоя очередь…

— Валентин, прекрати!

— Ты будешь короналем, — сказал Валентин. — Зачем притворяться? Это произойдет наверняка, причем скоро. Тиеверас очень стар. Лорд Малибор переселится в Лабиринт через два или три года и, конечно, назовет короналем тебя. Он не столь глуп, чтобы поступать наперекор убеждениям всех своих советников. А тогда…

Вориакс взял Валентина за руку и притянул к себе. В его глазах отчетливо читались мука и раздражение.

— Такая болтовня может принести только несчастье, — сказал он. — Прошу тебя, прекрати.

— Можно мне сказать еще кое-что?

— Я не хочу выслушивать домыслы насчет того, кто должен стать короналем.

Валентин кивнул.

— Это не домыслы, а вопрос брата брату. Он уже довольно давно меня преследует. Я не говорю, что ты станешь короналем, но я хотел бы знать, хочешь ли ты этого. Говорили ли с тобой об этом? Желаешь ли ты взвалить на себя это бремя? Ответь мне лишь на этот вопрос, Вориакс.

Вориакс долго молчал.

— От этого бремени никто не посмеет уклониться, — медленно произнес он.

— Но ты хочешь этого?

— Разве смогу я отказаться, если таким окажется мое предназначение?

— Ты уклоняешься от ответа. Посуди сам: вот мы с тобой, молодые, здоровые, счастливые, свободные. Помимо наших обязанностей при дворе, которые трудно считать очень уж обременительными, мы можем делать все, что заблагорассудится, поехать куда захотим, скажем, совершить плавание на Зимроэль, паломничество на Остров Сна, отдыхать в Кинторской марке, заниматься чем угодно и где угодно. И отказаться от всего этого ради короны Горящей Звезды, ради того, чтобы подписывать миллионы декретов, совершать великое паломничество, повторяя изо дня в день одни и те же речи, и знать, что когда-нибудь неизбежно придется до конца жизни переселиться на самое дно Лабиринта… Что ты думаешь об этом, Вориакс? Почему человек может желать всего этого? И желаешь ли этого ты сам?

— Все-таки ты еще ребенок, — сказал Вориакс.

Валентин отшатнулся, будто его ударили. Снова снисходительность! Но он сразу же понял, что

заслужил таких слов, что он задавал наивные, ребяческие вопросы, и пригасил свой гнев.

— Мне казалось, что я более или менее достиг зрелости.

— В чем-то. Но тебе предстоит еще многому научиться.

— Несомненно. — Он помолчал. — Ладно, ты примешь королевскую власть как неизбежность, если она будет тебе предложена. Но хочешь ли ты этого, Вориакс, жаждешь ли ты этого на самом деле или же готовиться к трону тебя заставляют только твое воспитание и чувство долга?

— Я готовлюсь не к трону, — медленно сказал Вориакс, — а всего лишь к исполнению определенной роли в правительстве Маджипура, точно так же, как и ты, и… да, это вопрос воспитания и чувства долга, поскольку я сын верховного канцлера Дамиандейна, и я уверен, что ты относишься к этому так же. Если трон предложат мне, я приму его с гордостью и вложу все свои силы и знания в выполнение тех обязанностей, которые получу вместе с ним. Я не трачу времени на мечты о королевской власти и не строю предположений о том, достанется она мне или нет. И еще должен сказать, что я нахожу эту беседу чрезвычайно утомительной и был бы тебе благодарен, если бы

ты позволил мне собрать дрова в тишине.

Он посмотрел на брата непривычно тяжелым взглядом и отвернулся. Вопросы расцветали в мозгу Валентина, словно алабандины в разгар лета, но он заставил себя проглотить их все до единого, так как заметил, что у Вориакса дрожат губы, и понял, что перешел уже через все границы. Вориакс сердито перебирал валявшиеся на земле ветки, выдергивал прутья, ломал их с силой, явно чрезмерной для сухого ломкого дерева. Валентин не делал повторных попыток прорваться сквозь оборону своего брата, хотя узнал далеко не все, что его так сильно интересовало. Впрочем, по самому наличию этой обороны он заподозрил, что Вориакс действительно стремился к званию короналя и посвящал все свое время подготовке. У него также имелось подозрение, впрочем только подозрение, почему старший брат должен был желать этого. Ради собственной пользы, ради власти и славы? Почему бы и нет? И для выполнения предназначения, которое налагает на некоторых людей высокие обязательства? Да, и это тоже. И, несомненно, ради того, чтобы исправить несправедливость, которая была допущена, когда корона прошла мимо их отца. Но все же, все же… променять свою свободу на всего-навсего

обязанность управлять миром — это было тайной для Валентина, и в конце концов он решил, что Вориакс был прав, что он в свои семнадцать лет еще был не в состоянии полностью постичь такие вещи.

Он притащил охапку дров в лагерь и принялся разжигать огонь. Вориакс присоединился к нему довольно скоро, но не сказал ни слова.

Между братьями пробежал холодок отчужденности, и Валентин воспринял это как большое несчастье. Он хотел извиниться перед Вориаксом за то, что завел злосчастный разговор, однако ему всегда было очень неловко просить прощения у брата. При этом он продолжал чувствовать, что мог говорить с Вориаксом о большинстве интимных вопросов без чувства обиды и не считая свое самолюбие задетым. Но, с другой стороны, этот холод было трудно выдерживать, и если он не исчезнет, то их совместный отдых будет испорчен. Валентин искал способ вернуть нарушенное дружелюбие и спустя несколько минут решился испробовать тот, который неизменно приводил к успеху, когда они были моложе.

Он подошел к Вориаксу — тот с угрюмым видом резал мясо — и сказал:

— А не побороться ли нам, пока вода закипит?

Вориакс поднял на него изумленный взгляд.

— Что-что?

— Я чувствую, что мне необходимо размяться.

— Тогда залезь на дерево и попрыгай с ветки на ветку.

— Ну давай, Вориакс. Пару-другую схваток.

— Это ни к чему.

— Почему же? Неужели, если я повалю тебя, это еще больше заденет твое достоинство?

— Поосторожнее, Валентин!

— Я говорил слишком резко. Прости меня. — Валентин принял борцовскую стойку, вытянул руки. — Ну пожалуйста! Немножко повозимся, прольем немного пота перед обедом…

— А как же твоя нога? Она только недавно зажила.

— Но ведь зажила. Так что можешь бороться в полную силу, как и я, и ничего не бояться.

— А если твоя нога снова сломается? Ведь мы находимся в целом дне пути от любого города, заслуживающего такого названия.

— Давай, Вориакс, — нетерпеливо потребовал Валентин. — Ты раздражен сверх меры. Ну покажи мне, что все еще умеешь бороться! — Он засмеялся, хлопнул в ладоши, жестом поманил брата к себе, еще раз хлопнул в ладоши, взглянул,

улыбаясь, прямо в лицо Вориаксу, потянул брата за руку, помогая подняться, и тот наконец не выдержал и сцепился с ним.

Но что-то шло не так. Они довольно часто боролись друг с другом с тех пор, как Валентин стал достаточно большим, чтобы соперничать с братом почти на равных. Валентин отлично знал все приемы, которыми владел Вориакс, уловки, которые тот применял, чтобы вывести соперника из равновесия, сорвать атаку противника и перейти в наступление самому. Но человек, с которым он боролся сейчас, показался ему совершенно незнакомым. Может быть, то какой-то метаморф принял облик Вориакса? Нет, нет, нет, все дело было в ноге, понял Валентин. Вориакс сдерживал свою силу, действовал осторожно и оттого неловко; он снова относился к младшему брату покровительственно! Разгневанный и удивленный Валентин рванулся вперед и, хотя по обычаю в первые моменты схватки противники лишь примерялись друг к другу, сделал захват, намереваясь провести бросок, и вынудил Вориакса опуститься на колено. Вориакс изумленно взглянул на брата и, пока тот переводил дух и собирался с силами, чтобы дожать противника и припечатать его спину к земле, напрягся и

рванулся вверх, впервые использовав всю свою огромную силу и успев в самую последнюю секунду перед решающей атакой младшего брата освободиться и вскочить на ноги.

Они принялись настороженно кружиться по импровизированной площадке, выгадывая момент для атаки.

— Вижу, что я недооценил тебя, — заметил Вориакс. — Твоя нога, похоже, в полном порядке.

— Так оно и есть, и я уже много раз говорил тебе об этом. Я просто немного прихрамываю, но это ерунда. Ну, Вориакс, кончай прятаться, дай-ка я дотянусь до тебя еще разок!

Они одновременно ринулись вперед, обхватили друг друга руками, уперлись грудь в грудь, и, как показалось Валентину, целый час, а то и больше ни один из них не мог сдвинуть другого с места (хотя, вероятно, на самом деле прошло не больше одной-двух минут). Потом ему удалось заставить Вориакса попятиться на несколько дюймов, а затем Вориакс напрягся еще сильнее, навалился на него и заставил отступить на то же самое расстояние. Они напрягались, обливались потом, рычали и вызывающе ухмылялись. Валентин испытал искреннюю радость, увидев эту ухмылку на лице Вориакса, ибо она значила, что

они снова братья, что холод, разделивший их, улетучился, что он получил прощение за свою дерзость. В этот момент ему страстно захотелось обнять Вориакса, а не бороться с ним; и в этот же самый момент, уловив, что противник на неуловимое мгновение чуть расслабился, Вориакс, резко извернувшись, толкнул его одной рукой в плечо, а другой резко дернул, бросил брата наземь, поставил колено на грудь, а руками нажал на плечи. Валентин попытался встать на мостик, но долго сопротивляться Вориаксу в таком положении было просто невозможно, и вскоре Валентин почувствовал под лопатками прохладную сырую землю.

— Твоя взяла, — с трудом переводя дыхание, воскликнул Валентин, и Вориакс выпустил его и откатился в сторону. Оба вдруг одновременно расхохотались. — Но в следующий раз я тебе задам!

Как хорошо, несмотря на поражение, было чувствовать возвращение любви брата!

И тут Валентин неожиданно услышал совсем неподалеку аплодисменты. Он сел, осмотрелся и увидел в сумеречном свете стоявшую на самой опушке леса женщину. У нее были резкие черты лица и необыкновенно длинные прямые черные волосы, блестящие злые глаза и полные губы.

Одежда у нее была странной — просто полосы дубленой кожи, грубо сшитые между собой. Она показалась Валентину совсем старой, наверное, лет тридцати.

— Я смотрела на вас, — сказала женщина, без малейшего страха подходя к ним. — Сначала я подумала, что вы деретесь по-настоящему, а потом увидела, что вы развлекаетесь.

— А сначала это и была почти настоящая драка, — ответил Вориакс. — Но все равно для развлечения. Меня зовут Вориакс Халанкский, а это Валентин, мой брат.

Она посмотрела на одного, потом на другого.

— Да, конечно, вы братья. Это сразу видно. А меня звать Танандой, я отсюдова, из Гизельдорна. Хотите, предскажу вам судьбу?

— Так значит, вы ведьма? — спросил Валентин.

Глаза женщины зажглись веселым блеском.

— Ну да, конечно, ведьма. И что из того?

— Что ж, тогда расскажите, что нас ожидает! — крикнул Валентин.

— Подожди, — остановил его Вориакс. — Я не питаю ни малейшей симпатии к колдовству.

— Ты чересчур трезвый человек, — отозвался Валентин. — Какой от этого может быть вред?

Мы посетили Гизельдорн, город волшебников; так почему бы нам не ознакомиться с предначертаниями судьбы? Чего ты боишься? Это же игра, Вориакс, всего лишь игра! — Он подошел к ведьме. — Вы не откажетесь пообедать с нами?

— Валентин…

Валентин смело глянул на брата и рассмеялся.

— Я буду защищать тебя от зла, Вориакс! Ничего не бойся! — И добавил полушепотом: — Мы путешествовали вдвоем достаточно долго, брат. Я соскучился по обществу.

— Вот я и вижу, — пробормотал Вориакс.

Но ведьма была привлекательна, Валентин был настойчив, и вскоре Вориакс, похоже, слегка успокоился по поводу ее присутствия. Он отрезал для женщины кусок мяса — ровно треть, — а она отправилась в лес, вскоре возвратилась с несколькими плодами пинглы и показала братьям, как их жарить, чтобы сок вытекал на мясо, отчего оно обрело незнакомый им приятный дымный аромат.

Спустя некоторое время после того, как они приступили к еде, Валентин почувствовал, что у него слегка закружилась голова, а перед глазами все поплыло. Он усомнился в том, что виною этому несколько глотков вина, которым он за-

пивал мясо, так что, вероятнее всего, дело было в соке пинглы. У него мелькнула было мысль, что это какое-то предательство, но он отогнал ее, так как головокружение было приятным и даже завораживающим, и он не усмотрел в нем никакой опасности. Он посмотрел на Вориакса, ожидая, что его гораздо более подозрительный по характеру брат возмутится и испортит их пир, но Вориакс, если вообще ощущал действие сока, казалось, пришел от него в наилучшее расположение духа: он громко смеялся всему, что говорили, раскачиваясь всем телом и хлопая себя по бедрам, наклонялся почти вплотную к ведьме и что-то хрипло кричал прямо ей в лицо. Валентин взял еще мяса. Спустилась ночь; на лагерь внезапно навалилась темнота, в небе, где была видна лишь крошечная долька одной из малых лун, ярко сверкали бесчисленные звезды. Валентину показалось, что слышит отдаленное пение, которому ответили другие голоса, хотя он был уверен, что Гизельдорн находится слишком далеко для того, чтобы звуки могли донестись оттуда через лес. Померещилось, решил он, из-за этих дурманящих плодов.

Огонь понемногу угасал. Воздух становился прохладнее. Они придвинулись поближе друг к

другу, Валентин, Вориакс и Тананда, тела соприкоснулись, и это показалось сначала невинным, а затем стало уже не столь невинным. Когда они сдвинулись еще теснее, Валентин на мгновение поймал взгляд брата, и Вориакс подмигнул ему, как будто хотел сказать: мы с тобой мужчины, брат, и этой ночью получим удовольствие вместе. Валентину уже случалось вместе с Элидатом или Стазилейном иметь дело с одной и той же женщиной, и все трое весело кувыркались в кровати, предназначенной для двоих, но никогда еще он не делал такого вместе с Вориаксом. Вориакс всегда настолько старательно хранил достоинство, ощущал свое превосходство, свое высокое положение, так что предстоящая игра обрела для Валентина особую прелесть. А гизельдорнская ведьма отбросила свои кожаные одежды и обнажила при тусклом свете костра стройное и податливое тело. Валентин опасался, что вид ее плоти окажется отталкивающим, ведь она была намного старше, чем он, даже на несколько лет старше Вориакса, но теперь он понял, что его опасения были порождением неопытности, так как она все равно казалась ему красивой. Он потянулся к женщине, его рука на ее боку встретилась с рукой Вориакса; он игриво хлопнул

по ней ладонью, как будто хотел прихлопнуть жужжащую муху. Оба брата рассмеялись, и в их басовитый хохот врезался серебристый звонкий смех Тананды, и все трое покатились по влажной траве.

Валентин никогда еще не проводил столь безумной ночи. Неизвестно, какой наркотик содержался в соке пинглы, но он помог ему освободиться от почти всех вошедших в плоть и кровь запретов и подхлестнул его энергию. С Вориаксом, судя по всему, произошло то же самое. Потом Валентин представлял эту ночь как цепочку отрывочных образов, вернее, мешанину событий, никак не связанных с другими. То он лежал на спине, вытянувшись во весь рост, и голова Тананды лежала у него на коленях и он гладил ее блестящий от пота лоб, а Вориакс в это время подпрыгивал на ней, а Валентин со странным удовольствием прислушивался к их хриплому страстному дыханию, то уже он обнимал ведьму, а Вориакс был где-то поблизости, совсем рядом, но он не мог понять где, а затем Тананда лежала, стиснутая между двумя мужскими телами в некоем неестественном соитии, а потом все трое отправились к реке, и купались, и плескались, и смеялись, и бежали голые и дрожащие от холода

к умирающему огню, и снова занимались любовью. Валентин и Тананда, Вориакс и Тананда, Валентин и Тананда и Вориакс, и плоть снова и снова требовала другой плоти до тех пор, пока первые сероватые отблески утренней зари не нарушили темноту.

Когда в небе появилось солнце, никто из троих не спал. В памяти Валентина сохранилась лишь часть прошедшей ночи, и он время от времени задумывался, не спал ли он урывками, сам того не замечая, но сейчас его сознание было сверхъестественно ясным, а глаза широко раскрытыми, как будто стояло не раннее утро, а полдень после ночи безмятежного сна. Вориакс тоже выглядел абсолютно свежим, как и усмехающаяся голая ведьма, расслабленно раскинувшаяся между ними.

— А теперь, — объявила она, — займемся судьбой!

Вориакс беспокойно кашлянул, намереваясь что-то сказать, но Валентин поспешно перебил его:

— Да! Да! Предскажи нам судьбу!

— Соберите семечки пинглы, — приказала женщина.

Они были разбросаны вокруг, глянцевые чер-

ные орешки с красными пятнышками. Валентин подобрал не меньше дюжины, и даже Вориакс разыскал несколько штук. Свои находки они вручили Тананде, которая тоже собрала полную горсть орешков. И она принялась, сидя на корточках, встряхивать их в горстях и кидать на землю, как будто играла в кости. Пять раз она бросала свои кости-семена, собирала их и бросала снова; затем она сложила ладони чашей, и одно за другим высыпала семена так, что они образовали кольцо, оставшиеся кинула внутрь кольца, а потом принялась пристально вглядываться в образованный ими узор, опустилась на колени и пригнулась почти вплотную к земле, на которой были разбросаны семена. Это продолжалось довольно долго, а потом она подняла голову. Вызывающая дьявольская усмешка исчезла с ее лица; женщина выглядела странно изменившейся, постаревшей на несколько лет, а на ее лице было торжественное выражение.

— Вы люди чрезвычайно высокого рода, — сказала она. — Впрочем, это можно понять, глядя на то, как вы держитесь. Семена сообщают мне гораздо больше. Я вижу впереди большие опасности для вас обоих.

Вориакс уставился в сторону, нахмурился и

сплюнул.

— Да, ты мне не доверяешь, — спокойно сказала ведьма. — Но опасности грозят вам обоим. Ты, — она указала на Вориакса, — должен особо остерегаться лесов, а ты, — она посмотрела в лицо Валентину, — воды, океанов. — Она нахмурилась. — И, похоже, еще много чего, поскольку твоя судьба загадочная, и я не в состоянии ясно разглядеть ее. Твоя линия сломана — нет, не смертью, а чем-то непонятным, каким-то изменением, огромным преобразованием… — Она помотала головой. — Я не могу все это понять до конца. Тут от меня больше не будет толку.

— Остерегайтесь лесов, — проворчал Вориакс, — остерегайтесь океанов… остерегайтесь ерунды!

— Ты будешь короналем, — сказала Тананда.

Вориакс задохнулся. Гнев сбежал с его лица, и он уставился на женщину, разинув рот.

Валентин улыбнулся и хлопнул брата по спине.

— Вот видишь, вот видишь?

— И ты тоже будешь короналем, — продолжала ведьма.

— Что? — опешил Валентин. — Вот это на самом деле глупость. Твои семена врут!

— Если и врут, то впервые, — ответила Тананда. Она собрала лежавшие на земле семена, быстрым движением швырнула их в воду и завернулась в свои странные кожаные одежды. — Корональ и еще один корональ, а я в свое удовольствие трахалась с вами обоими всю ночь напролет, ваши будущие величества. Вы поедете сегодня в Гизельдорн?

— Думаю, что нет, — ответил Вориакс, не глядя на нее.

— Значит, мы больше не встретимся. Прощайте!

Она поднялась и стремительно зашагала к лесу. Валентин протянул к ней руку, но ничего не сказал, только стиснул пустой воздух дрожащими пальцами. А затем она скрылась из виду. Он повернулся к Вориаксу, который, стоя на четвереньках, сердито раздувал тлеющие угольки костра. Всю радость ночного кутежа как рукой сняло.

— Ты был прав, — сказал Валентин. — Мы не должны были позволять ей творить свои недоделанные пророчества насчет нас. Леса! Океаны! И это безумие о том, что мы оба станем коронами!

— Что она имеет в виду? — спросил Вориакс. —

Что мы разделим трон так же, как мы делили ее тело этой ночью?

— Этого не будет, — ответил Валентин.

— На Маджипуре никогда еще не было совместного правления. Это совершенная бессмыслица! Чушь! Валентин, если я должен стать короналем, то как же им можешь стать ты?

— Ты не слушаешь меня. Послушай, брат, не обращай на это внимания. Это какая-то дикарка, которая, правда, устроила нам замечательную оргию. Но никакой истины в ее пророчестве нет.

— Она сказала, что я должен стать короналем.

— И это, по всей видимости, должно случиться. Но с ее стороны это было всего лишь удачной догадкой.

— А если нет? Если она настоящая прорицательница?

— Ну и в этом случае ты будешь короналем!

— А ты? Если она верно говорила обо мне, то ты тоже должен стать короналем, но как…

— Нет, — ответил Валентин. — Пророки обычно говорят темно и двусмысленно. Она имела в виду нечто другое, помимо буквального значения. Ты должен стать короналем, Вориакс, это общепризнанная истина, а в том, что она говорила обо мне, есть еще какое-то значение, а может быть, и

вовсе нет никакого смысла.

— Это пугает меня, Валентин.

— Если ты должен стать короналем, то тебе попросту нечего бояться. Почему ты корчишь такие гримасы?

— Разделить трон с братом… — Эта мысль продолжала тревожить Вориакса, словно больной зуб, и не позволяла отвлечься от нее.

— Этого не будет! — решительно сказал Валентин. Он порылся в кучке сброшенной накануне одежды, нашел вещи Вориакса и бросил ему на колени. — Ты помнишь, что я говорил вчера? Я не в состоянии понять, почему человек может стремиться к трону. Нет, в этом я не представляю для тебя никакой угрозы. — Он обхватил пальцами запястье брата. — Вориакс, Вориакс, у тебя такой испуганный вид! Неужели слова лесной ведьмы так больно задели тебя? Клянусь тебе: когда ты станешь короналем, я всегда буду твоим слугой, но никогда — соперником. Клянусь в этом нашей матерью, будущей Хозяйкой Острова. И говорю тебе: не принимай всерьез то, что произошло здесь этой ночью.

— Пожалуй, не стоит, — отозвался Вориакс.

— Конечно, не стоит, — подтвердил Валентин. — Ну что, брат, уедем отсюда?

— Думаю, что да.

— Но она хорошо поработала своим телом, тебе не кажется?

Вориакс рассмеялся.

— Пожалуй, лучше не бывает. Меня немного расстраивает, что никогда больше не придется обнимать ее. Хотя, нет, я не желаю слышать больше ни слова из ее безумных предсказаний, как бы ловко она ни крутила бедрами. Думаю, что я сыт по горло и ею, и этим местом. Объедем Гизельдорн стороной?

— По-моему, так будет лучше, — ответил Валентин. — Какие здесь ближайшие города в долине Глэйдж?

— Ближайший — Джеррик, где живет много вруунов, затем Митрипонд и городишко по имени Гэйлз. Я думаю, что нам следует остановиться в Джеррике и несколько дней поиграть в карты, в рулетку и тому подобное.

— Ну так вперед, на штурм Джеррика!

— Да, в поход на Джеррик. И не приставай больше ко мне с разговорами насчет трона, Валентин.

— Ни слова, обещаю тебе! — Он рассмеялся и обнял Вориакса. — Брат! За время нашей поездки мне несколько раз казалось, что я навсегда поте-

рял тебя, но сейчас я вижу, что все хорошо, что я тебя снова нашел!

— Мы никогда не теряли друг друга, — отозвался Вориакс, — ни на мгновение. Ну а теперь собирай вещи, и вперед, на Джеррик!

Они никогда больше не говорили ни о ночи, проведенной с ведьмой, ни о ее предсказаниях. Пятью годами позже, когда лорд Малибор погиб во время охоты на морских драконов, Вориакс, как все и ожидали, был выбран короналем, и Валентин первым опустился перед ним на колени и принес присягу. К тому времени Валентин напрочь забыл темное пророчество Тананды, но не вкус ее поцелуев и ощущение ее плоти. Они оба станут короналями? Но ведь, в конце концов, это было просто невероятно, так как короналем мог быть только один человек! Валентин радовался за своего брата лорда Вориакса и был счастлив, оставаясь тем, кем был. А когда он понял все значение пророчества, которое заключалось не в том, что он будет управлять совместно с Вориаксом, а в том, что он наследует ему на троне, хотя никогда еще в истории Маджипура корона Горящей Звезды не переходила от брата к брату, у него уже не было возможности обнять Вориакса и заверить его в своей любви. Потому что Вори-

акс был потерян для него навсегда, сраженный наповал стрелой из позабытого в лесу охотником самострела, и Валентин, оставшись без брата, испытывая скорбь, изумление и благоговейный трепет, поднялся по ступеням трона Конфалюма.

Часть XI

Эти заключительные слова, этот эпилог, который неведомый писец добавил к записи души молодого Валентина, потрясают Хиссуна. Он долго сидит в неподвижности, затем поднимается, как во сне, и медленно идет к выходу из кабины. В его взбудораженном сознании сменяются образы той безумной ночи в лесу: борющиеся между собой братья, ведьма с блестящими глазами, сплетенные нагие тела, пророчество о предстоящей обоим королевской власти. Да, два короналя! И Хиссун шпионил за ними в момент наибольшей за все время жизни обоих незащищенности! Он чувствует смущение — эта эмоция почти незнакома ему. Возможно, настало время отдохнуть от посещений Регистра памяти душ, думает он: влияние этих опытов на него порой оказывается подавляющим, и на то, чтобы прийти в себя, потребуется, пожалуй, несколько месяцев. Когда он берется за дверную ручку, то замечает, что его руки дрожат.

Один из постоянных служащих Регистра, с которым он здоровался час назад, одутловатый,

со стеклянными глазами, человек по имени Пенагорн все так же сидит за своим столом, но рядом с ним стоит еще один человек, высокий, с отличной выправкой тип, облаченный в зелено-золотую одежду — официальные цвета короналя и униформы, которую носят его слуги и гвардейцы. Он строго смотрит на Хиссуна и вежливо говорит:

— Если вас не затруднит, я хотел бы взглянуть на ваш пропуск.

Так вот, настал момент, которого он боялся. Его застукали на самовольном пользовании архивом и сейчас арестуют. Хиссун протягивает свой документ. Вероятно, о его незаконных вторжениях сюда знали уже давно, но дожидались, пока он совершит наиболее злостное деяние, залезет в запись самого короналя. Вполне возможно, думает Хиссун, что эта запись оборудована каким-нибудь сигналом для вызова охранников короналя, и теперь…

— Именно вас мы и разыскиваем, — говорит человек в зеленом с золотом мундире. — Прошу вас пройти со мной.

Хиссун молча следует за ним — на улицу из Дома Записей, через просторную площадь к входу в нижние уровни Лабиринта и мимо охранника,

пропустившего гвардейца короналя, не спросив у него пропуска, к дожидавшейся поблизости летающей лодке, и дальше вниз, вниз, в таинственные пределы, где Хиссун никогда еще не бывал. Он сидит неподвижный, оцепенелый, буквально физически ощущая, как весь мир наваливается своей тяжестью на это место, а летающая лодка продолжает углубляться в Лабиринт. Куда они прибыли? Может быть, это Зал тронов, откуда верховные министры управляют миром? Хиссун не смеет задавать вопросы, а сопровождающий не говорит ни слова. Они проезжают через несколько залов, несколько ворот, несколько коридоров — это именно коридоры, а не улицы, как на знакомых Хиссуну уровнях, — а затем летающая лодка останавливается. Появляются еще шесть человек в униформе лорда Валентина и ведут его в ярко освещенную комнату. Там он останавливается, а они стоят по бокам.

Открывается дверь — бесшумно откатывается в сторону на невидимых роликах, — и в комнату входит высокий широкоплечий златовласый человек в простой белой одежде. У Хиссуна захватывает дух.

— Ваше высочество…

— Ну перестань. Перестань. Мы можем пре-

красно обойтись без всех этих поклонов, Хиссун. Ведь ты Хиссун, я не ошибаюсь?

— Да, мой властелин. Только старше.

— Да, ведь все это было восемь лет назад… Да, восемь. Ты был тогда вот такой… — Корональ показывает рукой где-то на уровне пояса. — А теперь уже совсем мужчина. Конечно, я понимаю, что удивляться этому глупо, но я все равно ожидал увидеть мальчика. Тебе уже восемнадцать?

— Да, мой властелин.

— И сколько лет тебе было, когда ты начал копаться в Регистре памяти душ?

— Так вы и об этом знаете, мой властелин? — чуть слышно шепчет Хиссун. Его щеки багровеют, он смотрит в пол, как будто видит его в первый раз.

— Наверное, четырнадцать, не так ли? Кажется, именно тогда мне об этом доложили. Ты знаешь, я ведь следил за тобой. А три или четыре года назад мне сообщили, что ты измыслил способ пробраться в Регистр. В четырнадцать лет притвориться ученым! Думаю, что ты видел много такого, о чем подростки не имеют никакого представления.

Щеки Хиссуна еще сильнее наливаются кровью. В его мозгу крутится одна-единственная фраза: «Час назад, мой властелин, я видел, как

вы и ваш брат забавлялись с длинноволосой ведьмой из Гизельдорна». Но он скорее согласится спрыгнуть в жерло вулкана, только бы не говорить этих слов вслух. Но он уверен, что лорду Валентину это все равно известно, и эта уверенность невыносима. Он не смеет посмотреть ему в лицо. Этот златовласый человек не тот Валентин, который присутствовал в записи, поскольку Валентин был, как теперь известно всему миру, позднее магическим образом перенесен из своего темноволосого тела в другое, и теперь корональ облечен другой плотью, в которой, тем не менее, находится тот же самый человек. Хиссун шпионил за ним, скрыть это нет ни малейшей возможности.

Хиссун молчит, а лорд Валентин продолжает говорить:

— Хотя, пожалуй, в последнем предположении я не прав. Ты всегда был развитым ребенком, и Регистр вряд ли мог показать тебе много такого, что ты не видел бы воочию.

— Он показывал мне Ни-мойю, мой властелин, — говорит Хиссун. Язык не повинуется ему, и чуть слышный голос похож на хриплое карканье. — Он показывал мне Сувраэль, и города Замковой горы, и джунгли вокруг Нарабаля…

— Да, разные места. География… Ее тоже полезно знать. Но география души — ты изучал ее по своему собственному методу, так ведь? Посмотри на меня. Я на тебя не сержусь.

— Не сердитесь?

— Ведь это по моему приказу тебе предоставили свободный доступ в Регистр. Но не для того, чтобы ты таращил глаза на красоты Ни-мойи и, уж конечно, не для того, чтобы ты мог подглядывать за любовниками в постели. А для того, чтобы ты смог получить истинное представление о том, что такое на самом деле Маджипур, познать сущности миллионной части миллионной доли того бесчисленного множества, которое составляет население этого мира. В этом заключалось твое образование, Хиссун. Или я не прав?

— Именно так я к этому и относился, мой властелин. Да… Я так много всего хотел увидеть…

— И тебе все это удалось?

— Нисколько. Ни на миллионно-миллиардную долю.

— Это плохо. Потому что у тебя больше не будет доступа к Регистру.

— Мой властелин? Вы решили все же наказать меня?

На губах лорда Валентина мелькает странно-

ватая улыбка.

— Наказать? Нет, это слово здесь, пожалуй, не подходит. Но тебе придется покинуть Лабиринт, и возможности вновь попасть сюда у тебя не будет очень долго, даже после того, как я стану понтифексом, а этот день может наступить не так уж и скоро. Я включил тебя в свою свиту, Хиссун. Твое обучение окончено, и я хочу, чтобы ты занялся работой. Полагаю, ты уже достаточно взрослый для этого. Твоя семья все еще живет здесь?

— Мать и две сестры…

— О них позаботятся. У них будет абсолютно все, чего они только смогут пожелать. Попрощайся с ними и собери вещи. Ты успеешь подготовиться за три дня, чтобы уехать со мной?

— Три… дня… — все мысли в голове Хиссуна мешаются.

— Мы отправимся в Алаизор. Я снова совершаю великое паломничество. Оттуда поплывем на Остров. Зимроэль на сей раз пропустим и, надеюсь, вернемся на Гору через семь или восемь месяцев. У тебя будет квартира в Замке. Некоторые протокольные обязанности, которые, полагаю, не окажутся для тебя совсем уж невыносимыми. Хорошая одежда. Ты ведь ожидал всего этого, не так ли? Догадывался, что я наметил

тебя для больших дел, когда ты был всего лишь маленьким оборвышем и так удачно заговаривал зубы пришельцам? — Корональ непринужденно смеется. — Но уже поздно. Я пошлю за тобой завтра утром. Нам нужно многое обсудить.

Он машет рукой — нет, одними пальцами — Хиссуну; изысканный любезный жест. Хиссун кланяется в ответ, а когда осмеливается поднять глаза, лорда Валентина уже нет в комнате. Ну вот! Вот! Они в конце концов сбылись, его мечты, его фантазии. Но Хиссун не позволяет эмоциям проявиться на лице. С мрачным, насупленным лицом он поворачивается к своему эскорту и следует вслед за зелено-золотыми гвардейцами к выходу и дальше по коридорам. Они провожают его до первого общественного уровня Лабиринта и возвращаются назад.

Но Хиссун не в состоянии заставить себя сразу же вернуться в свое жилище. Его мысли лихорадочно путаются, он не в состоянии прийти в себя от изумления. Из глубины его сознания возникают все те давно почившие люди, которых он, по воле случая, так близко узнал: Нисмайл и Синнабор Лавон, Тесме, Деккерет, Калинтэйн, несчастный измученный Халигом, Эремойль, Иньянна Форлана, Висмаан, Сэрайс. Они теперь

стали частью его «я», навсегда поселились в его душе. Он чувствует себя переполненным, словно смог проглотить целую планету. Что же будет с ним теперь? Он станет адъютантом короналя? Будет вести блестящую новую жизнь в Горном замке? В обществе сильных мира сего ездить развлекаться в Горный Морпин и Сти? Да ведь он может в один прекрасный день стать короналем! Лорд Хиссун! Он смеется над своим невероятным, чудовищным предположением. И все же, все же, все же… Почему бы и нет? Разве рассчитывал Калинтэйн стать короналем? Или Деккерет? Или сам Валентин? Но нельзя думать о таких вещах, одергивает себя Хиссун. Нужно работать, учиться, жить, и из всего этого сложится судьба.

Он понимает, что каким-то образом умудрился заблудиться — он, который еще в десять лет считался самым знающим гидом из всех, кто водил туристов по Лабиринту. Он полночи прошлялся, ошеломленный, с уровня на уровень, и теперь понятия не имеет, где находится. А затем он обнаруживает, что оказался на верхнем уровне Лабиринта, около выходящих в пустыню ворот, именуемых врата Лезвий. Через какие-нибудь пятнадцать минут он может выйти из Лабиринта на поверхность. Он не часто мечтал о таких про-

гулках, но эта ночь особенная, и потому, когда ноги сами несут его к воротам подземного города, он не сопротивляется. Он входит во врата Лезвий и долго рассматривает заржавленные мечи какой-то древней эпохи, установленные поперек входа — они отмечают границу Лабиринта, — и наконец пересекает их черту и оказывается в жаркой сухой пустыне, начинающейся сразу же за воротами. Как и Деккерет, бродивший в незапамятные времена по другой, куда более ужасной пустыне, он, волоча ноги, тащится неведомо куда, пока не оказывается в изрядном отдалении от густонаселенного улья, именуемого Лабиринтом. Он стоит один под холодными блестящими звездами. Как их много! И одна из них — Старая Земля, с которой так давно вышли все те миллиарды и миллиарды, составляющие человечество. Хиссун стоит, будто зачарованный. Он испытывает непостижимое ощущение, словно сквозь него протекает, подобно необоримой реке, вся бесконечно длинная история космоса. Регистр памяти душ содержит записи стольких жизней, что ему не хватило бы и половины вечности, чтобы изучить их, думает он, и все же то, что находится там, — лишь ничтожно малая часть всего того, что существует на всех мирах этих

звезд. Он хочет охватить и поглотить все это и сделать это частью своего «я», как он вобрал в себя те чужие жизни, но, конечно, это желание невыполнимо, и даже от одной только мысли об этом начинает кружиться голова. Но теперь он должен распрощаться с такими фантазиями и отказаться от искушений, которыми манит его Регистр. Он заставляет себя успокоиться, и вскоре мельтешение в мыслях останавливается. Я буду теперь очень спокойным, говорит он себе. Я буду твердо держать свои чувства в узде. Он позволяет себе еще один, последний, взгляд на звезды и тщетно пытается найти среди них солнце Старой Земли. Затем пожимает плечами, резко поворачивается и медленно идет назад к Устам клинков. Утром лорд Валентин снова пошлет за ним. Очень важно успеть перед этим немного поспать. Для него начинается новая жизнь. Я буду жить в Горном замке, думает он, буду помогать короналю, и кто знает, что случится со мной потом? Но, что бы ни случилось, это будет то, что должно быть, как это было с Деккеретом, с Тесме, с Синнабором Лавоном, даже с Халигомом, ибо все они являются теперь частью моей души.

Хиссун на мгновение, всего лишь на мгновение останавливается перед вратами Лезвий, и в

это самое мгновение звезды начинают одна за другой исчезать, вытесняемые первыми отблесками рассвета, а потом могущественный восход солнца овладевает небом и вся земля оказывается залитой светом. Он не двигается. Теплые лучи солнца Маджипура касаются его лица — о, насколько редко такое случалось за всю его минувшую жизнь! Солнце… Солнце… Великолепное сверкающее пламенное солнце… Мать миров… Он протягивает к нему руки. Он обнимает его. Он улыбается и впитывает в себя его благословение. Затем он поворачивается и в последний раз спускается в Лабиринт.